Штемпели
суперэксл.
Н15 / 126

I-1-89-1

41

H15 126

Осада и сдача

крѣпости

П.-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

Второе изданіе,
исправленное и дополненное, съ двумя приложеніями.

Предсѣдатель военнаго суда въ крѣпости
Генералъ-маіоръ
М. И. Костенко.

КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Банковая ул. д. № 11.
1907.

II 7 изд

0-51520

HIS 126

I
1
89
1

Осада и сдача крѣпости П.-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

Второе изданіе,
исправленное и дополненное, съ двумя приложеніями.

Предсѣдатель военнаго суда въ крѣпости
Генералъ-маіоръ
М. И. Костенко.

БИБЛІОТЕКА
ЛЕЙБ-ГВАРДІИ
ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА

КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Банковая ул. д. № 11.
1907.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
768911

Предисловіе къ первому изданію.

Буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если изданная мною книга «Осада и сдача крѣпости П.-Артуръ» хотя немного приподниметъ предъ русскимъ обществомъ ту таинственную завѣсу, за которой скрывались причины нашихъ фатальныхъ неудачъ въ кровавой борьбѣ съ японцами. Оставляя на обязанности военнаго историка изслѣдовать детально ходъ сраженій, защиту крѣпостей, фортовъ, укрѣпленій,—я поставилъ для себя цѣлью, на сколько позволяли личныя наблюденія, сообщеніе очевидцевъ и оффиціальныя данныя, нарисовать картинку нашего общественнаго нестроенія на Дальнемъ Востокѣ предъ войной, состояніе органовъ правительственной власти, ихъ недостатки и достоинства, нашу неподготовленность къ войнѣ; на общемъ же фонѣ осады крѣпости—указать и оттѣнить тѣ обстоятельства, которыя не могли не привести къ нашему пораженію.

Начиная съ неустройства крѣпости, недостачи боевыхъ припасовъ и провіанта, отсутствія способныхъ начальниковъ и оканчивая сдачей ея генераломъ Стесселемъ, не пожелавшимъ считаться съ закономъ и поставившимъ свое *личное усмотрѣніе* выше закона, я при помощи фактовъ старался указать на нашу крайнюю распущенность и, если можно такъ выразиться,—на наше «*самоуправство*» въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ. Грустно и тяжело, но необходимо сознаться, что чувство законности и порядка чуждо еще русскому человѣку; даже въ военномъ дѣлѣ, гдѣ каждый шагъ, каждое дѣйствіе регламентированы закономъ, къ сожалѣнію, многое зависитъ отъ *личнаго усмотрѣнія* военныхъ начальниковъ, не привыкшихъ считаться съ законами. Многіе изъ нихъ, а въ особенности выдвинутые протекціей на высокіе посты, готовы сказать вамъ строго и внушительно; «*Что?... Я вамъ законъ, а потому прошу васъ не указывать мнѣ на законы*».

Такой характеръ дѣйствій болѣе всего воплотился въ личности генерала Стесселя, не пожелавшаго считаться ни съ «Положеніемъ о

крѣпостяхъ», ни съ постановленіемъ Совѣта въ крѣпости 16 декабря 1904 года, ни съ общественнымъ мнѣніемъ и даже выразившаго дерзкое намѣреніе отмѣнить Высочайшее повелѣніе о назначеніи Коменданта.

Одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ на вопросы по поводу неустройства крѣпости и фортовъ, недостачи того или другого матеріала и припасовъ—«*не открытъ кредитъ за недостаткомъ въ казнѣ денегъ*»—ставилъ меня положительно втупикъ, при шальномъ бросаніи денегъ тутъ же на устройство съ невиданными фокусами ненужнаго намъ гор. Дальняго и даже звѣринца въ немъ, поглотившихъ собою совершенно непроизводительно нѣсколько десятковъ милліоновъ народныхъ денегъ. Очевидно, здѣсь играло роль то же *личное усмотрѣніе*, то же *мелкое самолюбіе* поставить себѣ при жизни «*нерукотворный памятникъ, къ которому не зарастетъ*», но не «*народная тропа*», а «*народное презрѣніе*».

Будемъ же надѣяться, что только правда, одна истинная правда всегда и при всякихъ обстоятельствахъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, о нашихъ недостаткахъ, безъ всякой лжи и притворства, послужитъ къ нравственному перерожденію насъ самихъ, къ развитію въ каждомъ изъ насъ чувства *патріотизма и полнаго уваженія къ закону*.

М. И. Костенко.

Предисловіе ко второму изданію.

Осада П.-Артура—страшная драма; но, по справедливому замѣчанію корреспондента англійской газеты «Daily Mail» Норригаарда,—«самый трагическій моментъ ея—отсутствіе конца».

Массой фактовъ и доказательствъ я указалъ на виновника, создавшаго этотъ моментъ. Онъ предсталъ въ лицѣ злого генія обороны—генерала Стесселя, который при участіи своихъ сподвижниковъ Фока и Рейса отрубилъ этотъ конецъ, лишивъ возможности храбрый гарнизонъ создать его въ такой же грандіозной формѣ, какъ онъ художественно воспроизвелъ и самую защиту.

Но задачей моей книги «Осада и сдача кр. П.-Артуръ» было изслѣдованіе не только этого вопроса. При изложеніи хода обороны,—съ особеннымъ интересомъ, заботливостью и любовью я иллюстрировалъ каждый моментъ, каждый шагъ, каждое дѣйствіе положительнаго элемента, посвятивъ ему почти всю мою книгу. Этотъ элементъ—артурскій гарнизонъ, только незначительная частица *великой русской арміи*,—на долю котораго выпала честь вписать самую блестящую страницу въ русскую военную исторію.

Помимо спеціально военнаго характера,—эта гигантская борьба имѣетъ громадное общественное значеніе.

Каждый любящій свое Отечество гражданинъ, какъ бы юнъ и малоразвитъ онъ не былъ, знаетъ,—какое значеніе для государства имѣетъ сильная духомъ дисциплинированная армія; онъ знаетъ, что только въ ней оплотъ спокойной государственной и общественной жизни, развитіе гражданскихъ правъ, его свободный трудъ, экономическое благополучіе, его и семьи личная и имущественная безопасность; для каждаго изъ нихъ не составляютъ тайны многочисленные примѣры исторіи, что паденію государствъ всегда предшествовало разложеніе ихъ армій.

Также массой фактовъ и документальныхъ данныхъ я доказалъ, что крѣпости въ истинномъ значеніи этого слова не было; отсутст-

вовали также средства защиты, которыя приходилось изобрѣтать; не было обмундированія, провіанта и даже лечебныхъ средствъ; мало этого,—приходилось вести *внутреннюю борьбу*, чтобы разумно использовать и тѣ немногія средства защиты, которыя имѣлись въ распоряженіи гарнизона. Здѣсь приходилось воевать хитростью, отвагой и безпримѣрной храбростью; здѣсь умъ боролся съ самими лучшими техническими средствами нападенія и съ громадной физической силой. Не смотря на все это,—давъ всему міру лучшій образецъ терпѣнія, страданія, удивительной храбрости и *трогательной преданности своему долгу*,—этотъ гордый своей честью и славой маленькій гарнизонъ только обманомъ, противъ его воли, былъ отданъ въ руки противника, но *безъ оружія* и съ сознаніемъ, что онъ палъ *не побѣжденный*.

Все это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, съ какимъ стараніемъ необходимо оберегать интересы своей арміи, развивать и поддерживать въ ней чувство воинскаго долга, преданности своему Верховному Вождю и доходящей до самопожертвованія любви къ своей родинѣ.

М. И. Костенко.

Осада и сдача крѣпости Портъ-Артуръ.

Мои впечатлѣнія.

I.

Война!... Сколько съ этимъ маленькимъ словомъ соединено горя, слезъ, неожиданно разбитыхъ надеждъ, безвременно погибшихъ молодыхъ жизней! Сколько возносится къ Престолу Всевышняго самыхъ горячихъ молитвъ о спасеніи, пощадѣ, дарованіи жизни дорогимъ людямъ и сколько проклятій выливается по адресу виновниковъ войны!

Тѣмъ не-менѣе, ни одно общественное, скорѣе — міровое явленіе не обновляетъ въ такой степени организма народной жизни, какъ война. Охватывая одновременно общество сверху до-низу, она разомъ объединяетъ чувства и страданія всего народа, побуждая его жить въ періодъ войны одними впечатлѣніями, однѣми радостями, тревогами, муками. Такое объединеніе духовной жизни народа, возбуждая въ сильной степени его жизнедѣятельность, ведетъ за собою сознаніе своихъ ошибокъ и заблужденій, обновленіе его идеаловъ, улучшеніе условій жизни (реформы). Моровая язва, чума, холера, наводненіе,—всѣ эти явленія большей частью мѣстныя, задѣваютъ интересы не столь значительные и небольшой группы лицъ, почему не возбуждаютъ того общаго подъема духа, той энергіи и высшей степени напряженія умственныхъ и матеріальныхъ силъ всего народа, какъ это въ состояніи сдѣлать только война.

Соприкасаясь близко съ жизненными интересами каждаго отъ мала до велика, война, съ другой стороны, содѣйствуетъ и умствен-

ному развитію членовъ общества: если кому либо не приходилось серьезно думать впродолженіе всей своей жизни, то въ такомъ «шкурномъ» вопросѣ какъ война каждый по необходимости начинаетъ шевелить мозгами, невольно принимая участіе въ обсужденіи хода событій ея, отдѣльныхъ эпизодовъ, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, установленія ихъ достоинствъ, недостатковъ, ошибокъ, несовершенства отдѣльныхъ органовъ, цѣлой системы, знакомясь въ то же время съ характеромъ международныхъ отношеній и жизнью другихъ націй. Способствуя, такимъ образомъ, и быстрому политическому воспитанію народа,—трудно исчислить полезность войны также и съ точки зрѣнія внесенія въ народную массу новыхъ понятій, представленій, опредѣленій, объединяющихъ мысли совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ.

Вдумываясь въ эти благодѣтельныя послѣдствія войны, душею присоединяешься къ слѣдующимъ «Мыслямъ кстати»*), высказаннымъ съ объявленіемъ ея: «То, что не могли пробудить самые краснорѣчивые витіи въ дни мира, оказалось въ наличности, поднялось и залило Россію свѣтомъ въ пять-шесть дней войны—національное самолюбіе, чувство единства, осуществляемаго въ церковно-государственной и сословно-земской организаціи народа. Сбѣжала вся муть, вся наносная плѣсень, тина и обнаружилась цѣлина дѣвственная, здоровое ядро народнаго духа. Такъ-то при потеряхъ и жизнями человѣческими и казной золотою «война плоды свои роститъ». Послѣ того, что все русское общество, молодежь, всѣ мы пережили за эти нѣсколько дней, не только возвратъ къ недавно насъ интересовавшему невозможенъ, но все это—декаденщина, марксизмъ, босячество вмѣстѣ съ денаціонализаціей и безнародничествомъ сплеснуло съ поверхности, какъ грязную накипь съ клокочущаго котла... Молодежь выросла и возмужала за нѣсколько дней... Словно мы вышли изъ душной, гадкой, закоптѣлой, пропитанной *людскими испареніями* конуры—въ открытое поле, подъ ясное солнце, полной грудью вдохнули кислородистую атмо-

*) «Новое Время» 10029.

сферу, а намъ предлагаютъ вспомнить о томъ испорченномъ воздухѣ, который остался на мѣстѣ нашей ночевки... Совершилось! Душа поднялась въ обществѣ. Проснулось русское чувство и разомъ опрокинуло весь наплывъ, весь мусоръ,—вышло къ свѣту на вольную волю и скоро начнетъ свою обновительную работу. Скоро начнется возрожденіе русской мысли, литературы, науки. Такъ было всегда и у насъ, и у всѣхъ народовъ»!

Могучъ и счастливъ тотъ народъ, душа котораго вдохновляется при такомъ міровомъ бѣдствіи; великъ и силенъ онъ, если, начавъ свою обновительную работу, цѣлесообразно используетъ уроки войны, которая по своему значенію равносильна генеральной уборкѣ квартиры отъ накопившейся впродолженіе многихъ лѣтъ грязи.

Не въ этомъ ли заключается всеобщность и необходимость войны во-вѣки вѣковъ!

Уѣзжая изъ Россіи на Дальній Востокъ, я хотя и далекъ былъ отъ мысли, что въ ближайшемъ будущемъ мнѣ прійдется быть не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ кровавыхъ событій, которыми сопровождается война; но, вопросы о томъ, насколько эта окраина защищена, насколько являлась подготовленной къ войнѣ, а также,—каковы тѣ люди, на которыхъ была возложена обязанность охранять государственные интересы, и какъ вообще поставлена жизнь на востокѣ,—меня чрезвычайно интересовали.

Пріѣхалъ я съ семьей въ г. Владивостокъ изъ П...ой губерніи въ концѣ мая 1902 года. Давно уже манилъ меня къ себѣ Уссурійскій Край; но то, что я увидѣлъ при въѣздѣ въ него, прямо таки поразило и очаровало меня. Никогда я не предполагалъ найти въ немъ тѣхъ чудныхъ красотъ природы, тѣхъ тоновъ свѣта и тѣни, какіе представились въ дѣйствительности. Только познакомившись съ нимъ лично, я понялъ, почему многіе, побывавшіе въ немъ, съ грустью уѣзжаютъ изъ него, тоскуютъ по немъ и нерѣдко, при первой же возможности, вновь возвращаются въ этотъ богатый грустно-задумчивый уголокъ Сибири.

Прежде всего бросается въ глаза волнистый характеръ мѣстности, состоящій изъ ласкающихъ глазъ долинъ, холмовъ и горъ, въ иныхъ мѣстахъ очень высокихъ. Горы, а отчасти и долины покрыты тайгой или рощами, которыя издали кажутся совершенно изумрудными. Нигдѣ зелень не выступаетъ такъ рѣзко на фонѣ мѣстности, какъ здѣсь. Расчищенныя отъ тайги горы и долины покрыты густой сочной травой съ массой пестрящихъ цвѣтовъ: въ дикомъ видѣ піоны, тюльпаны, розы перемѣшиваются съ фіалками, ландышами и другими мелкими полевыми цвѣтами, чрезвычайно красиво оживляющими весь пейзажъ. Цвѣты очень душисты и на каждомъ вокзалѣ продавцами протягиваются къ вамъ въ окна вагоновъ огромные букеты изъ нихъ.

Въ иныхъ мѣстахъ долины перерѣзываются глубокими рѣчками, горными ручьями, быстро несущими свои мутныя воды между зеленыхъ береговъ въ р. Уссури или же прямо въ Тихій Океанъ. Присоедините къ этому голубое небо, яркое палящее солнце, щебетанье многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ породъ птицъ и вы дорисуете въ воображеніи всю эту богатую картину Уссурійскаго Края. Не успѣете вы схватить всей чарующей прелести этого вида, какъ поѣздъ вноситъ васъ въ просѣку густой, непроглядной тайги, которая такъ таинственно, такъ задумчиво глядитъ на васъ и сразу смѣняетъ ваше веселое, радостное настроеніе на жуткое чувство страха въ ожиданіи чего-то тяжелаго, опаснаго.

Но вамъ нѣтъ времени вполнѣ разобраться въ вашихъ ощущеніяхъ, такъ какъ поѣздъ мчится уже въ выемкѣ горы и вы видите въ окно вагона скалы и груды камней, слышите сразу оглушающій васъ гулъ среди горныхъ породъ. Овладѣвающее вами тоскливое чувство однако непродолжительно, такъ какъ поѣздъ, перескочивъ мостъ, несется уже по долинѣ, пестрящей тѣми же чудными цвѣтами и густыми рощами. Вдали, на берегу рѣки или же на опушкѣ тайги вы видите сиротливо пріютившееся малороссійское поселеніе съ его традиціонно бѣлыми стѣнами и соломенными крышами, съ бродящими около него коровами, овцами и свиньями. Подъѣзжая къ Владивостоку, рощи становятся рѣже, но на смѣну

имъ являются новыя красоты—Тихій Океанъ съ его чудными заливами—Золотого Рога и Амурскаго. Первоначально, на очень значительномъ разстояніи, поѣздъ проноситъ васъ по берегу послѣдняго, то приближаясь, то удаляясь отъ него, проскакивая каменистыя выемки въ горахъ и проходя мимо расположенныхъ по берегу этого же залива чудныхъ дачныхъ мѣстъ,—Хилково, Сѣданки, Первой Рѣчки; наконецъ незамѣтно вноситъ васъ въ городъ, пересѣкаетъ главную Свѣтланскую улицу, идетъ незначительное разстояніе по берегу Золотого Рога и плавно подходитъ къ расположенному тутъ же вокзалу.

По характеру мѣстности Владивостокъ очень напоминаетъ Севастополь: городъ также расположенъ на горахъ, тянется вдоль бухты (Золотого Рога), которая величаво раскинулась между двухъ высокихъ параллельно идущихъ холмовъ, соединяющихся между собою въ такъ называемомъ «гнилomъ углу». Масса китайскихъ джонокъ и «шампунекъ» (лодокъ) на бухтѣ, длинный рядъ торговыхъ судовъ различныхъ націй, присутствіе военнаго флота, бѣгающіе и свистящіе паровые катера и пароходики,—все это переполняетъ жизнью этотъ уютный уголокъ, приподнимаетъ нервы, возбуждаетъ силу и энергію; хочется самому сейчасъ же, сію минуту окунуться въ эту кипучую дѣятельность, непосредственно принять въ ней участіе, размять свои уставшіе члены отъ долгаго сидѣнья въ вагонѣ. Послѣ Иркутска, впродолженіе десятидневнаго путешествія, впервые какъ бы неожиданно наталкиваешься на этотъ уголокъ, кипящій жизнью.

Впослѣдствіи, ознакомившись съ этимъ мѣстомъ и увидѣвъ Дальній и Артуръ, я невольно задумывался надъ вопросомъ, что́ насъ тянуло туда, въ этотъ дикій непріютный край, состоящій изъ голыхъ скалъ, населенный враждебно относящимися къ намъ китайцами и японцами, при косыхъ взглядахъ на наши захваты со стороны иностранныхъ державъ. Сотни истраченныхъ нами милліоновъ на эти города превратили бы Владивостокъ въ Звѣзду Востока, если бы были употреблены на устройство послѣдняго съ его чудными бухтами, способными вмѣстить весь флотъ міра.

Сторонники захвата Квантуна старались увѣрить всѣхъ въ непригодности Владивостока, благодаря замерзаемости его бухтъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ для порта всемірной торговли; но, по собраннымъ мною даннымъ и личнымъ наблюденіямъ, а въ особенности въ самую студеную зиму 1903—1904 года, оказалось, что въ среднемъ бухты эти покрываются льдомъ на два съ половиною мѣсяца, а именно—съ начала декабря до половины февраля; да и въ этотъ періодъ ледъ по толщинѣ своей не превышаетъ шести вершковъ, благодаря чему съ дробленіемъ его каждую зиму справлялся весьма успѣшно нашъ маленькій ледоколъ «Надежный»; онъ же съ объявленіемъ войны въ одну ночь прорѣзалъ широкій каналъ до моря для выхода эскадры; два такихъ же ледокола, какъ «Байкалъ» и «Ангара», не только могли бы поддерживать выходъ въ море торговыхъ пароходовъ прорѣзываніемъ каналовъ, но безъ особаго затрудненія очищать отъ льда весь Золотой Рогъ и даже Амурскій заливъ. Я устанавливаю тотъ фактъ, что за мое пребываніе во Владивостокѣ, благодаря работѣ одного только «Надежнаго», пароходство поддерживалось круглый годъ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно празднымъ является споръ о замерзаемости его бухтъ и неспособности къ міровой торговлѣ впродолженіе круглаго года. Напротивъ, Дальній, благодаря свойству его бухты, подверженной восточнымъ вѣтрамъ, дѣйствительно оказался непригоднымъ для этой цѣли.

Оборудовавъ, такимъ образомъ, Владивостокъ, какъ портъ на Тихомъ Океанѣ, и обезпечивъ проходъ нашего военнаго флота черезъ Корейскій проливъ пріобрѣтеніемъ острова Цусимы, мы пріобрѣли бы громадныя выгоды: направили бы торговый путь черезъ наши колоніи, обогативъ величественный Уссурійскій Край и даже всю восточную Сибирь, которая по своимъ лѣснымъ и горнымъ богатствамъ стоитъ гораздо выше западной ея части; владѣли-бы морями Японскимъ и Желтымъ, благодаря свободному выходу военнаго флота; съ другой стороны, построивъ желѣзную дорогу вдоль Амура, отъ Срѣтенска до Хабаровска, мы совершенно закончили бы гигантскую работу культивированія и колонизаціи

Сибири, этой издревле русской земли, а также имѣли бы вполнѣ безопасный и весьма важный стратегическій путь*). Проведя же дорогу по Маньчжуріи, мы обогатили только иностранцевъ, такъ какъ рабочими при постройкѣ ея были только китайцы, а пользоваться услугами дороги, благодаря незначительности нашей торговли, будутъ тѣ же китайцы и японцы, и то только для мѣстной торговли; что же касается транзитной міровой торговли, то, благодаря дешевизнѣ морского пути, послѣдній все таки останется главнымъ, что и оказалось на самомъ дѣлѣ въ отношеніи Дальняго.

По этому вопросу мнѣ приходилось лично и много говорить съ стоящими у власти лицами и общій отзывъ ихъ былъ такой: только лютый врагъ Россіи могъ натолкнуть насъ на Маньчжурію и занятіе Квантунской Области; на постройку же Дальняго смотрѣли какъ на дорогую игрушку и самую дикую затѣю; да и въ иностранной прессѣ злорадно подсмѣивались надъ искусственнымъ устройствомъ Дальняго, удивляясь богатству Россіи, бросавшей безплодно десятки милліоновъ; причемъ, къ сожалѣнію, даже архитектура этого города, кромѣ русскихъ денегъ, ничего общаго не имѣла съ Россіей. По мнѣнію корреспондента англійской газеты «Daily Mail» Норригаарда, министръ Витте, какъ нѣкій магъ, создалъ на голой землѣ цѣлый городъ, но населить его не съумѣлъ; у него не хватило способностей. «Городъ не развивался, въ виду отсутствія въ немъ необходимости и отсутствія такихъ коммерческихъ условій, которыя могли бы сдѣлать его жизнеспособнымъ; словомъ, Дальній представлялся какимъ-то *насиліемъ надъ міромъ*, почему и былъ встрѣченъ имъ недружелюбно». Паденію его помогъ и Намѣстникъ Алексѣевъ, который мало интересовался имъ, отдавая предпочтеніе П.-Артуру**). Не могу не привести здѣсь донесенія генерала Ф.... адмиралу Макарову по поводу его распоряже-

---

*) Въ 1906 г. постройка этой дороги признана неотложной, чему нельзя не порадоваться; немнѣе важно, чтобы она была двухколейной съ самаго начала постройки.

**) Великая Осада П.-Артуръ, Б. В. Норригаардъ, стр. 10.

ній съ началомъ военныхъ дѣйствій относительно порта Дальняго и его построекъ: «Мною сдѣлано распоряженіе, при наступленіи или высадкѣ непріятеля, взорвать молъ и портъ, а также городъ, и взорвать такъ, чтобы не только не могъ быть построенъ городъ, но чтобы никому изъ русскихъ и въ голову не пришло строиться тамъ вторично».

Владивостокъ—городъ складовъ и казармъ. Самыя видныя зданія въ немъ—казармы Сибирскаго экипажа и при нихъ офицерскіе флигеля; далѣе—казармы восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, бывшихъ крѣпостныхъ; изъ остальныхъ зданій выдѣляются магазины фирмы «Кунстъ и Альберсъ», «Чурина и К⁰», Восточный Институтъ, Военно-Окружный Судъ, вновь выстроенная женская гимназія*), русско-китайскій банкъ, гостинница Grande Hôtel, казармы штаба крѣпости и законченный постройкой въ 1903 году домъ «Золотой Рогъ», въ которомъ помѣщается общественное собраніе и драматическій театръ; изъ складовъ же наиболѣе обширны морского и таможеннаго вѣдомствъ; все остальное рухлядь, представляющая изъ себя систему барачныхъ построекъ, проницаемыхъ для вѣтра, дождя и снѣга.

Не могу здѣсь не указать на одно очень важное въ жизни окраины обстоятельство, это—квартирный вопросъ. Являясь мучительнымъ даже въ лучшихъ нашихъ городахъ, онъ прямо таки становится болѣзненнымъ на окраинѣ; между тѣмъ, въ зависимости отъ удобствъ и обезпеченности квартирой находится качество работы, спокойствіе и обдуманность въ дѣйствіяхъ, да и дешевизна стоимости служащаго. Лично я согласился бы перенести всѣ другія невзгоды, чѣмъ испытать знакомую большинству погоню за квартирой, всегда мало увѣнчивающуюся успѣхомъ. Морское вѣдомство вполнѣ оцѣнило значеніе этого важнаго вопроса, почему и позаботилось устроить рядъ чудныхъ, даже роскошныхъ флигелей для офицеровъ и служащихъ; то же сдѣлала и фирма «Кунстъ

*) Къ сожалѣнію, во время бунта въ 1905 году, чрезвычайно красивый по своей архитектурѣ Военно-Окружной Судъ и зданіе гимназіи уничтожены пожаромъ.

и Альберсъ», выстроившая для своихъ приказчиковъ прекрасное зданіе на Свѣтланской улицѣ. Въ морскихъ флигеляхъ, напр. даже мичману (семейному) отводится помѣщеніе въ каменномъ зданіи изъ четырехъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ, съ платой отъ 18—25 рублей съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Къ сожалѣнію, болѣе ни одно вѣдомство не позаботилось о членахъ своей корпораціи; всѣмъ другимъ служащимъ, какъ и мнѣ лично, приходилось нанимать квартиры въ указанныхъ выше баракахъ, за три-четыре комнаты въ которыхъ, почти на окраинѣ города, взималась плата не ниже 65 рублей, а нерѣдко доходила до 100—150 въ мѣсяцъ; и это безъ воды, отопленія, освѣщенія и безъ всякихъ положительно удобствъ при квартирѣ, даже безъ сарая для дровъ или угля, что обыкновенно складывалось возлѣ квартиры и бѣшено расхищалось китайцами въ ночное время. Температура въ такихъ квартирахъ, при самой усиленной топкѣ, не шла дальше 8^0—10^0. Но благодарили судьбу, что находили и такую квартиру, такъ какъ рисковали остаться и вовсе безъ нея. Кому же изъ служащихъ была охота бросать лучшія условія жизни въ Россіи и идти на встрѣчу мучительнымъ заботамъ по устройству квартиры и дороговизны послѣдней! Неудивительно, что каждый нетерпѣливо ожидаетъ истеченія обязательнаго срока пребыванія на окраинѣ, чтобы возвратиться въ Россію.

Совершенно иное получилось, если бы служащій былъ обезпеченъ казенной квартирой: казна, взимая плату за наемъ ея, не несла бы тѣхъ убытковъ, которые получаются при частой смѣнѣ служащихъ; государство же пріобрѣло бы на окраинѣ контингентъ вполнѣ способныхъ и дѣятельныхъ органовъ. Спросите любого изъ служащихъ о причинѣ обратнаго отъѣзда въ Россію и получите одинъ и тотъ же отвѣтъ, что онъ такъ измучился тревогой и заботами о наймѣ квартиры, такъ истерзалъ свои нервы и озлобился подъ вліяніемъ страха остаться съ семьей на улицѣ, что выносить болѣе такого положенія не можетъ.

Устранивъ это главное неудобство, никому и мысли не пришло бы въ голову покинуть этотъ чудный, богатый природою край.

Доказальствомъ этого служитъ продолжительность пребыванія на окраинѣ всѣхъ тѣхъ, кто обезпеченъ квартирой.

Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ совершенно игнорируется не только въ Сибири, но и во всѣхъ нашихъ окраинахъ, и нигдѣ,— въ видахъ чисто государственныхъ интересовъ, не требуется его столь быстрое и удовлетворительное разрѣшеніе, какъ именно здѣсь, въ восточной Сибири.

Въ такомъ же печальномъ видѣ представляются и обитатели этого уголка.

Во главѣ управленія городомъ стояли три власти—губернаторъ, комендантъ крѣпости и командиръ порта. Были они совершенно независимы другъ отъ друга, подчиняясь какой-то фикціи, гдѣ-то тамъ очень далеко живущему начальству. Независимость эта была очень нездорова для обитателей города, такъ какъ, благодаря постоянному столкновенію этихъ органовъ,—вела къ большой медленности въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые, въ интересахъ обывателей, должны быть рѣшаемы быстро и немедленно. Для примѣра привожу слѣдующій курьезный случай. На одномъ изъ угольныхъ пароходовъ Компаніи Маковскаго, поставлявшаго въ портъ каменный уголь съ Сахалина, при разгрузкѣ угля, въ искусственно образованныхъ угольныхъ ямахъ, были открыты три человѣка, оказавшихся ссыльно-поселенцами, бѣжавшими съ Сахалина. Очевидно, что эти люди, при нагрузкѣ угля въ Дуэ (угольныя копи вблизи поста Александровскаго), зарылись въ устроенныя ими же ямы, съ цѣлью достигнуть давно желанной свободы, проведя въ этихъ импровизированныхъ каютахъ безвыходно свое пятидневное путешествіе до Владивостока. Извлечены они были оттуда почти полумертвыми и обезумѣвшими отъ страха. Маковскій немедленно телефонировалъ въ городскую полицію, прося взять ихъ. Казалось бы, что полиція должна была немедленно же командировать полицейскаго чиновника съ нижними чинами и забрать этихъ несчастныхъ, для передачи въ руки судебной власти. Но на самомъ дѣлѣ это оказалось не такъ просто; возникла обширная переписка о томъ, вѣдѣнію какой именно—морской или городской полиціи

подлежитъ арестованіе ихъ. На второй день открытія бѣглецовъ я былъ у Маковскаго, который въ это время настоятельно уже требовалъ о снятіи ихъ съ парохода. На вопросъ Маковскаго мнѣ: «Какъ вы думаете, что мнѣ съ ними дѣлать, такъ какъ задерживается пароходъ отправкой на Сахалинъ»,—я, смѣясь, отвѣтилъ, что выпустилъ бы ихъ на свободу. Чѣмъ окончилась эпопея этихъ несчастныхъ, незнаю.

Военный губернаторъ К...., офицеръ генеральнаго штаба, прибылъ въ началѣ 1903 года, смѣнивъ Ч..., блестящаго кавалера, рьянаго дамскаго поклонника, прославившагося только своими роскошными раутами. Наслѣдство было принято К.... въ самомъ печальномъ видѣ, запущенное и распущенное. Состоявшія при Областномъ Управленіи Общества—Изученіе Приамурскаго края, Географическое, Краснаго Креста, Собиранія и Изученія Древностей, Благотворительное—существовали только на бумагѣ; старые отчеты переписывались на новый ладъ чисто и обстоятельно. Обладая живымъ, энергичнымъ характеромъ, К.... занялся созданіемъ проэктовъ улучшенія экономической жизни Края и сельскаго хозяйства, къ поддержанію крупнаго землевладѣнія, къ развитію коннозаводства и скотоводства, къ расширенію и объединенію быта казачества (онъ же былъ и атаманомъ Уссурійскихъ казаковъ), къ упорядоченію переселенческаго вопроса; но осуществить эти проэкты не удалось за наступленіемъ военныхъ дѣйствій, да и по своему характеру всѣ они были такъ разнообразны и такъ безсистемны, что могли свидѣтельствовать только объ энергіи чиновника. Къ несчастію К..., у него не было также и настоящихъ помощниковъ, живыхъ, энергичныхъ, знающихъ Край. Хотя вице-губернаторъ П.... и состоялъ при управленіи болѣе двадцати пяти лѣтъ, но былъ такъ глубоко погруженъ въ бумажное дѣло, что изъ-за него ни Края, ни дѣйствительной жизни въ немъ незналъ. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ въ совершенствѣ зналъ только свое бумажно-канцелярское дѣло.

Полиціймейстеръ А.... прибылъ въ 1902 году и также мало былъ знакомъ съ условіями жизни города и полицейскими въ немъ

порядками, почему всѣ дѣла были возложены на приставовъ. Кстати, составъ полиціи, какъ и вездѣ въ нашихъ городахъ, былъ очень незначителенъ и ненадеженъ.

Комендантъ В...., смѣнившій собою въ 1902 году С...., былъ большой добрякъ и человѣкъ отзывчивый; но, къ сожалѣнію, очень мало былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ и условіями благоустройства крѣпости, которая страдала многими недостатками, исправленными только съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. В.... хотя и былъ офицеромъ генеральнаго штаба, но не былъ военнымъ; онъ много любилъ говорить по вопросамъ исторіи, литературы, обществовѣдѣнія, политики и даже художества, но ровно никакой иниціативы и знаній не проявилъ въ благоустройствѣ крѣпости.

Совершенно инымъ былъ командиръ порта Г...., обрусѣвшій нѣмецъ, взглядъ котораго всѣмъ и каждому выразительно говорилъ: «Вы нетрогайте меня; я вѣдь никого изъ васъ нетрогаю». Большой хлѣбосолъ, любитель винта,—онъ исключительно являлся только представителемъ своего вѣдомства, забывая о томъ, что онъ хозяинъ многомилліоннаго портоваго имущества и что у него масса подчиненныхъ. Въ обществѣ онъ былъ чрезвычайно остроумнымъ и отличался простотой въ обращеніи съ людьми ниже его стоящими. Къ сожалѣнію, страсть его къ винту мѣшала ему не только въ управленіи портомъ, но и въ воспитаніи часто собиравшейся у него молодежи изъ моряковъ, такъ нуждавшейся въ этомъ на далекой окраинѣ.

Эти три представителя высшей власти въ городѣ, незнакомые съ управленіемъ, очень мало были освѣдомлены и въ отношеніи политическихъ обстоятельствъ на Дальнемъ Востокѣ; почему всякій симптомъ, тревожный въ этомъ отношеніи, встрѣчался ими съ усмѣшкой и съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило каждому, что они знаютъ нѣчто такое, чего другіе, непосвященные въ это дѣло, никогда и не узнаютъ. Эти люди и мысли недопускали о близкой войнѣ, почему завѣдомо пренебрежительно относились ко всему, что указывало или клонилось къ уясненію тайныхъ плановъ и намѣреній нашихъ будущихъ враговъ—японцевъ.

Населеніе города состояло въ большинствѣ изъ военныхъ и морскихъ чиновъ, чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, изрѣдка попадались купцы, желѣзнодорожники и лица другихъ спеціальныхъ профессій; многіе изъ служащихъ попали сюда на лучшія мѣста по протекціи, другіе явились только для выслуги амурской пенсіи или же—за невозможностью получить соотвѣтствующее мѣсто въ Россіи—для пропзводства въ штабъ-офицерскій чинъ; многихъ соблазнила поѣздка сюда изъ-за большихъ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ; встрѣчалось немало и такихъ, которые по своей неспособности и сомнительнымъ нравственнымъ качествамъ не могли продолжать службы въ Россіи и имъ предложено было перевестись на далекую окраину и пополнить недостающій комплектъ служащихъ. Тутъ только, всматриваясь въ послѣднюю категорію лицъ, я оцѣнилъ значеніе знакомаго многимъ приказа: «Скажите такому-то, чтобы онъ подавалъ въ отставку или же немедленно просилъ о переводѣ его на Дальній Востокъ». И этотъ несчастный Востокъ, такъ богатый своей природой, но бѣдный хорошими работниками,—наполнялся элементомъ бездарнымъ, лѣнивымъ и неспособнымъ къ работѣ, ненаходившимъ себѣ мѣста въ Россіи. Невольно припоминались при этомъ слова англійскаго министра Розберри, сказанныя имъ при произнесеніи политической рѣчи въ Австраліи, что заслуги и достоинство Англіи заключаются въ томъ, что въ колоніи она посылаетъ лучшихъ своихъ членовъ, для немедленнаго устройства и организаціи тамъ правильной жизни.

Между членами этого разношерстнаго общества положительно не было какихъ либо общихъ интересовъ, кромѣ винта, выпивки и ѣды; не было общихъ стремленій, идей, которыя связывали бы работниковъ въ одинъ общій кружокъ; каждый творилъ работу независимо отъ работы другого, благодаря чему распоряженія одного учрежденія иногда становились въ полнѣйшее противорѣчіе съ распоряженіями другого (распоряженіе Коменданта о выѣздѣ изъ кр. Владивостока всѣхъ китайцевъ и японцевъ и обращеніе губернатора къ нимъ же сохранить спокойствіе и не покидать города).

Не лучшій порядокъ наблюдался и въ составѣ городского управленія, благодаря чему жизнь во Владивостокѣ страдала неустройствомъ и недостатками. Вопросы о личной и имущественной безопасности, эти главные факторы общественной жизни, были разрѣшены наиболѣе слабо: убійства, разбои, грабежи, кражи были заурядными и даже не возбуждали особаго интереса. Субъектами нарушенія покоя города являлись преимущественно сахалинцы и, къ сожалѣнію, матросы. Въ бытность начальникомъ Сибирскаго экипажа капитана 1-го ранга Б...., разнузданность матросовъ доходила до крайней степени; въ одиночку и кучками они болтались по городу часто впродолженіе цѣлой ночи, предаваясь разгулу и грабежу; нерѣдко были случаи нападенія даже на офицеровъ и самаго крупнаго нарушенія дисциплины въ казармахъ и на улицахъ, изъ-за чего Б.... и былъ смѣщенъ. Въ праздники пьяныхъ матросовъ по улицамъ было такъ много, что иные, а въ особенности дамы,—избѣгали выходить изъ дому.

Изъ разговора съ офицерами-моряками по этому поводу, оказывалось, что они сами боятся встрѣчаться не только ночью, но и днемъ съ своими подчиненными; нѣкоторые изъ нихъ оправдывали эту распущенность очень строгой дисциплиной на судахъ во время плаванія. Съ этимъ доводомъ я, однако, не соглашался, такъ какъ дисциплина не-менѣе строга и въ казармахъ сухопутныхъ войскъ; съ другой стороны, наиболѣе опаснымъ элементомъ являлись матросы Сибирскаго экипажа, постоянно жившіе на сушѣ, почему приписывалъ все это полнѣйшему отсутствію офицерской работы въ смыслѣ воспитанія матросовъ, а также снисходительности ихъ къ безшабашному пьянству послѣднихъ, которое влекло за собою большой процентъ преступности. Съ уходомъ Б... и назначеніемъ капитана I ранга П..., положеніе сразу измѣнилось: преступность понизилась, матросы на улицахъ стали болѣе благопристойными и пьяные попадались значительно рѣже; а вѣдь отданъ былъ всего такой приказъ: пьяныхъ немедленно забирать подъ арестъ, а блуждающихъ ночью отводить въ помѣщеніе и сдавать начальству ихъ; за всякое непристойное поведеніе матросовъ и самовольный уходъ

изъ казармъ отвѣчаютъ ближайшіе ихъ начальники. Къ сожалѣнію, управленіе П... было непродолжительно, дезорганизація же проникла такъ глубоко, что исправить матросовъ одними приказами было трудно. Прекратить грабежи сахалинцевъ, съ которыми матросы иногда дѣйствовали за одно, не удалось, благодаря незначительному контингенту полиціи и ея ненадежному составу, пополнявшемуся тоже изъ сахалинцевъ, дѣйствовавшихъ иногда за одно съ грабителями.

Несмотря на все это, ни одинъ городъ въ мірѣ не живетъ такъ весело, какъ Владивостокъ. Кутежи съ «дамами полусвѣта» въ отдѣльныхъ кабинетахъ «Тихаго Океана» являлись такой приманкой, что не было силы, которая могла-бы удержать кого-либо отъ этого; тамъ въ одну ночь ухлопывалась не только ежемѣсячная получка (жалованье), но иногда и всѣ свободные наличные капиталы и сбереженія. По разсказамъ,—ихъ установили блаженной памяти инженеры, строители китайской желѣзной дороги, которые пріѣзжали покутить и развлечься, оставляя въ одинъ вечеръ по пяти-десяти тысячъ! Дѣло доходило до оргій, въ видѣ купанья нимфъ въ ваннахъ, наполненныхъ шампанскимъ, и въ разбиваніи зеркалъ и дорогихъ фонтановъ-купидоновъ; бросались прямо-таки бѣшенныя деньги, полученныя путемъ только по отчетамъ выстроеннаго желѣзнодорожнаго зданія, оказавшагося впослѣдствіи также по отчетамъ разрушеннымъ или сожженнымъ хунхузами. Бѣдные хунхузы, сколько на ихъ неповинную голову сваливалось такихъ преступленій, которымъ они совершенно не причастны! Къ моему пріѣзду остались только сладкія воспоминанія о кутежахъ инженеровъ и подрядчиковъ, и считалось болѣе или менѣе выдающимся событіемъ, если кутежъ влеталъ въ 300—500 рублей. Благодаря такому истощенію кармановъ любителей сильныхъ ощущеній, прогорѣлъ главный ресторатеръ Шунпъ, въ концѣ концовъ бѣжавшій отъ долговъ. Но жизнь и при мнѣ по прежнему центрировалась въ «Тихомъ Океанѣ», гдѣ рѣдкій вечеръ обходился безъ скандаловъ. Азартная игра велась на глазахъ всѣхъ и этого никто не замѣчалъ; все шло обыкновеннымъ семейнымъ порядкомъ, и въ обществѣ

о происшедшихъ скандалахъ разговора не возбуждалось; всѣ къ нимъ привыкли.

Единственными мѣстами, гдѣ можно было съ семьей провести время, были морское и гарнизонное собранія; къ сожалѣнію, вечера въ нихъ устраивались очень рѣдко, да и молодежи собиралось очень мало. Невѣроятно, но послѣдняя, въ особенности моряки, стремилась также въ мѣста сильныхъ ощущеній; иногда-же собирались компаніями у своихъ, гдѣ дѣло доходило тоже до оргій, оканчивавшихся иногда очень печально (самоубійство мичмана съ крейсера «Россіи» Б....). Знакомства и здѣсь въ большинствѣ случаевъ были только случайныя, построенныя на выпивкахъ и ужинахъ: собрались, покутили, разошлись до возможности вновь сойтись при такой же обстановкѣ. Преимущество всегда и во всемъ отдавалось морякамъ. Виноваты въ этомъ были, конечно, дамы, симпатіи которыхъ склонялись преимущественно на сторону моряковъ, какъ, по мнѣнію ихъ, наиболѣе воспитанныхъ и элегантныхъ.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, это почти раболѣпнаго преклоненія предъ иностранцами, а въ частности консулами или скорѣе коммерческими агентами Китая и Японіи. Первый изъ нихъ—Ли былъ хотя человѣкъ добродушный, женолюбивый, какъ китаецъ, благодаря чему не рѣдко угощавшій дамъ шампанскимъ; второй же державъ себя сдержанно, и какъ японецъ, былъ надутъ и угрюмъ. Тѣмъ не-менѣе, это не охладило къ нему симпатій со стороны русскихъ, допускавшихъ съ нимъ дружескія, даже панибратскія отношенія (трепленіе по плечу, поясницѣ); въ ударѣ нерѣдко, по добродушію, сообщались ему и такія свѣдѣнія, которыхъ онъ не долженъ былъ бы знать. И это было даже наканунѣ войны, когда японскій консулъ собирался покинуть городъ. Мало того, ему, уѣзжавшему изъ Владивостока за недѣлю до открытія военныхъ дѣйствій, были устроены проводы; причемъ однимъ изъ видныхъ административныхъ дѣятелей, въ видѣ напутствія, была сказана трогательная рѣчь, отъ которой произносившій ее чуть самъ не прослезился. Злые языки утверждаютъ, что ораторъ, вынувъ въ концѣ своей рѣчи носовой платокъ и снявъ пэнсне, протеръ глаза.

Между тѣмъ, въ это время всѣ уже иностранныя газеты трубили о войнѣ; только мы одни не предвидѣли послѣдней. Не будь мы поглощены такъ сильно мелкими личными интересами, не будь гипнотизированы мыслью, что Японія никогда не осмѣлится объявить войну Россіи, такой сильной и могущественной державѣ; будь мы хотя нѣсколько наблюдательны и понимали бы проходившіе передъ нашими глазами событія, мы не дались бы въ обманъ и японскій консулъ уѣхалъ бы безъ проводовъ и слезъ. А событія были таковы: за двѣ—три недѣли до объявленія войны, хозяева японскихъ магазиновъ быстро начали ликвидировать свои торговыя дѣла и уѣзжать въ Японію; вещи продавались за такой безцѣнокъ, что всѣ поражались этимъ и считали ихъ глупцами, убоявшимися призрака войны. Вслѣдъ за купцами также быстро произвели свои разсчеты японцы—мастеровые и прислуга, прощанье которой со своими господами и дѣтьми было очень трогательное. Это массовое бѣгство дополнили китайцы, которые также начали быстро продаваться и бѣжать въ Чифу. Всѣмъ намъ угрожала опасность остаться безъ прислуги; въ особенности оказались въ тяжеломъ положеніи неимѣвшіе казенной прислуги. Лично я считалъ войну также призракомъ, но въ свое оправданіе могу сказать одно, что такая моя убѣжденность явилась результатомъ частыхъ сношеній съ оффиціальнымъ кругомъ, въ которомъ преобладалъ полнѣйшій оптимизмъ, откуда я и заразился послѣднимъ. Эта убѣжденность еще болѣе подкрѣпилась личными впечатлѣніями, вынесенными изъ артурской жизни, гдѣ по моимъ служебнымъ дѣламъ пришлось провести ноябрь и декабрь 1903 года. Здѣсь не только въ обществѣ, но даже въ кругу Намѣстника царило глубокое убѣжденіе, что японцы никогда не посмѣютъ объявить войну Россіи. Иниціаторами въ этомъ дѣлѣ можемъ быть только мы, а что если японцы шумятъ теперь, то съ цѣлью добиться отъ Россіи уступокъ; притомъ такое бряцаніе оружіемъ со стороны Японіи повторяется уже шестой годъ зимою или ранней весною. Артурская пресса, представляемая газетой «Новый Край», не была на высотѣ своего положенія и также не съумѣла оцѣнить свѣдѣній и извѣстій иностранныхъ

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

газетъ; да и времени для этого не имѣла, такъ какъ всецѣло была поглощена описаніемъ придворной жизни Намѣстника, картинно рисуя балы во дворцѣ и въ садахъ (разставленные въ вазонахъ цвѣты въ уголкѣ двора), которые сравнивались съ садами Шехерезады, а самъ хозяинъ величался бояриномъ; большой отдѣлъ также занимали пышные выѣзды Намѣстника въ Область, красота и грозное величіе флота. Совершенно справедливо отмѣтило «Новое Время» (№ 10035), что въ то время какъ «Новый Край», издаваемый въ П.-Артурѣ, относился оптимистически къ русско-японскому конфликту, владивостокскій «Дальній Востокъ» уже «въ началѣ января начинаетъ отмѣчать надвигающуюся грозу, пользуясь для этого мѣстными иностранными газетами, которыя неизбѣжно должны были являться важными показателями». Къ сожалѣнію, какъ я указалъ уже выше, ни мѣстныя власти, ни общество во Владивостокѣ и Артурѣ не замѣчали этихъ показателей, а если и замѣчали, то не умѣли оцѣнить ихъ въ должной мѣрѣ. Между тѣмъ, дѣйствительно, какъ на это указываетъ «Новое Время», въ газетѣ «Kobe Chronicle» было оповѣщено, что военный и морской департаменты въ Японіи издали постановленіе для всѣхъ мѣстныхъ газетъ о печати, основанное на 22 ст. Закона, воспрещающее публиковать о движеніи военныхъ судовъ и войскъ; газета «Ниди-Ниди» въ своей передовой статьѣ «Какъ обращаться съ Россіей» прямо требовала предъявленія Россіи ультиматума; Токійская газета «Кокуминъ» шла еще далѣе: она находила даже лишнимъ посылать ультиматумъ; отвѣтомъ должны быть «желѣзо, огонь, кровь». Все это мы прозѣвали; мы не придали этому значенія; видѣли въ этомъ только угрозу ребенка, благодаря чему жестоко впослѣдствіи поплатились.

Всѣ мои впечатлѣнія и наблюденія привели меня къ убѣжденію, что не только мѣстныя, но и столичныя власти были въ глубокомъ чаду самообольщенія и увѣренности, что японцы достаточно напуганы нашимъ «бряцаніемъ» оружія и фиктивной силой на Востокѣ; что благодаря этому ослѣпленію, никто изъ русскихъ не предвидѣлъ близкой войны съ Японіей; что она дѣйствительно застигла врасплохъ не только мѣстныхъ дѣятелей, но и всю

Россію, почему на первыхъ порахъ и произвела такое ошеломляющее дѣйствіе, въ особенности на обитателей Артура, гдѣ разыгралась прелюдія къ ужасной драмѣ.

Трудно передать то чувство негодованія и горя, которое овладѣло многими при полученіи изъ Артура 27 января телеграммы о нападеніи японцевъ на нашъ флотъ и о пораненіи нашихъ лучшихъ судовъ «Ретвизана», «Цесаревича». Слезы невольно лились изъ глазъ; для меня же эта потеря тѣмъ болѣе была чувствительна, что въ ноябрѣ 1903 года я былъ свидѣтелемъ прихода красавца «Цесаревича» въ Артуръ, любовался имъ, гордился этой будущей славой и честью нашего флота. То душевное страданіе, которое было пережито мною по поводу полученнаго извѣстія,—пережито было всей Россіей, всѣми истинно русскими людьми. Вотъ что я прочиталъ въ письмѣ брата моего отъ 1 марта, полученномъ мною уже въ Артурѣ: «Теперь возвращаюсь къ прошлому и хочу нарисовать тебѣ слабую картинку нашихъ ощущеній и дѣйствій со времени 26 января. Когда мы прочитали первую телеграмму Алексѣева о раненіи трехъ лучшихъ нашихъ судовъ, мы не могли говорить ни о чемъ; потомъ испытали состояніе: или выйти на улицу и кричать отъ боли, или напиться пьянымъ и на время забыться. Тутъ была смѣсь различныхъ чувствъ: горькая обида, неувѣренность, что моряки были на своихъ мѣстахъ и т. д. Спасибо выручила толпа, психологія которой нашла выходъ: соорудивъ знамена, захвативъ факелы, она пошла по улицамъ въ Харьковѣ днемъ, а въ Бѣлгородѣ вечеромъ и начала пѣть гимнъ «Боже Царя храни». Ты понимаешь, что это былъ выходъ изъ того гнетущаго состоянія, въ которомъ мы находились и эта демонстрація—это былъ адресъ правительству въ довѣріи къ нему и въ требованіи смыть этотъ позоръ. Сегодня уже 1 марта и въ Россіи царитъ глубокое убѣжденіе, что Японія будетъ раздавлена, а потому нервность замѣнилась какимъ-то удивительнымъ спокойствіемъ и необычайнымъ патріотическимъ подъемомъ».

Несомнѣнно, въ будущемъ исторія укажетъ намъ виновниковъ преступнаго бездѣйствія, послѣдствіемъ чего было неожиданное

нападеніе на нашъ флотъ и поврежденіе его. Только благодаря этому,—Японія сразу захватила инціативу дѣйствія на морѣ, а нашъ флотъ заставила бездѣйствовать во все время кампаніи, причинивъ намъ впослѣдствіи неисчислимыя бѣдствія и громадныя потери деньгами и людьми. «С.-Петербургскія Вѣдомости», разсматривая вопросъ о томъ, какъ могло случиться, что мы *прозѣвали* неожиданное нападеніе на наши суда, очень ядовито отмѣчаютъ слѣдующее: Русская публика «почти не оцѣнила стоической простоты донесеній Намѣстника, вселяющей вѣру въ каждую букву, а находятся уже охотники критиковать безъ основанія его дѣйствія.—Какъ прозѣвали японскія миноноски?—Какъ прозѣвали,—очень просто; ихъ сторожили цѣлый годъ и устали сторожить. Человѣческое вниманіе подвержено такимъ же физическимъ законамъ, какъ и другія человѣческія отправленія. Сторожевое напряженіе безъ войны такъ долго длилось, что не могло не изсякнуть. Попробуйте заставить человѣка сохранить не годъ, а хотя бы недѣлю безъ перерыва молитвенное настроеніе: развѣ это возможно»? («Новое Время» № 10028).

Извѣстіе о пораненіи нашихъ судовъ, а вслѣдъ затѣмъ объявленіе войны—произвели сильное впечатлѣніе на владивостокское общество, очутившееся въ положеніи городничаго при извѣстіи о пріѣздѣ настоящаго ревизора. Всѣ были захвачены врасплохъ, всѣ на первыхъ порахъ онѣмѣли отъ неожиданности. Къ счастью русской натуры, это продолжалось недолго; скоро «очухались» и все пришло въ движеніе, все засуетилось и принялось за настоящую работу; гдѣ взялись сила и энергія, куда пропали безслѣдно лѣнь и апатія. Такъ какъ неожиданное нападеніе сулило въ близкомъ будущемъ быстрое и энергичное наступленіе непріятеля, то прежде всего бросились провѣрять средства обороны. Съ этой стороны обнаружились большія прорѣхи: форты оказались далеко не такъ вооруженными, какъ это слѣдовало бы,—а нѣкоторые и не выстроенными и именно тамъ, гдѣ они были необходимы; напр. со стороны залива Амурскаго, гдѣ тянется по берегу желѣзная дорога, а также со стороны Уссурійскаго залива. Эти форты, какъ мнѣ пе-

редавали впослѣдствіи, были устроены во время войны. Эскадра наша, состоявшая изъ судовъ «Россіи», «Громобоя», «Богатыря» и «Рюрика», несмотря на объявленіе ее въ плаваніи за недѣлю до начала войны, также оказалась не подготовленной; не хватало много необходимаго для немедленнаго выхода въ море и все это приходилось пополнять изъ складовъ и свозить на суда ночью. Миноносный отрядъ былъ еще въ болѣе худшемъ положеніи, такъ какъ не былъ даже вооруженъ; говорили, что недостаетъ минъ, что бухту нельзя заминировать не только по случаю зимняго времени, но и по недостатку минныхъ заграждeній; тѣмъ не-менѣе, въ ночь на 28 января, въ страшную пургу, эскадра вышла въ море. По возвращеніи ея 30 или 31 января оказалось, что одна изъ башень «Рюрика» не ворочается, за недостаткомъ какого-то зубчатаго колеса и что нужно дѣлать исправленія, которыя, правда, считались ничтожными.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, пошли фабриковаться различные слухи, которые сильно тревожили общество; такъ, будто бы слышали отдаленные пушечные выстрѣлы, а также подземный стукъ въ крѣпости, изъ чего заключили, что ведется подкопъ подъ батарею, для взрыва послѣдней. Слухъ этотъ подтвердили мнѣ лично въ штабѣ крѣпости. Разнеслась также вѣсть, что въ Гензанѣ высадились японцы и что съ часу на часъ нужно ожидать появленія японской эскадры предъ Владивостокомъ. Все это произвело такой переполохъ въ обществѣ, что трудно описать: всѣ бросились бѣжать,—кто въ Никольскъ-Уссурійскъ, кто въ Хабаровскъ, а кто прямо въ Россію; поѣзда брались публикой съ боя, причемъ не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ (задушеніе на вокзалѣ мальчика), благодаря чему были приняты мѣры военной охраны на вокзалѣ.

Самая картина бѣгства была найболѣе удручающей: вотъ мчится на извозчикѣ къ вокзалу несчастная мать съ дѣтьми, растерявъ свои вещи; дѣтишки сжатся отъ холода и съ испуганными лицами, недоумѣвая, что́ произошло въ дѣйствительности; тамъ слышенъ раздирающій душу крикъ «извозчикъ»; вотъ плетется

цѣлый обозъ съ багажемъ; тамъ по колѣни въ снѣгу бредутъ на тотъ же вокзалъ мущины, женщины, дѣти; лица у всѣхъ растерянныя, озабоченныя. На вокзалѣ не замѣчалось прежняго элегантнаго отношенія мущинъ къ дамамъ, преобладало только право сильнаго. Въ два—три дня городъ почти опустѣлъ; я, жившій на многолюдной Пушкинской улицѣ, оказался въ своемъ кварталѣ только одинъ съ семьей. Тяжела была въ ночное время эта мертвящая тишина, ненарушаемая ни лаемъ собакъ, ни проѣздомъ экипажей; если добавить къ этому дѣйствительную возможность бомбардировки и повальнаго грабежа со стороны охотниковъ до чужой собственности, которые, казалось, выжидали только этого момента, то душевное настроеніе было не изъ-завидныхъ. Я засыпалъ только къ утру и каждый ночной шорохъ или стукъ вызывалъ непріятное нервное состояніе. Ко всему этому присоединилась другая бѣда: зима вступила въ полный разгаръ и въ ночь на 29 января городъ буквально былъ засыпанъ снѣгомъ. Такой снѣжной и суровой зимы никто не запомнитъ изъ стариковъ Владивостока. Мнѣ лично съ своими поваромъ и бойкой пришлось на другой день прорывать траншеи въ ростъ человѣка, чтобы только выйти изъ квартиры; вслѣдъ за пургой установились почти 20° морозы съ вѣтромъ, положительно обжигавшіе лице.

Успокоивъ кое-какъ семью, я рѣшился выждать дальнѣйшихъ событій, такъ какъ отпускать ее въ Россію съ больнымъ грудным ребенкомъ и шестилѣтнимъ сыномъ, при такомъ массовомъ бѣгствѣ и въ такую жестокую стужу, положительно было невозможно. Такое выжиданіе оказалось весьма благоразумнымъ, такъ какъ впослѣдствіи я узналъ, что на ст. Маньчжурія, за недостаткомъ подвижнаго состава на Забайкальской дорогѣ, скопилось около 2 тысячъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, которые по два—три дня ожидали отъѣзда дальше, буквально сидя на снѣгу, а дороговизна продуктовъ доходила до невѣроятныхъ размѣровъ; такъ, по разсказамъ, стаканъ молока стоилъ 50—60 коп.; селедка—1 р., булка 30—40 коп. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ купцовъ начали повышать цѣну на продукты и во Владивостокѣ, а хозяева квар-

тиръ засуетились объ уплатѣ денегъ за будущее время. Съ началомъ войны я былъ назначенъ въ П.-Артуръ, куда и выѣхалъ 12 февраля.

Поѣздъ отходилъ въ 8 часовъ утра и я успѣлъ только вздремнуть; проснулся въ 6 часовъ и мы начали тотчасъ же собираться, чтобы ранѣе пріѣхать на вокзалъ и заблаговременно успѣть сдать вещи въ багажъ. Помню это раннее морозное утро, еле начинавшійся разсвѣтъ и нашъ маленькій поѣздъ изъ двухъ парныхъ извозчиковъ, съ трудомъ двигавшихся на вокзалъ по сугробамъ едва разъѣзженнаго снѣга; морозъ положительно обжигалъ лице и мы всѣ пріѣхали на вокзалъ окоченѣвшими. Къ нашему пріѣзду собрались уже на вокзалѣ нѣкоторые изъ знакомыхъ проводить меня, что чрезвычайно порадовало, такъ какъ это вниманіе свидѣтельствовало о томъ, что семья моя не будетъ забыта и одинока. Смотря на жену, дочь и сына, провожавшихъ меня, я никогда еще въ своей жизни не испытывалъ такого сильнаго чувства любви, состраданія и волненія, какъ въ этотъ моментъ разлуки; слезы наполняли глаза, готовы были брызгнуть, но приходилось сдерживать себя, чтобы окончательно не разстроить милыхъ, дорогихъ людей. Мысль, что можетъ быть эта разлука на-всегда, что можетъ быть никогда больше не увижу этихъ близкихъ мнѣ существъ—тяготила ужасно.

Я въ то время былъ въ какомъ-то безпамятствѣ и если бы меня спросили, простился-ли я съ женой и дѣтьми передъ отходомъ поѣзда, то право не припомнилъ бы этого обстоятельства, до того мною всецѣло овладѣла мысль о вѣчной разлукѣ. Помню, что сквозь слезы я пристально всматривался въ дорогія лица и долго въ дверь вагона махалъ фуражкой своимъ милымъ, стоявшимъ плотной кучкой среди окружавшихъ ихъ знакомыхъ; помню также, что и они махали своими платками, пока не скрылся поѣздъ.

II.

Кто, проѣзжавшій Харбинъ, не знаетъ его вокзала и кто дастъ ему это названіе? Но на-вѣрное никто не чувствовалъ къ нему та-

кой непріязни, какъ лично я, просидѣвъ однажды въ немъ около часу и окоченѣвъ до того, что схватилъ лихорадку. Это былъ деревянный баракъ или скорѣе сарай, раздѣленный на три части: правая со стороны перрона была предназначена для интеллигентной публики, а лѣвая для служащихъ; среднее же помѣщеніе, для сообщенія перрона съ подъѣздомъ,—сквозное, холодное и продуваемое вѣтромъ отъ постоянно открывавшихся наружныхъ дверей,—было предназначено для простой публики, которая, за неимѣніемъ сидѣнья, толклась съ ноги на ногу.

Въ мой пріѣздъ утромъ 13 февраля, это отдѣленіе буквально было биткомъ набито народомъ, стоявшимъ плотной толпой съ своимъ убогимъ багажемъ, который или валялся подъ ногами или же висѣлъ на плечахъ. Толпа эта, иззябшая и голодная, состоявшая изъ зипуновъ, полушубковъ и военныхъ шинелей различныхъ частей войскъ,—ожидала по нѣсколько часовъ въ такомъ положеніи приказанія садиться въ вагоны; но видъ у всѣхъ былъ бодрый, взглядъ полный энергіи и какого-то великаго, торжественнаго настроенія. Замѣтно было, что каждый изъ этой толпы сознавалъ важность и серьезность переживаемой минуты и все его существо было проникнуто этимъ великимъ историческимъ моментомъ. Пробившись черезъ эту плотную массу, я вошелъ въ отдѣленіе для «чистой» публики, гдѣ положеніе было не лучше. Тутъ къ мужскому элементу, состоявшему изъ военныхъ различныхъ родовъ оружія, чиновниковъ и вольныхъ лицъ, въ изобиліи былъ примѣшанъ женскій элементъ съ дѣтьми и нянями. Въ углахъ и вдоль стѣнъ, въ видѣ пирамидъ, возвышались узлы съ вещами, чемоданы и коробки, а у основанія этихъ пирамидъ, за недостаткомъ сидѣнья, въ видѣ бордюра, одни стояли съ поникшими головами, а другіе сидѣли на вещахъ или полу, утоляя свой голодъ закусками или же согрѣваясь чаемъ. За общими столами не было свободныхъ мѣстъ и нужно было ожидать очереди, чтобы захватить стулъ и приняться за ѣду или чай. Въ залѣ стоялъ какой-то непрерывный гулъ, разрываемый изрѣдка рѣзкимъ дѣтскимъ крикомъ или же звонкомъ швейцара, объявлявшаго мѣсто отправленія поѣзда. Несмотря на массу куря-

щихъ, въ залѣ былъ сравнительно чистый морозный воздухъ. По счастью, мнѣ удалось скоро занять мѣсто у стола; вскорѣ возлѣ меня занялъ освободившееся мѣсто высокій плотный генералъ Г..., оказавшійся командиромъ бригады, прибывшей изъ Россіи еще въ 1903 году. Познакомившись, я отъ него узналъ, что онъ выступилъ съ бригадой изъ Хабаровска въ Маньчжурію, но безъ обоза, который не взятъ изъ Россіи и котораго онъ поджидаетъ въ Харбинѣ; полки его хотя и пополнены запасными, но невооружены за недостаткомъ ружей, не имѣютъ также и теплой одежды; что одного изъ офицеровъ онъ посылалъ на Байкалъ розыскать обозъ, но пока безъ всякаго успѣха.

Согрѣвшись чаемъ, я отправился въ городъ увидѣться съ товарищами А.... и П...., пріѣхавшими раньше меня въ Харбинъ. Но это оказалось не такъ легко. Прежде всего дала себя знать стоявшая въ то время страшная стужа; морозъ былъ адскій жестокій и улицы буквально были засыпаны снѣгомъ; вечеромъ же, около 10-ти часовъ, до-того развилась сильная вьюга, слѣпившая глаза и наметавшая новые сугробы снѣга, что розыскивая П...., жившаго въ одномъ кварталѣ съ А...., я предварительно блуждалъ по городу около часу. Положеніе путниковъ было просто таки трагическое. Добравшись до квартиры П...., я съ удовольствіемъ узналъ отъ него, что онъ, получивъ назначеніе состоять при штабѣ Главнокомандующаго (Намѣстника), также ѣдетъ со мною до Мукдена.

Около часу ночи мнѣ былъ указанъ вагонъ, прицѣпленный къ воинскому поѣзду, въ которомъ я, измученный въ продолженіе дня усталостью, съ истерзанной тяжелыми думами душею, устроился въ отдѣльномъ купе и заснулъ крѣпкимъ сномъ, проснувшись на другой день уже въ пути къ Артуру.

Чрезвычайно однообразна и томительна дорога отъ Харбина до Мукдена. Лѣса совершенно отсутствуютъ. Кое-гдѣ, да и то рѣдко, попадаются китайскія деревни. Общій видъ не разнообразится даже горами или холмами: сплошная однообразная равнина на протяженіи почти 500 верстъ! Она не оживляется даже присутствіемъ

птицъ, которыхъ я на этомъ протяженіи не встрѣчалъ ни лѣтомъ, ни зимой. Отъ Мукдена общій видъ рѣзко мѣняется: рощи встрѣчаются почти на каждомъ шагу; между ними пестрятъ въ изобиліи деревни, окруженныя чудно распаханными полями. Здѣсь природа очень напоминаетъ милую Малороссію съ ея вишневыми садами и уютно устроенными огородами. Такой характеръ мѣстности тянется почти до границы Квантунской Области (станція Пулондянъ), гдѣ рѣзкій переходъ къ высокимъ совершенно безлѣснымъ горамъ и скаламъ, наполняющимъ вплотную весь полуостровъ до самого Артура.

По дорогѣ я замѣтилъ стоявшія на мостахъ пушки. Это была для меня новость, такъ какъ при проѣздѣ въ 1903 году я не видѣлъ ихъ. Отъ офицера пограничной стражи, ѣхавшаго со мной въ одномъ поѣздѣ, я узналъ, что хотя пушки и поставлены, но стрѣлять изъ нихъ нельзя, такъ какъ при нихъ спѣшной высылкѣ замки были перепутаны и присланы отъ другихъ орудій. Оказалось, что пушки были высланы изъ Владивостока. Дорога и мосты охранялись стражей; вездѣ стояли часовые и ходили патрули. Тяжесть дороги отчасти сокращалась милымъ обществомъ П.... и полеваго контроля, ѣхавшаго со мною въ одномъ вагонѣ въ Ляоянъ.

Вечеромъ 15 февраля мы прибыли въ Мукденъ, въ которомъ еще въ 1902 году мнѣ пришлось прожить около шести мѣсяцевъ. Проѣзжая въ 1903 году, я видѣлъ на перронѣ массу китайцевъ и китаянокъ, продававшихъ бездѣлушки собственнаго издѣлія; теперь же тамъ было совершенно пусто и станція высматривала угрюмо. Около станціи въ вагонѣ временно проживалъ Намѣстникъ, окруженный непроницаемой стражей.

Нашъ поѣздъ остановился вдали отъ станціи, но это не помѣшало мнѣ отправиться на вокзалъ въ надеждѣ, не встрѣчу-ли кого-либо изъ знакомыхъ; но тамъ было также совершенно пусто; кромѣ буфетчика и нѣсколькихъ служащихъ, я никого не нашелъ, почему немедленно же возвратился въ вагонъ. Вскорѣ поѣздъ двинулся и мы поѣхали далѣе на югъ.

По мѣрѣ приближенія къ Артуру, сердце невольно сжималось. Съ каждымъ шагомъ впередъ чувствовалось, что приближаешься

къ тому мѣсту, которое пришло уже въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, становившься съ нимъ лицемъ къ лицу и гдѣ ежеминутно рискуешь жизнью. Вдоль полотна желѣзной дороги стража стояла гуще; на вокзалахъ и разъѣздахъ посты были усилены отъ пѣхотныхъ частей войскъ. Тревожное настроеніе увеличилось еще болѣе слухами о появленіи японцевъ на рѣкѣ Ляохе и объ ожидаемой съ минуты на минуту высадкѣ ихъ вблизи Артура, такъ какъ главная задача непріятеля сосредоточена на занятіи послѣдняго. Что дѣлалось въ Артурѣ, никто на станціяхъ не зналъ; по пріѣздѣ же въ Ляоянъ, всѣ мы были встревожены разнесшимся слухомъ, что Артуръ взятъ японцами и поѣзду придется возвратиться обратно. Впослѣдствіи только, по пріѣздѣ въ Артуръ, объяснилось, что этотъ слухъ былъ основанъ на хлёсткомъ приказѣ генерала Стесселя, отданномъ по войскамъ Артурскаго гарнизона. Приказъ этотъ, надѣлавшій такъ много шума въ Россіи и за-границей, произвелъ на гарнизонъ очень тяжелое впечатлѣніе выраженіемъ, что «Артуръ— его могила; что крѣпость окружена съ трехъ сторонъ водой, съ четвертой сушей, и что гарнизону остается на выборъ одно—побѣдить или умереть». Всѣ какъ-то пріуныли подъ вліяніемъ этого приказа и онъ впослѣдствіи имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ смѣлости и боевой отваги солдатъ и офицеровъ, надъ которыми тяготѣлъ этотъ преждевременный и неосторожный приговоръ *). Около 2-хъ часовъ ночи на 18 февраля поѣздъ пришелъ въ Артуръ. За позднимъ временемъ, всѣмъ намъ разрѣшено было переночевать въ вагонахъ.

Артуръ!.... Если гдѣ либо и выказывалось особенное пренебреженіе къ интересамъ пріѣзжающей и уѣзжающей публики, то это именно въ Артурѣ. Поразительно, несмотря на громадныя деньги, расходовавшіяся на постройку Китайской Восточной дороги, Артуръ не имѣлъ не только вокзала, но хотя бы временнаго помѣстительнаго барака, въ родѣ Харбинскаго, гдѣ публика могла-бы выждать

*) Къ сожалѣнію, впослѣдствіи генералъ Стессель первымъ измѣнилъ своему слову, чѣмъ каждаго защитника убѣдилъ въ томъ, что приказъ этотъ былъ простой съ его стороны рекламой.

въ ненастную погоду или въ зимнюю стужу отходящаго поѣзда или же укрыться тамъ съ дѣтьми и багажемъ до отъѣзда въ городъ. Пассажиры буквально выбрасывались изъ поѣзда на мостовую, гдѣ и должны были подвергаться экспериментамъ въ зависимости отъ погоды. Такое отношеніе къ публикѣ можно поставить въ большой упрекъ администраціи дороги.

При въѣздѣ въ городъ, онъ поражалъ своей тишиной и пустотой. Зіявшія безъ стеколъ оконныя рамы зданій, выходившихъ на Набережную, производили удручающее впечатлѣніе. Многіе дома были заколочены на-глухо, магазины закрыты; прохожіе и проѣзжіе были въ какомъ-то подавленномъ состояніи; попадавшіеся на каждомъ шагу вооруженные разъѣзды и патрули давали понять, что здѣсь дѣйствительно осадное положеніе; на бухтѣ тишина и стоявшія на немъ суда высматривали угрюмо; ихъ темная окраска придавала имъ еще болѣе печальный отпечатокъ. Красиво и весело высматривала только вершина Золотой горы, блестя въ лучахъ солнца тѣлами своихъ стальныхъ орудій.

Такъ какъ я горѣлъ нетерпѣніемъ лично осмотрѣть суда и услышать разсказъ очевидцевъ событія 26 января, всколыхнувшаго всю необъятную Россію какъ одного человѣка, то послѣ необходимыхъ представленій прежде всего отправился въ портъ. Подойдя къ доку, въ которомъ въ то время стояла «Паллада», я ужаснулся, увидѣвъ пробоину, зіявшую глубокой раной на ея лѣвомъ борту, ближе къ носу. Раньше пробоину эту я представлялъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, но она оказалась около трехъ сажень длины и двухъ высоты. Снятые съ пробоины листы желѣза, лежавшіе тутъ же около дока, были смяты какъ листы бумаги и во многихъ мѣстахъ имѣли трещины и отверстія; около пробоины возилось нѣсколько рабочихъ-китайцевъ, постукивавшихъ молоточками, работа которыхъ нисколько не подвигалась впередъ. Общимъ своимъ видомъ «Паллада» производила очень тяжелое впечатлѣніе какъ безпорядкомъ на палубѣ, такъ и массой приставныхъ лѣстницъ и лѣсовъ къ корпусу ея. На вопросъ,—скоро-ли окончатся работы, я получилъ самый неопредѣленный отвѣтъ, хотя увѣряли, что къ Пасхѣ

будетъ готова. Между тѣмъ, это далеко не оправдалось, такъ какъ она вышла изъ дока около половины апрѣля и то благодаря пріѣхавшимъ изъ Петербурга рабочимъ-мастеровымъ.

Подавленный видомъ «Паллады», я пошелъ по направленію къ западному бассейну, гдѣ въ числѣ другихъ судовъ стоялъ какъ-бы съ поникшей головой «Цесаревичъ». Всматриваясь издали въ его громаду, мнѣ казалось-былъ слышенъ крикъ его истерзанной души: «Смотри, что со мной и не по моей винѣ сдѣлали»! Съ грустью я смотрѣлъ на него и невольно угнетала мысль,—да и въ самомъ дѣлѣ,—были-ли на своихъ мѣстахъ тѣ, кому была ввѣрена охрана и честь этого богатыря. Отсюда, сѣвъ въ лодку, я поѣхалъ къ выходу изъ порта, чтобы посмотрѣть другого русскаго богатыря—«Ретвизана». Подъѣхавъ къ Золотой горѣ, я поднялся къ ея вершинѣ по направленію къ морской наблюдательной станціи, расположенной ниже батареи и ближе къ выходу на рейдъ, откуда открывался чудный видъ на море, рейдъ, бухты и городъ. Интересовавшаго меня великана я нашелъ у правой стороны выхода, прислонившимся своей кормой къ Тигровому полуострову, носомъ же, почти до палубы погруженнымъ въ воду, онъ былъ обращенъ къ Золотой горѣ. Въ то время на немъ выкачивали воду изъ трюма, проникавшую туда чрезъ проломъ у носа. Тутъ же отъ моряковъ узналъ, что послѣ полученія пробоины «Ретвизанъ» не могъ войти во внутренній бассейнъ, на ходу могъ затонуть въ самомъ выходѣ изъ бухты; съ цѣлью предупредить это, его посадили кормой на камни у Тигровки до приспособленія кессона. Хотя носовая часть его, получившая минную пробоину, осѣла такъ глубоко, что касается дна, но, по приспособленіи кессона, онъ выпрямится легко и его возможно будетъ ввести въ бассейнъ. Одинъ кессонъ, сдѣланный и уже подведенный, не выдержалъ давленія воды и разломился, почему приступлено къ постройкѣ другого; но когда онъ будетъ готовъ,—неизвѣстно.

Считаю необходимымъ дать понятіе о кессонѣ, благодаря которому явилась возможность исправлять суда безъ дока. Это—ящикъ съ закругленнымъ дномъ, имѣющій открытыми верхнюю и одну

изъ боковыхъ сторонъ, размѣрами своими больше поврежденной части судна; ребра другихъ боковыхъ сторонъ его срѣзываются соотвѣтственно формѣ поврежденной части судна и на нихъ накладываются подушки изъ брезента. Въ виду сильнаго давленія воды, которое долженъ выдержать кессонъ, онъ строится изъ толстыхъ прочныхъ бревенъ со множествомъ раскосовъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Такой ящикъ боковой открытой стороной съ подушками подводится вплотную къ поврежденной части судна и охватываетъ его собою; верхняя же открытая сторона этого ящика выступаетъ изъ воды. Послѣ этого изъ ящика выкачивается вода и, по мѣрѣ удаленія ея, вслѣдствіе наружнаго давленія воды, онъ все крѣпче и крѣпче прижимается къ судну. Когда вода извнутри будетъ совершенно удалена, то въ немъ обнажится поврежденная часть, которая и исправляется рабочими, находящимися въ этомъ ящикѣ, какъ бы въ маленькомъ докѣ.

Впослѣдствіи, прочитавъ сообщеніе въ газетѣ о томъ, что «Ретвизанъ» отразилъ нашествіе брандеровъ своимъ адскимъ огнемъ, стоя въ ночь на 12 февраля на своемъ сторожевомъ посту у входа въ портъ,—я немного смутился. Онъ дѣйствительно открылъ страшный губительный огонь по брандерамъ, стоя своимъ правымъ бортомъ ко входу, но находился здѣсь не въ качествѣ дежурнаго сторожа, а въ силу роковой необходимости. Можетъ это и къ лучшему было, иначе брандеры затопились бы въ самомъ выходѣ. Тутъ же находились и трофеи его побѣды: у Тигровки на камняхъ, у самого выхода, съ правой его стороны, лежалъ на боку громадныхъ размѣровъ брандеръ (пароходъ), а съ лѣвой стороны, у Золотой горы, виднѣлись только мачты другого затонувшаго брандера; носъ третьяго торчалъ изъ воды на правой сторонѣ рейда у Тигровки, противъ горы Бѣлаго Волка.

Съ грустью смотрѣлъ я на этотъ броненосецъ. Невольно въ воображеніи рисовалась картина: темная морозная ночь; слышенъ прибой волнъ у каменныхъ береговъ и изъ мрака еле обрисовываются силуеты гигантовъ, стоящихъ безпечно на рейдѣ; изрѣдка ночную темноту прорѣжетъ лучъ прожектора, раздастся голосъ

часового или же посвистомъ пронесется вѣтеръ; въ это же время тихо и незамѣтно къ этимъ гигантамъ подкрадываются смѣлые маленькіе миноносцы, несущіе имъ смерть; вскорѣ эта мертвая тишина оглашается трескомъ и громомъ рвущихся минъ, стремительно выброшенныхъ этими лиллипутами; въ началѣ лѣнивые повороты разбуженныхъ великановъ, а затѣмъ быстрыя, нервныя вздрагиванія, страшный ревъ изъ орудій и поспѣшное удаленіе больныхъ и искалѣченныхъ въ портъ. Вслѣдъ затѣмъ рисуется другая картина: такая же темная ночь; ко входу въ портъ безшумно и плавно направляются брандеры, руководимые опытной, безстрашной рукой смѣлыхъ моряковъ, обрекшихъ себя смерти; вдругъ лучи прожектора обнаруживаютъ это таинственное шествіе, которое мгновенно на каждомъ шагу задерживается адскимъ огнемъ береговыхъ батарей и «Ретвизана», засыпающихъ смѣльчаковъ массой чугуна и стали; но это не останавливаетъ ихъ и еще болѣе энергично они идутъ на встрѣчу смерти; слышны крикъ и стоны раненыхъ, шумъ спускающихся съ брандеровъ шлюпокъ и спасаніе на нихъ храбрецовъ, прыгающихъ съ бортовъ; суетливая работа миноносцевъ, вылавливающихъ на поверхности воды подъ градомъ снарядовъ тонущихъ людей и затѣмъ наступившая глубокая тишина, нарушаемая только плескомъ волнъ о скалы и борты выброшенныхъ на камни брандеровъ. Сколько отваги, смѣлости и презрѣнія къ смерти было проявлено въ эту злополучную ночь!

Подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ ушелъ я съ Золотой горы. По дорогѣ заѣхалъ къ знакомымъ на броненосецъ «Побѣду», стоявшій въ порту, съ каютъ-кампаніей котораго былъ почти въ дружескихъ отношеніяхъ. Засталъ я на лице всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался еще во Владивостокѣ. Мнѣ очень обрадовались, но на лицахъ всѣхъ былъ иной отпечатокъ: не прежняго веселья и безпечности, а какого-то угнетеннаго душевнаго состоянія; даже жизнерадостные друзья мои—старшій офицеръ капитанъ II ранга Герасимовъ и инженеръ-механикъ Валя Видстедтъ пріуныли. Тамъ же впервые были получены мною подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ нападеніе ночью 26 января.

Какъ полученныя здѣсь, такъ и впослѣдствіи,—свѣдѣнія эти въ общемъ сводились къ слѣдующему. Недѣли за двѣ до означеннаго числа, японцы быстро и стремительно начали ликвидировать свои торговыя дѣла и вмѣстѣ съ китайцами уѣзжать изъ Артура; словомъ, повторилось тоже, что было и во Владивостокѣ. Такое спѣшное и ничѣмъ не объяснимое бѣгство могло предвѣщать только близкую войну, на каковую тему и заговорило все общество, за исключеніемъ мѣстной власти, которая по прежнему, не допуская и мысли о войнѣ, устраивала блестящія помпы и пускала мыльные пузыри по адресу японцевъ. Въ обществѣ даже пронеслась вѣсть, что 27 января эскадра наша готовится демонстративно двинуться къ берегамъ Японіи. Между тѣмъ, благодаря правильно организованному шпіонству, японцы отлично знали наше дѣйствительное положеніе: количество войскъ въ Артурѣ, на Квантунѣ и въ Маньчжуріи, расположеніе нашихъ береговыхъ и сухопутныхъ батарей, количество и калибръ орудій; они знали даже секретные планы, обсуждавшіеся властями открыто, въ присутствіи слугъ, большинство которыхъ состояло изъ японскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, моряковъ и офицеровъ арміи, а у Намѣстника парикмахеръ—японецъ оставался до самаго открытія военныхъ дѣйствій.

Утромъ 25 января Намѣстникомъ была получена телеграмма о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Японіей.

Заступавшій въ то время редактора «Новаго Края» полк. Тыртовъ просилъ разрѣшенія Намѣстника напечатать телеграмму о разрывѣ, но послѣдовалъ отказъ, чтобы не волновать общества. Тѣмъ не-менѣе, слухи о разрывѣ проникли въ послѣднее, всѣ заволновались, разговоры были только о войнѣ, а нѣкоторые даже собрали необходимыя дорожныя вещи и приготовились къ выѣзду. По примѣру прежнихъ лѣтъ, 26 января у начальника эскадры адмирала Старка былъ раутъ, по случаю имянинъ его жены. Одни говорятъ, что раутъ былъ днемъ, а вечеромъ всѣ были уже на своихъ мѣстахъ; другіе же утверждаютъ, что ночью, въ моментъ нападенія, нѣкоторые изъ офицеровъ задержались на раутѣ и не могли по-

пасть на свои суда. Многіе высказали и такое мнѣніе, что японцы, зная по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ весело праздновался моряками этотъ день у Старка, именно и выбрали его днемъ нападенія. Тѣмъ не менѣе, мною положительно было установлено, что раутъ окончился около 4-хъ часовъ дня, а въ 6-ть часовъ вечера состоялся совѣтъ на «Петропавловскѣ» изъ старшихъ морскихъ начальниковъ, для обсужденія мѣръ къ охранѣ флота и его дѣйствій на случай войны. На совѣтѣ принято было рѣшеніе—немедленно оградить суда сѣтками, которое, около 7—8 часовъ вечера, послано было на утвержденіе Намѣстника. Послѣднимъ на этомъ постановленіи совѣта была положена слѣдующая резолюція: «Несвоевременно и неполитично», почему эта мѣра и не была принята. Многіе ставили непринятіе этой мѣры въ вину Старку, который, какъ начальникъ эскадры, долженъ былъ принять ее самостоятельно; загадочную же резолюцію Намѣстника объясняли тѣмъ, что точно такой отвѣтъ былъ полученъ имъ изъ Петербурга, на просьбу его прислать въ Маньчжурію сто тысячъ солдатъ.

Такъ какъ войны никто не ожидалъ, то прожекторы съ батарей не освѣщали моря; изрѣдка посылались лучи въ море только прожекторами судовъ, и именно тѣхъ, которыя оказались впослѣдствіи поврежденными. Это многимъ давало основаніе заключить, что только благодаря этому непріятельскіе миноносцы навѣрняка шли параллельно посылаемымъ лучамъ въ неосвѣщенномъ пространствѣ и въ направленіи ошибиться не могли. Входившіе на рейдъ непріятельскіе миноносцы были приняты нашими сторожевыми миноносцами за свои; въ этомъ еще болѣе ихъ успокоило то, что по оклику одного изъ нихъ «Кто идетъ»,—послѣдовалъ отвѣтъ на русскомъ языкѣ: «Свои». На подошедшіе миноносцы раньше всѣхъ обратили вниманіе съ «Ретвизана», по пущеннымъ ими минамъ. Но было поздно, мины были уже близко судовъ,—а послѣ взрывовъ ихъ началась тревога и пальба. Добавляютъ при этомъ, что стрѣляли даже холостыми зарядами, а также, что японцы отлично знали расположеніе нашихъ судовъ на рейдѣ и что ветхая «Пал-

лада» взорвана ими случайно, такъ какъ передъ этимъ на ея мѣстѣ стоялъ «Петропавловскъ», на котораго они и мѣтили.

Когда все это происходило на морѣ,—въ городѣ и въ порту были увѣрены, что производится ночная тревога и маневры. Кстати, предъ этимъ по городу разнеслась вѣсть, что по тревогѣ эскадрѣ будутъ устроены ночные маневры; почему нѣкоторые поражались удивительнымъ сходствомъ ихъ съ настоящимъ боемъ. Масса любопытныхъ собралась на Набережной, любуясь этой картиной и дѣлая свои шутливыя замѣчанія. Заявленія осторожныхъ лицъ, что это настоящій бой и что слышенъ даже свистъ снарядовъ,—встрѣчались толпой насмѣшливо, а къ концу воображаемаго маневра всѣ разошлись спокойно по домамъ и предались сладкому сну. Настоящая обстановка разъяснилась только утромъ слѣдующаго дня, когда раненыя суда стояли уже въ порту. Всѣ вздрогнули при этомъ ужасномъ, невѣроятномъ событіи.

Одинъ изъ офицеровъ Квантунской крѣпостной артиллеріи капитанъ Страшниковъ, бывшій вечеромъ того же дня въ гостяхъ у начальника артиллеріи Бѣлаго, разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда началась пальба и громъ выстрѣловъ долетѣлъ до слуха собравшагося общества, то дамы подняли шумъ, увѣряя, что началась война; передъ этимъ только и шелъ разговоръ о послѣдней. На это генералъ Бѣлый сказалъ: «Глупости! Это маневры». Было тогда около 11 часовъ. Въ то же время по телефону командиръ одной изъ ротъ донесъ Бѣлому, что на морѣ происходитъ что-то необыкновенное и не прикажетъ-ли Бѣлый вывести людей на батарею. Генералъ тотчасъ же запросилъ по телефону станцію Золотой горы, на что получилъ отвѣтъ, что на морѣ дѣйствительно стрѣляютъ, но что́ именно происходитъ,—неизвѣстно. На этомъ генералъ успокоился, увѣривъ общество, что это дѣйствительно маневры. Послѣ этого всѣ около 12 часовъ ночи разошлись по домамъ. Капитану Страшникову нужно было ѣхать домой на Тигровку черезъ портъ, пріѣхавъ въ который, онъ увидѣлъ около адмиральской пристани Командира порта Греве, сильно взволнованнаго и разстроеннаго; въ это же время съ моря пришелъ катеръ, лейтенантъ съ котораго,

взбѣжавъ стремительно на пристань, доложилъ Греве о поврежденіи судовъ и просилъ немедленнаго распоряженія о высылкѣ въ море всѣхъ катеровъ и водоотливныхъ средствъ на помощь. Узнавъ объ этомъ, Страшниковъ немедленно отправился въ Управленіе крѣпостной артиллеріи и телефонировалъ Бѣлому о случившемся, на что Бѣлый отвѣтилъ: «Я вамъ говорю, что это маневры и глупостей прошу не распускать», послѣ чего Страшниковъ поѣхалъ къ себѣ въ роту на Тигровку. Выйдя изъ шлюпки на берегъ, онъ встрѣтилъ команду людей, бѣгущихъ на батарею, а прибывъ домой, получилъ по телефону приказаніе Бѣлаго сейчасъ же вывести людей на батарею и быть готовымъ къ бою. Но было уже поздно, такъ какъ миноносцы ушли.

По разсказамъ многихъ, Намѣстникъ не повѣрилъ лейтенанту, посланному къ нему съ докладомъ о поврежденіи судовъ, счелъ его за сумасшедшаго и приказалъ ему собственноручно изложить свой докладъ на бумагѣ; почему явилась необходимость въ посылкѣ другого съ такимъ же докладомъ, который своимъ убѣдительнымъ и смѣлымъ изложеніемъ увѣрилъ Намѣстника въ совершившемся фактѣ. Обыватели Артура еще болѣе были встревожены на другой день, около 10 часовъ утра, когда въ виду города показалась непріятельская эскадра и открыла бомбардировку. Всѣ тогда потеряли голову и началось повальное бѣгство изъ Артура. Удивительно: когда показалась на горизонтѣ непріятельская эскадра и объ этомъ доложили Намѣстнику, то послѣдній потребовалъ къ себѣ на домъ адмирала Старка для дачи ему инструкцій. На возраженіе Старка, что онъ не можетъ оставить эскадры въ виду непріятеля, такъ какъ долженъ сняться съ якоря и построить ее къ бою,—Намѣстникъ приказалъ ему немедленно прибыть на домъ. Старкъ уѣхалъ и эскадра строилась безъ него; впослѣдствіи онъ спѣшилъ на эскадру уже во время боя. Эти обстоятельства подтверждаются почти всѣми, близко стоявшими къ дѣлу. Утверждаютъ также, что когда одинъ изъ непріятельскихъ броненосцевъ былъ подбитъ, началъ сильно парить и къ нему поспѣшили на помощь другія суда, то «Новикъ» и «Баянъ» начали преслѣдовать отступающую эскадру; готовились

также къ рѣшительному удару и броненосцы, находя этотъ моментъ наиболѣе удобнымъ для нанесенія существеннаго вреда непріятелю, но Намѣстникомъ былъ почему-то отданъ сигналъ «отбой» и суда возвратились обратно. Въ голосѣ и интонаціи моряковъ, передававшихъ мнѣ объ этомъ, слышны были подавленныя слезы. Всѣ эти дѣйствія и распоряженія начальствующихъ лицъ чрезвычайно важны и исторія не преминетъ ихъ выяснить.

Также всѣ были глубоко убѣждены, что если бы съ нападеніемъ на нашъ флотъ была высажена вблизи Артура хотя-бы одна непріятельская дивизія,—Артуръ безусловно былъ-бы взятъ. Это и былъ единственный моментъ, когда японцы могли овладѣть имъ почти безнаказанно.

Вскорѣ послѣ этого, согласно Высочайшему повелѣнію, Намѣстникъ переѣхалъ въ Мукденъ, избравъ временно его своей резиденціей. Всѣ моряки вздохнули свободнѣе, т. к. единственно въ немъ видѣли настоящаго виновника своего позора и пораженія; флотъ же, какъ больной человѣкъ, вошелъ въ лазаретное помѣщеніе. Тяжело было смотрѣть на моряковъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ; всѣ они были сильно удручены происшедшимъ. На каждомъ шагу и при каждомъ словѣ замѣтно было угнетенное душевное состояніе, которое усиливалось еще болѣе отсутствіемъ способнаго начальника, который могъ бы зажечь искру надежды на лучшее будущее и вывести изъ этого удрученнаго состоянія. Видно было, что душа горѣла святымъ огнемъ любви къ Отечеству и страстнымъ желаніемъ помочь общему дѣлу въ лихую годину; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія такого человѣка, который собралъ бы обломки флота и влилъ бы въ него живую душу.

Такимъ лицемъ былъ адмиралъ Макаровъ, на котораго упалъ Высочайшій выборъ и на котораго справедливо возлагала надежду вся Россія. Опытный, честный, вдумчивый, высокообразованный и талантливый,—адмиралъ Макаровъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей флота; только онъ могъ дать и дѣйствительно далъ флоту временно живую душу, внушивъ опытному и смѣлому врагу осторожность и должное вниманіе къ нашимъ хотя теперь и сла-

бенькимъ силамъ. Все наличное портовое начальство стушевалось передъ нимъ и представлялось такимъ маленькимъ, незначительнымъ, что совершенно не было замѣтно при этомъ величественномъ адмиралѣ. Со времени прибытія его, въ послѣднихъ числахъ февраля (24 числа), всѣ стали бодрѣе и веселѣе, воспрянули духомъ и начала расти увѣренность въ возрожденіе нашей эскадры; явилась надежда возстановить доблестную славу флота и наказать дерзость врага. Я съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ пріѣздъ къ намъ этого дорогого адмирала, при которомъ чувствовалось безопаснѣе. Часто я приходилъ въ портъ ко времени спуска флага, чтобы только полюбоваться картиной появленія этого адмирала на броненосцѣ «Петропавловскъ» въ этотъ моментъ. Высокій, стройный, съ развивающейся длинной сѣдой бородой, онъ рѣзко выдѣлялся между всѣми и однимъ своимъ видомъ внушалъ глубокое почтеніе и уваженіе къ себѣ. Солдатское выраженіе «Нашъ дѣдушка» характеризовало его вполнѣ любящимъ и любимымъ дѣдомъ для всѣхъ съ первой же встрѣчи. Работа сразу закипѣла въ порту. «Ретвизанъ» въ тотъ же день былъ поднятъ и введенъ въ портъ, кессонъ исправленъ и приспособленъ; дѣло по исправленію «Паллады» также пошло быстрѣе и даже бѣдняга «Цесаревичъ» далъ сигналъ, что онъ «готовъ къ бою». Оказалось, что рулевыя исправленія, благодаря энергіи адм. Григоровича, были произведены на немъ поверхностно домашними средствами, почему и явилась возможность выходить на рейдъ и принимать участіе въ бою. Словомъ, все какъ-то сразу обновилось, принарядилось и овладѣло силой и энергіей. Надежды воскресли въ душѣ каждаго и всѣ пріободрились.

Первое мое боевое крещеніе произошло въ ночь на 26 февраля. Эта ночь и слѣдующій день никогда неизгладятся изъ моей памяти, благодаря разыгравшимся кровавымъ сценамъ. Около 12 часовъ ночи на означенное число, когда я легъ уже въ постель и собирался загасить лампу, съ электрическаго утеса раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, наконецъ нѣсколько разомъ, отъ какого залпа задрожали стекла и двери. Я стремительно схватился съ постели при первомъ же выстрѣлѣ и началъ одѣваться. Въ это

время постучался ко мнѣ въ комнату мой вѣрный компаніонъ секретарь Воскресенскій, дрожащій и блѣдный, объяснивъ свой приходъ желаніемъ провести минуты бомбардировки вмѣстѣ. Я чрезвычайно ему обрадовался и на душѣ стало веселѣе, что я не одинъ. Одѣвшись на-скоро, я открылъ занавѣску окна на батарею и моимъ глазамъ представилась такая картина: часть моря, видимая въ окно, была освѣщена бѣлымъ свѣтомъ прожекторовъ; небосклонъ почти непрерывно освѣщался молніями отъ выстрѣловъ; въ морѣ, въ полосѣ бѣлаго свѣта, также сверкали огни отъ нихъ; воздухъ былъ наполненъ страшнымъ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ и свистомъ снарядовъ. Все это производило чарующее впечатлѣніе и возбуждало нервы къ гигантской борьбѣ. Вскорѣ выстрѣлы съ батарей становились все рѣже и рѣже и около 2 ч. 50 м. раздавались только съ моря. Оказалось, что стрѣльба съ батарей производилась по непріятельскимъ миноносцамъ, близко подошедшимъ къ рейду и обнаруженнымъ лучами прожекторовъ. Когда они удалились, то за ними вышли въ море шесть нашихъ миноносцевъ; четыре изъ нихъ были подъ командой капитана 1 ранга Матусевича, которые и вступили въ жаркую схватку съ непріятельскими. Вскорѣ за послѣдними появились непріятельскіе крейсера и наша маленькая флотилія начала отступать подъ защиту береговыхъ батарей, причемъ миноносцу «Властный», подъ командой лейтенанта Карцева, удалось таки затопить японскій миноносецъ миной Уатхейда. Около 8 часовъ утра произошло и съ нами несчастье: при отступленіи, нашъ миноносецъ «Стерегущій», подъ командой лейтенанта Сергѣева, былъ подбитъ и лишился машины; когда вполнѣ выяснилось его критическое положеніе, то адмиралъ Макаровъ тотчасъ поднялъ свой флагъ на «Новикѣ» и въ сопровожденіи «Баяна» бросился на его выручку; но было поздно, такъ какъ «Стерегущій» былъ уже окруженъ пятью непріятельскими крейсерами, къ которымъ приближалась броненосная эскадра. Сознавая невозможность спасти его, адмиралъ Макаровъ отступилъ въ портъ, миноносецъ затонулъ, а уцѣлѣвшая часть экипажа его была взята

въ плѣнъ. *) Въ 9 часовъ утра къ Артуру подошли четырнадцать непріятельскихъ судовъ, которыя 12″ орудіями начали бомбардировку его перекидными выстрѣлами изъ-за горы Лѣотѣшана; продолжалась она до часу дня. Около 11 часовъ утра я съ капитаномъ Гладковымъ отправился черезъ портъ на Золотую гору. Въ восточномъ бассейнѣ въ то время стояли броненосцы «Полтава», «Петропавловскъ», «Севастополь», а въ западномъ «Побѣда», «Цесаревичъ», «Ретвизанъ»; крейсеры были разбросаны между ними, а миноносцы стояли у береговъ частью въ восточномъ, частью въ западномъ бассейнахъ. Дойдя до половины Золотой горы, мы остановились. Отсюда открывался чудный видъ на новый и старый городъ, а также на обѣ бухты. Бомбардировка велась броненосцами по новому городу и изъ нашего наблюдательнаго пункта паденіе снарядовъ было видно ясно и отчетливо. Каждый изъ нихъ, давая громадный столбъ дыму, поднималъ вмѣстѣ съ тѣмъ массу пыли и камней. Вотъ одинъ упалъ у зданія русско-китайскаго банка, другой лѣвѣе его; третій взрылъ столбъ пыли у зданія Областного штаба; вотъ еще одинъ упалъ на площади передъ штабомъ, другой сзади его, ближе къ склону горы; всѣ снаряды ложились почти въ центрѣ города. Снарядъ, упавшій на площади передъ штабомъ, возбудилъ опасеніе относительно безопасности семьи подполк. барона Франка, имѣвшаго въ томъ мѣстѣ квартиру; но мы почему-то рѣшили, что послѣдній на время бомбардировки переѣхалъ въ старый городъ.

Насмотрѣвшись на эту грозную картину, мы поднялись на Золотую гору и взошли на наблюдательную морскую станцію. Видъ съ послѣдней на море былъ восхитительный; горизонтъ открывался верстъ на 50; море было совершенно спокойно и тихо; день ярко-солнечный безъ вѣтра; все располагало къ миру, тишинѣ и покою. Хотѣлось, чтобы все затихло и замерло, чтобы въ нѣмой тишинѣ

*) Погибель этого миноносца б. чрезвычайно трогательна. Японцами онъ б. взятъ на буксиръ; оставшіеся на немъ въ живыхъ два матроса заперлись и не пожелали сдаться; съ цѣлью лишить японцевъ приза, они открыли кингстоны и затонули съ миноносцемъ. Къ сожалѣнію, имена этихъ двухъ самоотверженныхъ героевъ остались неизвѣстны. Вотъ какъ умирали русскіе герои!

насладиться этой чудной живой картиной божественной природы; къ дѣйствительности однако возвращали продолжавшіеся выстрѣлы, которые являлись какимъ то страннымъ диссонансомъ. Встрѣтившіе моряки-наблюдатели немедленно же вооружили насъ бинoклями и я наконецъ впервые увидѣлъ нашего врага—пять непріятельскихъ крейсеровъ, стоявшихъ въ разстояніи 20—25 верстъ отъ входа въ портъ; нѣсколько впереди ихъ замѣтными точками чернѣли миноносцы; броненосцевъ не было видно, такъ какъ они прикрывались высокимъ массивомъ Лѣотѣшана, изъ-за котораго и продолжали вести стрѣльбу по городу. Стоявшіе предъ входомъ въ портъ крейсеры повидимому были наблюдательными пунктами паденія снарядовъ.

Вскорѣ показались два чудовища-броненосца изъ-за Лѣотѣшана, направившіеся къ крейсерамъ; они стали нѣсколько впереди ихъ, ближе къ порту. Чтобы лучше наблюдать, мы поднялись на Золотую гору, откуда еще шире открывался горизонтъ. Здѣсь же я познакомился съ однимъ изъ неудачныхъ героевъ флота, капитаномъ II ранга С...., георгіевскимъ кавалеромъ, такъ безславно бросившимъ на произволъ судьбы нарвавшійся на мину крейсеръ «Боярин», который послѣ этого еще два дня носился по волнамъ и его могли бы спасти. Разсказываютъ, что японцы, предполагая на немъ экипажъ, подорвали его минами и затопили. С.... сравнительно молодой человѣкъ, лѣтъ 35, съ русыми волосами и сѣрыми красивыми глазами. За оставленіе крейсера онъ былъ только отставленъ отъ командованія судномъ, что въ военное время равнялось почти безнаказанности.

Всматриваясь въ появившіеся броненосцы, я замѣтилъ на одномъ изъ нихъ показавшійся дымокъ, а вскорѣ просвистѣлъ снарядъ, упавшій въ портъ; за нимъ открылъ стрѣльбу и другой броненосецъ, внося адъ и смерть въ наши маленькія бухты. Снаряды большей частью падали въ воду и своимъ взрывомъ поднимали высокіе столбы ея, въ видѣ гигантскихъ фонтановъ. Но вотъ одинъ изъ нихъ разорвался около «Побѣды» и осколки засвистѣли на берегъ; вотъ другой коснулся борта «Ретвизана» и видимо оскол-

ками ранилъ людей, такъ какъ на палубѣ замѣтна поднявшаяся суета. Меня поражало, съ какой точностью велась стрѣльба: пристрѣлка производилась прямо таки идеально и ни одинъ изъ выстрѣловъ не выходилъ изъ бассейновъ; причемъ, нужно замѣтить, что стрѣльба велась съ дистанціи 15-18 верстъ. Предѣльная дальность нашихъ береговыхъ орудій была $9^1/_2$ верстъ, а потому всѣ они молчали, за исключеніемъ «Пересвѣта» и «Ретвизана», которые изъ бассейна вели также перекидную стрѣльбу. Такъ какъ паденія снарядовъ сближались, то, изъ предосторожности, мы по тропинкѣ спустились внизъ къ подошвѣ горы, направляясь въ городъ той же дорогой черезъ портъ; но тутъ неожиданно попали въ поражаемое пространство, т. к. въ то же время японцы обстрѣливали и восточный бассейнъ. Отступать нельзя было, но и двигаться впередъ опасно, т. к. осколки ложились впереди насъ; перекрестившись и ободряя другъ друга, мы двинулись впередъ; вдругъ раздался страшный взрывъ снаряда, упавшаго у борта «Севастополя», находившагося отъ насъ въ разстояніи не болѣе ста сажень. Осколки просвистѣли надъ нашими головами и упали около мастерской, мимо которой въ то время проходили; на «Севастополѣ» начали поливать палубу водой, изъ чего предположили, что тамъ произошелъ пожаръ. Мы ускорили шагъ и благополучно выбрались изъ порта къ городскому саду—этажеркѣ; но въ это время вновь раздался грохотъ разорвавшагося снаряда, какъ потомъ оказалось, у борта «Полтавы», осколки котораго просвистѣли во дворъ Намѣстника. Положеніе наше становилось очень опаснымъ, почему мы двинулись въ обходъ, прикрываясь отъ выстрѣловъ скалистой горой и вышли на Широкую улицу, по которой направились къ почтовой конторѣ. Вездѣ было пусто; всѣ магазины оказались запертыми и если бы не стоявшій на улицѣ городовой, то можно было бы предположить, что городъ вымеръ. По дорогѣ въ контору, надъ нами вновь со свистомъ пронеслись осколки и врѣзались въ скалу сзади магазина Ауэргаммера. Только въ конторѣ, прикрывавшейся скалистой горой, мы почувствовали себя въ безопасности. Захвативъ письма и газеты, мы пошли къ полк. Тыртову

подѣлиться нашими впечатлѣніями и утолить голодъ, т. к. съ утра, кромѣ чаю, ничего не ѣли. Вскорѣ непріятельская эскадра ушла, закончивъ свои операціи ровно въ часъ дня. Тутъ мы узнали, что нашими снарядами значительно поврежденъ японскій крейсеръ «Такасаго» и что японцы выпустили по городу до 200 снарядовъ; по донесенію же адмирала Макарова, ихъ было выпущено только 154 изъ 12″ орудій, почти на сумму до ста тысячъ рублей. Это подало поводъ ген. Стесселю отдать въ приказѣ съ топорной ядовитостью, что вѣроятно у японцевъ есть «дядюшка богатый», т. к. они не жалѣютъ денегъ, выпустивъ въ пустую снарядовъ на такую громадную сумму и не причинивъ никакого вреда. Однако, на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. Разставшись съ Т...., мы пошли въ портъ узнать о нашихъ потеряхъ, т. к. онѣ могли быть только тамъ; туда уже прибывала публика и тутъ-же въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть раненыхъ, привезенныхъ съ «Ретвизана» въ количествѣ 12 человѣкъ, въ томъ числѣ убитаго на немъ часового.

Всѣ раненые до того были жалки, что глядя на нихъ, сердце надрывалось тоской. Вотъ одинъ съ разбитой рукой, у другого раненъ подбородокъ; одному раздробило кости ноги и онъ безпомощно лежитъ на носилкахъ, но не стонетъ; другому, какъ ножемъ, срѣзало осколкомъ кончикъ носа; всѣ были уже перевязаны. Тяжелое впечатлѣніе произвела процессія переноски и перевозки въ госпиталь тѣхъ, которые не въ состояніи были идти; получилась длинная печальная лента экипажей и носилокъ, извивавшихся по улицѣ въ направленіи къ госпиталю, сопровождаемыхъ толпой народа. Въ тотъ же день мнѣ пришлось пережить впечатлѣнія по поводу еще одной жертвы бомбардировки—баронессы Франкъ.

Домъ Сидорскаго, въ которомъ она была убита, выходилъ окнами гостиной и спальни на площадь передъ Штабомъ, гдѣ, какъ я и видѣлъ съ Золотой горы, упало нѣсколько снарядовъ. Наружная стѣна этого дома свидѣтельствовала, что именно здѣсь произошло несчастье, т. к. буквально была изрыта осколками снаряда, стекла выбиты, а въ нѣкоторыхъ окнахъ разрушены и переплеты

рамъ. Возлѣ дома на улицѣ стояла густая толпа народа. Чернымъ ходомъ я прошелъ въ ту комнату, гдѣ произошла катастрофа. То, что я увидѣлъ здѣсь, не поддается описанію: стѣны, полъ, потолокъ и стоявшіе въ комнатѣ піанино, столъ, стулья, умывальникъ и кровать—сплошь были забрызганы кровью и частичками мозга; только въ одномъ мѣстѣ на полу была большая лужа крови; стѣны и печка, кромѣ того, были испещрены пробоинами; полъ въ изобиліи покрылся осыпавшейся известкой, подъ которой лежали часы, дамскія шпильки, карамель и т. под.; за порогомъ въ сосѣдней комнатѣ я увидѣлъ сравнительно большой кусокъ мозга, влетѣвшій туда, видимо, въ открытую дверь. По прибытіи, я уже засталъ тамъ егермейстера Балашева, который и передалъ мнѣ общія свѣдѣнія о несчастьѣ. Ни барона Франка, ни его дѣтей я въ городѣ тогда не могъ розыскать, почему немедленно поѣхалъ въ госпиталь, въ надеждѣ встрѣтить его тамъ. Войдя въ часовню, куда были доставлены несчастныя жертвы этой катастрофы, я увидѣлъ на столахъ три трупа: на одномъ лежалъ Сидорскій, лице котораго было блѣдное, спокойное и онъ казался спящимъ; съ правой стороны шеи его видна была ранка, изъ которой въ изобиліи сочилась кровь; очевидно, незначительнымъ осколкомъ была разсѣчена сонная артерія, что и причинило моментальную смерть, т. к. по разсказу врача, на трупѣ, кромѣ незначительныхъ царапинъ, поврежденій серьезныхъ не оказалось; на другомъ столѣ лежало подъ простыней два трупа—баронессы и 18-ти-лѣтней дѣвушки Валевичъ, очень красивой, съ правильными чертами лица и густыми бархатными рѣсницами; у первой совершенно отсутствовала голова и только короткій конецъ шеи, какъ бы обрѣзанной ножемъ, былъ прикрытъ не большимъ пасмомъ черныхъ волосъ; у второй, на три пальца ниже правой груди, оказалась рана величиною въ серебрянный рубль. По разсказу врача, Валевичъ была принесена въ госпиталь еще живой; она мало жаловалась на боль, но не переставала ругать японцевъ, которые ей причинили несчастье; вскорѣ послѣ перевязки она начала жаловаться на боль въ животѣ, послѣ чего, спустя минутъ десять, тихо скончалась. По его мнѣнію, осно-

локъ снаряда, войдя въ бокъ сверху—внизъ, проникъ черезъ діафрагму въ животъ и произвелъ разрушеніе кишечника, что и вызвало смерть. Съ тяжелымъ чувствомъ я уже вечеромъ возвратился домой и за чаемъ все подробно разсказалъ Воскресенскому, пріѣхавшему въ Артуръ совмѣстно со мной. Выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, онъ грустно поникъ головой. Здѣсь кстати замѣчу, что В...., глубокій старикъ и больной, былъ противъ его воли командированъ въ Артуръ вмѣстѣ со мною, для исполненія обязанностей секретаря; безъ ущерба для дѣла его вполнѣ можно было замѣнить другимъ помощникомъ, болѣе молодымъ и здоровымъ, но по протекціи оставленнымъ во Владивостокѣ.

На другой день утромъ баронъ Франкъ сообщилъ мнѣ, что самое несчастье произошло при такихъ обстоятельствахъ. Около 10 часовъ утра, когда стрѣльба усилилась по городу, онъ предложилъ женѣ отправиться къ своему знакомому прис. пов. Сидорскому, у котораго въ то время гостила барышня Валевичъ, дочь желѣзнодорожника, пріѣхавшая изъ Дальняго. Жена долго отказывалась и не хотѣла уходить, но онъ настоялъ, объяснивъ, что такія тяжкія минуты легче переживаются въ обществѣ. Взявъ дѣтей, они отправились и около 11 часовъ сѣли пить кофе въ столовой, окна которой выходили во дворъ и были защищены отъ осколковъ снарядовъ наружными комнатами, выходившими на площадь. Такъ какъ въ столовой оказалось очень холодно, то они перешли въ самую теплую комнату—злополучную спальню и тамъ продолжали пить кофе и разговаривать. Въ моментъ пораженія за столомъ сидѣли онъ съ старшей дочерью, Сидорскій и Валевичъ; жена же его стояла спиной къ окну и весело разсказывала о томъ, что она вовсе не боится смерти и что на нее не производитъ впечатлѣнія бомбардировка. Въ этотъ моментъ произошелъ страшный грохотъ и онъ одновременно увидѣлъ падающей свою жену и стремительно вылетѣвшую изъ комнаты Валевичъ съ крикомъ—«помогите»—«спасите». Не подозрѣвая, что съ женой случилось тоже несчастье, онъ бросился въ коридоръ, съ цѣлью оказать помощь Валевичъ. Возвратившись въ комнату, онъ увидѣлъ лежавшую на полу жену безъ головы, а Сидорскаго

сидящимъ у стола и склонившимся на руку,—онъ тоже былъ мертвъ; у дочери только глаза оказались засыпаны известкой.

28 февраля происходило погребеніе этихъ первыхъ несчастныхъ жертвъ войны, кромѣ Валевичъ, которая была для погребенія перевезена отцемъ въ Дальній. Въ госпитальной церкви стояло четыре гроба, изъ нихъ въ двухъ были также жертвы войны—два механика землечерпательнаго каравана, работавшіе во время боя на «Ретвизанѣ». Баронессѣ на мѣсто головы была сдѣлана волнистая подушечка изъ бѣлаго крепа и похоронена она была на военномъ кладбищѣ. Возвращаясь оттуда, я и не подозрѣвалъ, что вскорѣ мнѣ вновь прійдется тамъ быть и хоронить близкаго мнѣ по духу человѣка.

Эта катастрофа произвела на меня сильное впечатлѣніе. До того времени я не представлялъ сознательно картины страшнаго разрушенія, производимаго снарядами и даже отгонялъ отъ себя мысль объ этомъ; увидѣвъ же ее въ дѣйствительности, она невольно всплывала въ моей памяти при каждомъ выстрѣлѣ. Стыдно сознаться, но я чувствовалъ, что съ этого времени начинаю бояться снарядовъ и этого чувства я долго не могъ побороть, пока не внушилъ себѣ, что «чему быть, того не миновать». На этомъ со мной вполнѣ согласился и мой пріятель В...., съ которымъ мы обстоятельно, сидя у горящей печки за стаканомъ чаю, разбирали этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, у баронессы было предчувствіе, когда она отказывалась идти къ Сидорскому и только уступая просьбамъ мужа, чрезвычайно волновавшагося, она пошла и именно въ тотъ домъ, гдѣ должно было произойти несчастье. Находясь здѣсь, благодаря цѣлому ряду мелкихъ случайностей, жертвы попадаютъ въ ту именно комнату, которая оказалась на прямой линіи поражаемаго пространства: столовая, ни однимъ осколкомъ нетронутая, оказалась холодной на-столько, что нельзя сидѣть; на бѣду—самой теплой оказывается та комната, которая буквально засыпается осколками, а въ смежной съ нею гостинной—ни одного. И какая иронія судьбы: баронесса падаетъ пораженной въ тотъ моментъ, когда она высказала свою мысль, что не боится смерти и бомбардировка впечатлѣнія на нее не производитъ.

«Нѣтъ», заключилъ В...., «что ни говорите, а судьбой человѣка руководитъ фатумъ, и что предназначено ему, то должно и случиться. Никто не можетъ измѣнить этого предопредѣленія и я глубоко убѣжденъ въ послѣднемъ, хотя это и не согласуется съ христіанской точкой зрѣнія. Взять хотя бы ваше путешествіе по Золотой горѣ и черезъ портъ: развѣ вы не подвергались бо́льшей случайности, чѣмъ баронесса; развѣ шальной осколокъ не могъ раздробить вашего черепа; но ни одинъ изъ нихъ не коснулся даже волоска головы вашей. Отсюда я заключаю, что мы уѣдемъ изъ Артура живыми, т. к. еще въ Одессѣ, передъ выѣздомъ на Востокъ, я видѣлъ хорошій сонъ, какъ доброе предзнаменованіе».

Слушая В...., я невольно соглашался съ его доводами; въ послѣднемъ только ошибался бѣдняга В...., не подозрѣвая, что черезъ девять дней я буду провожать и его на мѣсто вѣчнаго упокоенія, куда сегодня была снесена нами баронесса.

Тяжелое чувство, пережитое мною съ 26 по 28 февраля, долго томило меня и событія этихъ дней никогда не изгладятся изъ моей памяти. Все, чему я былъ впослѣдствіи свидѣтелемъ, не производило уже на меня того потрясающаго впечатлѣнія, которое испыталъ за эти дни. Оно и понятно: это были первыя впечатлѣнія войны, первыя видѣнныя мною жертвы ея, войны,—проклинаемой почти всѣмъ человѣчествомъ, охотно хватающимся при каждомъ удобномъ случаѣ за оружіе, чтобы размозжить голову ближнему.

Событія 26 февраля, какъ и самая бомбардировка крѣпости, сильно отразились на В.... Хотя онъ и хотѣлъ казаться веселымъ, но замѣтно было, что въ этой веселости была какая-то натянутость, неестественность; при этомъ онъ настойчивѣе началъ увѣрять меня, что предчувствіе не обманываетъ его и что мы оба останемся живы; казалось, что онъ этимъ началъ самъ себя успокаивать. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ силы оставляли этого хилаго, слабаго и больного старика; онъ похудѣлъ и осунулся за послѣдніе дни; удушья грудной жабы стали чаще и малѣйшій неожиданный стукъ производилъ на него сильное впечатлѣніе. Припадки удушья выражались въ томъ, что онъ моментально схватывался съ своего

мѣста, прислонялся къ столу или же къ стѣнѣ и стоялъ неподвижно часъ-два, боясь повернуться въ сторону или заговорить; только при этомъ положеніи, по его разсказу, онъ легко переноситъ эти приступы, и малѣйшій поворотъ въ сторону или же разговоръ—могли бы причинить ему смерть. На день такихъ приступовъ было 3—4. Утромъ 5 марта мнѣ доложили, что В.... боленъ и не встаетъ съ постели. Я тотчасъ же навѣстилъ, найдя его просто таки ужаснымъ: лице худое, блѣдное, глаза мутные, голова горячая, носъ заострившійся. Объяснивъ, что у него разстройство желудка и что при этой болѣзни ему неудобно оставаться въ квартирѣ, онъ просилъ меня отправить его въ госпиталь. Просьбу его я тотчасъ же исполнилъ и вечеромъ того же дня онъ былъ уже въ госпиталѣ. Помню этотъ грустный вечеръ, когда онъ зашелъ проститься со мной и пріѣхавшимъ тогда ко мнѣ ген. Артамоновымъ. Не придавая серьезнаго значенія своей болѣзни, онъ однако былъ не такъ уже самоувѣренъ въ своемъ предсказаніи остаться живымъ и вскользь высказалъ сомнѣніе въ своемъ возвращеніи обратно, послѣ чего перевелъ разговоръ на жену, которая такъ далеко и не въ состояніи помочь ему, причемъ горько расплакался. Мы начали его успокаивать, объясняя такое состояніе его разстроенными нервами, а не предчувствіемъ близкой смерти; начали даже шутить на тему о томъ, что если бы такая болѣзнь влекла за собою смерть, то до сихъ поръ и человѣчество перестало бы существовать.

Но видимо утѣшенія наши были для старика неубѣдительны, т. к., продолжая плакать, онъ просилъ меня выслать женѣ его все содержаніе за мартъ, которое будетъ получено 20 числа, а также добавить и имѣющіяся при немъ деньги; послѣ чего растегнулъ жилетъ и рубашку, снялъ съ шеи полотняный пакетикъ и вынувъ изъ него деньги, вручилъ мнѣ. Успокоившись немного, на прощанье онъ все таки добавилъ, что скоро вернется обратно и что предчувствіе не обманываетъ его въ томъ, что мы оба останемся живы. Послѣ этого утромъ и вечеромъ каждаго дня мнѣ давали изъ госпиталя знать о состояніи его здоровья, которое видимо по-

правлялось. Утромъ 8 марта я получилъ лично отъ него записку, въ которой онъ извѣщалъ, что совершенно поправился и выпишется 9 или 10 марта. Я этому очень обрадовался, т. к. сроднился съ этимъ человѣкомъ въ обмѣнѣ нашихъ мнѣній и впечатлѣній по поводу текущихъ событій. Въ ночь на 9 марта снова повторилась бомбардировка и борьба на морѣ; первый выстрѣлъ засталъ меня за письмомъ. Такъ какъ за день я страшно усталъ, то подъ выстрѣлы и заснулъ. Утромъ громовымъ ударомъ поразило меня извѣстіе, что В.... ночью умеръ. Я тотчасъ же отправился въ госпиталь.

Здѣсь завѣдывающій сообщилъ мнѣ, что при первомъ же выстрѣлѣ В.... схватился съ постели и у него наступилъ приступъ удушья; впродолженіе почти часа онъ стоялъ у кровати, прислонившись къ столику, послѣ чего мертвымъ упалъ на кровать. По заключенію врача, В.... умеръ отъ склероза сердца, осложненнаго удушьемъ грудной жабы, вызваннымъ сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ. Получивъ эти свѣдѣнія, я пошелъ въ часовню, гдѣ на столѣ подъ простыней увидѣлъ лежащимъ въ одномъ бѣльѣ моего милаго компаніона. Лице его нисколько не измѣнилось; было только болѣе серьезно, какъ если-бы онъ разрѣшалъ какую-нибуть трудную задачу; но губы его ввалились, благодаря выпутымъ вставнымъ зубамъ, почему онъ показался еще болѣе старымъ. Всматриваясь въ его неподвижное, нѣмое и спокойное лице, я мысленно бесѣдовалъ съ нимъ на тему о предчувствіяхъ и по поводу его увѣреній, что оба останемся живы. Вдругъ въ мозгу невольно пронеслась мысль, что можетъ быть и мнѣ придется также скоро успокоиться и болѣе не испытывать сквернаго нервнаго состоянія при первомъ выстрѣлѣ. Одна мысль начала цѣпляться за другую и я, какимъ-то невидимымъ для меня образомъ, путемъ сопоставленія событій, цыфръ и вычисленій, пришелъ къ заключенію, что ровно черезъ три мѣсяца я тоже не буду жить. Число «19» почему-то стало для меня роковымъ; при другихъ обстоятельствахъ я посчиталъ бы себя за сумасшедшаго, но теперь, въ данный моментъ, работу мысли я считалъ разумной и основательной. Помню, что уходя изъ

часовни, я былъ глубоко убѣжденъ, что 19 числа, ровно черезъ три мѣсяца, я переселюсь къ моему бывшему земному другу.

При выходѣ, я натолкнулся на болѣе ужасную процессію: въ сосѣднюю часовню стрѣлки несли на доскахъ шесть труповъ, завернутыхъ въ шинели и одѣяла. Оказалось, что это—жертвы сегодняшней бомбардировки и произошло все это при такихъ обстоятельствахъ: на Тигровомъ полуостровѣ есть баракъ команды плавучихъ средствъ, гдѣ жили по нѣсколько нижнихъ чиновъ отъ артурскихъ полковъ; на обязанности ихъ лежало перевозить всѣхъ военныхъ сухопутнаго вѣдомства съ полуострова въ городъ и обратно. Около 6—7 часовъ утра 9 марта, во время бомбардировки, вся команда собралась въ баракъ, куда также зашли двѣ солдатки съ дѣтьми и мастеровой, молодой парень. Около этого же времени снарядъ 12″ орудія влетѣлъ въ баракъ и разорвался въ немъ, осколками котораго и были убиты пять нижнихъ чиновъ и парень; женщины и дѣти остались невредимы. Когда трупы были внесены въ часовню и развязаны, то увидѣнное мною превзошло мое воображеніе: у одного стрѣлка совершенно былъ разрушенъ животъ въ нижней его части, а также обнажены отъ кожи и мускуловъ тазовыя и бедренныя кости, между которыми лежала только масса изъ мяса и тряпокъ; у другого были выжжены глаза, на мѣстѣ которыхъ зіяли черныя глубокія впадины, черепъ же, представляя изъ себя кровавую массу, казался скальпированнымъ; лица остальныхъ хотя и не имѣли поврежденій, были спокойны и какъ бы съ улыбкой, но на трупахъ были такія же поврежденія, какъ у перваго. Вѣчный покой вашимъ душамъ, невинные мученики и жертвы войны, погибшіе вдали отъ родины и родныхъ! Да будетъ проклятъ этотъ бичъ, уносящій самое лучшее и цѣнное въ жизни государства, общества, семьи!

Бомбардировка эта не причинила вреда крѣпости и окончилась около 10 часовъ утра.

Не долго послѣ этого пришлось насладиться отдыхомъ. Свой новый визитъ съ брандерами японцы повторили въ ночь на 14 марта. Хуже всего было то, что эти визиты они устраивали ночью, когда

измучившись въ дневной работѣ, каждый забывался во снѣ хотя на нѣсколько часовъ.

Въ 1 ч. 30 м. ночи грохнулъ выстрѣлъ съ электрическаго утеса; за нимъ послѣдовала батарея № 9, послѣ чего началась канонада по всей береговой линіи и съ судовъ.

Еще 13 марта на разсвѣтѣ наша эскадра, подъ личнымъ начальствомъ адм. Макарова, вышла въ море и взяла курсъ къ островамъ Мяо-Дао. Показавшіяся вдали джонки, по сигналу съ «Новика», были осмотрѣны миноносцемъ «Внимательнымъ», который, увидѣвъ не большой пароходъ, буксировавшій баржу, далъ выстрѣлъ подъ его носъ, приказывавшій остановиться. Задержанный пароходъ оказался «Хан-іенъ-мару». По опросу бывшихъ на немъ японцевъ и китайцевъ оказалось, что этотъ пароходъ получилъ приказаніе японцевъ собирать джонки для перевоза риса, но это ему не удалось въ силу запрещенія китайскаго правительства. Тогда японцы рѣшили захватить сплою джонки въ морѣ; но и это не удалось, т. к. были застигнуты нашей эскадрой. При обыскѣ, на пароходѣ было найдено нѣсколько англійскихъ телеграммъ, полученныхъ японцами изъ Вей-хай-вея, а также захвачено много книгъ, записная книга капитана, двѣ фальшивыхъ китайскихъ косы, 11 китайцевъ и 9 японцевъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ были одѣты въ штатское платье. Это были первые плѣнные на морѣ. «Новикъ» взялъ пароходъ на буксиръ, чтобы впослѣдствіи проводить его въ портъ; но т. к. онъ задерживалъ движеніе эскадры, то съ него была снята команда и нѣсколькими выстрѣлами онъ былъ пущенъ ко дну; миноносецъ же «Боевой» разстрѣлялъ баржу.

У тѣхъ же острововъ на SO были замѣчены четыре парохода подъ англійскимъ флагомъ. По приказанію адм. Макарова, они были осмотрѣны «Аскольдомъ». Эти пароходы оказались принадлежащими англійской компаніи, идущими изъ Чифу въ Инкоо пустыми, почему и были отпущены.

Такимъ образомъ, осмотръ моря не далъ указаній на возможность посѣщенія японцами артурскаго рейда, почему большой не-

ожиданностью было появленіе ихъ въ ночь на 14 марта. Налетъ этотъ однако оказался для нихъ очень неудачнымъ, не смотря на тщательно подготовленные брандеры, съ цѣлью затопить ихъ у входа и преградить выходъ нашей эскадрѣ въ море.

Когда лучами прожекторовъ были уловлены силуэты судовъ, двигавшихся на рейдѣ къ выходу, то, съ началомъ канонады, было приказано миноносцамъ немедленно атаковать ихъ. Первымъ пошелъ въ бой миноносецъ «Сильный», подъ командой лейт. Криницкаго, который и оказался героемъ этой ночи; за нимъ послѣдовалъ миноносецъ «Рѣшительный», до выхода котораго три брандера были уже подбиты береговыми батареями и миной «Сильнаго», получившіе направленіе къ лѣвой сторонѣ выхода, гдѣ и остановились подъ Золотой горой на скалахъ; четвертый же брандеръ на всѣхъ парахъ летѣлъ въ самый выходъ и изъ него производилась стрѣльба по нашимъ батареямъ и судамъ, почему на немъ и былъ сосредоточенъ самый губительный перекрестный огонь батарей и вновь вышедшаго миноносца «Рѣшительнаго». Мина послѣдняго оказала рѣшающее дѣйствіе, попавъ подъ середину брандера и поднявъ высокій столбъ воды, послѣ чего онъ черезъ нѣсколько секундъ затонулъ, причаливъ къ правой сторонѣ выхода у Тигровки. Артиллерія однако оспариваетъ эту честь и относитъ затопленіе послѣдняго брандера огню береговыхъ батарей.

Около 3—4 часовъ утра все было окончено. Утромъ наступившаго дня я отправился на поле битвы и былъ пораженъ гигантской работой ночнаго дѣла. Слѣва, у Золотой горы, стояли три чудовища-брандера полузатопленными, а справа у выхода одинъ лежалъ на боку, подъ угломъ къ ранѣе затопленному; у берега же Золотой горы стоялъ на камняхъ и миноносецъ «Сильный», къ которому я и присталъ. Взойдя на миноносецъ и познакомившись со старшимъ офицеромъ, я узналъ отъ него слѣдующія подробности. Около 2-хъ часовъ ночи, стоя на сторожевомъ посту, онъ увидѣлъ въ лучахъ прожектора надвигавшуюся громаду брандеровъ, въ сопровожденіи миноносцевъ. Получивъ приказаніе двинуться въ бой, лейт. Криницкій моментально ринулся на

нихъ, желая остановить дальнѣйшее движеніе; выпущенная удачно мина оторвала носъ брандеру, что дало послѣднему и шедшимъ за нимъ брандерамъ направленіе къ Золотой горѣ. Въ то же время «Сильный» попадаетъ въ настоящій адъ: противъ него около пяти непріятельскихъ миноносцевъ, открывшихъ по немъ огонь; въ темнотѣ онъ начинаетъ лавировать и неожиданно у самаго носа встрѣчаетъ миноносецъ, но за туманомъ и темнотой ночи не можетъ разглядѣть—свой или непріятеля; наступилъ моментъ нерѣшительности и «Сильный», до опознанія, рѣшаетъ держаться у кормы этого миноносца почти вплотную. Вскорѣ ему удалось опредѣлить двѣ трубы, но и у насъ есть съ такимъ же количествомъ трубъ (нѣмецкой постройки); наконецъ, замѣчаетъ на немъ лампочку, каковой на нашихъ миноносцахъ не бываетъ; но изъ предосторожности даетъ опознавательный сигналъ, въ отвѣтъ на который получаетъ залпъ, послѣ чего начинается борьба на жизнь и смерть. Благодаря спокойствію и распорядительности командира, а также удачному маневрированію, «Сильному» удается наносить вредъ непріятелю и избѣгать существеннаго вреда для себя; когда же удачнымъ непріятельскимъ выстрѣломъ была пробита пароотводная труба, машина перестала дѣйствовать и миноносцу грозила опасность быть захваченнымъ непріятелемъ, то онъ уже на разсвѣтѣ и выбросился на берегъ. Къ несчастью, прорвавшимся въ машинное отдѣленіе паромъ сварило механика Звѣрева и пять нижнихъ чиновъ. По осмотрѣ поврежденій, оказалось: телеграфъ былъ разбитъ и приборъ испорченъ; обойма орудія была совершенно разрушена; пробоины зіяли на трубѣ, машинѣ, палубѣ и боковыхъ подводныхъ частяхъ. Трупъ одного матроса не былъ еще вынутъ изъ машиннаго отдѣленія, откуда въ то время выкачивали воду; по предположенію, онъ, видимо, искалъ спасенія отъ вырвавшагося пара подъ доской въ трюмѣ, куда забился и гдѣ нашелъ свою смерть. Окружавшіе насъ матросы внимательно слушали разсказъ о боѣ и объясненія старшаго офицера. Одинъ изъ кочегаровъ въ концѣ разсказа доложилъ, что онъ чудомъ спасся, выскочивъ изъ кочегарки черезъ узкое входное отверстіе. Я невольно обратилъ

на него вниманіе: лице его не носило и слѣда ничего героическаго; оно было просто и естественно, ни рисовки, ни самодовольства, какъ будто бы онъ никакой опасности и не подвергался. Поразительно, какъ просто русскій солдатъ относится къ своей геройской работѣ!

Впослѣдствіи, при осмотрѣ брандеровъ, на нихъ оказались адскія машины, проводники отъ которыхъ были перебиты выстрѣлами, но не перерѣзаны охотниками, какъ о томъ было тогда же сообщено. Въ тотъ же день миноносецъ «Сильный» былъ снятъ съ камней и введенъ въ докъ.

Обсуждая впослѣдствіи ходъ всего этого дѣла, выслушавъ также разсказы о подвигахъ обѣихъ сторонъ, я не могъ не подивиться вмѣстѣ съ тѣмъ храбрости непріятеля: вести брандеры подъ страшный и сильный огонь батарей и нашихъ судовъ, управлять ими подъ дождемъ этого огня и стрѣлять съ нихъ въ упоръ по нашимъ миноносцамъ,—это что-то сверхъ-естественное, чудовищное; но еще болѣе поразительно, что герои, не достигнувъ цѣли, смѣло высаживались съ брандеровъ въ лодки и уходили на нихъ подъ такимъ же дождемъ нашихъ пуль и снарядовъ. Велика духомъ эта нація и вполнѣ достойный противникъ русскихъ! Честь и слава вамъ, храбрецы, исполняющіе такъ беззавѣтно волю своихъ Государей!

Это вторичное домогательство японцевъ запереть нашу эскадру въ порту, дабы свободно выполнять свои операціи на морѣ по части транспортированія войскъ и припасовъ на материкъ, побудило адм. Макарова принять, съ своей стороны, мѣры къ противодѣйствію этому плану. Еще до 14 марта были затоплены искусственно у выхода изъ порта два нашихъ парохода—«Хайларъ» и «Сунгари»; послѣ же этой попытки были поставлены боны, которые могли бы задерживать непріятельскіе брандеры подъ разстрѣломъ, а также были заложены мины на болѣе вѣроятномъ пути брандеровъ. Этими мѣрами не только преграждалась возможность непріятелю проникнуть въ портъ, но и подойти къ нему близко, и вполнѣ обезпечивался выходъ нашего флота на рейдъ.

III.

Время подходило къ Пасхѣ. Наступало торжество изъ торжествъ, одинъ изъ самыхъ великихъ христіанскихъ праздниковъ. Каждому съ ранняго дѣтства памятны эти торжественные дни, дни душевной тишины, мира и покоя, дни радости и веселья въ кругу родной семьи и близкихъ знакомыхъ; почему еще болѣе тоскливо дѣлалось на душѣ, что въ эти дни, установленные въ память невинно пролитой крови во спасеніе людей, ихъ братскихъ чувствъ и любви другъ къ другу, приходилось точить мечи для пролитія крови. Вспоминалась Россія, родные, дѣти,—и душей овладѣвало очень тяжелое чувство, усилившееся ожиданіемъ чего-то страшнаго, таинственнаго. Каждый спѣшилъ пріобщиться Св. Тайнъ, приготовляясь на всякія жертвы, готовый до единой капли пролить свою кровь за честь и славу дорогой Родины. Душевная тревога еще болѣе усиливалась циркулировавшими среди китайцевъ слухами, что японцы готовятъ 28 брандеровъ, связанныхъ по четыре въ рядъ желѣзными болтами; что одинъ изъ этихъ рядовъ будетъ нагруженъ взрывчатымъ веществомъ такой силы, отъ взрыва котораго должны рухнуть береговыя батареи и городъ; что одновременно съ этимъ будетъ произведенъ дессантъ около Дальняго или вообще на Квантунѣ и наступитъ всеобщая рѣзня. Все это ожидалось на праздникахъ и каждый почему-то былъ увѣренъ, что произойти должно въ первую святую ночь.

На страстной недѣлѣ ко мнѣ прибылъ изъ Москвы вновь назначенный секретарь Сергѣевъ, молодой, съ университетскимъ образованіемъ, общительный, чрезвычайно сердечный и доброй души человѣкъ, настоящій москвичъ. Прибытіе его чрезвычайно меня порадовало, т. к. въ немъ я видѣлъ своего товарища, близкаго мнѣ по духу и взглядамъ, а также вѣрнаго компаніона по работѣ и прогулкамъ, которыя я любилъ предпринимать, съ цѣлью убить свободное время и хотя немного разсѣяться.

Согласно традиціонному обычаю, я купилъ себѣ куличъ, окорокъ ветчины и крашеныхъ яицъ. Этотъ незатѣйливый пасхальный столъ нѣсколько сглаживалъ шероховатости моего горькаго положе-

нія и устанавливалъ тѣсную связь съ Россіей и дорогой семьей, за которой я начиналъ уже порядочно тосковать. Но вотъ наступила и пасхальная ночь. Идя съ С.... около 11 часовъ въ отрядную церковь, я мысленно сравнивалъ свое настоящее душевное состояніе съ прежнимъ въ эту же ночь. Какая чувствовалась глубокая разница! Радостное, до глубины любящее сердце, преисполненное добра и чистыхъ, хорошихъ мыслей въ прежнее время,— теперь было погружено въ какой-то мракъ, въ предчувствіе чего-то недобраго, въ желаніе сейчасъ же броситься съ ножемъ въ рукахъ на врага. Самая обстановка гармонировала такому душевному настроенію: темная ночь, сильный холодный вѣтеръ, пустынность улицы и глубокая тишина, не нарушаемая даже звономъ колоколовъ, такъ весело переливающихся своими ласкающими, радостными звуками въ каждой русской деревнѣ въ эту святую, великую ночь. Войдя въ церковь, а потомъ помогая духовенству внести плащаницу въ алтарь, я мысленно молился объ одномъ,—не омрачить еще болѣе этой великой торжественной ночи гуломъ снарядовъ и людскихъ страданій; тутъ же рядомъ проносились мысли о семьѣ, дѣтяхъ, о переживаемыхъ ими тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, о проливаемыхъ слезахъ въ этотъ «праздниковъ праздникъ»; вспоминалось, что не одна моя семья испытываетъ это,—сотни тысячъ такихъ же переживаютъ тяжелыя минуты теперь; вся Россія трепещетъ сердцемъ за своихъ вѣрныхъ сыновъ, можетъ быть льющихъ кровь въ эту святую ночь. Самое богослуженіе совершалось при закрытыхъ драпировками окнахъ, чтобы свѣтъ сквозь нихъ не служилъ цѣлью для непріятеля, со всѣхъ сторонъ окружавшаго насъ. По выходѣ за духовенствомъ въ обходъ церкви, мы очутились въ темнотѣ, т. к. свѣчи, благодаря сильно дувшему вѣтру, потухли; но скоро глаза освоились съ ней, а когда вышли на сторону, обращенную къ морю, то открылась очаровательная и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно-грозная картина: море было освѣщено прожекторами по всѣмъ направленіямъ и казалось Самъ Христосъ-Страдалецъ въ лучахъ этого свѣта смотритъ на насъ и ласкаетъ своимъ божественнымъ взглядомъ, взирая на наши душевныя страданія и проливая въ наши души

любовь и миръ. Это настроеніе, кажется, не ушло бы и въ томъ случаѣ, если бы неожиданно грянули выстрѣлы, которые несомнѣнно усилили бы иллюзію и были бы приняты за салютъ памяти Его чуднаго воскресенія. Но вотъ остановились у запертой двери и хоръ запѣлъ «Христосъ Воскресе!» Въ этотъ моментъ напряженіе нервовъ достигло высшей степени; у многихъ показались на глазахъ слёзы, а болѣе нервные прямо-таки разрыдались; изъ тысячи устъ это божественное «Христосъ Воскресе» мысленно понеслось въ Россію къ дорогимъ роднымъ.

Тихо и спокойно прошли заутреня и обѣдня; всѣ также тихо и грустно разошлись по своимъ домамъ, какъ и собрались для общей молитвы. Первые три дня прошли совершенно спокойно, чему были крайне удивлены и каждый изъ насъ благодарилъ въ душѣ японцевъ за ихъ деликатное отношеніе къ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ; всѣ радовались, что въ эти три дня не пришлось пролить ни одной капли человѣческой крови. На стражѣ нашего покоя находился и незабвенный нашъ адм. Макаровъ. Онъ ни на одну минуту не сходилъ съ своего поста, готовъ былъ принять бой и достойнымъ образомъ встрѣтить врага. Всякій это видѣлъ и зналъ; его великая, чудная душа была понятна всякому и всякій зналъ также о томъ, что этотъ человѣкъ не спрячется постыдно въ трудный моментъ, никому не дастъ въ обиду себя и другихъ и для каждаго будетъ служить крѣпкой стѣной защиты. Никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, однако, что находимся наканунѣ великаго несчастья, осиротившаго Артуръ, поразившаго такъ глубоко всю Россію, лучшую часть общества всего свѣта. 31 марта, около 10 часовъ утра, я неожиданно получилъ телефонограмму о гибели броненосца «Петропавловскъ». Прочитавъ ее, я буквально остолбенѣлъ и страшная щемящая душу боль сдавила грудь.

Около 11 часовъ утра я отправился въ портъ, по дорогѣ въ который отъ встрѣченныхъ знакомыхъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о гибели адмирала и его штаба, за исключеніемъ спасеннаго Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Пріѣхавъ въ портъ, отъ возвратившагося на катерѣ съ «Пересвѣта» кн. Ухтомскаго я по-

лучилъ подтвержденіе о страшной потерѣ; кто-то изъ стоявшихъ тутъ же сообщилъ, что погибъ также и нашъ извѣстный художникъ Верещагинъ, пріѣхавшій не задолго передъ тѣмъ въ Артуръ и находившійся въ моментъ катастрофы на «Петропавловскѣ»; что та-же участь постигла бы и художника Кравченко, который, къ счастью, опоздалъ къ выходу броненосца въ море.

Всѣ страшно были поражены несчастьемъ и на лицахъ многихъ былъ отпечатокъ не то ужаса, не то отчаянія. Тутъ же въ порту я узналъ слѣдующее. Еще 30 марта отрядъ въ восемь миноносцевъ выходилъ въ море для осмотра острововъ; эти миноносцы получили приказаніе, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, атаковать его. Во время ночного перехода и сильнаго дождя (въ ночь на 31 марта), отъ отряда отдѣлились три миноносца, изъ которыхъ два на разсвѣтѣ пришли въ Артуръ, а третій «Страшный», принявъ въ темнотѣ японскіе миноносцы за свои, пошелъ совмѣстно съ ними, но съ разсвѣтомъ былъ опознанъ непріятелемъ и атакованъ. Послѣ десятиминутнаго боя «Страшный» былъ потопленъ, но на помощь къ нему въ это время приближался «Баянъ», который, отогнавъ выстрѣлами японскіе миноносцы, спустилъ шлюпку и спасъ пять человѣкъ команды, плававшихъ на поверхности воды. Спасая людей, «Баянъ» другимъ бортомъ вступилъ въ бой съ шестью подходившими японскими крейсерами, а потомъ, поднявъ со спасенными шлюпку на бортъ, пошелъ къ Артуру. Въ это же время на помощь къ нему изъ Артура спѣшили «Діана», а за ней «Новикъ», «Аскольдъ» и броненосецъ «Петропавловскъ», на которомъ держалъ свой флагъ адм. Макаровъ.

Всѣ эти суда направились къ мѣсту боя «Страшнаго», куда также подошли японскіе миноносцы и крейсеры. Послѣ короткой перестрѣлки, непріятельскія суда повернули въ море, а вмѣсто нихъ, около 8 час. 40 мин., выступила эскадра японскихъ броненосцевъ изъ девяти судовъ, почему наша флотилія пошла въ Артуръ, гдѣ на рейдѣ къ ней присоединились «Побѣда», «Пересвѣтъ» и «Севастополь». Около входнаго створа миноносцамъ было приказано идти въ портъ, а броненосцамъ вступить въ кильватеръ. «Петропавловскъ»,

будучи головнымъ, повернулъ на востокъ и началъ склоняться въ сторону непріятеля. Въ это время, ровно въ 9 час. 43 мин., у праваго борта его послѣдовалъ взрывъ, а затѣмъ немедленно же второй, но болѣе сильный взрывъ подъ мостикомъ, съ густымъ высокимъ столбомъ желтозеленаго дыма. Послѣ второго взрыва броненосецъ сначала накренился на правый бортъ; потомъ корма его приподнялась кверху, оголивъ винты, которые продолжали работать въ воздухѣ, носомъ же онъ погрузился въ воду, принявъ почти вертикальное положеніе, послѣ чего, спустя $1^1/_2$—2 минуты отъ перваго взрыва, весь объятый пламенемъ, онъ моментально скрылся подъ водой. Князь Ухтомскій, принявъ командованіе надъ эскадрой, далъ приказъ всѣмъ идти въ портъ, перестроившись въ кильватеръ «Пересвѣту», на которомъ онъ поднялъ свой флагъ. При пересѣченіи линіи створа, подъ правымъ бортомъ броненосца «Побѣды» послѣдовалъ также взрывъ мины; хотя и съ большимъ креномъ, ему однако удалось войти въ портъ благополучно. Послѣ несчастья съ «Петропавловскомъ», лодка «Гайдамакъ» спасла плававшихъ на поверхности воды Великаго Князя, двухъ офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ, а всего было спасено семь офицеровъ и 73 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ спасенныхъ былъ и командиръ броненосца капитанъ I-го ранга Яковлевъ, у котораго оказались тяжкія поврежденія головы съ ожогами лица и сломанное ребро. Великій Князь былъ страшно потрясенъ нервно, почему сейчасъ же уѣхалъ на стоявшій у вокзала поѣздъ къ своему брату Борису, съ которымъ и отбылъ немедленно въ Мукденъ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось прочитать слѣдующее донесеніе адм. Того своему правительству: «Когда «Баянъ» открылъ огонь по крейсерамъ третьей эскадры, то къ нему немедленно направились на помощь «Новикъ», «Аскольдъ», «Діана», «Петропавловскъ», «Побѣда» и «Полтава», которые и пошли въ атаку; третья эскадра умышленно отвѣчала медленнымъ огнемъ, и отступая, завлекала русскихъ на 15-ти мильное разстояніе къ востоку, пока на помощь не подошла первая эскадра, извѣщенная по безпроволочному телеграфу, которая быстро перешла въ наступленіе. Русскіе начали

отступать и во время пути «Петропавловскъ» наскочилъ на одну изъ минъ, поставленныхъ въ предыдущую ночь, отчего и затонулъ». Согласно этому донесенію, японцы какъ бы умышленно завлекли нашу эскадру въ море, а потомъ заставили ее отступать именно по тому пути, гдѣ ими были разбросаны мины. Такъ-ли это въ дѣйствительности, трудно сказать; только правдивая исторія выяснитъ этотъ вопросъ. Мнѣ за достовѣрное передавали, что кап. Яковлевъ дважды докладывалъ адм. Макарову о поставленныхъ наканунѣ по пути отступленія японцами минахъ; но онъ не придалъ этому значенія и приказалъ отступать именно по этому направленію.

Тогда же въ порту я встрѣчалъ многихъ изъ моряковъ, которые безусловно вѣрили, что «Петропавловскъ» погибъ отъ японской подводной лодки. Мнѣніе это производило на многихъ удручающее впечатлѣніе, т. к., за неимѣніемъ такихъ лодокъ у насъ, флотъ нашъ былъ бы обреченъ на полнѣйшее бездѣйствіе и дальнѣйшую гибель. Рядомъ съ этимъ другіе, сомнѣваясь въ существованіи у японцевъ этихъ лодокъ, высказывали предположеніе, что «Петропавловскъ» налетѣлъ на нашу же мину. Для меня оставалось, однако, несомнѣннымъ одно, что «Петропавловскъ» погибъ отъ японской мины; еще наканунѣ я слышалъ, что ночью на 30 марта по рейду рыскали непріятельскіе миноносцы и, видимо, разбрасывали мины. Между прочимъ, меня удивило то обстоятельство, что непріятельскій флотъ, видя наше несчастье и общее замѣшательство, не атаковалъ немедленно эскадры и издали любовался гибелью «Петропавловска» и поврежденіемъ «Побѣды». Всѣ были увѣрены, что если бы японцы повели быстрое наступленіе, то могли бы истребить всю нашу эскадру при одиночномъ вступленіи судовъ въ бухту и при томъ переполохѣ, который былъ произведенъ гибелью «Петропавловска» и поврежденіемъ «Побѣды».

Потеря адмирала Макарова—была большая потеря не только для насъ, артурцевъ, но и для всей Россіи; она стоила цѣлой эскадры. На высказанное мною мнѣніе тогда же въ порту генералу С.... о постигшемъ насъ ужасномъ несчастьи, онъ сказалъ, что на

мѣсто Макарова найдется другой Макаровъ и что особеннаго несчастья въ этой потерѣ нѣтъ. Но почтенный генералъ глубоко ошибался: другого Макарова не нашлось; флотъ же, бездѣйствуя за недостаткомъ хорошей головы, почти пересталъ существовать, да и самый морской персоналъ круто измѣнилъ свое поведеніе. Да, отъ всего русскаго сердца жаль тебя, дорогой адмиралъ, отдавшаго свою жизнь за родину и Царя, погибши такъ ужасно! Потеря твоя незамѣнима и скорбь Россіи неутѣшна. О потери твоей жизни жалѣютъ даже враги твои. Такъ, командиръ Огосавара (телеграмма изъ Токіо отъ 5 апрѣля), пишущій отъ имени главнаго японскаго морского штаба, говоритъ, что смерть твоя является потерей для флотовъ всего міра и считаетъ тебя однимъ изъ лучшихъ адмираловъ всего свѣта. Президентъ Рузевельтъ, выражая сожалѣніе по поводу твоей смерти, свидѣтельствуетъ сердечное участіе въ потерѣ, понесенной Россіей въ лицѣ твоемъ. Больше же всего почувствовали эту потерю мы, артурцы, т. к. со смертью твоей—эскадра перестала жить, портъ и рейдъ обратились въ мертвыя пространства, дерзость непріятеля дошла до безстыдства, онъ началъ хозяйничать на рейдѣ, подходя ночью миноносцами на 400—500 сажень къ нашимъ берегамъ, а энергія моряковъ твоей бывшей эскадры, дорогой адмиралъ, умерла!

Находясь подъ впечатлѣніемъ разсказаннаго, я пошелъ навѣстить портовый лазаретъ, куда были перевезены трупы и раненые. Въ покойницкой на столѣ и на полу лежало пять офицерскихъ труповъ, завернутыхъ въ мокрыя черныя шинели, именно—полк. Агапѣева, кап. II-го ранга Васильева, врача Волковича, старшаго артил. лейт. Любима Кнорринга I и мичм. Бурачка; тутъ же находилось и шесть труповъ матросовъ, завернутыхъ въ мокрыя шинели; лица у всѣхъ были черныя, обожженныя, но выраженіе ихъ совершенно спокойное; только лице Кнорринга имѣло ужасный видъ: нижняя челюсть его была разбита и распухла; изъ ранъ сочилась кровь, что придавало лицу страшный видъ; мичм. Бурачекъ, ростомъ маленькій, казался совершеннымъ ребенкомъ; смотря на выраженіе его обожженаго лица, можно было подумать, что

онъ спитъ. Изъ лазарета доносились раздирающіе душу крики и стоны; заглянувъ въ дверь, я увидѣлъ на кровати съ такимъ же чернымъ лицемъ матроса, котораго въ то время бинтовали и увязывали фельдшеръ и сестра милосердія.

Почти вечеромъ я возвратился домой подъ ужасно тяжелымъ впечатлѣніемъ. Голова отказывалась работать, наступила полнѣйшая апатія къ какой бы то ни было работѣ; въ сердцѣ ощущалась такая пустота, что я не могъ даже сѣсть написать письмо. Помню, что меня тяготила ужасно только одна мысль,— какъ сильно будетъ поражена Россія нашимъ несчастьемъ.

1-го апрѣля, около 2 часовъ дня, происходили похороны жертвъ ужасной катастрофы 31 марта. Никогда изъ моей памяти не изгладится эта грустная, тяжелая картина отпѣванія. Происходило оно на маленькомъ дворикѣ портоваго лазарета, гдѣ въ одинъ рядъ были поставлены пять офицерскихъ гробовъ, обитыхъ бѣлымъ глазетомъ и украшенныхъ массой вѣнковъ; сзади ихъ лежали трупы матросовъ по четыре въ рядъ; каждый трупъ былъ зашитъ въ холщевый мѣшокъ; всѣхъ ихъ было тринадцать. При пѣніи «Со святыми упокой», вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни; на глазахъ многихъ стояли слезы. Много горькихъ думъ пронеслось при этомъ въ головѣ: припомнились родные погребаемыхъ, ожидающіе съ нетерпѣніемъ вѣсточки отъ дорогихъ, близкихъ имъ людей. Чувствуютъ-ли они въ этотъ моментъ, что ихъ сыновья, братья, мужья, отцы покончили всѣ разсчеты съ земной жизнью и вскорѣ будутъ скрыты въ мѣстахъ вѣчнаго упокоенія! Сердце разрывалось на части при мысли, что загублено такъ много молодыхъ, полныхъ жизни людей, счастливыхъ еще вчера мыслью на будущее свиданіе съ родными, ожидающими возврата ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ, мечтавшихъ о славѣ и почетѣ! Тутъ же невольно мелькала мысль, что завтра, послѣзавтра, на дняхъ—также, быть можетъ, будутъ хоронить и каждаго изъ насъ, вдали отъ близкихъ сердцу дорогихъ людей. Миръ праху вашему, доблестные воины и мученики, несчастныя жертвы проклятой войны! По окончаніи отпѣванія, гробы и мѣшки были подняты и установлены на

простыя телѣги, каждая въ одну лошадь; при этомъ, по выносѣ покойниковъ со двора на улицу, нарядъ нижнихъ чиновъ взялъ на караулъ и музыка заиграла «Коль Славенъ». Не знаю, чьи нервы могутъ выдержать эти трогающіе душу звуки, но на меня они всегда производятъ очень тяжелое впечатлѣніе; я не выдержалъ и слезы невольно полились.

По укрѣпленіи гробовъ и мѣшковъ на повозкахъ, процессія двинулась на военное кладбище по улицамъ Артура, въ сопровожденіи четырехъ священниковъ и густой толпы народа, при звукахъ похороннаго марша и пѣніи «Святый Боже». Я до того былъ разбитъ душевно, до того усталъ физически, что въ состояніи былъ проводить покойниковъ только за городъ, послѣ чего возвратился домой въ еще болѣе тяжеломъ душевномъ настроеніи.

При сопровожденіи процессіи, я вновь провѣрилъ впечатлѣнія очевидца гибели «Петропавловска» ген. Бѣлаго. По словамъ его, послѣ перваго взрыва броненосецъ моментально принялъ вертикальное положеніе, погрузившись носомъ въ воду, а кормой поднявшись вверхъ; вслѣдъ за этимъ тотчасъ-же раздался новый взрывъ и изъ воды вырвалось громадное пламя, охватившее всю видимую часть броненосца и достигшее вершины мачтъ. Пламя это, по его предположенію, было слѣдствіемъ взрыва пороховаго погреба, а главное минъ, которыхъ на броненосцѣ доходило до 50; взрывъ этихъ предметовъ произошелъ вслѣдствіе детонаціи отъ перваго взрыва. Въ вертикальномъ положеніи броненосецъ находился не болѣе 30 секундъ, послѣ чего опрокинулся и скрылся подъ водой. Времени отъ перваго взрыва до потопленія прошло не болѣе $1—1^1/_2$ минутъ. По разсказу же одного изъ моряковъ З...., послѣ второго взрыва начали взрываться котлы, которыхъ на «Петропавловскѣ» доходило до 30, *) чѣмъ и объясняется какъ его быстрое потопленіе, такъ и масса погибшихъ.

Возвратившись домой, я подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній уснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ, проснувшись на другой день

*) Въ дѣйствительности на «Петропавловскѣ», какъ на «Севастополѣ» и «Полтавѣ», было по 8 цилиндрическихъ котловъ.

поздно утромъ; даже начавшаяся бомбардировка японцами Артура не могла разбудить меня, а началась она около 9 часовъ утра (2 апрѣля).

Первоначально непріятельская эскадра появилась на горизонтѣ около 6 часовъ утра, но вскорѣ скрылась, показавшись вновь около 9 часовъ въ составѣ 23 судовъ. Развернувшись со стороны Лѣотѣшана, она открыла перекидной огонь по береговымъ укрѣпленіямъ Тигроваго полуострова. Нѣкоторыя изъ судовъ нашей эскадры отвѣчали перекиднымъ огнемъ со стороны бухты. Бомбардировка съ перерывами продолжалась до 12 часовъ дня и была совершенно безрезультатна, если не считать нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ китайцевъ случайно упавшими снарядами у Перепелочной горы, вблизи гарнизоннаго собранія. Очевидцы послѣдняго событія разсказываютъ такъ. Одинъ изъ снарядовъ 12″ орудія попалъ въ фанзу маленькаго поселенія, пріютившагося на склонѣ этой горы; фанзу эту буквально сравняло съ землей, на которой осталось пятно въ видѣ щебня. Китайцы, въ высшей степени любопытные, бросились къ мѣсту паденія снаряда, образовавъ толпу человѣкъ въ 12; но въ это время на то же мѣсто упалъ другой снарядъ такого же калибра и отъ китайцевъ осталось только одно кровавое пятно. Шагахъ въ двухстахъ отъ мѣста разрыва находили руки, ноги, головы, но и то въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Того же дня я поѣхалъ на Золотую гору, гдѣ, вооружившись биноклемъ, увидѣлъ на горизонтѣ только два удалявшихся судна. Изъ разговора съ командиромъ батареи по поводу событія 31 марта, я замѣтилъ, что онъ убѣжденный сторонникъ гибели «Петропавловска» отъ японской подводной лодки; онъ утверждалъ, что ее видѣли «собственными глазами» на рейдѣ нижніе чины. Кто именно были эти очевидцы, разсказчикъ не зналъ, добавивъ только, что и раньше этого не только нижніе чины, но и офицеры видѣли неоднократно на рейдѣ плавающей эту лодку и когда доложили объ этомъ адм. Макарову, то послѣдній, пригласивъ къ себѣ очевидцевъ, показалъ имъ проэкты лодокъ. На одну изъ нихъ, имѣвшую на верху не большую башню, очевидцы и указали. Этотъ офицеръ со-

общилъ также, что наканунѣ былъ захваченъ ключъ японской азбуки безпроволочнаго телеграфа, благодаря чему вечеромъ того же дня была прочитана перехваченная депеша, въ которой непріятельскому флоту приказывалось произвести немедленно около Артура десантъ и занять городъ. Содержаніе такой перехваченной депеши дѣйствительно подтвердилось, но японцы, съ цѣлью держать гарнизонъ Артура подъ постояннымъ напряженіемъ, неоднократно прибѣгали къ такимъ уткамъ. Такими утками были 28 брандеровъ со страшно взрывчатыми веществами, подводныя лодки и наконецъ десантъ. Изъ всего этого разсказа меня интересовалъ одинъ только вопросъ,—вѣрилъ-ли Макаровъ въ существованіе подводныхъ лодокъ у японцевъ? Разсматривая его подробно и обстоятельно, я пришелъ къ безусловно отрицательному отвѣту и болѣе всего на томъ основаніи, что всегда осторожный и осмотрительный,—адм. Макаровъ выходилъ въ море съ флотомъ безъ всякаго принятія соотвѣтствующихъ мѣръ охраны противъ этихъ лодокъ; такъ было и 31 марта. Несчастье съ нимъ произошло просто таки фатально, стихійно. Въ Артурѣ долго держался упорный слухъ о томъ, что Макаровъ, принимая благословеніе о. Іоанна Кронштадскаго, получилъ отъ него совѣтъ «ничего не предпринимать на Святой» во имя христіанской любви къ ближнему, и не проливать въ эти дни человѣческой крови. Макаровъ не исполнилъ приказа святого отца, за что и былъ наказанъ Богомъ.

Многіе видятъ въ этомъ пророчество о. Іоанна.

День 2 апрѣля я рѣшился посвятить исключительно прогулкамъ, почему съ Золотой горы отправился въ новый городъ со своими вновь прибывшими изъ Россіи сокомпаніонами Сергѣевымъ и Вельяминовымъ. Кстати, они интересовались домомъ убитаго Сидорскаго. Къ удивленію, въ этомъ домѣ я все нашелъ въ томъ же видѣ, какъ это было и въ день катастрофы: тѣ же разбитые окна и переплеты, та же засохшая кровь и частички мозга на стѣнахъ и потолкѣ, разбросанные по полу шпильки, гребешки, карамель и т. под., отсутствовала только мебель. Въ корридорѣ показали мнѣ даже окровавленную рубаху, которая была на Сидорскомъ въ мо-

ментъ смерти. Невольно являлся вопросъ, не показываютъ-ли всего этого за деньги или не охраняютъ-ли неприкосновенности этой обстановки до пріѣзда слѣдователя. Воздухъ въ квартирѣ былъ ужасный, вслѣдствіе разложенія крови и мозга; между тѣмъ, въ другихъ комнатахъ ея жилъ полицейскій надзиратель, которому, странно, и въ голову не пришла мысль убрать въ комнатѣ и привести ее въ порядокъ.

Оттуда я заѣхалъ къ своему бывшему товарищу нотаріусу Бѣлинскому. «Ну какъ, что? боитесь бомбардировки»? встрѣтилъ я его вопросомъ.—«О нѣтъ! я теперь изобрѣлъ противъ этой язвы средство, которое заключается въ слѣдующемъ: какъ только начинается бомбардировка, я поспѣшно вооружаюсь папиросами и спичками, беру палку и начинаю быстрое отступленіе въ горы, къ казачьему плацу, гдѣ совершенно безопасно и куда не долетаетъ ни одинъ снарядъ; по окончаніи же бомбардировки, но ни въ какомъ случаѣ не раньше двухъ часовъ послѣ того, какъ эскадра скроется за горизонтомъ, я открываю наступленіе на свою квартиру. Все это, однако, продѣлываю только днемъ, т. к. въ ночное время, при быстромъ отступленіи, все равно и даже навѣрняка можно сломать голову по оврагамъ; въ этомъ случаѣ я навѣшиваю матрацы на окна, ложусь въ постель и засыпаю спокойно, предварительно гипнотизировавъ себя, что осколки снарядовъ не пробьютъ толщи матрацовъ». Разсказывая о дѣйствіи снарядовъ 12″ орудія, Б... предложилъ пойти осмотрѣть паденіе одного изъ нихъ у домиковъ министерства финансовъ. Мы охотно согласились. Событіе это имѣло мѣсто 26 февраля, когда жильцовъ еще не было въ нихъ и должны были поселиться тамъ 1 марта. Оказалось, что снарядъ упалъ на улицѣ въ разстояніи 2-хъ сажень отъ домиковъ, противъ каменной ограды, соединявшей ихъ. Діаметръ воронки паденія снаряда былъ около двухъ сажень, а глубина ея не менѣе одного сажня; массивные столбы каменной ограды, около 4-хъ, оказались совершенно разрушенными, веранда одного изъ домиковъ полуразрушена, а поддерживавшія ее колонки были посрединѣ буквально срѣзаны, крыша поднята, а стропила поломаны;

въ окнахъ не осталось ни одного стекла, а стѣны и потолки переднихъ комнатъ одного домика были испещрены пробоинами; также были изрѣшетены и наружныя стѣны домиковъ. При этомъ Б.... разсказалъ такой случай: 12″ снарядъ попалъ въ каменный фундаментъ одного дома, пробилъ его, прошелъ въ землѣ подъ поломъ комнаты до слѣдующей каменной стѣны, но не пробивъ ее, сквозь полъ влетѣлъ въ комнату и остался на полу, обернувшись отъ своего первоначальнаго направленія головкой назадъ, въ какомъ видѣ и былъ найденъ не разорвавшимся. Распростившись съ Б...., я поѣхалъ домой.

Утромъ 2 апрѣля прибылъ изъ Мукдена въ Артуръ и Намѣстникъ, поднявъ свой флагъ на «Севастополѣ». Пріѣздъ его не внесъ въ жизнь артурцевъ ничего веселаго, бодрящаго; напротивъ, всѣ еще болѣе пріуныли, благодаря принятымъ мѣрамъ даже излишней осторожности. Такъ, входъ въ портъ даже днемъ былъ совершенно закрытъ бонами и съ нихъ были спущены сѣтки; но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвела постановка бона въ устьѣ восточнаго бассейна, передъ самымъ носомъ стоявшаго въ немъ «Севастополя». Это всѣмъ указывало на возможную опасность проникновенія японцевъ даже во-внутрь бухты. Въ порту была мертвящая тишина, даже разговаривали почти шепотомъ; всѣхъ томило предчувствіе чего-то тяжелаго впереди. Тяжесть потери Макарова была для всѣхъ очевидна; для всѣхъ ясно было, что нѣтъ человѣка, который могъ бы замѣнить его, поднять духъ флота, влить въ него энергію; безъ флота же трудно было разсчитывать на успѣхъ.

Жизнь становилась тоскливой, безсодержательной, нервно-напряженной. Игравшая по воскреснымъ днямъ на бульварѣ музыка звучала уныло и терзала нервы. Хотя «Новый Край» и старался своими статьями убѣдить японцевъ, что артурцы не унываютъ и веселятся, но такая ложь, не достигая цѣли, еще болѣе раздражала. Да и посѣтителями этого развлеченія обыкновенно являлись женщины легкаго поведенія, наряжавшіяся чуть не въ бальные костюмы. Кавалерами ихъ преимущественно была молодежь изъ моряковъ въ своихъ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмчикахъ и такихъ же баш-

мачкахъ, за что ихъ и прозвали зайчиками. Дѣйствительно, извиваясь около дамъ, они издали были очень похожи на нихъ.

Всѣ съ тревожнымъ чувствомъ ожидали грядущихъ событій и подготовляли себя къ смертному бою. Только прибытіе свѣжаго человѣка изъ Россіи нѣсколько оживляло и давало другое направленіе мыслямъ. Для меня такимъ именно человѣкомъ былъ генералъ Кузьминъ-Караваевъ (профессоръ одной изъ военныхъ академій), прибывшій изъ Петербурга въ распоряженіе Намѣстника, которымъ онъ былъ принятъ не особенно любезно, судя по разсказу генерала. Такъ, на вопросъ Намѣстника, кѣмъ онъ былъ назначенъ и для какой цѣли, послѣ отвѣта, Намѣстникъ холодно сказалъ: «Вы впослѣдствіи получите мое распоряженіе относительно Васъ», котораго генералъ такъ и не получилъ до поспѣшнаго отъѣзда Намѣстника изъ Артура.

Тревожное настроеніе, овладѣвшее каждымъ изъ насъ, еще болѣе усилилось доходившими до насъ слухами о неудачныхъ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи подъ начальствомъ ген. Мищенко въ Кореѣ и его постепенномъ отступленіи изъ послѣдней. Входило-ли это въ планы Командующаго Арміей, никому изъ насъ не было извѣстно, но самый фактъ отступленія производилъ непріятное впечатлѣніе на солдатъ и всѣхъ насъ. Большинство утѣшалось, однако, на мысли, что такова роль кавалеріи; обязанность ея раскрыть силы противника и отступить за нашу сильную позицію на р. Ялу, гдѣ непріятель будетъ встрѣченъ достойнымъ образомъ нашимъ авангардомъ подъ начальствомъ ген. Засулича, расположеннымъ у Тюренчена. Въ такомъ счастливомъ упованіи прошло время до 19 апрѣля, когда сначала неопредѣленныя, а потомъ болѣе точныя свѣдѣнія были получены нами о неудачномъ дѣлѣ на р. Ялу, результатомъ котораго была погибель почти всего 11-го полка и артиллеріи, не успѣвшей отступить.

Это очень сильно подѣйствовало на гарнизонъ. Я съ болью въ сердцѣ ожидалъ полученія подробныхъ свѣдѣній о раненыхъ и убитыхъ, боясь за жизнь моего сына, находившагося въ батареѣ подп. Муравскаго, расположенной на позиціи одной изъ высотъ у Тюренчена.

Тяжелое душевное состояніе еще болѣе увеличилось разнесшимися слухами, что въ ночь на 20 апрѣля съ моря готовится вновь нападеніе японцевъ на Артуръ. Слухи эти въ дѣйствительности оправдались. Около 10 часовъ вечера на это число раздался первый выстрѣлъ съ электрическаго утеса, за которымъ грянули батареи Тигровки, Крестовой горы и канонерской лодки «Отважный». Такимъ салютомъ была встрѣчена, какъ оказалось, первая серія брандеровъ, несшаяся на всѣхъ парахъ въ лучахъ прожектора прямо ко входу въ портъ въ сопровожденіи миноносцевъ. Имъ однако не удалось достигнуть цѣли; благодаря разрушительному дѣйствію орудійнаго огня береговыхъ батарей, они моментально были подбиты и начали тонуть на глазахъ всѣхъ. Орудійный огонь тотчасъ былъ отстановленъ и открыта частая пулеметная и ружейная стрѣльба по шлюпкамъ, въ которыя прыгали японцы съ тонущихъ брандеровъ, ища спасенія подъ защитой своихъ миноносцевъ. Не прошло и получаса, какъ вновь загрохотали орудія по второй серіи брандеровъ, шедшихъ въ томъ же направленіи. Воздухъ снова наполнился страшными звуками выстрѣловъ, свиста снарядовъ и ихъ разрывовъ. Стрѣльба продолжалась около часу и новое нашествіе брандеровъ было отражено съ такимъ же успѣхомъ; орудійный огонь былъ прекращенъ и воздухъ снова наполнился ружейной и пулеметной трескотней. Но не прошло и получаса, какъ въ лучахъ прожектора показалась еще третья серія брандеровъ, стремительно несшихся къ тому же входу, открывъ огонь съ нихъ по нашимъ батареямъ. Вновь грохнули орудія, но съ большей еще силой и энергіей: это былъ адъ страшныхъ звуковъ, лишавшихъ возможности даже вдали отъ мѣста битвы слышать ясно другъ друга. Новые брандеры буквально встрѣтили ливень свинца и чугуна; казалось, не было точки на обстрѣливаемой площади, куда бы не попалъ осколокъ снаряда, несущій вѣрную смерть; въ воздухѣ стоялъ какой-то ревъ, въ безчисленныхъ оттѣнкахъ разносившійся эхомъ по окружающимъ горамъ. Эта чудовищная картина грохота, свиста, треска, свѣта—была нѣчто феерическое, волшебное; казалось всѣ силы ада учавствовали тутъ, по-

могая истреблять людей, безразсудно шедшихъ на вѣрную смерть. Вдругъ, среди этого страшнаго хаоса, по приказанію Намѣстника, подъ Золотой горой послѣдовательно взвились три ракеты: это былъ сигналъ нашимъ миноносцамъ къ атакѣ; орудійный огонь мгновенно былъ остановленъ въ ожиданіи послѣдней. Къ крайнему изумленію всѣхъ, миноносцы почему-то не вышли и многіе изъ японцевъ ушли безнаказанно на своихъ шлюпкахъ; не успѣвшіе же спастись, погрузились съ брандерами въ воду или же сами бросались съ нихъ въ глубокую пучину. Въ результатѣ—было затоплено всего десять брандеровъ и погибло два непріятельскихъ миноносца. Всѣ брандеры были вооружены скорострѣльной артиллеріей и пулеметами, изъ которыхъ непріятель, наступая, стрѣлялъ непрырывно. Затоплены они были вдали отъ выхода изъ порта, благодаря чему третья и послѣдняя попытка японцевъ закрыть выходъ флоту окончилась полной неудачей. На мачтахъ торчавшихъ изъ воды брандеровъ впослѣдствіи было снято до тридцати японцевъ.

По разсказамъ многихъ, японскіе офицеры и нижніе чины, не успѣвшіе спастись при погруженіи брандеровъ, поднимали руки кверху, потомъ мгновенно распарывали себѣ животы кинжалами и бросались въ воду; одинъ же японецъ-офицеръ, выплывшій на берегъ Тигровки, на предложеніе сдаться, началъ стрѣлять изъ револьвера по нашимъ людямъ, но сейчасъ же былъ пристрѣленъ. Утромъ слѣдующаго дня, у Золотой горы, оказалась выброшенной на берегъ лодка, наполненная трупами японцевъ, среди которыхъ особенное сожалѣніе возбудилъ кадетъ-японецъ, мальчикъ лѣтъ 14—15; на груди его найденъ образокъ Божіей Матери и два портрета—видимо отца и матери. Другой такой же ребенокъ былъ взятъ въ плѣнъ раненымъ. Съ нашей стороны раненыхъ и убитыхъ не было. 20 апрѣля состоялось погребеніе убитыхъ японцевъ, которымъ были отданы воинскія почести и трупы ихъ сопровождались музыкой, игравшей похоронный маршъ. Картина погребенія павшихъ вдали отъ родины героевъ производила очень тяжелое впечатлѣніе.

Но видно судьбѣ угодно было терзать насъ, какъ говорятъ, «безъ передышки». Въ этотъ же день появились самые настойчи-

вые слухи о высадкѣ японцевъ на Квантунѣ; называли даже мѣсто этой высадки, именно—городъ Бидзыво и бухту Керъ въ Корейскомъ заливѣ. Еще болѣе были встревожены разнесшимся слухомъ о готовящемся неожиданномъ отъѣздѣ изъ Артура Намѣстника. При тяжеломъ состояніи нашего флота, это значительно ухудшало наше положеніе, т. к. въ эскадрѣ не оставалось ни одного адмирала, на котораго можно было бы вполнѣ положиться; съ другой стороны, неожиданный отъѣздъ Намѣстника указывалъ на угрожавшую Артуру близкую опасность.

Все это каждаго изъ насъ тревожило, волновало и наводило на самыя грустныя размышленія по поводу нашей будущей судьбы. Слухъ объ отъѣздѣ оправдался и самый отъѣздъ состоялся 22 апрѣля. Онъ былъ такъ поспѣшенъ, что одинъ изъ генераловъ Х.... былъ поднятъ съ постели въ одномъ бѣльѣ, въ какомъ видѣ и прибылъ на поѣздъ, имѣя сверху только шинель; прибывшему же въ Артуръ генералу К.... К.... не было даже сообщено объ отъѣздѣ; о немъ забыли и онъ только 24 апрѣля получилъ телеграмму изъ Вафангоо отъ дежурнаго ген. Флуга съ просьбой озаботиться самому о своемъ выѣздѣ изъ Артура. Послѣднія приказанія Намѣстника отдавались поспѣшно, на ходу и были самыя противорѣчивыя, что свидѣтельствовало о его крайней растерянности. Все это производило самое удручающее впечатлѣніе на гарнизонъ. Хотя въ приказѣ Намѣстника отъ 22 апрѣля за № 34 и указывалось, что онъ выѣзжаетъ къ дѣйствующей Арміи по Высочайшему повелѣнію, но, по поспѣшности отъѣзда, всѣмъ было ясно, что онъ спасается отъ возможности быть запертымъ въ Артурѣ. Въ этомъ же приказѣ непріятно поразила гарнизонъ благодарность Намѣстника за выдающіеся труды и неослабную энергію только чинамъ флота; между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что эту «неослабную энергію и выдающіеся труды» проявили береговыя батареи безусловно больше. Приказомъ того же числа за № 31 предписывалось вступить во временное исполненіе должности начальника эскадры контръ-адмиралу Витгефту. Выборъ этотъ былъ положительно неудаченъ, т. к. адм. Витгефтъ эскадрой никогда не коман-

довалъ даже въ мирное время, водить ее въ бой не умѣлъ, былъ въ высшей степени нерѣшительный, кунктаторъ и безъ всякой инициативы.

День 23 апрѣля, день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, для насъ, артурцевъ, оказался къ сожалѣнію самымъ злополучнымъ. Въ этотъ день на парадѣ ген. Стессель объявилъ о нашемъ отрѣзанномъ положеніи, о высадкѣ японцевъ въ Бидзыво и о движеніи ихъ къ Артуру. Того же числа былъ изданъ имъ приказъ за № 157 слѣдующаго содержанія: «Славныя войска укрѣпленнаго раіона! Непріятель 17 и 18 апрѣля перешелъ рѣку Ялу въ большихъ силахъ; наши отошли на позиціи, заранѣе выбранныя. Вчера противникъ произвелъ значительную высадку на Ляодунѣ, южнѣе Бидзыво, близь бухты Кинчанъ. Теперь начнется наше дѣло. Противникъ разумѣется прерветъ сообщеніе по ж. д., а затѣмъ постарается оттѣснить войска наши до Артура и обложить крѣпость. Артуръ оплотъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Вы отстоите его до подхода войскъ, которыя придутъ къ намъ на выручку. Я считаю долгомъ указать вамъ, что необходимо быть всегда бдительными и осмотрительными, готовыми къ тому, чтобы вездѣ встрѣтить противника въ порядкѣ, достойномъ славныхъ русскихъ войскъ. Ни отъ какихъ случайностей не теряться; помнить, что на войнѣ все бываетъ. Спокойствіе—главное. Офицерамъ беречь свои части, патроны и снаряды. Съ Божіею помощью мы выполнимъ трудную задачу, на насъ возложенную».

Итакъ, мы предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, обречены на страшную борьбу съ врагомъ съ моря и суши, вдали отъ родины, родныхъ, внѣ всякой возможности получить отъ нихъ хотя какую нибудь вѣсточку. Мы заключены въ обширную тюрьму: цѣлый городъ, окружающія насъ горы съ укрѣпленіями, море. Есть гдѣ погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ, пройтись, поговорить, поболтать съ знакомыми; но это была страшная тюрьма какъ по своей безсрочности, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, суля въ будущемъ или смерть, или преждевременную старость, или же истрепанные до болѣзненнаго состоянія первы; насъ же семейныхъ кромѣ

того угнетала мысль, что́ будетъ съ нашими семьями, уѣхавшими въ Россію и оставшимися безъ денегъ, выслать которыя не представлялось никакой возможности. Собираясь въ товарищескомъ кружкѣ, мы только и бесѣдовали на тему о томъ, неужели погибнемъ, не узнавъ, что сталось съ нашими женами, дѣтьми, родными!

Сравнивая наше настоящее положеніе съ Севастополемъ, мы завидовали защитникамъ послѣдняго, т. к. они не были разобщены съ Россіей, имѣли непосредственную связь съ ней, находились въ духовномъ общеніи съ родными, поддерживавшими ихъ духъ и энергію, они могли во всякое время разсчитывать на помощь войсками, провіантомъ, оружіемъ; мы же, отрѣзанные отъ всего міра, были лишены самаго существеннаго—духовной связи съ родиной, откуда только и могли почерпать силу и энергію на смертный бой.

Первое впечатлѣніе по поводу высадки было потрясающее; всѣ были поражены такъ быстро и неожиданно наступившимъ моментомъ изолированія. Считаю не лишнимъ привести здѣсь содержаніе передовой статьи «Новаго Края», не переставшей пѣть пѣсню прежняго режима, такъ часто практиковавшейся неправды. Привожу ее дословно.

«Портъ-Артуръ, 23 апрѣля 1904 года. Война вступаетъ въ новый фазисъ развитія. Рядъ извѣстій съ сухопутнаго театра военныхъ дѣйствій указываетъ на начало наступательнаго движенія Японской Арміи. Въ Бидзыво видѣли транспорты непріятельскихъ войскъ для высадки. Оба эти факта свидѣтельствуютъ о томъ, что непріятель рѣшилъ дѣйствовать энергично. Но не есть-ли это *тотъ отчаянный порывъ*, который такъ *свойственъ стоящему у бездны, на самомъ краю?* Если наступательныя дѣйствія на Ялу могутъ еще входить въ тактическій планъ кампаніи, то едвали предположенная высадка въ Бидзыво можетъ быть объяснима иначе, *какъ отчаяннымъ шагомъ, имѣющимъ мало данныхъ на успѣхъ.* Всякій, кто знакомъ съ географическимъ положеніемъ этого пункта, безъ указаній съ нашей стороны, при одномъ взглядѣ на карту, поймetъ, что высадка здѣсь могла имѣть лишь значеніе въ томъ

случаѣ, *если бы была высажена армія, а не отдѣльный, хотя бы въ нѣсколько тысячъ отрядъ*. Фланговое движеніе подобнаго отряда на сѣверъ, по направленію къ Ляояну, было бы парализовано нахожденіемъ въ тылу его П.-Артура съ его гарнизономъ. Движеніе же на югъ, т. е. къ Артуру еще болѣе рисковано. Не говоря о томъ, что этому отряду пришлось бы *форсировать Кинчжоусскія высоты*, раньше чѣмъ дойти *до Артурскихъ твердынь*, онъ неминуемо всегда былъ бы подъ страхомъ одновременнаго нападенія какъ со стороны П.-Артура, такъ и со стороны Ляояна, гдѣ въ настоящее время *сосредоточено вполнѣ достаточное количество войскъ и для отраженія* наступательнаго движенія японскихъ силъ со стороны Ялу и *для удара* въ тылъ высадившемуся отряду въ Бидзыво. Еще вчера мы писали, что чѣмъ больше высадится японцевъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, тѣмъ больше не вернется ихъ на родные острова. И въ данномъ случаѣ не трудно быть пророкомъ. Артуръ неуязвимъ»

Не правда-ли забористо!.... Но каждое слово, каждая мысль этой боевой пѣсни была для всѣхъ очевидной неправдой. Какія, напр., были тогда значительныя силы у ген. Куропаткина, когда онъ самъ едва держался въ Ляоянѣ и ходили упорно слухи о возможности его отступленія къ Харбину; каковы были силы нашего гарнизона, состоявшаго всего изъ двухъ дивизій, обязанныхъ защищать инвалидную эскадру, весь Ляодунскій полуостровъ и на большомъ разстояніи линію обороны крѣпости; что же было бы съ послѣдней, если бы гарнизонъ ея потерпѣлъ пораженіе и былъ разбитъ, увлекшись желаніемъ сразиться «въ чистомъ полѣ»; кто, видѣвъ Артуръ, могъ признать въ немъ «твердыню»; откуда газета позаимствовала свѣдѣнія, что высадился только отрядъ, а не цѣлая армія въ 5—6 дивизій; что представляли изъ себя «Кинчжоусскія высоты» безъ участія нашего флота, погребеннаго въ артурскихъ «твердыняхъ». Совершенно былъ правъ мой пріятель С...., сказавшій, прочитавъ эту статью, что «морякъ и здѣсь сказался, запугивая японцевъ издали словами; но послѣдніе лучше редакціи знаютъ и наши силы, и наше положеніе, и географію Ляодуна».

Отрѣзанность Артура наиболѣе печально отразилась на мнѣ, т. к. я съ нетерпѣніемъ ожидалъ получить хотя какія-либо свѣдѣнія съ Ялу о сынѣ и не получилъ ихъ. Живъ-ли онъ и гдѣ именно находится,—осталось для меня непзвѣстнымъ. *)

Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сцену не замедлили явиться самые невѣроятные слухи и новости, которыя передавались за вѣрныя, не подлежавшія сомнѣнію. Такъ, первая изъ нихъ—о страшномъ пораженіи, нанесенномъ ген. Куропаткинымъ японцамъ у Ташичао, войска котораго преслѣдуютъ бѣгущихъ на югъ японцевъ и что на дняхъ ожидается его соединеніе съ артурскимъ гарнизономъ. Когда все это не подтвердилось, разнеслась другая вѣсть, что ген. Куропаткинъ съ сѣвера, а четвертая дивизія ген. Фока съ юга окружили непріятельскій десантъ и сжимаютъ его какъ въ тискахъ.

Всѣ догадались, что этотъ слухъ навѣянъ статьей «Новаго Края», а потому не повѣрили, почему вскорѣ на смѣну явилась другая версія, что ген. Ренненкампфъ своей кавалеріей отрѣзалъ японцевъ отъ моря, а ген. Мищенко оттѣснилъ ихъ отъ арміи Куроки и они обречены на съѣденіе ген. Куропаткина. Когда и это не подтвердилось, а на смѣну не явилось ничего новаго, тогда пошли разговоры о томъ, что китайская кампанія много повредила намъ, пріучивъ смотрѣть на азіатовъ, какъ на трусовъ, совершенно неспособныхъ къ серьезной войнѣ; она пріучила относиться къ нимъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой, а главное—благодаря ей, въ нашей арміи явилось безчисленное количество героевъ безъ подвиговъ, груди которыхъ увѣнчаны «не настоящими» георгіевскими крестами. При этомъ подробно и съ различными варіантами передавался такой дѣйствительно бывшій случай. Генералъ, производя смотръ и замѣтивъ георгіевскаго кавалера изъ нижнихъ чиновъ, подошелъ къ нему и спросилъ: «Крестъ получилъ за китайскую кампанію?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, это насто-

*) Только въ ноябрѣ я получилъ извѣстіе отъ жены, что сынъ мой былъ тяжело раненъ 6-ю пулями, поднятъ японцами на полѣ сраженія и увезенъ въ Японію, гдѣ и находится въ плѣну, на пути къ выздоровленію.

ящій».—Такой отвѣтъ впачалѣ озадачилъ генерала, но потомъ онъ сообразилъ, улыбнулся и отошелъ. Объяснилось очень просто: за китайскую кампанію было выдано такъ много крестовъ безъ достаточныхъ основаній, что нижніе чины называли ихъ «не настоящими»; опрашиваемый же получилъ крестъ за походъ подъ Геокъ-Тепе.

Русское общество знакомо съ Артуромъ, какъ крѣпостью, весьма поверхностно и слабо, по отрывочнымъ газетнымъ сообщеніямъ, совершенно не точнымъ и даже завѣдомо неправильнымъ; почему, прежде изложенія дальнѣйшихъ событій, я считаю необходимымъ хотя нѣсколько познакомить съ нимъ.

Спросите вы любого защитника Артура, является ли послѣдній въ боевомъ смыслѣ «твердыней», о которой такъ упорно кричали на весь свѣтъ, — вы получите твердый, опредѣленный отвѣтъ «нѣтъ». Ген. Смирновъ, пріѣхавшій въ Артуръ, увидѣвъ его, выразился такъ: «Это не только не твердыня, но даже не укрѣпленный лагерь; это просто помойная яма». Между прочимъ, генералъ этотъ былъ очень свѣдущій въ крѣпостномъ дѣлѣ.

Знакомясь съ крѣпостью со стороны его укрѣпленій, можно было думать, что строители-инженеры предвидѣли возможность борьбы съ непріятелемъ только съ моря, т. к. береговыя батареи были болѣе благоустроены и имѣли бетонныя сооруженія для защиты орудій, пороховыхъ погребовъ и людей отъ дѣйствія непріятельскаго огня. Таковы батареи Золотой горы, электрическаго утеса, Крестовой горы и Тигровки. Вооружены онѣ были пушками Кане 6″, 10″ и мортирами 10″ и 11″ калибровъ. Только впослѣдствіи, при усиленномъ стремленіи японцевъ загородить выходъ брандерами, явилась необходимость дополнить береговую оборонительную линію постановкой орудій меньшаго калибра, для стрѣльбы исключительно по шлюпкамъ и экипажу непріятельскихъ судовъ, если бы послѣднія подошли близко къ выходу изъ бухты. Нѣкоторые изъ артиллеристовъ находили береговую оборону жидкой въ смыслѣ количества орудій Кане, которыхъ было на всѣхъ батареяхъ не болѣе 25; другіе же и калибры этихъ орудій находили для береговыхъ батарей малыми, т. к. самая большая дальность стрѣльбы изъ нихъ не

превышала девяти верстъ; *) но стрѣлять по бронированнымъ судамъ на предѣльную дистанцію было равносильно напрасной тратѣ снарядовъ. Вотъ почему наши батареи молчали, когда непріятель, стоя на разстояніи 15 верстъ или немного болѣе, успѣшно и безнаказанно обстрѣливалъ городъ и портъ изъ орудій 12″ калибра. Золотая гора и Суворовская батарея были вооружены мортирами, огонь изъ которыхъ по судамъ никогда не открывался, благодаря незначительной площади цѣли; между тѣмъ, батареи эти стояли у самого берега моря. Говорятъ, что они вооружены мортирами за недостаткомъ орудій Кане; освѣдомленныя же лица приписывали это рутинѣ нашего Главнаго Артиллерійскаго Управленія, т. к. раньше, при устройствѣ на судахъ двухъ палубъ для защиты ихъ жизненныхъ частей, мортирные снаряды считались отличнымъ средствомъ пораженія; но когда для защиты тѣхъ же частей въ послѣднее время начали устраивать четыре палубы, то снаряды эти потеряли свое значеніе. Всѣ эти батареи могли дѣйствовать и на сухопутный фронтъ, обстрѣливая невидимую цѣль перекидной стрѣльбой по квадратамъ. Такая стрѣльба, для дѣйствительности огня, требовала однако строгой и правильной организаціи спеціальныхъ наблюдательныхъ пунктовъ; къ сожалѣнію, этихъ-то пунктовъ и не существовало; обязанность же эта, по частной просьбѣ, выполнялась свободными людьми сухопутныхъ батарей, ближайшихъ къ паденію снарядовъ.

Такъ какъ правильность корректированія послѣднихъ могла быть точно устанавливаема только путемъ засѣчекъ съ двухъ противоположныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, ближайшая же батарея фактически выполнить этого не могла, то свѣдѣнія о паденіи снарядовъ получались иногда самыя неопредѣленныя, неточныя, вводившія стрѣляющаго командира въ крупныя ошибки. Я самъ лично наблюдалъ на береговой батареѣ № 9 мучительное состояніе командира ея кап. Страшникова, которому сообщалось о перелетѣ снаряда, когда въ дѣйствительности былъ недолетъ или же полу-

*) Это предѣлъ дѣйствительнаго пораженія, но не дальности полета, доходившей до 15—18 верстъ.

чались курьёзные отвѣты, напр. «лучше бы нужно, да некуда». Такъ какъ въ наблюдательной батареѣ люди были заняты своей стрѣльбой, наблюденіями своихъ снарядовъ, то иногда снаряды одной батареи принимались за снаряды другой; иногда сообщенія задерживались передачей по случаю занятія телефона нужными переговорами съ другими батареями, почему по необходимости стрѣльба прекращалась и часто въ тотъ моментъ, когда долженъ быть развитъ самый сильный огонь. Конечно, все это относилось только до стрѣльбы по невидимой цѣли, каковая въ большинствѣ случаевъ и велась самыми сильными калибрами береговыхъ батарей. Въ орудіяхъ Кане ощущался большой недостатокъ, почему напр., батарея № 9, построенная на пять орудій, уже въ началѣ августа осталась только при трехъ, т. к. одно, какъ позаимствованное съ эскадры, было предъ уходомъ послѣдней возвращено обратно, а на мѣсто его поставлена деревянная болванка; другое же разорвалось въ моемъ присутствіи, къ счастью никого не ранивъ изъ прислуги; за неимѣніемъ запаснаго, оно было обращено къ непріятелю казенной частью. Другая бѣда состояла въ неправильности нашихъ картъ мѣстности, вслѣдствіе чего квадраты, на которые была разбита карта, въ дѣйствительности не совпадали съ точками мѣстности, почему нужно было сначала пристрѣляться по квадрату, а потомъ уже по находящейся въ немъ цѣли.

Итакъ, хотя береговыя батареи и оказывали помощь при оборонѣ съ суши по невидимой цѣли, но она не всегда была дѣйствительной, носила случайный характеръ.

Что касается батарей сухопутнаго фронта, то ихъ прежде всего было очень мало, построены только въ одну линію и безъ взаимной обороны между собою. Бетированы были только форты и нѣкоторыя батареи, да и бетоны не были окончены на нѣкоторыхъ фортахъ, какъ напр. № 2. На сколько были прочны бетоны, видно изъ того, что на батареѣ лит. Б. снаряды 12 и 15 с. м. орудій взрывали ихъ поверхность и дѣлали въ нихъ воронки глубиною отъ одного до двухъ футовъ; надъ однимъ изъ казематовъ была сдѣлана воронка глубиною на полтолщины свода и внутри

получилась трещина по направляющей линіи свода; на форту № 1-й были значительно повреждены углы и сдѣлана выбоина глубиною въ $^{17}/_{100}$ сажени; тѣ же поврежденія установлены и на форту № 3 (приказъ 29 августа № 592 и 2 сентября № 409). Закрытій для прислуги при орудіяхъ не было; отсутствовали они также и для резервовъ на позиціяхъ, почему устраивались усиліями самихъ защитниковъ, нерѣдко наканунѣ или же сейчасъ послѣ боя и носили на себѣ самый легкій, примитивный характеръ домашней работы, почему пробивались даже пулями. На Саперной батареѣ такое закрытіе было пробито снарядомъ, а другой, попавшій туда, обвалилъ его и едва не были засыпаны землей командиръ батареи кап. Вельяминовъ и прислуга.

Лично мнѣ на тыловомъ укрѣпленіи (сзади бат. лит. Д) пришлось видѣть стѣнку, построенную инженерами, для прикрытія стрѣлковъ во время стрѣльбы; она состояла изъ тонкой, шириною въ $^1/_2$ аршина, ограды, сложенной изъ колотаго камня въ шахматномъ порядкѣ; сверху этой стѣнки, на высотѣ глазъ человѣка, были положены двѣ доски двухъ-дюймовой толщины, съ просвѣтомъ между ними для стрѣльбы изъ ружей, а сверху досокъ лежали въ два ряда мѣшки съ землей. Такая стѣнка могла быть развалена ударами даже одного снаряда полеваго орудія; кромѣ того, осколками отъ снарядовъ и пуль, проникавшими черезъ просвѣты въ стѣнкѣ, отбивались десятки—сотни мелкихъ частей камня, ранившихъ людей сильнѣе, нежели пули и самые осколки снарядовъ; на этой же батареѣ, въ разстояніи 6—8 шаговъ отъ орудій, былъ устроенъ и погребъ для снарядовъ (пороховой), обращенный дверью къ непріятелю, что уже положительно шло въ разрѣзъ съ правилами инженернаго строительства. Многія изъ начатыхъ постройкою укрѣпленій не были хотя сколько нибудь закончены къ войнѣ и приспособлялись къ оборонѣ усиліями войскъ во время военныхъ дѣйствій, какъ напр. редуты №№ 1 и 2, Куропаткинскій люнетъ, редуты Водопроводный и Кумирнскій, Угловая, Длинная и Высокая горы, а также и всѣ временныя укрѣпленія. Неудивительно, что сыпались нареканія по адресу инженеровъ и въ душѣ

была послана не одна серія проклятій на головы Б..... Г.... и Л.... Укрѣпленія съ суши были слишкомъ близко расположены къ крѣпости, которая при бомбардировкахъ также подвергалась обстрѣлу, вслѣдствіе чего гарнизонъ и жители лишались безопаснаго мѣста.

Самая установка орудій на батареяхъ была совершенно неправильной и невольно бросалась въ глаза даже неспеціалисту военнаго дѣла. Такъ, на самыхъ вершинахъ горъ были сдѣланы изъ свѣжей земли насыпи, а на нихъ совершенно открыто стояли орудія; такимъ образомъ, на вершинѣ горы получался видъ шапки, ясно видной въ окно вагона еще издали, простымъ глазомъ, безъ бинокля; даже можно было опредѣлить число орудій. Когда обнаружилось, что свѣжія насыпи батарей выдаютъ ихъ, то только въ августѣ явилась мысль обложить послѣднія дерномъ, почему инженерное вѣдомство предлагало войскамъ по 50 коп. за кв. саж. такой обкладки. Въ виду трудности добывать на каменныхъ породахъ дернъ, плата эта являлась такой ничтожной, что войска, не смотря на страшную нужду въ деньгахъ вслѣдствіе дороговизны продуктовъ, не согласились и батареи продолжали оставаться въ прежнемъ видѣ. Вслѣдствіе такого устройства батарей, много было подбито орудій; въ началѣ сентября Высокая и Длинная горы остались уже безъ орудій; на Саперной горѣ всѣ орудія были подбиты, но усиліями командира батареи кап. Вельяминова— вновь было устроено нѣсколько орудій. Дороги на вершины батарей были разработаны не по тыловой сторонѣ горъ, а на боковыхъ, видныхъ непріятелю и обстрѣливаемыхъ имъ, почему приходилось пользоваться тропинками (Высокая, фортъ № 2). При мнѣ съ Высокой горы по такой тропинкѣ, имѣвшей наклонъ до 40″, спускали убитыхъ и раненыхъ, за невозможностью пронести ихъ по обстрѣливаемой шрапнельнымъ огнемъ дорогѣ. Здѣсь, въ подтвержденіе сказаннаго считаю необходимымъ привести слѣдующія строки кор. Норрингаарда, состоявшаго при осадной арміи Ноги: «Со времени осады Севастополя, русскіе саперы считались наиболѣе искусными въ мірѣ; но кажется, что послѣ Тотлебена фортификація была ими заброшена. Вполнѣ сознавая важность полевыхъ укрѣпленій и пользуясь

ими при каждомъ удобномъ случаѣ, русскіе оказались однако не въ курсѣ современнаго развитія фортификаціоннаго искусства и большинство ихъ полевыхъ укрѣпленій были того же типа, какой примѣнялся еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Благодаря этому, защитники имѣли мало шансовъ на успѣхъ противъ непріятеля, вооруженнаго новѣйшими мѣткими дальнобойными орудіями.... Укрѣпленія не имѣли бетонныхъ казематовъ для защиты людей отъ огня тяжелой артиллеріи непріятеля.... Не мало недостатковъ можно указать въ сооруженіи многихъ фортовъ и въ особенности батарейныхъ позицій.... Почти всѣ батареи русскіе устраивали на вершинахъ высотъ, рѣзко выдѣлявшихся на фонѣ небеснаго свода, въ виду чего онѣ представлялись отличною мишенью для японскихъ артиллеристовъ, умѣвшихъ удивительно удачно скрывать мѣсторасположеніе своихъ орудій.... Всѣ орудія были установлены на барбетахъ, такъ что ихъ длинныя черныя тѣла, выдвинутыя впередъ надъ брустверами, видны были на далекомъ разстояніи простымъ глазомъ; все это очень серьезные недостатки, устранить которые было легко»... *)

Такой постановкой батарей мы дѣйствительно являли совершенную противоположность японцамъ, умѣвшимъ идеально маскировать свои батареи, становившіяся неуязвимыми для нашего огня. Искусству маскировать батареи только впослѣдствіи мы научились у нихъ, благодаря чему у насъ были цѣлы и орудія, и люди. Это было отмѣчено и приказомъ по укрѣпленному раіону отъ 7 мая за № 217.... «3) въ бою артиллерію подвигаютъ (японцы) на позицію незамѣтно, ставятъ ее очень укрыто и всегда группируютъ большое число орудій, дабы задавивъ нашу артиллерію, перенести артиллерійскій огонь на пѣхоту.... на позиціяхъ окапываются обстоятельно».... Странно одно, что эти условія артиллерійскаго боя признавались необходимыми еще съ кампаніи 1877—78 г.г., но теперь почему-то въ глазахъ ген. Стесселя они пріобрѣтали видъ новинки. Очевидно, мы все перезабыли!...

Японцы нерѣдко прибѣгали и къ такой хитрости: устраивали на видномъ мѣстѣ батарею изъ болванокъ, настоящую же батарею

*) Великая осада П.-Артуръ, стр. 24, 41, 42.

ставили закрыто въ сторонѣ; производя стрѣльбу, они въ то же время дѣлали вспышки на ложной батареѣ, по которой и производилась нами стрѣльба въ увѣренности, что эта батарея стрѣляетъ. Эта хитрость однако вскорѣ была раскрыта и уже не вводила въ заблужденіе нашихъ стрѣлковъ-артиллеристовъ.

Съ закрытіемъ сообщенія, обнаружилась недостача снарядовъ, не смотря на доставленный предъ тѣмъ транспортъ изъ Ляояна; на орудіе оставалось не болѣе половины боевого комплекта. Какъ это случилось,—трудно сказать. Одни говорили, что съ увеличеніемъ по фронту орудій, необходимо было выдѣлить изъ наличнаго комплекта и на нихъ; другіе утверждали, что это былъ недосмотръ. Одинъ изъ почтенныхъ генераловъ объяснялъ это тѣмъ, что у насъ комплекты и до сихъ поръ разсчитываются по табели 1859 года, когда триста снарядовъ на орудіе, при самой частой стрѣльбѣ, разстрѣливались въ два—три года; теперь же, при скорострѣльной артиллеріи, такой комплектъ расходуется орудіемъ въ одинъ только штурмъ. Не беру на себя смѣлости разрѣшать этотъ вопросъ, могу сказать только, что недостача снарядовъ была установлена почти съ разрывомъ сообщенія, до боя при Кинчжоу, а слѣдовательно еще до стрѣльбы изъ орудій. Недостача снарядовъ по необходимости влекла за собою экономію въ тратѣ ихъ, а это сильно отражалось на дѣйствительности нашего огня. Начальникъ артиллеріи ген. Бѣлый, на мой вопросъ по поводу недостачи снарядовъ, объяснилъ мнѣ лично, что онъ неоднократно писалъ въ Главное Артил. Управленіе о немедленномъ снабженіи крѣпости снарядами, но получилъ отвѣтъ, что она въ достаточной мѣрѣ снабжена ими. Послѣ этого онъ послалъ вновь требованіе, уже за подписью Начальника эскадры Макарова, почему передъ самымъ закрытіемъ Артура ему и были высланы снаряды, но въ самомъ незначительномъ количествѣ. Бѣлый говоритъ, что по этому поводу у него сохранилась вся документальная переписка и что онъ хочетъ возбудить разслѣдованіе, т. к. на него, какъ начальника артиллеріи, падаютъ нареканія. Оказавшійся недостатокъ снарядовъ имѣлъ громадное значеніе впослѣдствіи на защиту крѣпости.

IV.

Такимъ образомъ, укрѣпленія съ суши были рѣдкими и слабыми, почему являлась возможность прорыва непріятеля вездѣ, а въ особенности въ центрѣ позиціи (возлѣ форта № 2; Водопроводнаго и Кумирнскаго редутовъ); они были вооружены слабо, почему войска, готовившіяся къ постояннымъ и продолжительнымъ боямъ, преждевременно истощали себя на тяжелыхъ работахъ по исправленію и укрѣпленію ихъ. Этотъ непосильный трудъ отмѣтилъ въ своемъ приказѣ и ген. Стессель отъ 30 апрѣля за № 169: «Я вижу, съ какимъ усердіемъ и трудомъ вооружаются батареи; теперь получены новые пулеметы въ достаточномъ числѣ, многимъ выданы винтовки». Въ виду обнаружившейся впослѣдствіи важности Высокой горы, нижніе чины рылись въ ней какъ кроты даже наканунѣ боя, ища защиты для себя отъ страшнаго губительнаго артиллерійскаго огня. Эти подземные ходы я посѣтилъ сейчасъ же послѣ боя 9 сентября; они представляли изъ себя узкіе коридоры, гдѣ трудно разойтись двоимъ и нужно было идти пригнувшись.—Въ виду всего этого, участники защиты, а въ особенности люди компетентные, были увѣрены, что если бы японцы, во время неожиданнаго нападенія на Артуръ 26 января, высадили въ то же время десантъ хотя бы въ одну дивизію, то крѣпость несомнѣнно была бы взята; этому благопріятствовало и то, что нашихъ войскъ было въ Артурѣ не болѣе бригады. Но этотъ моментъ они утеряли и каждый день, а тѣмъ болѣе мѣсяцъ, благодаря не человѣческимъ усиліямъ гарнизона по укрѣпленію позицій, дѣлалъ эту операцію труднѣе и труднѣе.

Въ виду всего этого Артуръ не только не имѣлъ ни права, ни основаній считаться «твердыней», но даже дѣйствительно не носилъ характера укрѣпленнаго лагеря. Въ своемъ первоначальномъ видѣ Артуръ положительно безнадеженъ былъ въ смыслѣ защиты и уязвимъ въ любомъ его пунктѣ, почему и нельзя было не согласиться съ приведеннымъ выше мнѣніемъ ген. Смирнова. Вполнѣ оправдывалось на Артурѣ также замѣчаніе и одного изъ нашихъ популярнѣйшихъ генераловъ, что «макаки» начинаютъ войну съ «кое-какими».

Только въ мартѣ, по прибытіи въ Артуръ вновь назначеннаго Комендантомъ крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова, человѣка съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, обстоятельно знакомаго съ нуждами крѣпости, ея оборонои и способомъ веденія крѣпостной войны, пробывшаго значительное время начальникомъ штаба одной изъ сильныхъ крѣпостей на западѣ Россіи, закипѣла работа по исправленію хотя самыхъ важныхъ ея недостатковъ.

Гарнизонъ Артура состоялъ изъ двухъ дивизій: четвертой, генерала Фока, въ составѣ 13, 14, 15, 16 полковъ; седьмой, генерала Кондратенко, въ составѣ 25, 26, 27, 28 полковъ; 5 полка второй дивизіи; 3, 4, 7 запасныхъ баталіоновъ и морского десанта, а всего немного болѣе 40 тысячъ штыковъ; кромѣ того, въ крѣпости находилась саперная и минная роты и была образована дружина изъ мирныхъ гражданъ, числомъ около трехъ тысячъ. Четвертая дивизія и 5 полкъ стояли въ передовой боевой линіи, на сѣверѣ Ляодуна, и были предназначены для встрѣчи врага; седьмая же дивизія стояла на позиціяхъ у Артура. Въ 1903 году я лично слышалъ крики рьяныхъ оптимистовъ, въ особенности генерала Стесселя, пугавшихъ словами японцевъ, что Артуръ можетъ защищать одна бригада; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что для его защиты недостаточно было и двухъ дивизій. Мнѣ извѣстно, что одинъ 25 полкъ былъ растянутъ первоначально на разстояніи 15 верстъ, что, при гористой мѣстности и плохихъ укрѣпленіяхъ, дѣлало защиту Артура почти невозможной. Впослѣдствіи, съ приходомъ четвертой дивизіи, недостатокъ этотъ былъ пополненъ на счетъ резерва.

Такимъ образомъ, и со стороны численности гарнизона Артуръ являлся очень слабымъ. Ген. Стессель уже послѣ Кинчжоу доносилъ Командующему Арміей, что войскъ для защиты Артура мало и что долго держаться онъ не можетъ, за каковое донесеніе получилъ большую «нахлобучку» отъ генералъ-адъютанта Куропаткина, о которой я скажу впослѣдствіи.

Въ наличіи описанныхъ выше недостатковъ крѣпости многіе винили генерала Стесселя (нынѣ ген.-адъют.), который, состоя

съ 1901 года комендантомъ крѣпости, за все время до начала войны не принялъ надлежащихъ мѣръ къ снабженію крѣпости не только войсками, но боевымъ матеріаломъ и провіантомъ. На сколько обвиненіе это справедливо,—выяснитъ исторія; мнѣ же кажется, что такая забота всецѣло лежала на Областномъ штабѣ, интендантствѣ и управленіяхъ артиллерійскомъ и инженерномъ. Если же ген. Стесселя и можно винить, то только въ томъ, что онъ, какъ комендантъ крѣпости, не замѣчалъ ея недостатковъ, а если замѣчалъ, то своевременно не доносилъ объ этомъ по начальству, послѣдствіемъ чего б. увѣренность, что крѣпость снабжена всѣмъ необходимымъ. Мало того, не смотря на свою почти интимную близость къ Намѣстнику, Стессель могъ бы настоять и на болѣе солидномъ оборудованіи крѣпости. Хотя съ условіями обороны послѣдней и съ ея потребностями онъ совершенно не былъ знакомъ, былъ въ крѣпости почти лишнимъ человѣкомъ, но недостатки ея были видны даже неспеціалисту военному.

Личность ген. Стесселя, вслѣдствіе раздутой рекламы, стала популярной въ Россіи съ похода въ Китай въ 1900—1901 г.г., въ бытность его тогда командиромъ 3 Вост.-Спб. стр. бригады, которую своими дѣйствительно выдающимися боевыми подвигами, почему-то и кѣмъ-то перенесенными на ген. Стесселя, прославилъ подполковникъ Анисимовъ. Эта же бригада участвовала при взятіи ген. Линевичемъ Пекина, хотя ген. Стессель лично въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ; за эту же кампанію онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст.*). По окончаніи кампаніи, оставаясь командиромъ бригады, расположенной въ Артурѣ, онъ въ 1901 году былъ назначенъ комендантомъ крѣпости, въ каковыхъ должностяхъ и состоялъ до начала русско-японской войны.

---

*) Приказомъ 8 іюля 1900 г. (Рус. Инв. 1900 г. № 149) ген. Стессель награжденъ орденомъ Георгія за выручку изъ опаснаго положенія подп. Анисимова, а также за высокое мужество и отличную распорядительность при взятіи 14 іюня укрѣпленій арсенала около Тзянь-Цзиня, гдѣ взято большое количество боевыхъ припасовъ и нѣсколько орудій. Въ I изд. ошибочно указано, что этотъ орденъ полученъ имъ за взятіе Пекина.

Ген. Стессель—воспитанникъ Павловскаго училища и высшаго спеціальнаго образованія не получилъ. По угловатости своихъ манеръ, рѣзкости въ выраженіяхъ и обращеніи съ другими, онъ въ полномъ смыслѣ былъ типъ армейскаго офицера. Ограничившись только курсомъ военнаго училища, онъ могъ быть хорошимъ полковымъ командиромъ, но ни въ какомъ случаѣ не полководцемъ, т. к. съ другими родами оружія—артиллеріей и кавалеріей онъ совершенно не былъ знакомъ и цѣлесообразно использовать ихъ въ бою не умѣлъ; будучи также незнакомъ съ современной тактикой и стратегіей, онъ не могъ руководить и общей обороной укрѣпленнаго раіона, положительно не обладая при этомъ собственной инициативой.

Вполнѣ симпатичными чертами его характера являлись доступность, внимательность къ нуждамъ нижнихъ чиновъ и быстрыя рѣшительныя дѣйствія въ искорененіи злоупотребленій по службѣ. Такъ, напр., одинъ изъ врачей С...., игравшій значительную роль въ крѣпости, продвинулъ своего протежэ чиновника П...., человѣка въ высшей степени сомнительной репутаціи, дважды бывшаго уже подъ судомъ, въ смотрители одного изъ полевыхъ запасныхъ госпиталей. Ген. Стессель немедленно отрѣшилъ его отъ должности, какъ не соотвѣтствующаго ей, за допущенные безпорядки и злоупотребленія по хозяйственной части, вскорѣ же по вступленіи въ эту должность *).

Съ началомъ русско-японской войны, ген. Стессель былъ назначенъ командиромъ 3 Сибирскаго корпуса, оперировавшаго на Ялу; взамѣнъ же его, какъ я указалъ выше, былъ назначенъ ген.

*) Здѣсь считаю долгомъ привести слѣдующій отрывокъ изъ письма ко мнѣ свящ. Рожд., состоявшаго при означенномъ госпиталѣ: «Вы приписываете ген. Стесселю рѣшительность въ искорененіи злоупотребленій по службѣ и, какъ примѣръ проявленія таковой, припоминаете случай съ П.... На этотъ разъ проявилъ необычную для него рѣшительность нашъ гл. врачъ М. В. Бенедиктовъ, человѣкъ вообще мягкій. Это онъ своей властью уволилъ П...., а генералу Стесселю оставалось санкціонировать это рѣшеніе, что онъ и сдѣлалъ. Да иначе и поступить онъ не могъ, т. к. онъ, во-1-хъ дискредитировалъ бы власть гл. врача, а во-2-хъ оставилъ бы безнаказанными вопіющіе поступки П....».

Смирновъ. Ген. Стессель уже собирался выѣхать изъ Артура, какъ неожиданно для всѣхъ состоялось назначеніе его начальникомъ укрѣпленнаго раіона (всего Ляодунскаго полуострова). Я совершенно справедливо говорю *неожиданно*, т. к. всѣ были поражены назначеніемъ, которое не вызывалось дѣйствительной необходимостью и не оправдывалось обстоятельствами: на сѣверѣ Квантуна дѣйствовала одна только дивизія ген. Фока, которая вскорѣ и должна была войти въ составъ гарнизона крѣпости; до прибытія же этой дивизіи, ген. Стессель изъ крѣпости никуда не выѣзжалъ. Мало того, такое назначеніе б. вредно и для самой крѣпости, т. к. въ послѣдней являлись два почти самостоятельныхъ начальника, между которыми могли возникнуть столкновенія по самымъ пустымъ поводамъ, а слѣд. отразиться неблагопріятно на общемъ ходѣ защиты. Дѣйствительно, отношенія между ген. Стесселемъ и Смирновымъ не замедлили обостриться, поводы къ чему, при мелочно-самолюбивомъ и мстительномъ характерѣ ген. Стесселя, встрѣчались на каждомъ шагу. Здѣсь считаю долгомъ остановиться на болѣе подробной иллюстраціи этихъ отношеній, имѣвшихъ громадное значеніе для обороны крѣпости.

Началомъ недоразумѣній послужило слѣдующее обстоятельство.

Намѣстнику Алексѣеву, по прибытіи его въ Артуръ послѣ смерти адм. Макарова, лицами гражд. управленія было доложено, что ген. Стессель «вредитъ жизни и дѣламъ города», внося своимъ вмѣшательствомъ въ гражданскую часть «много недоразумѣній». Для устраненія на будущее время такихъ проявленій незаконной власти, адм. Алексѣевъ приказалъ начальнику своего штаба ген.-лейт. Жилинскому изготовить приказъ съ указаніемъ, что высшая гражд. власть въ крѣпости и въ предѣлахъ ея эспланады исключительно принадлежитъ Коменданту. Въ свою очередь, съ просьбой составить такой приказъ, ген. Жилинскій обратился непосредственно къ Коменданту, т. к. послѣднему лучше чѣмъ кому либо были извѣстны крѣпостныя положенія. Ген. Смирновъ охотно исполнилъ эту просьбу; приказъ былъ изготовленъ въ штабѣ крѣпости и отданъ безъ измѣненія 14 апрѣля за № 339. Услужливые клевреты

ген. Стесселя, ютившіеся не только при штабахъ, но и въ каждой части войскъ, не замедлили донести ему о заготовленіи этого приказа при штабѣ крѣпости. Ген. Стессель усмотрѣлъ въ этомъ происки противъ него ген. Смирнова и съ этого же момента начинается его явное недружелюбіе къ послѣднему, проходящее красной нитью за все время осады. Выражалось оно не только въ рѣзкомъ обращеніи съ Комендантомъ, въ третированіи его личности, въ явномъ нарушеніи его правъ, но даже въ противодѣйствіи тѣмъ полезнымъ мѣрамъ, которыя предпринимались Комендантомъ въ видахъ успѣшной обороны крѣпости. Это недружелюбіе носило характеръ систематической травли человѣка, проявлявшейся даже въ мелочахъ, съ цѣлью унизить его какъ начальника и показать надъ нимъ свою власть.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу здѣсь рядъ примѣровъ, въ виду важности выясненія этихъ отношеній.

16 апрѣля прибылъ изъ Ляояна арт. капитанъ для закупки продовольственныхъ припасовъ въ Артурѣ, гдѣ и такъ ихъ было мало. Узнавъ, что вывозъ ихъ былъ запрещенъ Комендантомъ, какъ необходимыхъ гарнизону во время осады, этотъ капитанъ за разрѣшеніемъ обратился непосредственно къ ген. Стесселю, который на запискѣ капитана положилъ резолюцію: «Разрѣшаю», направивъ его съ этой запиской прямо въ штабъ крѣпости, для распоряженій о пропускѣ жел. дор. станціей купленныхъ товаровъ. Начальникъ штаба крѣпости, недоумѣвая по поводу такого незаконнаго разрѣшенія, направилъ капитана къ Коменданту; минуя послѣдняго, капитанъ вновь обратился къ ген. Стесселю, но уже съ жалобой на Коменданта. Въ результатѣ очень рѣзкое письмо къ послѣднему со стороны ген. Стесселя.

До отъѣзда Намѣстника изъ Артура, ген. Стессель все таки нѣсколько сдерживалъ себя; по отъѣздѣ же онъ мало стѣснялся, нарушая самыя необходимыя постановленія Коменданта. Такъ, приказомъ послѣдняго отъ 14 апрѣля за № 317 (обязательныя постановленія) всѣмъ безъ изъятія строго предписывалось закрывать огни въ окнахъ и на балконахъ по направленію къ морскому фрон-

ту, чтобы непріятельскіе миноносцы и брандеры не могли по нимъ оріентироваться. Всѣ неуклонно подчинились этому требованію за исключеніемъ ген. Стесселя. Когда же домашнимъ его было сдѣлано напоминаніе объ этомъ черезъ жандарма, то ген. Стессель приказалъ явиться къ себѣ нач. жандарм. ком. князю Микеладзе, пригрозилъ ему арестомъ за это напоминаніе, послѣ чего нарочно продолжалъ держать въ домѣ огни открытыми. Между тѣмъ, домъ его стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и далеко былъ виденъ въ море.

Послѣ этого случая начинается систематическое преслѣдованіе нмъ жандармовъ, которые во второй половинѣ мая были сняты со всѣхъ фортовъ и укрѣпленій и сосланы на Лѣотѣшанъ, не смотря на то, что они положительно были необходимы на каждомъ форту, укрѣпленіи, въ виду установленнаго японцами шпіонства, услѣдить за которымъ могли только жандармы. Кромѣ того, они были необходимыми посредниками между рабочими-китайцами и ихъ подрядчиками, безсовѣстно обсчитывавшими китайцевъ. По одному изъ такихъ эпизодовъ явились пререканія даже между инженерами и нач. жанд. команды. Одолѣли конечно инженеры, обратившіеся непосредственно съ жалобой къ ген. Стесселю, результатомъ чего было очень рѣзкое письмо послѣдняго къ Коменданту.

Этотъ прецендентъ породилъ съ тѣхъ поръ установившееся очень нежелательное явленіе, именно: если кто либо былъ недоволенъ распоряженіемъ Коменданта, онъ всегда находилъ радушный пріемъ у ген. Стесселя и всегда могъ разсчитывать на его поддержку. Такъ, нѣкто подполк. Невядомскій, назначенный приказомъ Коменданта 13 мая № 373 предсѣдателемъ комиссіи по освидѣтельствованію опротестованныхъ, не желая нести этого труда, обратился черезъ другихъ къ ген. Стесселю съ просьбой отмѣнить этотъ приказъ, что послѣднимъ и было сдѣлано. Но еще любопытнѣе исторія съ полиціймейстеромъ Артура Таунемъ. Пожелавъ отличиться, Тауцъ обратился съ просьбой къ Коменданту за разрѣшеніемъ составить отрядъ партизановъ и отправиться на передовыя позиціи. Комендантъ отказалъ, т. к. на-ку полиціи не мало было дѣла и въ городѣ; съ такимъ отказомъ согласился и ген. Стессель.

Когда послѣ этого съ той же просьбой Тауць обратился къ ген. Стесселю, то послѣдній отпустилъ его помимо Коменданта, не увѣдомивъ даже его объ этомъ. Вскорѣ появилось донесеніе Тауца объ отбитіи имъ 240 быковъ и захватѣ плѣнными 50 японцевъ; по разслѣдованіи оказалось, что онъ добылъ у китайцевъ бухты Луиза около 60 коровъ, а на передовыхъ позиціяхъ, и то вовсе не Тауцемъ, было захвачено плѣнными 4 японца.

Вообще, ген. Стессель не стѣснялся отпускать, переводить и назначать подчиненныхъ Коменданту лицъ не только безъ спроса послѣдняго, но даже и безъ увѣдомленія о его состоявшемся уже распоряженіи. Такъ, при означенныхъ условіяхъ прапорщикъ Малченко, состоявшій при штабѣ крѣпости, былъ прикомандированъ къ штабу укрѣпленнаго раіона; командиръ 27 Вост.-Сиб. стр. полка полк. Рейсъ, послѣ смерти ген. Разнатовскаго, былъ назначенъ нач. штаба того же раіона.

Болѣе возмутительный примѣръ представляетъ исторія съ размѣщеніемъ больныхъ по госпиталямъ. Въ видахъ изоляціи больныхъ заразными болѣзнями (тифомъ, дизентеріей, сифилисомъ), Комендантъ рѣшилъ отвести подъ нихъ 5-й запасный подвижной госпиталь на Тигровкѣ. Противъ этого возсталъ ген. Фокъ изъ боязни, что выдѣляемое подъ этотъ госпиталь отъ его дивизіи имущество будетъ заражено. Ген. Стессель принялъ сторону Фока и отмѣнилъ распоряженіе Коменданта. Послѣ этого заразные помѣщались по всѣмъ госпиталямъ совмѣстно съ больными и ранеными до тѣхъ поръ, пока ген. Стессель лично не убѣдился, что они прогрессивно заражаются. Только 10 октября онъ отдалъ приказаніе сосредоточить заразныхъ на Тигровкѣ, которыхъ къ этому времени накопилось уже до 1200 чел. Многіе изъ нихъ, при перемѣщеніи въ холодную пору времени, не вынесли этой эвакуаціи.

Пререканія по возбужденному Комендантомъ финансовому вопросу переходятъ уже прямо въ издѣвательство не только надъ нимъ, но и надъ обороной крѣпости.

Послѣ перерыва сообщенія крѣпости съ дѣйствующей арміей, въ Рус.-Кит. банкѣ не оказалось денегъ, почему находившійся въ

немъ «кредитъ обороны» въ 200 т. фактически не могъ быть расходуемъ. Такъ какъ въ казначействѣ III Сиб. корпуса, командиромъ котораго состоялъ ген. Стессель, наличными было 1 мил. 200 т. р., съ рабочими же по устройству и исправленію укрѣпленій необходимо было производить разсчетъ почти ежедневно, то Комендантъ и направилъ нач. инж. полк. Григоренко къ нему съ просьбой ссудить крѣпости временно 50 т. р., взамѣнъ которыхъ предлагалось сдѣлать на эту сумму переводъ на банкъ, куда притока денегъ можно было ожидать недѣли черезъ двѣ. Ген. Стессель рѣшительно отказалъ въ этомъ не только полк. Григоренко, но и лично обратившемуся къ нему Коменданту, безъ объясненія даже мотивовъ, прибавивъ только, что деньги эти принадлежатъ корпусу и должны быть при немъ. На докладъ Коменданта, что за непмѣніемъ денегъ онъ черезъ 2—3 дня долженъ прекратить спѣшныя и необходимыя работы на укрѣпленіяхъ и фортахъ, ген. Стессель отвѣтилъ, что это «не его дѣло». Поборовъ въ себѣ обиду, Комендантъ немедленно вызвалъ ген. Кондратенко, которому предложилъ сейчасъ-же отправиться къ ген. Стесселю и во-чтобы то ни стало выпросить у него хотя какую нибудь сумму на текущія потребности по устройству крѣпости въ счетъ кредита обороны. Ген. Кондратенко удалось выпросить только 15 т., а впослѣдствіи еще нѣсколько тысячъ, благодаря чему работы не были прекращены.

Этотъ примѣръ окончательно убѣдилъ ген. Смирнова въ невозможности лично вести дѣло съ ген. Стесселемъ, а потому, когда разрѣшеніе вопроса совпадало съ компетенціей послѣдняго, онъ посылалъ къ нему ген. Кондратенко, въ какихъ случаяхъ только и могъ разсчитывать на успѣхъ.

Окончательный разрывъ между генералами Стесселемъ и Смирновымъ наступилъ послѣ боя у Кинчжоу.

Со взятіемъ японцами этой позиціи, ген. Стессель объявилъ въ приказѣ, что главное руководство въ оборонѣ крѣпости онъ принимаетъ на себя, объяснивъ 18 мая лично ген. Смирнову, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ не м. б. двухъ самостоятельныхъ начальниковъ, почему думаетъ расформировать штабъ крѣпости, обративъ

всѣхъ офицеровъ на позиціи, а Коменданта въ свое распоряженіе. На это ген. Смирновъ обидчиво возразилъ, что на должность Коменданта онъ Высочайше назначенъ, что отъ своихъ правъ не откажется и что отмѣнить Высочайшее повелѣніе никто не можетъ кромѣ Государя; что онъ, Стессель, въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательствъ, можетъ *удалить* его отъ должности, но объ этомъ должно быть отдано въ приказѣ. Встрѣтивъ такой отпоръ, ген. Стессель не рѣшился привести въ исполненіе своего плана, заявивъ тогда же ген. Смирнову, что *удалять коменданта отъ должности онъ не намѣренъ*, что онъ, ген. Смирновъ, останется Комендантомъ крѣпости, но *распоряжаться въ послѣдней будетъ онъ*, Стессель, а *законно это или нѣтъ,—всю отвѣтственность беретъ на себя*.

Для многихъ было очевидно, что въ такомъ рѣшеніи ген. Стесселя единственно играла роль боязнь, чтобы ген. Смирновъ не воспользовался одинъ всѣми милостями по защитѣ крѣпости.

19 мая, въ виду указаннаго выше рѣшенія ген. Стесселя, Комендантъ, пригласивъ къ себѣ ген. Кондратенко и полк. Рейса и передавъ до-словно свой разговоръ со Стесселемъ, обратился къ нимъ, какъ къ офицерамъ генеральнаго штаба, съ такими приблизительно словами: «Ген. Стессель, совершенно незнакомый съ артиллеріей и инженерной частью, руководить обороной крѣпости не можетъ; въ виду же неоднократно проявленной имъ трусости, онъ не можетъ руководить и войсковыми частями, т. к. будетъ деморализировать ихъ. Такъ какъ онъ опасается меня, чтобы я не вырвалъ у него лавроваго вѣнка, который онъ такъ искусно плететъ своими донесеніями и рекламой въ газетахъ, то это съ его стороны напрасное опасеніе. Жалобы мои въ данномъ случаѣ мнѣ во вредъ, ибо ген. Куропаткинъ покровительствуетъ ему какъ своему однокашнику—товарищу и на «ты» съ нимъ; адмиралъ же Алексѣевъ благоволитъ какъ къ своему доброму знакомому и вѣритъ въ его мужество. Мнѣ важно одно—разграничить нашу власть. Не желая заводить дрязгъ на всю Россію, готовъ въ той или иной мѣрѣ поступиться нѣкоторыми отдѣлами моей власти, *за исключеніемъ только чистой обороны крѣпости*».

На это Рейсъ заявилъ, что всѣ бывшія до-сихъ поръ недоразумѣнія и непріятности происходили изъ-за дурнаго вліянія на ген. Стесселя разныхъ лицъ и что онъ обѣщаетъ парализовать это вліяніе; въ свою очередь, ген. Кондратенко просилъ Коменданта дать ему диспозицію его, для прочтенія ген. Стесселю предварительно отдачи ея по войскамъ, обѣщая возвратить ее не позже слѣдующаго дня.

Здѣсь кстати замѣчу, что послѣ боя у Кинчжоу Комендантъ изготовилъ диспозицію о размѣщеніи на линіи обороны имѣющихъ вступить въ крѣпость войскъ. Когда 18 мая онъ явился къ ген. Стесселю и хотѣлъ его, какъ своего начальника, ознакомить съ этимъ документомъ, то ген. Стессель не позволилъ даже прочесть ее, объявивъ отдачу послѣдней въ приказѣ не только несвоевременной, но даже и опасной, т. к. черезъ китайскихъ шпіоновъ она могла сдѣлаться извѣстной японцамъ. Странно, что это было сказано послѣ того, какъ ген. Стессель лично отдалъ болѣе подробную диспозицію въ приказѣ 16 мая № 272 о размѣщеніи войскъ на горахъ послѣ катастрофы у Кинчжоу. Очевидно здѣсь игралъ роль другой мотивъ.

На слѣдующій день, 20 мая, ген. Кондратенко возвратилъ Коменданту его диспозицію съ разрѣшеніемъ ген. Стесселя отдать ее по войскамъ *въ свое время (?)*; въ приказѣ же по раіону 20 мая № 285 было указано на раздѣленіе власти между этими двумя начальниками въ редакціи, предложенной Рейсу.

Казалось,—дѣла уладились, но это было только на бумагѣ; фактически же, установившіяся непріятныя отношенія впослѣдствіи выражались въ постоянномъ вмѣшательствѣ со стороны Стесселя въ распоряженія Коменданта, иногда въ отмѣнѣ этихъ распоряженій, въ стѣсненіи его пользоваться своими правами, а впослѣдствіи—въ захватѣ всей комендантской власти по крѣпости, кромѣ обороны послѣдней, лежавшей на ген. Смирновѣ, результаты которой ген. Стессель не стѣснялся однако присваивать себѣ. Такъ, вскорѣ послѣдовало изъятіе ген. Церпицкаго изъ начальствованія надъ лѣвымъ флангомъ и назначеніе его помимо Коменданта ин-

спекторомъ госпиталей; отмѣнены распоряженія Коменданта по передвиженію 120 м. м. пушки на каменномъ фундаментѣ для обстрѣливанія непріятельскихъ блиндажей на Кунсанѣ и по уступкѣ зданія для городской чайной.

Многое изъ сказаннаго были мелочи, которыя возможно было устранить; но онѣ-то болѣе всего первировали человѣка, лишали его должнаго спокойствія и хладнокровія, а въ особенности когда по нѣсколько разъ встрѣчались на день; многое же было и вовсе не мелочи. При этомъ нужно принять во вниманіе злобность характера ген. Стесселя, его беззастѣнчивость въ обращеніи съ подчиненными, необузданность, когда онъ чувствовалъ за собою сильную поддержку, и полное со стороны его игнорированіе законами и правами другихъ лицъ. Тутъ для него не было «удержа»; онъ подчинялъ своему вліянію даже сильные характеры и очень честныхъ людей, опасавшихся открыто выступить на защиту права и закона, въ виду возможнаго надъ ними насилія. Въ подтвержденіе моихъ словъ здѣсь приведу слѣдующій характерный примѣръ изъ «Стесселевскаго режима» *).

Въ составѣ артурскаго гарнизона находился въ 25 Вост.-Сиб. стр. полку нѣкто поручикъ Карселадзе, переведенный съ Кавказа, имѣвшій ордена съ боевыми отличіями и весьма мужественный. Послѣ поврежденія нашего флота японцами 26 января, ген.-адъютантъ кн. Ампилахвари обратился къ нему, какъ къ своему хорошему знакомому, сообщить поскорѣе подробности объ этомъ несчастьи. Карселадзе отправилъ ему еще въ февралѣ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Тифлисъ, ген.-ад. кн. Ампилахвари. Вамъ, храброму русскому солдату и доблестному начальнику, шлю правдивое сказаніе о здѣшнихъ Васъ интересующихъ лицахъ и волнующихъ дѣлахъ. Здѣсь нѣтъ людей долга, а есть бездарные выскочки, лишенные творческой плодотворной и предусмотрительной государственной работы и способностей. Въ этомъ исключительно надо искать причину захвата непріятелемъ инициативы, этого важнѣйшаго

*) Взятъ изъ военно-суднаго дѣла.

ошеломляющаго фактора на войнѣ. 26 и 27 января создали блестящія страницы исторіи японскаго флота. Мнѣ, равно какъ и всѣмъ очевидцамъ отъ начала до конца блестящей, рыцарски безъ страха и упрека, атаки японскимъ флотомъ нашего флота, поддержаннаго молодецкимъ артиллерійскимъ огнемъ нашихъ береговыхъ батарей, рѣшительно непонятно, почему врагъ окрещенъ вѣроломнымъ и коварнымъ. (Въ) Глазахъ истинно великихъ людей японцы заслужили пока полную похвалу и уваженіе. 26 и 27 января во-очію вмѣстѣ съ тѣмъ указало великому русскому народу, кому въ эту роковую минуту вручить свою судьбу. Они уже выбраны свыше. Подъ руководствомъ вновь назначенныхъ полководцевъ, я крѣпко вѣрю (въ) несокрушимость русскаго солдата и матроса. Непріятель слава Богу прозѣвалъ и не съумѣлъ во время воспользоваться всѣми выгодами иниціативы. Но послѣ грома, перекрестившись широкимъ православнымъ крестомъ, мы уже не зѣваемъ. Пока одни подготовленія. Вскорѣ произойдетъ рѣшительное столкновеніе на сушѣ и морѣ».

Согласно ранѣе отданному приказанію ген. Стесселя относительно частной корреспонденціи, эта телеграмма была задержана начальн. артурской почт.-тел. конторы и доставлена въ штабъ крѣпости. Ген. Стессель, находя ее оскорбительной лично для себя и усматривая въ ней признаки измѣны, положилъ такую резолюцію: «Предать военному суду за измѣну». Карселадзе былъ арестованъ.

Военно-прокурорскій надзоръ, не усматривая, съ своей стороны, состава преступленія, просилъ доставить болѣе основательныя данныя для обвиненія въ измѣнѣ и въ оскорбленіи на письмѣ начальника.

Въ это же время была перехвачена другая телеграмма того же Карселадзе, написанная имъ по слѣдующему поводу. Ген-лейт. Богдановичъ, въ виду знаменитаго приказа ген. Стесселя, что Артуръ—его могила и что гарнизону крѣпости остается одно—побѣдить или умереть,—напечаталъ въ газетахъ на его имя адресъ-телеграмму, въ которой говорится, что онъ напомнилъ высокіе завѣты Суворова, Нахимова, Скобелева. Пор. Карселадзе, прочитавъ

послѣднюю, послалъ на имя ген. Богдановича телеграмму такого содержанія: «Мы здѣсь вѣримъ, что Вашъ просвѣщенный умъ, пылкое патріотическое солдатски доброе и храброе сердце мысленно всегда (съ) нами. Но никто изъ знающихъ насъ здѣсь не вѣритъ и не видитъ, въ особенности теперь, Суворова, Нахимова и Скобелева лишь однихъ достойныхъ предводительствовать великимъ русскимъ народомъ (въ) сраженіяхъ и баталіяхъ,—въ томъ, въ комъ Вы ошибочно нашли. Русскій солдатъ». Эта телеграмма также б. доставлена ген. Стесселю, который приказалъ присоединить ее къ дѣлу о Карселадзе.

Не получивъ другихъ данныхъ къ обвиненію Карселадзе въ измѣнѣ, воен.-прокур. надзоръ, усматривая въ содержаніи послѣдней телеграммы неуважительное отношеніе къ лицу своего начальника, внесъ въ судъ обвинительный актъ о Карселадзе, по обвиненію его только въ этомъ преступленіи. За день до судебнаго засѣданія по этому дѣлу, мною, какъ предсѣдательствующимъ въ судѣ, была получена на подсудимаго Карселадзе отличная о немъ аттестація отъ бывшаго его командира 25-го полка полк. Селинена, георгіевскаго кавалера, человѣка безусловно честнаго и храбраго солдата. По ходатайству защитника, эта аттестація была объявлена на судебномъ слѣдствіи, о каковомъ обстоятельствѣ клевреты тотчасъ-же донесли ген. Стесселю.

Послѣ этого, спустя не болѣе недѣли, появился приказъ ген. Стесселя, въ которомъ объявлялся выговоръ полк. Селинену за допущенный имъ безпорядокъ на одной изъ кухонь его полка, гдѣ, при посѣщеніи имъ послѣдней, не оказалось раскладки (продуктовъ), съ угрозой лишить его полка при повтореніи такого безпорядка.

По прочтеніи этого приказа, у меня не оставалось сомнѣнія, что появленіе его вызвано данной аттестаціей и что начинается травля человѣка. Мои догадки вскорѣ подтвердились. Ко мнѣ явился очень взволнованнымъ полк. Селиненъ, разсказавъ слѣдующее. Ген. Стессель, пригласивъ его къ себѣ послѣ отданнаго имъ приказа, долго допрашивалъ его въ присутствіи ген. Кондратенко, кто именно

просилъ его дать аттестацію Карселадзе и не просилъ-ли объ этомъ ген. Костенко. На его неоднократное категорическое заявленіе, что эту аттестацію онъ далъ по собственной инпціативѣ, т. к. зналъ Карселадзе за отличнаго офицера, даже считалъ съ своей стороны служебнымъ долгомъ сдѣлать это, и что со стороны ген. Костенко ему даже намека не было сдѣлано о ней,—онъ, полк. Селиненъ, послѣ настоятельныхъ совѣтовъ сознаться во всемъ съ предупрежденіемъ, что дѣло для него можетъ окончиться плохо,—былъ отпущенъ. Теперь же онъ получилъ отъ своего нач. дивизіи ген. Кондратенко очень страшное письмо, по поводу котораго и явился просить моего совѣта, передавъ при этомъ мнѣ письмо. Оно было написано на синемъ листѣ большаго формата почтовой бумаги за подписью ген. Кондратенко приблизительно слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь Александръ Карловичъ! По приказанію ген. Стесселя увѣдомляю Васъ, что Вы должны немедленно подать прошеніе объ отставкѣ; если же этого не сдѣлаете, то будете уволены въ административномъ порядкѣ. Если прошеніе подадите по своей волѣ, то будете удовлетворены успленными прогонными и Вамъ будетъ исходатайствовано большое пособіе; при этомъ прошеніе подайте заднимъ числомъ».

Прочитавъ письмо, я невольно сталъ втупикъ въ виду такого безцеремоннаго и слишкомъ уже откровеннаго насилія. На лицѣ моего бѣднаго собесѣдника не исчезали слѣды страшнаго душевнаго страданія. Да оно и понятно: онъ, георгіевскій кавалеръ, храбрый солдатъ, командиръ полка,—подаетъ въ отставку въ началѣ же войны!.... Очевидно—трусъ и негодный человѣкъ, котораго при подачѣ такого прошенія нельзя было щадить и смѣло уже «шельмовать» приказами, а тѣмъ окончательно подорвать къ нему всякое довѣріе. Взвѣсивъ все это, я находилъ единственный выходъ изъ такого ужаснаго положенія—немедленный отъѣздъ въ Армію и представленіе ген. Куропаткину полученнаго письма съ просьбой о немедленномъ переводѣ въ Манѣчжурскую Армію,—въ какомъ смыслѣ и далъ совѣтъ полк. Селинену. Вскорѣ онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ Артура, но куда и что сдѣлалъ по означенному

письму,—я не зналъ, забывъ впослѣдствіи даже поинтересоваться его судьбой*). Вотъ какъ страшенъ былъ «Стесселевскій режимъ» и сколько было несчастныхъ жертвъ его произвола и насилія.

Для окончательной обрисовки личности ген. Стесселя, я приведу здѣсь нѣсколько характерныхъ его приказовъ.

.... «4) Во время артиллерійскаго боя (японцы) держатъ пѣхоту далеко и очень укрыто, въ штыки не идутъ, а стараются до возможной степени долго стрѣлять; такъ, 5-го числа пѣшая охотничья команда 13-го В.-Сиб. стр. полка поручика Афанасьева сошлась съ тремя ротами японцевъ; у Афанасьева было 100 человѣкъ, сходились на 100 и даже 50 шаговъ и японцы не бросились въ штыки, а надо полагать, что ихъ было не менѣе 500 человѣкъ. Убыло у Афанасьева 31 человѣкъ, офицеры цѣлы, по моему стрѣльба прескверная, если 500 человѣкъ, сойдясь уже на 100 шаговъ, выпустили бы даже по одной пулѣ и то 500 пуль, да разсказываютъ, что они нарочно выбиваютъ офицеровъ, это тоже вздоръ, этотъ случай показываетъ, что это вздоръ» (пр. 7 мая № 217).

«Всякій день почти я получаю глупыя анонимныя письма, большей частью даже неграмотныя; письма эти наполнены *всякими вздорами* (вѣроятно *вздорными*) *совѣтами;* совѣты эти вызваны трусостью и боязнью за свою шкуру; мнѣ и *время* то нѣтъ читать

*) Въ послѣднее время узнавъ, что полк. Селиненъ состоитъ ком. 36 п. Орловскаго полка и мой близкій сосѣдъ, я поинтересовался исторіей съ письмомъ и написалъ ему, прося подробно увѣдомить меня объ этомъ. На мою просьбу я получилъ отъ него письмо съ датой 26 октября 1906 г., выдержки изъ котораго привожу: «.... еще болѣе сожалѣю о томъ, что не могу исполнить Вашей просьбы. Дѣло въ томъ, что просимое Вами письмо я приложилъ къ прошенію на имя бывшаго Военнаго Министра Сахарова. Прошеніе это было подано еще въ іюнѣ 1904 г. и осталось безъ вниманія. Вѣроятно потому, что имя генерала Стесселя въ то время было очень грозно. А связываться съ такимъ господиномъ не подъ силу и Министру. Когда я, не убоявшись этого героя, сказалъ Сахарову, что *Стессель Артуръ сдастъ* (въ чемъ былъ глубоко увѣренъ), то Сахаровъ чуть не проглотилъ меня; но опомнился и въ наказаніе за такую ересь вмѣсто полка далъ должность уѣздн. в. начальника. Черезъ это дѣло, кромѣ нравственной обиды, я потерялъ все. Всѣ мои товарищи давно генералы, а меня, не смотря на представленія, производить не желаютъ». Письмо это меня очень обрадовало, т. к. изъ него я узналъ, что этого честнаго человѣка, георгіевскаго кавалера, не соблазнили обѣщанныя матеріальныя блага и выгоды; онъ предпочелъ скромную должность уѣздн. воинск. начальника...., сохранивъ за собою имя честнаго солдата.

подобныя глупости. Если мнѣ удастся хотя одного подобнаго писаку узнать и точно установить, что писано имъ, я объявляю, что выселю его вонъ изъ Области въ Кинчжоу пусть несетъ свои совѣты японцамъ. Заявленіе прямо обращенное ко мнѣ, а не анонимъ, я всегда выслушиваю, за глупое заявленіе разумѣется прогоню; за анонимъ же если, повторяю, узнаю, буду поступать какъ выше указано» (пр. 10 мая № 237).

«На основаніи постановленія Приамурскаго Военно-Окружнаго Суда отъ 28 Іюля 1903 г. по дѣлу о стрѣлкѣ 13-го Вост.-Сиб. стр. полка Андреѣ Пивоваровѣ, *былъ привлеченъ въ качествѣ свидѣтеля* того же полка Николай Ермоловъ *обвиняемый въ проступкѣ, за которое* на основаніи выписки изъ книги XXII С. В. П. *1859 г.* (?) Воинскаго Устава о наказаніяхъ ст. 101 пун. б. перевожу стрѣлка 13-го В.-Сиб. стр. полка Николая Ермолова въ разрядъ штрафованныхъ» (пр. 5 мая № 215).

«Сегодня я встрѣтилъ близь церкви двухъ офицеровъ 27-го В.-Сиб. стр. полка съ дамой. На дамѣ была офицерская стрѣлковая фуражка. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ поручикъ Эрбенъ, а дама его жена. Полагаю, что я не долженъ объяснять всю неумѣстность ношенія военной фуражки съ кокардой *лицу* женскаго пола, когда законъ не дозволяетъ носить отставнымъ безъ мундира и запаснымъ внѣ службы. Командиру полка полковнику Рейсъ объявляю замѣчаніе за то, что въ полку имѣетъ мѣсто подобное явленіе, Командующему 7-й Вост.-Сиб. стр. дивизіей наложить на указаннаго офицера взысканіе» (пр. 29 апрѣля № 187).

Каждый изъ этихъ приказовъ редактированъ лично ген. Стесселемъ, каковой работы онъ никогда никому не поручалъ.

Сподвижникомъ и главнымъ вдохновителемъ ген. Стесселя какъ по вопросамъ обороны, такъ и по управленію дѣйствіями различныхъ родовъ оружія и даже флота—былъ ген. Фокъ, начальникъ 4-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи. Георгіевскій кавалеръ, плохо говорившій по русски нѣмецъ,—онъ до начала войны считался самымъ свѣдущимъ въ военномъ искусствѣ и самымъ боевымъ генераломъ. Какія именно событія изъ его боевой дѣятельности послужили

основаніемъ къ такому установившемуся о немъ мнѣнію,—неизвѣстно, если не считать одержанную имъ на маневрахъ побѣду надъ ген. Стесселемъ при атакѣ крѣпости П.-Артуръ; въ средѣ же артурскаго гарнизона, а въ особенности въ своей дивизіи любовью онъ не пользовался за свои непримиримые взгляды на русскихъ офицеровъ, которыхъ открыто называлъ «трусами» и гордился, что не принадлежитъ къ славянской расѣ.

Этотъ генералъ чрезвычайно ревниво относился къ славѣ другихъ высшаго ранга русскихъ офицеровъ, стараясь подорвать въ глазахъ высшаго начальства довѣріе къ нимъ, ихъ авторитетъ и значеніе. Средствомъ для этого служили главнымъ образомъ подаваемыя имъ высшему начальнику (ген. Стесселю) «записки» или «замѣтки», названныя впослѣдствіи «подпольной литературой». Эти записки перепечатывались имъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ на пишущей машинѣ и распространялись въ гарнизонѣ. Содержаніе ихъ большей частью исчерпывалось инсинуаціями по адресу главныхъ дѣятелей обороны — генераловъ Кондратенко, Бѣлаго, Горбатовскаго, полк. Григоренко, которые изображались неумѣлыми и бездарными въ смыслѣ обороны крѣпости.

Во время боя на позиціи Кинчжоу, ген. Фокъ издали видѣлъ, что стоявшая совершенно открыто батарея наша № 15 на горномъ пикѣ подбита орудіями съ непріятельскихъ канонерокъ. Оптическій и звуковой эффектъ разрыва большихъ снарядовъ такъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, что онъ положительно убѣдился въ невозможности держаться подъ дѣйствіемъ снарядовъ флота. Этимъ только и можно объяснить выборъ имъ послѣ боя чрезвычайно нелѣпой позиціи на горахъ Юшлазы-Куинсанъ, въ самомъ широкомъ мѣстѣ полуострова, длиною въ 25 верстъ, вмѣсто чудной Нангалинской позиціи, прикрывавшей г. Дальній и южную часть Квантуна. При выборѣ означенной позиціи, видимо онъ исключительно руководился возможностью избѣгать дѣйствія огня непріятельскихъ судовъ, сжимая фланги къ центру. Находя, что и нашъ флотъ можетъ оказать такое же дѣйствіе на непріятельскую позицію у Зеленыхъ горъ, онъ, воздѣйствовавъ въ этомъ смыслѣ на

ген. Кондратенко, далъ совѣтъ ген. Стесселю побудить адм. Витгефта выводить суда эскадры для обстрѣливанія берега со стороны расположенія лѣваго фланга непріятеля у этихъ горъ.

Съ этого времени начинаются самыя энергичныя пререканія между ген. Стесселемъ и адм. Витгефтомъ.

Адм. Витгефтъ, сомнѣваясь въ дѣйствительности дальняго огня съ моря по невидимымъ и подвижнымъ цѣлямъ безъ корректировки ихъ, весьма неохотно посылалъ суда, выбирая для этого наименѣе цѣнныя, въ виду опасности движенія по внѣшнему рейду отъ дѣйствія минъ, а слѣдов. и самыя слабыя по артиллерійскому вооруженію. Въ этихъ путешествіяхъ подорвались на минахъ «Баянъ», «Севастополь» и «Гремящій».

Въ концѣ сентября ген. Стессель предъявилъ свои домогательства къ флоту—вывести броненосцы въ бухты Тахе и Голубиную и стрѣлять оттуда по флангамъ осаждающихъ изъ 12″ орудій; такое требованіе его поддерживалъ и ген. Кондратенко. Напротивъ, ген. Смирновъ энергично протестовалъ противъ безцѣльности такой стрѣльбы и напрасной траты снарядовъ; только его морская рекогносцировка 11 октября на миноносцѣ совмѣстно съ ген. Кондратенко убѣдила послѣдняго въ несостоятельности этого требованія, послѣ чего ген. Кондратенко повліялъ на ген. Стесселя и домогательства его прекратились.

Съ первыхъ же дней осады ген. Смирновъ какъ непосредственно, такъ и черезъ ген. Кондратенко старался внушить войскамъ, что *форты и укрѣпленія умираютъ*, но *не сдаются* и что гарнизоны ихъ могутъ разсчитывать на поддержку, но никогда на выводъ изъ нихъ. Третій штурмъ (17 октября), во время котораго войска проявили замѣчательную стойкость и энергію, убѣдилъ ген. Смирнова, что этотъ принципъ привился войскамъ. Но вскорѣ послѣ этого появилась подпольная записка ген. Фока, въ которой, по примѣру Малахова кургана, онъ совѣтовалъ ген. Стесселю заложить на фортахъ мины, для взрыва послѣднихъ, когда явится необходимость оставить ихъ. Не смотря на энергичный докладъ по этому поводу ген. Смирнова, что этимъ только подорвется нравст-

венный принципъ гарнизона и наступитъ полная деморализація его, а также на докладъ полк. Григоренко, что закладка такихъ минъ и очень опасна, т. к. случайное попаданіе въ нихъ снарядовъ можетъ вызвать несвоевременный взрывъ, ген. Стессель настоялъ на предложеніи ген. Фока. Только комендантъ форта II поручикъ Фроловъ прямо объявилъ, что пока онъ на форту, такой закладки минъ не позволитъ.

Въ началѣ октября, когда головы непріят. сапъ подошли къ гласисамъ укрѣпленія III, фортовъ II и III, ген. Фокъ подалъ записку, въ которой успѣхъ непріят. работъ объяснялъ *неспособностью* къ дѣйствію нашей артиллеріи, въ особенности береговаго фронта, изъ орудій котораго не стрѣляютъ по головамъ этихъ сапъ. Не смотря на очевидную невозможность и безцѣльность этой стрѣльбы по столь мелкимъ и закрытымъ цѣлямъ какъ сапы даже малосвѣдущему въ артил. дѣлѣ человѣку,—ген. Стессель собралъ особый совѣтъ, на которомъ остался въ сомнѣніи, не взирая на ясный и точный докладъ ген. Бѣлаго о вздорности этой записки. Къ сожалѣнію, ген. Стессель и самъ отчетливо не представлялъ себѣ, чего собственно хотѣлъ, для чего собралъ совѣтъ и что м. б. сдѣлано артил. огнемъ.

Къ концу ноября на сѣв.-вост. фронтѣ непріятель овладѣлъ уже наружными рвами фортовъ II и III и укрѣпленія III, изъ которыхъ началъ вести мины подъ брустверы этихъ фортовъ, съ цѣлью разрушить ихъ и устроить въ нихъ воронки. Въ это же время (1 декабря) ген. Фокъ распространилъ свою подпольную записку, въ которой, обвиняя инженеровъ въ бездѣйствіи, предсказывалъ скорый взрывъ форта II, на которомъ «три сотни защитниковъ его, взлетѣвъ на воздухъ, покроютъ сосѣдній Куропаткинскій люнетъ своими окровавленными членами». Эта записка произвела потрясающее впечатлѣніе на защитниковъ форта и деморализировала ихъ. Ознакомившись съ запиской, ген. Стессель, не смотря на докладъ ген. Смирнова о положительной вздорности ея, невѣжествѣ, непониманіи и злой интригѣ ген. Фока,—все таки поручилъ разсмотрѣніе записки цѣлой комиссіи, что способствовало еще боль-

шей огласкѣ ея. Вліяніе послѣдней сказалось въ томъ, что черезъ три дня (5 дек.), когда послѣдовалъ на брустверѣ взрывъ горна,— не нашлось охотниковъ вѣнчать воронку, которую непріятель также не могъ увѣнчать, благодаря только нашему молодецки сильному артиллерійскому огню.

Послѣ сдачи форта II, между офицерами стали циркулировать слухи, что снарядовъ нѣтъ, а потому не стоитъ болѣе держаться въ крѣпости. Въ то же время ген. Фокъ, посѣтивъ Голубиную бухту, объявилъ защитникамъ, что отъ нихъ *не требуется упорнаго сопротивленія при защитѣ ихъ позицій*. На сѣв.-вост. фронтѣ, собравъ стрѣлковъ одного изъ полковъ своей дивизіи по поводу подметнаго письма, началъ говорить съ ними на тему, кому будетъ лучше въ плѣну—генераламъ или нижнимъ чинамъ. Все это дѣйствовало на духъ защитниковъ чрезвычайно угнетающе.

Не смотря на постоянное пребываніе ген. Горбатовскаго подъ огнемъ непріятеля впродолженіе нѣсколькихъ дней, ген. Фокъ въ своей подпольной запискѣ обрисовалъ совершенно превратно его дѣйствія и назвалъ «трусомъ». Записка эта, къ большому огорченію гарнизона, получила ходъ, производилось разслѣдованіе, выяснившее полнѣйшую вздорность ея и была какъ документъ приложена къ дѣламъ штаба дивизіи ген. Кондратенко.

Имѣя за собою сильную поддержку въ лицѣ ген. Стесселя, ген. Фокъ не считалъ себя обязаннымъ подчиняться Коменданту и исполнять его приказанія, хотя непосредственно былъ подчиненъ ему и имъ же назначенъ начальникомъ общаго резерва. Послѣ цѣлаго ряда августовскихъ сильныхъ штурмовъ,—ген. Смирновъ, зорко слѣдившій на Опасной горѣ даже за малѣйшими движеніями непріятеля, точно опредѣлилъ подготовленіе съ его стороны штурма на сѣверный и сѣв.-восточный фронтъ. Въ виду этого онъ 8 августа приказалъ ген. Фоку, какъ начальнику резерва, вывести 14-й полкъ изъ казармъ 10-го полка и подвести къ сѣв.-вост. фронту, поставивъ его въ лощинѣ за Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ, у питательнаго погреба. Но ген. Фокъ, вмѣсто немедленнаго исполненія этого приказанія, прислалъ ген. Смирнову записку, въ кото-

рой подробно излагалъ свои доводы объ опасности расположенія полка у погреба, *куда непріятель посылаетъ массу снарядовъ.*

Это была совершенная неправда, т. к. погребъ отлично укрывался мѣстностью; кромѣ того, онъ въ это время и не обстрѣливался непріятелемъ.

Не отвѣчая на эту странную и неумѣстную записку, ген. Смирновъ вторично категорически приказалъ немедленно же двинуть весь 14-й полкъ къ погребу, а черезъ полчаса самъ лично поѣхалъ въ городъ провѣрить исполненіе этого приказанія. Оказалось, что полкъ выстраивался на площади, но ген. Фока тамъ не было и въ назначенное мѣсто съ полкомъ онъ не прибылъ, продолжая оставаться въ своей квартирѣ. Впослѣдствіи, при непрерывныхъ штурмахъ, ген. Смирновъ не могъ доискаться одного баталіона 14-го полка и не могъ понять, гдѣ на позиціи онъ могъ затеряться. Послѣ долгихъ розысковъ оказалось, что этотъ баталіонъ продолжалъ оставаться въ казармахъ и несомнѣнно съ вѣдома ген. Фока, жившаго тамъ же. Это и послужило для ген. Смирнова поводомъ къ устраненію ген. Фока отъ командованія общимъ резервомъ, послѣ чего онъ оставался не у дѣлъ съ августа по 3 декабря, окончательно пристроившись къ ген. Стесселю и весь отдавшись подпольной литературѣ.

Находясь не у дѣлъ, но желая все-таки пристроиться къ дѣлу обороны, ген. Фокъ подалъ мысль ген. Стесселю образовать артиллерійскій резервъ, взявъ для этого пушки съ атакованныхъ фортовъ и поставивъ ихъ на площади въ городѣ; предполагалось снять и скорострѣльныя пушки, стоявшія на 2-й артил. линіи (съ Митрофаніевской горы) и имѣвшія спеціальное назначеніе отбивать штурмы на форты и Китайскую стѣнку. Узнавъ объ этомъ, ген. Смирновъ немедленно вызвалъ къ себѣ ген. Кондратенко и предложилъ ему во-чтобы то ни стало отклонить ген. Стесселя отъ этого проэкта, въ особенности же отъ снятія пушекъ съ Митрофаніевской горы. Ген. Кондратенко видимо отчасти воздѣйствовалъ, т. к. съ означенной горы пушки не были сняты, но все-таки артил. резервъ изъ нѣсколькихъ скорострѣльныхъ пушекъ появился на городской

площади, снятыхъ по счастью только съ западнаго фронта, но не съ атакованныхъ фортовъ. Этотъ резервъ ровно никакого значенія не имѣлъ.

Для болѣе яркой обрисовки личности ген. Фока, приведу здѣсь приказъ его по 4-й дивизіи, фигурировавшій на судѣ по дѣлу о сдачѣ горы Куинсанъ, съ цѣлью познакомить спеціалистовъ военнаго искусства и русскую публику съ теоріей генерала, считавшагося однимъ изъ «выдающихся» въ составѣ артурскаго гарнизона.

«Приказъ по 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи № 52. 28 апрѣля 1904 г. ст. Нангалинъ».

«Вчера на ученьи противъ предположеннаго противника на мѣстности къ ю.-з. отъ д. Саншилипу я присутствовалъ при развертываніи правой колонны. Головной баталіонъ продолжалъ идти въ походномъ порядкѣ и двигался совершенно открыто, не смотря на то, что былъ всего въ трехъ верстахъ отъ высотъ, на которыхъ предполагался противникъ. На мой вопросъ, почему баталіонъ не перешелъ въ боевой порядокъ, когда даже по наставленію долженъ былъ сдѣлать это въ 4—6 верстахъ, мнѣ было отвѣчено, что не получилъ приказанія.—Упаси насъ Боже отъ такихъ начальниковъ, которые ждутъ въ бою приказаній. Въ бою таковыхъ никто не отдаетъ.... это надо каждому зарубить себѣ на носу. Это предусмотрѣно, почему и издано наставленіе для дѣйствія отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія, гдѣ указано, какъ дѣйствовать безъ приказанія начальника. Въ бою дорога каждая минута, пропущенная минута окупается жертвами.

Разъ голова колонны подошла на 4—6 вер. къ пункту, который предполагается занять, ей нѣтъ дѣла до того, обнаруженъ или не обнаруженъ на немъ противникъ; она должна не задерживаясь ни на минуту, выстраивать боевой порядокъ (о чемъ донести начальнику команды) и безостановочно продолжать наступленіе, стараясь продвинуться безнаказанно возможно больше впередъ. Ждать здѣсь некогда,—артиллерія противника внезапно откроетъ огонь, который можетъ заставить разбѣжаться головную часть, чего надо особенно опасаться. Ротный, баталіонный командиры должны

однимъ взглядомъ охватить оба фланга противника, опредѣлить середину и на нее наступать. По мѣрѣ наступленія непріятельская позиція развертывается; ротный командиръ непрерывно слѣдитъ за ея флангами и продолжаетъ направлять роту на центръ.

Рота первоначально разсыпаетъ не болѣе двухъ взводовъ; то же самое дѣлаетъ и баталіонъ и весь боевой порядокъ. Ожидать какихъ либо особыхъ приказаній не стать и думать. Останавливаться можно лишь въ исключительныхъ случаяхъ для полезнаго дѣйствія огнемъ.

Если остановка произошла по приказанію старшаго начальника, то по минованіи необходимости въ ней продолжать наступленіе, отнюдь не ожидая на то особаго приказанія: начальникъ можетъ быть убитъ.

Пройдя на 1400—1000 шаговъ, рота останавливается и даетъ о томъ знать, что-бы начальникъ отряда имѣлъ возможность поднять резервъ.

Командиръ роты, высылаемой въ боевую часть, долженъ вести, если не получитъ особыхъ указаній, туда, куда признаетъ болѣе нужнымъ, а не придерживаться нумераціи, какъ это случилось вчера, когда 10 рота хотѣла разсыпаться непремѣнно лѣвѣе 9-й.

Прошу ротныхъ и баталіонныхъ командировъ при первомъ выстрѣлѣ *поднять голову, открыть глаза и заткнуть уши.* Повѣрьте мнѣ, что *уши въ бою почти безполезны, глаза—все.* Къ сожалѣнію, у насъ думаютъ иначе. Самый почтенный, даже 22-хъ лѣтней службы, капитанъ при первомъ маневренномъ движеніи начинаетъ *играть ушами, какъ заяцъ*, что-бы услышать что либо отъ начальства. *Но оно ньмо, ибо само занято тьмъ-же.*

Вчера 12 и 11 роты шли съ батареей и, когда послѣдняя выѣхала на позицію, расположились уступомъ за лѣвымъ ея флангомъ въ оврагѣ, вытянувшись вдоль него. Цѣпи были далеко, и командиры ротъ потеряли ихъ изъ виду. Когда подтянулся общій резервъ, эти роты продолжали наступленіе, причемъ пошли не по

направленію къ противнику, а на противоположный берегъ оврага, какъ стояли, и немпнуемо наткнулись бы на сосѣднюю колонну. Я послалъ офицера указать направленіе, о которомъ ротные командиры сами не поинтересовались.

Ротные командиры скажутъ, что имъ никто не указалъ куда идти, хотя самъ начальникъ дивизіи все время тутъ ругался. Это только подтверждаетъ, что надо разсчитывать не на начальство, а на собственные глаза. Въ данномъ случаѣ, стоишь—подойди къ ней и погляди куда она направлена, и пусть она послужитъ тебѣ компасомъ. Сейчасъ же укажи тутъ предметъ всѣмъ, до послѣдняго рядового и тогда прячь роту, куда хочешь,—рота и безъ тебя выйдетъ. Я замѣтилъ что ненадежный ротный командиръ ничего солдатамъ не сообщаетъ, потому-что и самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что намѣренъ дѣлать.

Во время боя не увлекаться пустяками, держать свою линію, выбравъ для направленія отдаленную гору. Вчера мы видѣли, что не только роты, но и баталіоны вздваивались.

Командиры ротъ, баталіоновъ и полковыхъ резервовъ, не назначенныхъ для лобовой атаки, ищутъ фланговъ, и сами тянутся къ одному изъ нихъ съ тѣмъ, что-бы атаковать противника одновременно съ фронта и фланга. Рота, охватывающая флангъ, не должна бояться оторваться на 1000 шаговъ.

При нынѣшнемъ орудіи въ европейскихъ арміяхъ рекомендуется выставлять сильныя батареи противъ фронта, пѣхота же распредѣляется такъ, чтобы на фронтѣ было до одной трети ея: остальныя $^2/_3$ атакуютъ флангъ.

Кто-то весьма удачно назвалъ сраженія новѣйшаго времени «сраженіемъ капитановъ». Современный бой ведется исключительно ротными и самое большое баталіонными командирами. Въ ихъ рукахъ ключъ побѣды. Наша роль, роль старшихъ начальниковъ, въ смыслѣ ближайшаго руководительства самая ограниченная. Мы проявляемъ нашу волю лишь въ диспозиціи для боя и регулируемъ ходъ его распредѣленіемъ силъ резерва по боевой линіи. Только въ рѣшительные моменты имѣемъ мы право явиться среди нашихъ

войскъ, *не для распоряженій, а просто для того, чтобы показать, какъ надо умирать по присягѣ.*

Нигдѣ можетъ быть не оправдывается такъ, какъ въ бою, пословица «что посѣешь, то пожнешь».

Мы думаемъ, что *побѣда—отъ нашихъ великихъ думъ; но* мы забываемъ,—что *великую думу могутъ выполнить только великія души.* Но за послѣднія 25 лѣтъ исполнителей нашихъ думъ мы держали *въ черномъ тѣлѣ....* что бы они *не зазнались?* Въ мое время я учился тогдашнему строю въ полѣ на палкахъ, по тактикѣ, тогда еще вольной, безъ шаговъ, на, тогда еще вольныхъ тактическихъ занятіяхъ и обижался, когда кому нибудь изъ моихъ товарищей давали корпусъ, а мнѣ дивизію. Тогда среди молодежи свято хранился завѣтъ Суворова: «плохой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ».

Этотъ завѣтъ и я хранилъ долго, до маіорскаго чина, перескочить котораго не могъ, и тогда убѣдился, что *настали другія времена, что въ строю нѣтъ спасенія. Новое время, новыя птицы, новыя птицы,—новыя пѣсни.* Я былъ свидѣтелемъ, какъ младшій, уже послужившій офицеръ, представляя свою задачу присланному для повѣрки этого рода занятій штабъ-офицеру, говорилъ: «Я и до ротнаго командира когда еще дослужусь, а мнѣ даютъ баталіонъ».—«Совершенно съ Вами согласенъ, но что дѣлать—это требованіе начальника дивизіи». И офицеръ видимо остался доволенъ, что его хамская приниженность нашла цѣнителя. Это конечно не офицеръ, а ундеракъ въ офицерскомъ мундирѣ. Съ такими офицерами Измаила не возьмешь.

Господа! этотъ офицеръ далеко не образчикъ нашего корпуса офицеровъ,—*это ласточка отдаленнаго будущаго, при условіи, что этой тактической мрази дадутъ окутывать нашу армію еще лѣтъ пять—десять, а можетъ и сто.* Не говоря о нашихъ чудныхъ поручикахъ, среди насъ находятся извѣстные намъ капитаны, предъ мужествомъ и характеромъ которыхъ мы преклоняемся. Мразь не окутала ихъ души. И этого надо было ожидать. Мы русскіе, какъ говорилъ Суворовъ, мы славяне, какъ говорилъ Святославъ! и

я вѣрю, что слово «русскій» не пустой звукъ. Духъ Новгородскихъ ушкуйниковъ и ихъ потомковъ, славныхъ вольныхъ казаковъ, не угасъ въ насъ. Казакъ не ждетъ приказанія его ждетъ только холопъ; Суворовъ, самъ великій Суворовъ, каждому слову котораго нѣтъ цѣны, не только не считалъ обязательнымъ при всякой обстановкѣ исполнять его приказанія, но даже требовалъ, чтобы ихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ не исполняли, но добавляя «*подъ отвѣтомъ*». А царица богатырей, Матушка Екатерина, сказала: «побѣдителя не судятъ», т. е. *удалось—спасибо, а неудалось—подставляй лобъ подъ пулю.*

Вотъ этимъ *высокимъ правомъ* долженъ гордиться русскій офицеръ и *беречь его какъ зеницу ока.*

Можетъ-ли послѣ этого офицеръ бездѣйствовать, ссылаясь на не полученіе приказанія, когда ему предоставлено право даже не исполнять таковаго, право, котораго лишенъ нижній чинъ. *Въ бою пуля и граната—лучшія директивы».*

Что должно было произойти въ головѣ несчастнаго капитана, по прочтеніи этого приказа предъ боемъ? Какія мысли и чувства онъ долженъ былъ породить? Этотъ приказъ открываетъ теперь мнѣ секретъ нашихъ бѣдствій, пораженій, невѣрныхъ плановъ и ошибокъ въ японскую кампанію, такъ какъ высшіе начальники дѣйствительно были «нѣмы» и закрывали не только *уши*, но *и глаза на дѣйствія нашихъ войскъ, разбѣгаясь по укромнымъ уголкамъ и блиндажамъ.* Правъ-ли былъ Фокъ, отдавая такой приказъ и выражая въ немъ такія мысли? Надѣюсь услышать авторитетную оцѣнку спеціалистовъ по этому дѣлу.

V.

Генералъ-лейтенантъ К. Н. Смирновъ окончилъ курсъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, а потомъ Академіи артил. и генер. штаба. Продолжая службу въ Варшавскомъ военномъ Округѣ, онъ, по особому выбору Коменданта Варшавской крѣпости генерала Паренсона, б. назначенъ начальникомъ штаба этой крѣпости. Въ

1900 г., какъ выдающійся, онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й стр. бригады, которую долженъ былъ мобилизовать и отправиться съ ней въ Китай. Исполнивъ мобилизацію блестяще, онъ уѣхалъ съ бригадой въ Одессу, но оттуда б. возвращенъ обратно, по случаю окончанія русско-китайской кампаніи, заключившейся вступленіемъ нашихъ войскъ въ Пекинъ.

Продолжая командовать бригадой до начала русско-японской войны, онъ также по особому выбору, какъ прекрасно ознакомленный съ техникой обороны крѣпости, Высочайшимъ приказомъ 2 февраля былъ назначенъ Комендантомъ крѣпости П.-Артуръ.

По телеграммѣ Военнаго Министра—«Надо выѣхать немедленно, не заѣзжая въ Петербургъ», К. Н., сознавая важность Высочайше возложенныхъ на него великихъ обязанностей и свою отвѣтственность предъ Волею Государя и Отечествомъ, отказавшись отъ прощальныхъ раутовъ, обѣдовъ, пріема депутацій и встрѣчъ на вокзалахъ, выѣхалъ изъ Ченстохова 9 февраля и прибылъ въ Артуръ 4 марта.

Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ крѣпости онъ понялъ и оцѣнилъ невозможность защищать ее при такихъ условіяхъ, почему энергично принялся за работу.

Еще до войны, въ декабрѣ 1903 года, начальникъ 7-й В. Спб. стр. дивизіи ген. Кондратенко представилъ по начальству докладную записку, въ которой указывались недостатки въ расположеніи и устройствѣ укрѣпленій и необходимости исправленія ихъ. Но эта записка была оставлена безъ движенія и къ пріѣзду ген. Смирнова крѣпость пребывала въ прежнемъ дѣвственномъ видѣ.

Что же собственно сдѣлалъ ген. Смирновъ? Въ чемъ состояла его заслуга въ смыслѣ приведенія крѣпости въ боевую готовность и геройской обороны ея?

Указавъ выше на вынесенную ген. Смирновымъ страшную борьбу по поводу принятія мѣръ обороны, я, не желая быть голословнымъ, считаю необходимымъ подробнѣе остановиться на его дѣйствительно важной и полезной дѣятельности. Послѣдняя выразилась въ *подготовкѣ крѣпости* по его личной иниціативѣ къ

боевой работѣ и въ созданіи лично имъ же *плана обороны*, выполненнаго при добросовѣстной помощи его ближайшихъ сотрудниковъ генераловъ Кондратенко, Бѣлаго и полк. Григоренко. Все это въ совокупности и создало одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ великой осады крѣпости.

При какихъ условіяхъ, въ смыслѣ плана обороны, принялъ ген. Смирновъ крѣпость, видно изъ слѣдующаго: на вопросъ его ген. Разнатовскому, состоявшему нач. штаба крѣпости при ген. Стесселѣ, какой планъ обороны у послѣдняго,—этотъ генералъ не могъ дать ему опредѣленнаго отвѣта. По этому вопросу ген. Смирновъ ничего не добился и отъ ген. Стесселя.

Въ виду этого, дорожа каждой минутой, съ первыхъ же дней ген. Смирновъ вошелъ въ соглашеніе съ адмир. Макаровымъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій войскъ и флота на случай внезапной высадки непріятеля на Квантунѣ. Соглашеніе это состояло въ томъ, что къ пункту высадки немедленно же будетъ переброшено 7 полковъ, 7 скорострг. батарей и вся полевая артиллерія, а адмиралъ Макаровъ выведетъ весь свой флотъ.

Обезпечивъ крѣпость въ самомъ важномъ, на случай внезапнаго нападенія,—ген. Смирновъ произвелъ подробную и обстоятельную рекогносцировку крѣпости и ея укрѣпленій, а также передовыхъ пунктовъ, причемъ все его вниманіе приковала къ себѣ Высокая гора. Въ это же время, приказомъ Намѣстника 14 марта за № 339, ген. Стессель былъ назначенъ начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона на правахъ Командира отдѣльнаго корпуса, съ подчиненіемъ ему Коменданта крѣпости съ правами командира не-отдѣльнаго корпуса. Такъ какъ въ означенномъ приказѣ указывалось, что такое назначеніе только *временно*, то ген. Смирновъ считалъ для себя необходимымъ ознакомиться и со всѣмъ Квантунскимъ раіономъ, почему въ 20-хъ числахъ марта выѣхалъ въ Кинчжоу, гдѣ пробылъ около двухъ сутокъ. Знакомясь съ этой позиціей, онъ неожиданно натолкнулся на чрезвычайно интересное явленіе: она оказалась укрѣпленной не только фронтомъ на сѣверъ, но и на югъ, по дорогѣ отступленія войскъ

къ крѣпости. Ген. Фокъ, сопровождавшій при объѣздѣ ген. Смирнова, объяснилъ, что это сдѣлано по его иниціативѣ и вытекало изъ болѣе чѣмъ страннаго предположенія его—задерживать наступленіе противника къ Ляояну, *если онъ высадитъ десантъ въ тылу позиціи для дѣйствія противъ крѣпости.*

Отнесясь весьма сомнительно къ подобному *невѣроятному предположенію* и находя, что созданныя укрѣпленія на южной сторонѣ позиціи будутъ только стѣснять маневрированіе войскъ его же дивизіи, ген. Смирновъ указалъ Фоку на необходимость обезпечить тылъ позиціи лучше редутами на Тафашинскихъ высотахъ и обратить особенное вниманіе на Нангалинскую позицію; въ этомъ же смыслѣ ген. Смирновъ далъ надлежащія указанія и полк. Третьякову (нынѣ ген.-маіору), коему ввѣрялась защита позиціи Кинчжоу.

Эти сдѣланныя ген. Смирновымъ замѣчанія оказались впослѣдствіи необыкновенно *мѣткими и правильными;* если бы они были выполнены ген. Фокомъ на дѣлѣ, то непріятель не достигъ бы такъ быстро передовыхъ укрѣпленій крѣпости. Норригаардъ въ своей «Великой Осадѣ» также указываетъ, что полуостровъ представляется рядомъ великолѣпныхъ оборонительныхъ позицій, на которыхъ даже сравнительно слабыя сухопутныя силы, при поддержкѣ сильнаго флота, могли противостоять наступленію превосходныхъ силъ непріятеля. Каждую пядь земли нужно б. завоевывать цѣною тяжелыхъ жертвъ (15 стр.).

Отсюда ген. Смирновъ посѣтилъ г. Дальній, гдѣ хотя и нашелъ мѣста батарей выбранными удачно для защиты минныхъ заграждений у д. Цырго и Таліенвана, но калибры пушекъ для этой защиты слабыми (9 фунт.), почему немедленно же просилъ адм. Макарова дать хотя двѣ пушки Кане съ разоруженныхъ судовъ.

Возвратившись въ Артуръ, онъ вновь произвелъ полную рекогносцировку передовыхъ укрѣпленій, во время которой ген. Фокъ обратилъ его вниманіе на укрѣпленіе Угловой горы (выс. 86), доложивъ, что на маневрахъ со стороны этой горы онъ подвелъ

къ крѣпости свои колонны и оказался побѣдителемъ ген. Стесселя, защищавшаго крѣпость.

Произведя вновь самую тщательную рекогносцировку, ген. Смирновъ убѣдился окончательно во второстепенномъ значеніи этой горы, но его вниманіе вновь приковала Высокая гора, лежавшая на $1^1/_2$ версты къ югу отъ Угловой, на которой онъ и рѣшилъ построить укрѣпленія въ первую же очередь.

Ген. Смирновъ не ошибся и въ данномъ случаѣ; Высокая гора впослѣдствіи была самымъ страстнымъ предметомъ обладанія для японцевъ, Угловая же ровно никакого значенія не имѣла.

Тѣмъ не менѣе, мнѣніе ген. Фока относительно укрѣпленія Угловой горы вполнѣ поддержалъ ген. Стессель, рѣшительно потребовавшій этого. Видя полную неосновательность этого требованія, т. к. Угловая гора могла играть только второстепенную роль; укрѣпленіемъ же ея приходилось расширить линію передовыхъ пунктовъ занятіемъ Панлуншана и предгорій (Трехголовой), что въ виду незначительности гарнизона крѣпости представляло большую опасность,—ген. Смирновъ вновь произвелъ рекогносцировку, но уже совмѣстно съ ген. Кондратенко, также вполнѣ согласившимся съ мнѣніемъ ген. Смирнова. Но послѣдовало настойчивое приказаніе ген. Стесселя, которое по необходимости пришлось исполнить и работы по укрѣпленію ея сначала были возложены на инженеровъ, а впослѣдствіи на полк. Третьякова.

До прибытія ген. Смирнова въ Артуръ, изъ передовыхъ пунктовъ крѣпости существовалъ одинъ только Кумирнскій редутъ на роту. Редутъ этотъ былъ весьма неудачно примѣненъ къ мѣстности и имѣлъ слабую профиль. Съ цѣлью сдѣлать его вполнѣ пригоднымъ къ упорной оборонѣ, ген. Смирновъ откупилъ каменную кумирню, прилегавшую къ горжѣ редута, расчистилъ дер. Сюйшуинъ, близко подходившую къ редуту, усилилъ профиль послѣдняго и построилъ сзади уступами два небольшихъ люнета съ сомкнутой горжей. Только при этихъ условіяхъ редутъ пріобрѣлъ способность къ оборонѣ.

Въ это же время на фортахъ и укрѣпленіяхъ самой крѣпости, застигнутыхъ войной въ полуготовомъ видѣ, работы шли весьма

энергично; работали войска и до 6 т. китайцевъ. Работы на нихъ производились по ранѣе утвержденнымъ инженернымъ планамъ и когда подвинулись впередъ на столько, что окончаніе ихъ къ началу тѣсной блокады можно было считать вполнѣ обезпеченнымъ, немедленно же было приступлено къ работамъ на намѣченныхъ передовыхъ пунктахъ и на первую очередь—на Высокой горѣ.

Усиліями же ген. Смирнова были устроены промежуточныя батареи, выдвинута вторая линія укрѣпленій, а впослѣдствіи и третья—чисто артиллерійская, введена взаимная оборона укрѣпленій и фортовъ. Весь фронтъ передъ укрѣпленіями былъ разбитъ на секторы и квадраты, что давало возможность принимать участіе въ оборонѣ крѣпости береговымъ батареямъ по невидимой цѣли; устроены закрытія для прислуги при орудіяхъ и блиндажи для стрѣлковъ и резерва; вырыты были обводныя канавы и поставлены проволочныя сѣти (впослѣдствіи приспособлена была даже гальваническая проволочная сѣть), установлены прожекторы и заложены мины и фугасы. Словомъ, къ маю Артуръ дѣйствительно пріобрѣлъ хотя нѣсколько характеръ укрѣпленнаго лагеря, т. к. и при этихъ условіяхъ онъ былъ далекъ отъ названія «крѣпость». Работа кипѣла днемъ, ночью и въ праздники; работали одинаково стрѣлки и моряки. Страшно было смотрѣть на этихъ великихъ труженниковъ, возвращавшихся съ работъ хотя и съ пѣсней, но изнуренныхъ трудной работой въ каменныхъ породахъ, голодныхъ, грязныхъ, оборванныхъ. Работы по укрѣпленію позицій шли непрерывно во все время осады, когда каждому необходимъ былъ отдыхъ предъ боемъ. Такъ работали сыны Россіи, вѣрные данной присягѣ своему Государю, для чести и славы своего дорогого Отечества.

Но этого мало. Ген. Смирновъ съумѣлъ пополнить и комплектъ недостающихъ орудій; частью они б. позаимствованы изъ эскадры, часть же ихъ была найдена въ артиллерійскихъ складахъ (въ этомъ отношеніи особенно помогъ ему подполк. морского вѣдомства Меллеръ, перерывшій всѣ склады); къ дѣйствію приспособлены были даже китайскія орудія, трофеи китайской кампаніи.

Здѣсь не могу пройти молчаніемъ слѣдующаго печальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и комичнаго случая, съ цѣлью показать, какую борьбу иногда приходилось генер. Смирному вести при добываніи средствъ обороны.

Многіе изъ заложенныхъ у фортовъ и укрѣпленій фугасы, а равно проводы къ нимъ были при штурмахъ повреждены дѣйствіемъ артиллерійскаго огня непріятеля, почему явилась крайняя необходимость въ закладкѣ новыхъ фугасовъ и въ исправленіи проводовъ, для чего требовалось большое количество изолированной проволоки. Съ просьбой о снабженіи крѣпости послѣдней, ген. Смирновъ обратился къ Командиру порта адм. Григоровичу, который приказалъ немедленно же доставить въ штабъ крѣпости просимую проволоку, обыскавъ всѣ склады. Послѣ долгихъ поисковъ, проволоки этой не нашлось нигдѣ ни одного аршина, требовалось же около трехъ верстъ. Не удовлетворившись этимъ, адм. Григоровичъ самъ непосредственно принялъ участіе въ розыскѣ, поставивъ всѣхъ служащихъ въ порту на ноги и сообщивъ имъ, что онъ въ складахъ лично гдѣ-то видѣлъ остатки требуемой проволоки; тѣмъ не менѣе, ея нигдѣ не оказалось. Вскорѣ послѣ этого ген. Смирновъ получилъ донесеніе черезъ жандармовъ, что нужную проволоку, въ 3 версты длиною, предлагаетъ продать купецъ Каганъ, требуя за нее 22 тысячи. Когда къ нему было послано за ней, то Каганъ заявилъ, что проволоки у него нѣтъ, но ему одинъ купецъ предложилъ продать, давъ только образецъ; согласившись купить, онъ вручилъ этому купцу 100 р. задатка, но послѣ этого ни купца, ни проволоки не видѣлъ и видимо его задатокъ пропалъ. Предположивъ, что Каганъ не продаетъ проволоки изъ боязни получить за нее менѣе запрошенной имъ суммы, которая была очень высокой, ген. Смирновъ приказалъ произвести у него обыскъ и взять проволоку путемъ реквизиціи. Видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, Каганъ объяснилъ жандармамъ, что у него дѣйствительно проволоки нѣтъ, но что купить таковую предлагалъ ему одинъ изъ портовыхъ чиновниковъ. Немедленно же былъ произведенъ обыскъ у послѣдняго, при которомъ и было найдено нужной для крѣпости проволоки

длиною въ 3 версты. Дѣло о чиновникѣ было передано слѣдователю, но суть конечно не въ слѣдствіи; мало-ли какихъ преступленій не совершается; суть въ томъ,—какова же должна быть душа у этого чиновника. Предоставляю судить каждому.

Предвидя упорные и настойчивые штурмы непріятеля для овладѣнія крѣпостью, съ цѣлью какъ можно болѣе отдалить этотъ моментъ, ген. Смирновъ заглядывалъ и въ отдаленное будущее. Не упуская изъ виду укрѣпленіе передовыхъ пунктовъ, онъ въ то же время начерталъ планъ и предпринялъ постройку 2-й и 3-й линій обороны крѣпости, какъ я указалъ уже выше. Особое вниманіе удѣлялъ онъ 3-й линіи, какъ послѣднему крѣпостному оплоту. Эту линію предполагалось вооружить принадлежащими флоту орудіями, а защиту ея поручить исключительно морякамъ, начальникомъ которой предназначался адм. Впренъ, о чемъ послѣдній и былъ предупрежденъ Комендантомъ еще въ сентябрѣ.

Стало и на душѣ веселѣе, что въ крѣпости есть человѣкъ, вполнѣ знакомый съ веденіемъ крѣпостной войны и который можетъ разумно поставить оборону ея на должную высоту даже при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми обладала крѣпость. Для успѣшнаго веденія этого дѣла, кромѣ хорошей теоретической подготовки, необходима была долгая практика, сноровка и полное знакомство съ техникой крѣпостнаго дѣла. Всѣми этими качествами въ совершенствѣ обладалъ К. Н. Смирновъ, какъ это и было видно по его распоряженіямъ. Всѣ воспрянули духомъ и энергично, не замѣчая устали, принялись за работу, вѣря умѣлымъ распоряженіямъ этого генерала и его знаніямъ. Всегда корректный, добродушный, скромный, и въ высшей степени деликатный, но открыто, не стѣсняясь, высказывавшій порицаніе лѣнтяямъ, бѣглецамъ съ позицій и недобросовѣстнымъ работникамъ по укрѣпленію ихъ, онъ сразу же овладѣлъ симпатіями лучшихъ представителей гарнизона и городскихъ интересовъ. Жалѣли объ одномъ только, что Артуръ такъ поздно впервые увидѣлъ человѣка компетентнаго и добросовѣстнаго работника на дѣлѣ, а не на бумагѣ. Онъ по истинѣ былъ «душею крѣпости и ея защиты», къ сожалѣнію, для многихъ *невидимой*, т. к. эта

великая душа выразилась въ *идеѣ, въ планѣ защиты крѣпости*, воплощенномъ въ видимыя формы его ближайшими сотрудниками. Что ген. Смирновъ былъ дѣйствительнымъ творцемъ плана обороны крѣпости, доказательствомъ служатъ не только непосредственное и главное участіе его въ выполненіи послѣдняго, но и его отдѣльныя приказанія и предписанія, а также въ особенности протоколы Совѣта.

Согласно «Положенію о крѣпостяхъ», высшая въ нихъ власть ввѣряется Коменданту. Онъ главный руководитель обороны и хозяинъ крѣпости. При Комендантѣ организуется Совѣтъ изъ высшихъ начальниковъ отдѣльныхъ родовъ оружія въ гарнизонѣ, въ качествѣ совѣщательнаго органа. Каждый изъ послѣднихъ, дѣйствуя въ сферѣ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, долженъ проникнуться *однимъ единымъ общимъ планомъ обороны*, чтобы не стать въ противорѣчіе съ послѣднимъ. Мнѣнія Совѣта обороны не обязательны для Коменданта. Такимъ образомъ на ген. Смирновѣ, какъ Комендантѣ крѣпости, лежала обязанность согласовать дѣйствія отдѣльныхъ начальниковъ въ границахъ выработаннаго и утвержденнаго имъ плана по защитѣ крѣпости и наблюдать за точнымъ выполненіемъ ихъ въ связи съ этимъ планомъ. Ближайшими сотрудниками его были: ген. *Кондратенко*, какъ начальникъ сухопутной обороны; ген. *Бѣлый*, какъ начальникъ артиллеріи и полк. *Григоренко*, какъ начальникъ инженеровъ.

При помощи этихъ лицъ ген. Смирновъ приводилъ въ исполненіе какъ выработанный имъ планъ, такъ и принятыя рѣшенія по защитѣ крѣпости; черезъ нихъ же отдавалъ соотвѣтствующія приказанія низшимъ органамъ, чѣмъ и согласовалъ дѣйствія различныхъ отдѣловъ обороны. Равнодушный къ смерти, предпріимчивый, полный энергіи и отваги, а главное—съ большимъ запасомъ знаній по артиллерійскому и крѣпостному дѣлу, ген. Смирновъ детально, съ замѣчательной настойчивостью и силой воли выполнялъ принятыя имъ рѣшенія, удивляя храбраго врага побѣдоноснымъ отраженіемъ его бѣшенныхъ штурмовъ. Только находчивость и нѣкоторый рискъ въ передвиженіи резервовъ, недостатокъ которыхъ

чувствовался уже въ самомъ началѣ тѣсной блокады,—сокрушили стотысячную японскую армію, оперировавшую противъ слабыхъ, едва укрѣпленныхъ усиліями войскъ фортовъ крѣпости. Впослѣдствіи, по личному сознанію К. Н., онъ за все время осады только одинъ разъ растерялся и считалъ уже проиграннымъ дѣло; это было въ ночь на 14 августа, когда непріятель, пользуясь разразившейся грозой и бурей, предпринялъ штурмъ крѣпости по всей линіи фронта и когда невозможно было опредѣлить, куда именно будетъ направленъ имъ главный ударъ, предупредить который только и можно было своевременнымъ сосредоточіемъ тамъ резерва. По этому вопросу не могу обойти молчаніемъ слѣдующаго разговора, происшедшаго между ген. Смирновымъ и японскимъ уполномоченнымъ маіоромъ Ямоото въ г. Дальнемъ, уже послѣ сдачи крѣпости, въ присутствіи моемъ и адмираловъ Вирена, Лощинскаго и Григоровича. Восхищаясь храбростью русскихъ войскъ, дравшихся подъ Артуромъ, Ямоото сказалъ, что какъ японскихъ начальниковъ, такъ въ особенности его удивляло то обстоятельство, что штурмующія японскія колонны, не смотря на слабость гарнизона крѣпости, вездѣ встрѣчали сильный резервъ; почему и просилъ ген. Смирнова разъяснить ему эту загадку. На это К. Н., смѣясь, отвѣтилъ: «Теперь это дѣло прошлое и я могу откровенно сказать вамъ. Я очень зорко слѣдилъ за движеніемъ вашихъ войскъ, благодаря чему всегда вѣрно угадывалъ мѣсто настоящаго штурма; къ этому-то мѣсту я заблаговременно подтягивалъ весь свой наличный резервъ съ другихъ позицій, хотя и ставилъ себя на нихъ въ очень опасное положеніе». Я замѣтилъ, какъ сильно при этомъ покраснѣлъ отъ злости Ямоото.

Таланту каждаго изъ сотрудниковъ К. Н. предоставлялось широкое поприще проявлять на мѣстѣ *личную инициативу* въ сферѣ своей дѣятельности, не выходя однако за предѣлы общаго плана, дабы не стать въ противорѣчіе съ нимъ. Этой иниціативы К. Н., къ большой чести его,—не только не стѣснялъ, но даже поощрялъ. Констатирую, что каждый изъ участниковъ Совѣта весьма талантливо и геройски выполнилъ свою роль, поддержавъ честь и славу

русской арміи, и если бы ген. Смирнову пришлось вести борьбу только *съ внѣшнимъ врагомъ*, крѣпость не пала бы, а если бы это и случилось, то *пала бы геройски, со славою*; къ сожалѣнію, ему, кромѣ того, пришлось вести еще болѣе *гигантскую борьбу съ внутреннимъ врагомъ*, а когда силы Совѣта со смертью Р. И. Кондратенко ослабѣли, тогда онъ былъ стиснутъ какъ въ тискахъ соединенными усиліями своихъ общихъ враговъ Стесселя и Фока,— равновѣсіе нарушилось и крѣпость пала *безславно*.

Здѣсь я считаю необходимымъ остановиться на участникахъ Совѣта обороны.

Генералъ Р. И. Кондратенко, снискавшій себѣ любовь между подчиненными и заслужившій по всей справедливости славу героя, окончилъ курсы Академій инженерной и генеральнаго штаба. Познакомился я съ нимъ еще въ 1902 году въ Хабаровскѣ, въ бытность его дежурнымъ генераломъ при штабѣ Приамурскаго военнаго Округа. Маленькаго роста, худощавый, медленный въ своихъ движеніяхъ и рѣшеніяхъ, несловоохотливый,—онъ производилъ пріятное впечатлѣніе на другихъ своими добрыми ласкающими глазами и чрезвычайнымъ добродушіемъ и вниманіемъ. Говорили, что онъ не пользовался расположеніемъ генералъ-губернатора и Командующаго войсками Округа ген. Гродекова, который будто бы не выносилъ его медленныхъ и растянутыхъ докладовъ. Въ Артурѣ, въ ноябрѣ 1903 года, я встрѣтился съ нимъ уже какъ знакомый; въ то время онъ принималъ въ свое командованіе 7-ю Вост.-Сиб. стр. дивизію, гдѣ показался мнѣ такимъ же застѣнчивымъ и еще менѣе словоохотливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень дорожившимъ вниманіемъ и любезностью ген. Стесселя, а въ особенности Намѣстника. Послѣ этого мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ уже въ разгаръ войны, въ февралѣ 1904 года, въ бытность мою у ген. Стесселя, съ которымъ, какъ я замѣтилъ, онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Впослѣдствіи это, какъ я отмѣтилъ выше, оказало большую услугу ген. Смирнову въ его оборонѣ крѣпости, когда ген. Стессель сталъ къ нему въ очень острыя отношенія.

Главная и единственная заслуга ген. Кондратенко состояла въ точномъ и детальномъ выполненіи плановъ обороны крѣпости. Не было дня и ночи, когда бы Р. И. лично по нѣсколько разъ не проѣхалъ на форты и позиціи для повѣрки карауловъ, гарнизоновъ и тѣхъ работъ, которыя должны быть выполнены. Какъ я указалъ уже, самостоятельно онъ не дѣлалъ, да и по закону не могъ дѣлать какихъ либо распоряженій по распредѣленію гарнизоновъ или укрѣпленію позицій, такъ какъ таковыя могли быть отданы имъ только съ разрѣшенія Коменданта, въ связи съ общимъ планомъ защиты; но то, что дѣлалъ Кондратенко, не зная устали, никто не дѣлалъ въ крѣпости. Впослѣдствіи мнѣ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми сообщеніями адъютанта его дивизіи пор. Гриневича. Удивительно, какъ могъ послѣдній такъ умышленно извратить нѣкоторыя дѣйствія ген. Кондратенко, приписывая его иниціативѣ, напримѣръ, во время штурмовъ переводъ гарнизона съ одной позиціи на другую, для усиленія ея, когда таковыя распоряженія могъ дать только Комендантъ, отдававшій ихъ иногда ген. Кондратенко лично при мнѣ. Также Гриневичу должно быть извѣстно и то, что приказъ по сухопутному фронту относительно солдатъ, бѣгущихъ съ позицій, былъ отданъ ген. Кондратенко по приказанію ген. Смирнова и что первоначальная редакція его была исправлена послѣднимъ, каковой приказъ и былъ отданъ по войскамъ. Нѣкоторые же въ своихъ сообщеніяхъ доходили до смѣшного, выдумавъ, напримѣръ, что ген. Кондратенко предпринялъ работы по прорытію подземнаго хода изъ Артура къ горѣ Лѣотѣшанъ, которую онъ предполагалъ сдѣлать послѣднимъ оплотомъ борьбы. Кромѣ того, что въ распоряженіи Кондратенко не было такой массы рабочихъ, которые могли бы прорыть этотъ ходъ на разстояніи 20 верстъ, если идти подъ бухтой, и болѣе 30 верстъ, если рыть его во-кругъ бухты, нужно принять также во вниманіе еще и то, что мѣстность эта представляла сплошную скалу, каковую работу даже физически невозможно было выполнить. На самомъ дѣлѣ, лично при мнѣ былъ только разговоръ о томъ, что въ случаѣ прорыва японцевъ въ Артуръ, послѣднимъ оплотомъ

для гарнизона будетъ гора Лѣотѣшанъ, на которую и перейдутъ защитники. Я жестоко оскорбилъ бы память покойнаго генерала, если бы приписалъ ему осуществленіе тѣхъ функцій, которыя составляли исключительное право Коменданта. На сколько лично я знаю покойнаго, онъ такъ былъ проникнутъ воинской дисциплиной, что считалъ для себя оскорбленіемъ вторгаться въ права своего начальника, что неуклонно преслѣдовалъ и со стороны своихъ подчиненныхъ. Вотъ почему ген. Кондратенко не допускалъ и мысли перемѣщать по собственной иниціативѣ войска съ одной позиціи на другую безъ разрѣшенія Коменданта, такъ какъ это право принадлежало только послѣднему, какъ главному начальнику, и могло совершаться въ связи только съ общимъ ходомъ защиты. Отсюда ясно, почему каждый изъ защитниковъ осуждалъ дѣйствія ген. Стесселя, постоянно вторгавшагося въ права Коменданта и нерѣдко парализовавшаго его полезную дѣятельность по оборонѣ крѣпости. Да я полагаю, что не только Комендантъ, не постѣснявшійся немедленно отрѣшить ген. Фока отъ командованія общимъ резервомъ при попыткѣ не исполнить его приказанія, но ни начальникъ артиллеріи, ни инженеровъ не потерпѣли бы такого вмѣшательства посторонняго лица въ ихъ права и обязанности, за которыя только они являлись отвѣтственными. Здѣсь укажу на слѣдующій примѣръ. Минныя загражденія на морѣ дѣлались по указанію адм. Макарова командиромъ минной роты подполк. Бородатовымъ. Для постановки минъ ген. Смирновъ далъ ему свои плавучія средства (паровой катеръ и баркасы), а ген. Кондратенко предложилъ давать людей для работъ по нагрузкѣ минъ въ баркасы, т. к. минная рота не вся еще прибыла. Однажды ген. Кондратенко обратился къ адм. Макарову не то съ совѣтомъ, не то съ какимъ-то предложеніемъ относительно постановки минъ, на что тотъ сразу же озадачилъ его вопросомъ: «Да вы тутъ при чемъ, генералъ»?

Благодаря частымъ посѣщеніямъ позицій и постоянной близости къ солдатамъ, послѣдніе очень полюбили своего генерала, бывшаго всегда съ ними и при мирной обстановкѣ, и въ бою. Ни пули, ни свистъ снарядовъ его не пугали и постоянное пребыва-

ніе его подъ огнемъ при штурмахъ вмѣстѣ съ подчиненными—воодушевляло послѣднихъ и дѣйствовало на нихъ магически, въ смыслѣ безумной отваги и геропзма. Узнавъ, что ген. Стессель не прочь былъ сдать крѣпость японцамъ, ген. Кондратенко лично мнѣ говорилъ, что онъ никогда на это не согласится, а если бы это случилось, то онъ, не подчинившись этому рѣшенію, попробуетъ съ дивизіей пробиться черезъ густыя массы непріятеля и будетъ считать спасенной честь дивизіи, если изъ послѣдней хотя 2—3 человѣка пробьются. Это былъ истинный патріотъ, смѣлый, отважный и непреклонный въ своемъ рѣшеніи генералъ.

Онъ не считалъ войну—*войной капитановъ* и не былъ *нѣмъ* и *глухъ* къ своимъ подчиненнымъ; напротивъ, онъ зорко слѣдилъ за всѣми лично и гдѣ только замѣчалъ слабость духа или хотя малѣйшее упущеніе, немедленно исправлялъ его, замѣняя иногда ротнаго и даже субалтернъ-офицера; при штурмѣ напр. Зеленыхъ горъ, онъ лично повелъ въ атаку двѣ роты. Съ офицерами и солдатами онъ былъ необыкновенно добръ, вѣжливъ, обходителенъ и привѣтливъ. Не было ни одной солдатской нужды, которая не удовлетворялась бы немедленно; не было въ дивизіи, кажется, ни одного солдата, котораго генералъ не зналъ бы лично и съ которымъ не поговорилъ бы ласково, по-товарищески. Все это въ совокупности стяжало искреннюю и сердечную къ нему любовь какъ со стороны офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и каждый изъ нихъ считалъ бы за честь пожертвовать своей жизнью за жизнь любимаго начальника. Таковъ былъ Р. И. и такимъ онъ остался до своей смерти, которая имѣла роковыя послѣдствія, т. к. замѣститель его ген. Фокъ оказался совершенно другимъ типомъ, какъ я и указалъ выше.

Кто не зналъ въ крѣпости генерала В. Ф. Бѣлаго, образцоваго семьянина, радушнѣйшаго хозяина, пріятнаго собесѣдника и добрѣйшей души человѣка! Кто хотя разъ воспользовавшись его гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, могъ забыть о немъ и его семьѣ! Помимо этого, В. Ф. былъ неутомимый работникъ и весьма свѣдущій артиллеристъ.

Почти за два года до войны онъ принялъ отъ ген. Холодовскаго крѣпостную артиллерію съ весьма разстроенной матеріальной частью и съ еще болѣе разстроеннымъ хозяйствомъ, разсчеты по которому не были окончены и съ началомъ войны. Но все это имъ, какъ начальникомъ Квантунской крѣпостной артиллеріи, было исправлено въ самое короткое время и онъ предсталъ на смотръ войны въ образцовомъ порядкѣ и полной готовности. Правда, многаго не хватало; напр.—не было въ достаточномъ количествѣ хорошихъ крѣпостныхъ орудій и былъ значительный не-комплектъ снарядовъ; но это не зависило отъ ген. Бѣлаго. Тихій, скромный, весьма вѣжливый и деликатный въ обращеніи съ другими, генералъ этотъ былъ однако очень страшенъ, т. к. по одному мановенію его, переносимому телефонной проволокой на линію обороны около 25 верстъ, одновременно начинали грохотать сотни орудій различныхъ калибровъ крѣпостной и полевой артиллеріи (ему была подчинена въ крѣпости и послѣдняя), внося адъ и смерть на позиціи непріятеля и въ его ряды.

Какъ старый артиллеристъ, я съ гордостью и совершенно безпристрастно могу сказать, что главнѣйшимъ факторомъ въ защитѣ крѣпости являлась артиллерія, стоявшая въ моральномъ отношеніи вполнѣ на высотѣ своего призванія. Работа ея не была такъ очевидна для защитниковъ крѣпости, какъ работа пѣхоты; но артиллерія по справедливости три четверти обороны вынесла на своихъ плечахъ, отбивая въ началѣ съ такимъ великимъ успѣхомъ нашествіе брандеровъ, а впослѣдствіи бѣшенные штурмы непріятеля на сухопутномъ фронтѣ. Если она и оказалась побѣжденной (напр. у Кинчжоу, на передовыхъ пунктахъ и фортахъ), то не по недостатку мужества, энергіи, знаній, а единственно за неимѣніемъ большого числа хорошихъ орудій и снарядовъ; во всѣхъ этихъ бояхъ численность артиллеріи непріятеля превышала нашу; мужества же и героизма было у нея больше, чѣмъ нужно.

Не видна была для многихъ изъ защитниковъ и дѣятельность нач. артил. ген. Бѣлаго, прикованнаго по необходимости къ телефону, чтобы, сообразуясь съ приказаніями Коменданта, привести

въ нужную минуту въ дѣйствіе ту или другую часть батарей значительнаго фронта, въ зависимости отъ преслѣдуемыхъ цѣлей. Если же В. Ф. и появлялся на батареяхъ лично, то только въ весьма экстренныхъ случаяхъ, когда важность работы требовала его личнаго надзора и руководительства.

Вся отвѣтственность и тяжесть этой существенно важной и могучей работы лежала на плечахъ этого героя—генерала, который выполнилъ ее съ великимъ достоинствомъ, самоотверженно, при помощи своихъ младшихъ сотрудниковъ крѣпостной и полевой артиллеріи, за что и былъ награжденъ орденомъ Георгія.

Такимъ же невидимымъ и малозамѣтнымъ работникомъ былъ и третій сотрудникъ Коменданта—полк. Григоренко, тоже удостоившійся награжденія орденомъ Георгія, подъ руководствомъ котораго инженеръ подполк. Рашевскій, неутомимый и добросовѣстнѣйшій изъ работниковъ съ замѣчательной настойчивостью, энергіей и мужествомъ, стоя на самомъ опасномъ и отвѣтственномъ посту (фортъ II), въ одну ночь исправлялъ произведенныя непріятелемъ за день разрушенія.

Эти три начальника, дѣятельность которыхъ объединялась въ лицѣ ихъ славнаго Коменданта ген. Смирнова, составляли съ послѣднимъ и подъ руководствомъ его то *ядро*, которое поставило своей цѣлью служить до послѣднихъ силъ для чести и славы Россіи. Это ядро,—здоровое, крѣпкое, неразлучное, сильное своей сплоченностью, связанное одной общей идеей, однимъ общимъ планомъ,—прославило русскую армію въ злосчастную русско-японскую кампанію и покрыло ее лаврами геропзма и неувядаемой славой. Внукъ Севастополя превзошелъ своего дѣда!

Что касается ген. Стесселя, то онъ,—что лично мнѣ извѣстно изъ разсказовъ ген. Смирнова и др. участниковъ обороны,—ровно никакого участія не принималъ въ главномъ руководствѣ обороной крѣпости и даже вовсе не интересовался планами этой обороны, ограничившись исключительно полицейски-административной дѣятельностью внутри крѣпости и послѣ-обѣденными поѣздками по фортамъ и позиціямъ внѣ боя въ видѣ прогулки, проводя время во

время боя гдѣ-либо въ укрытомъ мѣстѣ (блиндажѣ) и погружаясь тамъ съ начальникомъ своего штаба полк. Рейсомъ въ раздачу наградъ и въ представленія къ нимъ; причемъ и эта сторона его дѣятельности возбуждала не мало нареканій, неудовольствій и споровъ. Если же вмѣшательство его въ дѣла обороны и выражалось въ чемъ, то исключительно въ отмѣнѣ принимаемыхъ К. Н. мѣръ по усиленію этой обороны, въ особенности же въ организаціи вылазокъ, которыя имѣли громадное значеніе и могли принести крѣпости весьма существенную пользу, на что я и укажу впослѣдствіи. По словамъ ген. Смирнова, устраненія препятствій съ этой стороны онъ достигалъ иногда только черезъ посредство ген. Кондратенко, которому нерѣдко удавалось убѣдить ген. Стесселя какъ въ цѣлесообразности, такъ и въ необходимости принимаемой мѣры; но въ такихъ случаяхъ ген. Стессель иниціативу и доблестные результаты приписывалъ себѣ, о чемъ и спѣшилъ оповѣщать въ своихъ приказахъ.

VI.

Могутъ сказать, что въ Артурѣ была еще сила, которая могла оказать помощь при защитѣ крѣпости, это—Тихоокеанская эскадра, и меня по справедливости можно было бы упрекнуть въ умолчаніи о ней.

Флотъ!.... Къ сожалѣнію, съ этимъ также маленькимъ словомъ соединена только трата громаднѣйшихъ средствъ. Сколько расходуется сотень милліоновъ на этотъ родъ оружія, гдѣ одна только 12″-я пушка доходитъ до стоимости двухсотъ тысячъ, а каждый изъ нея выстрѣлъ оцѣнивается въ 600—700 рублей народныхъ денегъ, можетъ быть частицы послѣдняго куска хлѣба, оторваннаго отъ голоднаго рта! Читая въ газетахъ извѣстія о томъ, что школьники—крестьянскія дѣти отказывали себѣ въ расходѣ на завтраки и эти мѣдные гроши несли на алтарь отечества въ видѣ пожертвованія на флотъ,—сердце разрывается, видя, какъ небрежно, неэкономно расходуются на самомъ дѣлѣ милліоны этихъ денегъ и сколько

ихъ расхищается. Какъ должны быть честны, благородны и мужественны тѣ люди, которые стоятъ возлѣ дѣла, поглощающаго такія громаднѣйшія деньги, и какому страшному позору и наказанію должны быть подвергаемы тѣ, которые расхищаютъ или небрежно обращаются съ этими кровнымъ пóтомъ добытыми деньгами. За русскимъ флотомъ остались великія традиціи и слава, но это— слава паруснаго флота, но не парового; послѣдній, разнѣжившись, забылъ эту славу, эти традиціи.

Присматриваясь къ жизни моряковъ, къ существующимъ въ средѣ ихъ порядкамъ, къ знанію ими морского дѣла и поведенію среди мирныхъ гражданъ, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что это одно изъ тѣхъ управленій и учрежденій, которое наравнѣ съ духовными консисторіями, подлежитъ немедленной ломкѣ и преобразованію. Послѣднія, главнымъ образомъ, должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) во главѣ управленія долженъ стоять человѣкъ безусловно знающій морское дѣло, безусловно честный, безусловно бережливый; онъ долженъ быть доступенъ и простъ по службѣ, лично осматривать каждое вновь построенное судно, выслушивать отъ всѣхъ и каждаго мнѣнія и замѣчанія, а при назначеніи на высшія должности—знать лично назначаемыхъ и являться отвѣтственнымъ и за нихъ, и за правильное управленіе и расходованіе всего морского имущества; 2) на должности начальниковъ эскадръ и командировъ судовъ должны быть назначаемы только способнѣйшіе, прошедшіе хорошую морскую школу; назначеніе же по старшинству или по отбытію ценза должно быть исключено изъ правилъ; 3) комплектоваться флотъ долженъ преимущественно людьми, близко стоящими къ морскому дѣлу, а также обитателями прибрежныхъ областей и губерній, служащими въ коммерческомъ и добровольномъ флотѣ (англійскій пріемъ) *); флотъ не долженъ быть

*) Въ 1906 г. появилось газетное сообщеніе объ осуществленіи плана прибрежныхъ колоній, съ цѣлью выработать хорошихъ моряковъ. Навряд-ли такая мѣра, кромѣ новой траты милліоновъ, дастъ благопріятные результаты и не постигнетъ ли ее участь военныхъ аракчеевскихъ поселеній. Не лучше ли было бы способствовать развитію коммерческаго флота.

наслѣдственнымъ, а тѣмъ болѣе привиллегіей знатныхъ фамилій; только такой флотъ будетъ боевымъ и на первомъ планѣ станетъ польза дѣла, а не представительство; для послѣдняго можно установить, если это уже такъ необходимо, особое отдѣленіе его, небоевое; 4) при постройкѣ судовъ, изъ нихъ должна быть положительно изгнана всякая роскошь въ видѣ мрамора, бронзы, краснаго дерева и т. под.; для боевой обстановки этого не нужно *); 5) содержаніе морякамъ отъ казны должно быть опредѣлено соотвѣтственно съ чинами сухопутной арміи, что значительно уменьшитъ ихъ разгулъ и уничтожитъ антагонизмъ, существующій между этими родами оружія. Странно въ самомъ дѣлѣ видѣть, что мичманъ, только-что сошедшій со скамьи училищной, получаетъ въ мѣсяцъ 300—400 рублей содержанія, которое получаетъ далеко не всякій генералъ сухопутной арміи.

Дѣятельность Тихоокеанской эскадры можно раздѣлить на три періода: до адмирала Макарова, при немъ и послѣ него.

Прежде всего, казалось бы, главная забота должна быть направлена, въ виду возможности войны, на устройство дока для исправленія судовъ, но такового не существовало; былъ же только исправленный докъ китайской постройки для маленькихъ судовъ, въ который нельзя было ввести для починки «Ретвизана», «Цесаревича», «Побѣды», «Севастополя», «Пересвѣта» и др. большихъ судовъ, почему по необходимости приходилось обратиться къ кессонамъ; только въ началѣ марта приступили къ устройству большого дока, безъ надежды окончить его во время кампаніи. Во главѣ эскадры и въ составѣ ея, съ началомъ кампаніи, не было ни одного адмирала, на котораго вполнѣ можно бы было положиться. Назначенный начальникомъ эскадры контръ-адмиралъ Старкъ, бывшій командиръ порта, прекрасный техникъ,—очень мало былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ и боевой дѣятельностью эскадры, безъ всякой свободной иниціативы и умѣвшій только детально выполнять прика-

*) Эти записки писаны во время осады крѣпости, а потому нельзя было не порадоваться распоряженію Управляющаго морскимъ министерствомъ въ 1906 г. вывести изъ постройки судовъ красное дерево.

занія не сложнаго характера. Многіе ему ставятъ въ вину погибель нашихъ лучшихъ броненосцевъ 26 января, основываясь на томъ, что онъ, какъ начальникъ эскадры, лично являлся отвѣтственнымъ за нее и не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія адмирала Алексѣева на принятіе надлежащихъ мѣръ охраны, а принять ихъ самостоятельно и немедленно. Командирами судовъ состояли люди большей частью отбывающіе цензъ, мало знакомые не только съ боевой обстановкой, но даже вообще съ морской службой. Наиболѣе достойными, знающими морское дѣло и выдающимися изъ командировъ были капитаны I-го ранга: «Ретвизана»—Щенсновичъ, «Новика»—Эссенъ, а потомъ Шульцъ, «Баяна»—Вренъ, впослѣдствіи Высочайше назначенный временно-командующимъ эскадрой, и «Петропавловска»—Яковлевъ.

Что касается корпуса офицеровъ, то въ большинствѣ это была молодежь, очень мало знакомая и съ морскимъ дѣломъ, и съ боевой обстановкой. Поведеніе ея въ Артурѣ справедливо вызывало нареканіе и негодованіе всей сухопутной арміи, не говоря уже о гражданахъ. Кафе-шантаны «Звѣздочка» и «Variété» были всегда биткомъ набиты обществомъ изъ этой молодежи и даже, къ сожалѣнію, въ то время, когда лилась кровь на Ялу, подъ Кинчжоу, Артуромъ,—когда раздавался предсмертный хрипъ умирающихъ и крики раненыхъ. Многіе изъ нихъ имѣли содержанокъ и мало кто стѣснялся, обнявшись, кататься съ ними по улицамъ, быть въ циркѣ, театрѣ и на гуляньяхъ; въ указанныхъ кабакахъ часто происходили грандіозные скандалы, въ видѣ дракъ, нанесенія ранъ (мичманъ Л....), пьяныхъ сценъ; въ своихъ подвигахъ одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что ворвался ночью въ квартиру комиссара по гражданской части (губернатора) и избилъ послѣдняго (лейтенантъ И....); это было уже съ разрывомъ сообщенія. Подъ конецъ доблесть иныхъ, къ чести сказать—очень немногихъ, упала до того, что они подъ вымышленными предлогами отказывались идти въ бой; такъ, всѣ были возмущены поступками капитановъ II ранга Л.... и Н...., командовавшихъ канонерскими лодками «Отважный» и «Гремящій», которые, получивъ приказаніе адмирала Витгефта

йдти подъ Кинчжоу на помощь «Бобру»,—подъ предлогомъ неисправности машинъ, отказались исполнить это; когда же была установлена ложность этого предлога, то они были *только* списаны съ судовъ и о нихъ составлены протоколы. Вскорѣ послѣ этого Л.... былъ убитъ во время штурма. Нерѣшительность нѣкоторыхъ передъ выходомъ въ море доходила до смѣшного и много сыпалось на ихъ голову справедливыхъ упрековъ. Къ великому соблазну арміи, они начали оплачивать даже свои обязанности. Особенно возмутилъ не только всѣхъ военныхъ, но и гражданскихъ лицъ слѣдующій приказъ отъ 5 мая за № 55 командующаго эскадрой Витгефта. «Для поощренія при очисткѣ рейда отъ японскихъ минъ, которыя могли еще остаться случайно не замѣченными при траленіи, назначаю командѣ каждаго катера за выловленную мину по 25 рублей награды. Контръ-адмиралъ Витгефтъ». Негодованіе это еще болѣе усилилъ «Новый Край» своей статьей слѣдующаго содержанія: «Эти мѣры не только привѣтствуются съ неподдѣльнымъ живѣйшимъ восторгомъ всѣми и каждымъ въ Артурѣ, но неизбѣжно вызываютъ въ насъ понятное желаніе принять посильное участіе въ осуществленіи этой мѣры путемъ предоставленія въ распоряженіе штаба Командующаго эскадрой особаго фонда ради увеличенія назначенной преміи за каждую выловленную мину» (12 мая). Этой статьей многіе были возмущены, т. к. такой мѣрѣ никто не сочувствовалъ, ибо каждый видѣлъ, что моряки въ то время отдыхали, а за исполненіе своихъ не сложныхъ прямыхъ обязанностей еще получали и вознагражденіе. Въ этотъ фондъ поступили пожертвованія только отъ моряковъ, почему онъ скоро прекратилъ свое существованіе и кажется послѣ случая пожертвованія кѣмъ-то въ фондъ 2 коп. Приказъ Витгефта сильно взволновалъ военно-сухопутное общество офицеровъ, иногда публично упрекавшихъ моряковъ въ томъ, что они, при своемъ постоянномъ бездѣльи въ самый горячій моментъ кампаніи, поощряютъ исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей денежной наградой; что скоро дойдетъ до того, что нижніе чины будутъ требовать отдѣльнаго денежнаго вознагражденія за выходъ на позицію, за пребываніе въ секретѣ или развѣ-

дочномъ отрядѣ. На адмирала смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ, называли его «Вилей» и сомнѣвались въ его способностяхъ—разумно и толково дѣйствовать. Правда, покойный адмиралъ былъ очень мало знакомъ съ управленіемъ эскадрой, за что и поплатился своей жизнью. Раздоры между офицерами арміи и моряками доходили до взаимныхъ оскорбленій; еще свѣжо было у всѣхъ потопленіе моряками 12 февраля миноносца «Внушительный», исторія котораго была разсказана мнѣ подполк. Голицинскимъ, на отвѣтственности котораго и оставляю ее. Въ заливъ Инчензы, для осмотра его, вышелъ «Новикъ» въ сопровожденіи трехъ миноносцевъ, въ томъ числѣ «Внушительнаго». Преслѣдуемыя непріятельскими крейсерами, наши суда направились въ Артуръ. Отставшій миноносецъ «Внушительный», подъ командой лейтенанта П...., повернулъ въ Голубиную бухту и выбросился на камни; команда и офицеры бросили миноносецъ и бѣжали съ него такъ поспѣшно, что не захватили съ собой не только ружей, кортиковъ, шинелей, но даже судового журнала, Андреевскаго флага (знамя) и портрета Государя съ Его собственноручной надписью, что этотъ портретъ даритъ миноносцу въ надеждѣ, что въ нужную минуту онъ выполнитъ свой долгъ предъ Царемъ и Отечествомъ; была попытка взорвать миноносецъ, но неудачно. На другой или на третій день китайцы дали знать офицерамъ 28-го полка, стоявшимъ на Лѣотѣшанѣ, что въ бухтѣ на камняхъ стоитъ русскій миноносецъ; одинъ изъ офицеровъ отправился туда, взялъ нужныя вещи, въ томъ числѣ и указанныя, сдавъ ихъ подполк. Гол...., какъ начальнику Лѣотѣшанскаго отряда; этотъ послѣдній возвратилъ ихъ мичману съ «Внушительнаго», прибывшему къ нему съ мольбой возвратить эти вещи, такъ какъ всѣ они думали, что миноносецъ взорванъ и пошелъ ко дну, а съ нимъ погибли знамя и портретъ. Г.... впослѣдствіи очень сожалѣлъ, что не представилъ этихъ вещей при рапортѣ по начальству. Вновь посадка на камни 14 мая миноносца «Внимательный» напомнила всѣмъ эту прискорбную исторію и еще болѣе обострила отношенія. Хотя моряки и оправдывались тѣмъ, что имъ дана была неправильная русская карта, на которую не былъ нанесенъ этотъ камень, но всѣ начали

кричать, что наши моряки умѣютъ только топить свои суда, а въ особенности въ виду непріятеля, чтобы избѣжать съ нимъ столкновенія; что они «горазды» только въ дамскомъ обществѣ, да и то съ дамами «полу-свѣта», съ которыми блудливы какъ кошки; появились пасквили, одинъ экземпляръ котораго былъ присланъ и мнѣ на память. Содержаніе его, приводимое здѣсь, явилось продолженіемъ напечатаннаго предъ тѣмъ въ «Новомъ Краѣ» сна, подъ названіемъ «Знаменательный сонъ. Дѣйствительный случай»,— выдержки котораго привожу здѣсь.

«Редакціей получено письмо, не лишенное интереса, особенно въ данное время. Письмо помѣчено утромъ 17-го мая. Авторъ письма проситъ имени его не обнародовать, такъ какъ дѣло не въ имени, а въ самомъ явленіи, въ провѣркѣ факта изъ все еще незнакомаго человѣчеству міра....

Въ истекшую ночь я видѣлъ сонъ: взбѣшеннаго быка, дико бросающагося въ разныя стороны и наводящаго на людей ужасъ. Освирѣпѣвшее животное окружали собаки. Быкъ хотѣлъ было рвануться на сѣверъ. Тутъ на него кинулась одна большая собака и уцѣпилась ему за горло. Быкъ повернулъ и кинулся обратно къ югу, т. е. ко мнѣ, сопровождаемый собаками и старался стряхнуть уцѣпившуюся ему за горло.

Около меня была моя семья и еще какіе то люди, напуганные бѣшено кидавшимся животнымъ.

Вдругъ животное поворачивается на насъ. Мы шарахнулись въ кучу, не зная куда кинуться намъ и куда наконецъ кинется животное, которое вотъ, вотъ—отряхнетъ висѣвшую на шеѣ, уцѣпившуюся зубами въ глотку, собаку. Мы замерли отъ страха.

Но въ эту минуту подоспѣли русскіе солдаты и матросы въ чисто бѣлыхъ рубахахъ, вооруженные кинжалами и начали наносить быку удары. Одинъ изъ солдатъ кинулся прямо на шею животному.

Солдатъ, вскочившій верхомъ на быка, занесъ огромный серпообразный ножъ и отрѣзалъ, поддерживаемый другими, голову быка на отлетъ. Красивое туловище быка, обливаясь огромнымъ пото-

комъ крови, еще разъ кинулось на дыбы, обнаруживая большую силу мускуловъ—и грохнулось на землю, чтобы уже болѣе не вставать....

Когда я проснулся, но еще не вполнѣ пришелъ въ себя, у меня мелькнула мысль: *Это участь врага грозящаго Артуру*.....

Во мнѣ не осталось сомнѣнія за участь осажденнаго Артура *). N».

Экземпляръ полученнаго мною другого сна былъ слѣдующаго содержанія.

«Напечатанный въ газетѣ «Новый Край» «Знаменательный сонъ», произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе и я, какъ человѣкъ тоже нервный и до глубины души возмущенный настоящими артурскими событіями видѣлъ какъ бы продолженіе этого сна.

Быкъ насѣдаетъ.... Собаки до изнеможенія силъ грызутся, алая кровь потоками льется, а въ это время въ лѣсу, по горкамъ зайцы чистенькіе, да бѣленькіе, въ воротничкахъ да манжеткахъ съ златокудрыми спренами подъ ручку спокойно разгуливаютъ и пріятные разговоры разговариваютъ: «Пусть де—собаки грызутся, пусть шерсть съ нихъ летитъ—намъ горя мало, отгрызутся—а тамъ мы, какъ болѣе прыткіе, поскачемъ съ вѣстью, что загрызли быка—и покормятъ за это насъ лавровыми листочками.... Мы ихъ любимъ»!....

Вдругъ видятъ—уже быкъ показался.... Тутъ зайцы въ разсыпную и попрятались подъ собачьи хвосты.... Когда же дѣло дошло до смертной свалки, зайцы не выдержали, и въ кильватерной колоннѣ засверкали пятками, взявъ направленіе на NO, съ предводителемъ во главѣ—старымъ, сѣдымъ и самымъ трусливымъ зайцемъ....

Картина мѣняется....

Быкъ мертвый, отъ него только клочья остались, собаки его разнесли, а тутъ на желѣзной лодкѣ появляется дѣдушка Мазай. Видитъ онъ—зайчишки-кто гдѣ: какой на камнѣ сидитъ, кто на берегъ выпрыгнулъ, а у иного только уши торчатъ. Сталъ ихъ Мазай подбирать....

---

*) Разсказъ взятъ въ извлеченіи.

— «Какъ же вы, говоритъ, зайцы тягу дали; нѣтъ чтобы собакамъ помочь?» — «Э, дѣдушка», отвѣчаютъ зайцы, «собачья то шкура не цѣнится, а наша шкура дорого стоитъ—вотъ и спасали!»....

— «Эхъ вы, зайцы, трусы не разсудительные, что толку то въ томъ, что шкуру спасали, когда она вся-то у васъ загажена»!....

....И давай ихъ тутъ Мазай палкою охаживать, да уму-разуму поучивать!.... Многіе изъ нихъ не выжили, а другіе—прощенія запросили....

Тутъ я и проснулся.... Ну, думаю: этотъ сонъ еще знаменательнѣе перваго!.... Артурецъ».

Неурядицы въ эскадрѣ многіе ставили въ вину Намѣстнику, на личности котораго я здѣсь нѣсколько остановлюсь.

Адмиралъ Алексѣевъ сталъ въ Россіи извѣстнымъ также съ похода въ Китай въ 1900—1901 г.г. По окончаніи кампаніи, онъ былъ назначенъ Командующимъ войсками Квантунской Области, а въ 1903 году былъ облеченъ высокимъ довѣріемъ Государя, получивъ титулъ «Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ», съ подчиненіемъ ему Приамурскаго Края, Забайкальской Области, Маньчжуріи и Квантунской Области. Всѣмъ онъ хорошо былъ знакомъ только какъ начальникъ, но ничѣмъ не проявилъ себя какъ морякъ, администраторъ, правитель. Какъ начальникъ, онъ былъ рѣзокъ и грубъ; такіе моменты всегда характеризовались нервнымъ подергиваніемъ и прищуриваніемъ праваго глаза, что знаменовало его раздраженіе и душевное волненіе. Въ немъ, какъ въ морякѣ, жила особенная любовь къ пышной блестящей обстановкѣ, въ особенности во время его выходовъ въ торжественныхъ случаяхъ или выѣздахъ въ Область; причемъ онъ питалъ особенную страсть къ пышнымъ и яркимъ описаніямъ въ газетахъ этихъ выѣздовъ. Такъ, замѣнявшій редактора газеты «Новый Край» полковникъ Тыртовъ однажды лично мнѣ говорилъ, что Намѣстникъ недоволенъ остался слишкомъ блѣднымъ описаніемъ пріѣзда его изъ Петербурга и объѣзда Области для передачи войскамъ царскаго «спасибо». Съ назначеніемъ его Намѣстникомъ, предоставленная ему громадная власть опьянила его положительно и, какъ говорятъ,

ударила въ голову; онъ сдѣлался еще болѣе мелочнымъ, придирчивымъ, самолюбивымъ и тщеславнымъ, требуя, по словамъ того же полк. Тыртова, удаленія, напр., частной публики изъ той части церкви, гдѣ онъ находился со свитой; устройства ему въ церкви особаго мѣста, отдѣльно отъ свиты; замѣны церковнаго регента другимъ; пышнаго и блестящаго описанія его завтраковъ, баловъ и обѣдовъ. Моряковъ онъ стремился поставить на первомъ планѣ и дать имъ преимущественное положеніе предъ арміей, благодаря чему возбудилъ страшный антагонизмъ между арміей и флотомъ; но особенно ставятъ ему въ вину то, что онъ распустилъ моряковъ и окружилъ себя людьми мало достойными, вкравшимися къ нему въ довѣріе путемъ угодничества и низкой лести, которую онъ просто такп обожалъ. Онъ не стѣснялся выслушивать отъ нихъ различныя сплетни и интриги, немедленно обнаруживая свое недовольство на оклеветанныхъ, которые вполнѣ были честными и порядочными людьми. Какъ на особаго интригана, выдающагося въ этомъ отношеніи, указываютъ на нѣкоего Я...., сообщавшаго ему ежедневно всѣ злобы дня. Въ свободное отъ занятій время онъ любилъ выслушивать городскія сплетни, интриги. Любовь его къ избраннымъ выражалась въ изливаемыхъ на нихъ милостяхъ въ видѣ наградъ и быстрыхъ повышеній по службѣ; но, съ другой стороны, онъ не стѣснялся вымѣщать на этихъ же лицахъ и свое раздраженіе.

Все это указывало на его ограниченность и неспособность быть государственнымъ человѣкомъ. Этимъ объясняется и малая освѣдомленность его объ истинномъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, о настроеніи китайцевъ, японцевъ, о ихъ характерѣ и намѣреніяхъ. Будучи окруженъ людьми малоспособными, льстивыми, пѣвшими ему о его величіи, о страхѣ предъ нимъ японцевъ и китайцевъ, онъ окончательно подчинился этому внушенію, былъ имъ гипнотизированъ и совершенно потерялъ способность оцѣнивать дѣйствительное положеніе вещей, закрывая на внѣшнюю политику глаза и принявъ иллюзію за фактъ. Неожиданное нападеніе на Артуръ 26 января ошеломило его, почему всѣ его послѣдующія распоряженія и дѣйствія кажутся на столько странными, что только исторія можетъ

пролить на нихъ свѣтъ. Ихъ трудно объяснить разсѣянностью или растерянностью, хотя на это и указываютъ; такъ 2 февраля по окончаніи молебна по случаю объявленія войны, приложившись къ кресту, онъ надѣлъ фуражку и началъ выходить изъ церкви; это продолжалось нѣсколько секундъ, послѣ чего, опомнившись, онъ быстро снялъ ее. Послѣ нападенія онъ сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ и перевозкѣ въ Харбинъ всѣхъ отдѣловъ Областнаго Управленія. Когда чины послѣдняго явились къ нему представиться во главѣ съ начальникомъ своимъ генераломъ В...., по случаю своего выѣзда, то онъ началъ ругать ихъ измѣнниками, бѣглецами, трусами и не принялъ. Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ, онъ былъ очень любезный и гостепріимный хозяинъ и, какъ я слышалъ, весельчакъ въ избранномъ кружкѣ близко стоявшихъ къ нему людей; къ сожалѣнію, его добродушіемъ пользовались только разные проходимцы, злоупотребляли его довѣріемъ и стояли у него на первомъ планѣ; для человѣка же, не привыкшаго къ лести, не выносившаго сгибанія спины и поклоненія, не было у него мѣста и таковые люди уходили. Мнѣ лично извѣстно, что полковникъ Мейстеръ, въ высшей степени порядочный и честный человѣкъ, весьма полезный для дѣла, оставилъ должность комиссара по гражданской части (губернатора), не помирившись съ обстановкой, окружавшей Намѣстника.

По моему мнѣнію, плачевное состояніе эскадры было слѣдствіемъ такого высшаго управленія ею, благодаря чему она не только не была помощницей въ оборонѣ Артура, но явилась бременемъ для его истинныхъ защитниковъ.

Между тѣмъ, предъ началомъ войны эскадра была сильнѣе Японской и являла собою внушительную силу; но, къ сожалѣнію, не имѣла прочной, основательной организаціи и энергичнаго, трудолюбиваго и знающаго начальника во главѣ.

До пріѣзда адмирала Макарова, моряки послѣ 26 января находились въ подавленномъ состояніи духа; но у нихъ жило сознаніе чувства долга предъ Отечествомъ, многіе изъ нихъ мечтали осуществить его. Адм. Макаровъ оживилъ эти надежды, поднялъ ихъ духъ, начавъ учить морскому дѣлу и боевой жизни; всѣ

пріободрились и принялись за работу, бросивъ свои развлеченія по кафе. Адмиралъ очень строго относился къ такимъ развлеченіямъ и при немъ рѣдко встрѣчались моряки на улицахъ; всѣ сидѣли за работой на своихъ судахъ. Это былъ лучшій періодъ въ жизни эскадры, но, къ несчастью, онъ продолжался очень недолго. Со смертью адмирала все измѣнилось и стало еще хуже: моряки еще болѣе упали духомъ и буквально топили свое горе въ развлеченіяхъ по кабакамъ и въ обществѣ камелій.

Но и въ этотъ несчастный періодъ нашлось между ними много людей долга, съ высокимъ чувствомъ и душей: это тѣ, которые перешли въ число защитниковъ сухопутнаго фронта, изъ которыхъ многіе сложили свои головы въ честномъ бою, а также совершившіе отдѣльные безстрашные подвиги на морѣ, жертвуя беззавѣтно своей жизнью.

Къ числу этихъ героевъ-борцовъ принадлежатъ и контръ-адмиралы *Лощинскій*, *Григоровичъ*, *Виренъ*, полезную и весьма существенную дѣятельность которыхъ въ смыслѣ обороны крѣпости не могу не отмѣтить здѣсь.

Убѣдившись въ своемъ безсиліи лишить нашу эскадру свободнаго выхода въ море путемъ затопленія брандеровъ и запереть ее во внутреннихъ бассейнахъ порта, японцы стремились достигнуть той же цѣли постановкой минъ на внѣшнемъ рейдѣ, открывъ *минную войну* послѣ неудачнаго нашествія брандеровъ 20 апрѣля. Эта ужасная по своимъ послѣдствіямъ борьба очень хорошо извѣстна каждому изъ защитниковъ крѣпости, въ которой моряками былъ данъ энергичный отпоръ въ лицѣ начальника минной обороны Артура и Квантуна контръ-адмирала М. Ф. Лощинскаго. Дѣятельность послѣдняго сыграла въ дѣлѣ защиты крѣпости весьма крупную роль и была бы еще болѣе плодотворной, если бы этому не мѣшало непонятное упрямство адм. Витгефта. Работа эта также была малозамѣтна для очевидцевъ, скромна, сама о себѣ не рекламировала, а потому и не была оцѣнена по достоинству. Интересуясь этой гигантской работой и наблюдая ее со стороны, я прямо таки поражался, съ какимъ замѣчательнымъ спокойствіемъ, энер-

гіей и настойчивостью работалъ адм. Лощинскій, нерѣдко не зная дня и почи. Здѣсь я намѣренъ отмѣтить хотя выдающіеся моменты изъ этой крупной по своимъ послѣдствіямъ работы.

Съ началомъ войны, 28 января, М. Ф. былъ вызванъ въ Артуръ Намѣстникомъ для организаціи и устройства минной обороны. До принятія послѣдней, минный транспортъ «Енисей», такъ трагически погибшій, успѣлъ сдѣлать минныя загражденія въ Таліенванской бухтѣ, но работа далеко не вся была выполнена, почему М. Ф. 30 января на кр. «Всадникъ» вышелъ въ Дальній для осмотра произведенныхъ работъ. Послѣ этого, 1 февраля, поднявъ свой флагъ на транспортѣ «Амуръ», въ сопровожденіи «Гиляка», «Гайдамака», мин. крейсера «Всадникъ» и 4 миноносцевъ вышелъ изъ Артура въ Дальній для дополнительной постановки заграждеій. Результатомъ этой поѣздки была постановка послѣднихъ между о-вомъ Санчандю и материкомъ, минирована восточная часть бухты Таліенванъ и входы въ бухты Керъ и Дипъ-бай. Выполнивъ эту гигантскую работу, лишившую непріятеля возможности высадиться въ этихъ мѣстахъ, М. Ф., уходя, организовалъ брандвахтенную и сигнальную службу на о-вѣ Сапшантао. 9 февраля имъ была заминирована бухта 8 кораблей, а въ мартѣ бухты Голубиная, Лупзы и южный берегъ Лѣотѣшана.

Расположеніе всѣхъ этихъ минныхъ заграждеій было такъ искусно и системно, что непріятель неособенно смѣло и охотно приближался къ нашимъ берегамъ и при малѣйшей неосторожности или своей оплошности несъ очень чувствительныя потери.

Будучи полнымъ хозяиномъ на внѣшнемъ рейдѣ, адм. Лощинскій особенно дѣятельное участіе принималъ въ отбитіи 20 апрѣля брандеровъ, направлявшихся тремя серіями къ выходу изъ порта, за что былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Онъ же, послѣ изслѣдованія съ Золотой горы обычнаго пути блокирующихъ японскихъ судовъ, далъ самыя точныя указанія капитану 2-го ранга Иванову (Командиру миннаго транспорта «Амуръ») для постановки минныхъ банокъ. Кап. Ивановъ блестяще выполнилъ эту задачу 1 мая, а утромъ 2 мая, о чемъ подробно укажу впослѣдствіи, взлетѣлъ на

воздухъ непріятельскій броненосецъ «Хатсузе» и подорванъ броненосецъ «Фуджи». Пораженіе японскаго флота было бы въ этотъ день еще полнѣе, если бы адм. Витгефтъ вышелъ немедленно въ море уничтожить «Фуджи» и бывшій съ нимъ еще одинъ броненосецъ и два крейсера. Къ сожалѣнію, самыя горячія убѣжденія адм. Лощинскаго не оказали на него воздѣйствія и непріятель ушелъ безъ дальнѣйшихъ потерь. За нѣсколько дней до этого событія взорвался на нашихъ минахъ кр. «Міако», а въ іюнѣ бр. «Іошима». Послѣдній погибъ на мѣстѣ взрыва «Хатсузе», при траленіи поставленныхъ нами минныхъ заграждепій, въ чемъ только впослѣдствіи сознались японцы.

Послѣ смерти адм. Витгефта, по просьбѣ ген. Смирнова, адм. Лощинскимъ было поставлено вблизи крѣпости еще около 120 минъ. Результатомъ этой работы были взрывы броненосца береговой обороны «Сайенъ» и крейсера «Хайенъ» у о-ва Айронъ (Iron).

Благодаря только одной неустанной работѣ этого труженика—героя, было взорвано 10 большихъ японскихъ судовъ и вспомогательныхъ крейсеровъ, а также 5 контръ-миноносцевъ, что парализовало бомбардировку крѣпости съ моря и дало возможность весь огонь нашихъ береговыхъ батарей направить на сухопутный фронтъ, увеличивъ жизнеспособность крѣпости на 30%—40% въ смыслѣ сбереженія снарядовъ и орудій. 24 августа, по телеграммѣ Намѣстника, М. Ф. былъ назначенъ завѣдывающимъ морской и минной обороной, на каковомъ мѣстѣ и оставался до сдачи крѣпости.

Еще въ декабрѣ 1903 года, въ бытность въ П.-Артурѣ, я познакомился съ контръ-адмираломъ И. К. Григоровичемъ, который незадолго передъ тѣмъ пришелъ въ крѣпость съ броненосцемъ «Цесаревичъ», командиромъ котораго состоялъ. Высокаго роста, сухощавый, стройный, съ незначительной просѣдью на головѣ и бородѣ, онъ съ перваго же знакомства произвелъ на меня большое впечатлѣніе интеллигентнымъ выраженіемъ своего лица и энергичнымъ взглядомъ. Послѣ поврежденія «Цесаревича» 26 января, онъ, не смотря на очень опасный кренъ, съ большимъ искусствомъ ввелъ

его въ портъ, отстрѣливаясь въ то же время отъ японцевъ; впослѣдствіи имъ же были приняты самыя энергичныя мѣры къ выпрямленію этого богатыря. Во время войны я встрѣтился съ нимъ въ бытность его уже адмираломъ и командиромъ порта, каковую должность онъ наслѣдовалъ отъ адм. Греве.

Мнѣ, какъ постороннему зрителю, невольно бросалась въ глаза отзывчивость этого адмирала на нужды крѣпости, его страстное желаніе помочь общему дѣлу защиты послѣдней, дать ей все то, что онъ могъ только дать въ цѣляхъ этой защиты, облегчить страданія гарнизона въ самыхъ насущныхъ его потребностяхъ.

Я указывалъ уже выше на случай съ прóволокой, въ розыскѣ которой онъ принялъ такое горячее участіе. Ни одна просьба въ цѣляхъ защиты крѣпости не встрѣчала отказа со стороны этого честнаго и благороднаго защитника, а также содѣйствія тамъ, гдѣ оно вызывалось необходимостью.—«Да обратитесь къ Ивану Константиновичу, онъ не откажетъ вамъ въ своей помощи»—было обычнымъ совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ и И. К. вызволялъ многихъ изъ этого положенія, касалось-ли доставки матеріаловъ для установки орудій, платформъ подъ нихъ, необходимыхъ матеріаловъ для защиты орудій, щитовъ и т. под.; въ этихъ просьбахъ не было отказа и онѣ удовлетворялись быстро и полностью. Оказалась недостача артил. снарядовъ,—И. К. и тутъ быстро явился на помощь, сдѣлавъ немедленное распоряженіе и давъ всѣ средства главн. механику порта Шилову для отливки ихъ, которая и производилась безостановочно подъ руководствомъ кап. 2 ранга Герасимова и при участіи лейтенанта Черкасова. Я уже считаю лишнимъ говорить подробно о томъ, что И. К. охотно и неоднократно снабжалъ сухопутныя войска всѣмъ необходимымъ изъ своихъ продовольственныхъ запасовъ, какъ напр. солониной, консервами и т. д., передавъ однажды 4500 п. сахару, когда обнаружился недостатокъ въ немъ.

Таковъ былъ для крѣпости адм. Григоровичъ, память о которомъ никогда не изгладится изъ знавшихъ его.

Кому также неизвѣстенъ былъ въ крѣпости съ первыхъ же дней страшной осады славный командиръ «Баяна», контръ-адми-

ралъ Р. Н. Виренъ! Кто не знаетъ, а зная,—можетъ забыть раннее утро 31 марта, покрывшее неувядаемой славой этого героя, сражавшагося однимъ бортомъ своего судна чуть не съ цѣлой эскадрой непріятельскихъ крейсеровъ, а другимъ бортомъ подбиравшаго раненыхъ, плававшихъ на поверхности воды! За это славное боевое дѣло адм. Виренъ былъ награжденъ орденомъ Георгія, который, по моему мнѣнію, не могъ подыскать для себя болѣе мужественной и болѣе достойной его груди. Впослѣдствіи адм. Виренъ за свои боевые подвиги былъ Высочайше назначенъ Начальникомъ отряда броненосцевъ и крейсеровъ; къ сожалѣнію, въ наслѣдіе достались ему только обломки флота, который при немъ началъ окончательно разоружаться.

Доброта этого адмирала, его симпатичность и отзывчивость на все хорошее, а также горячая любовь къ своему Отечеству и самопожертвованіе для поддержанія чести и славы его,—съ перваго же знакомства внушали къ нему любовь и полное уваженіе.

Все изложенное мною выше описано можетъ быть болѣе подробно, чѣмъ слѣдуетъ; но я считалъ необходимымъ указать на все это, дабы выяснить, съ какими средствами и при какихъ условіяхъ застигла насъ осада.

VII.

Я не пишу исторіи войны, не претендую на званіе *знатока военнаго искусства*, хотя и убѣжденъ, что въ послѣднемъ играютъ главную роль *здравый смыслъ*, *быстрая сообразительность* и *рѣшимость*, а не примѣненіе шаблонныхъ правилъ; я излагаю только свои впечатлѣнія, изъ которыхъ одни восприняты мною непосредственно, другія провѣрены опросомъ массы участниковъ событій и подкрѣплены приказами по укрѣпленному раіону; но могу ручаться въ одномъ, что въ основѣ этихъ событій, а не въ деталяхъ (которыя и не важны) лежитъ глубокая истина. На этомъ же основаніи, въ дальнѣйшемъ изложеніи многочисленнѣйшихъ и самыхъ разнообразныхъ событій войны, я буду придерживаться, во-первыхъ,

строго хронологическаго ихъ порядка и, во-вторыхъ, отмѣчать только тѣ изъ нихъ, которыя имѣли значеніе и вліяніе на измѣненіе хода обороны или же обрисовываютъ величіе души нашего мужественнаго гарнизона, такъ мѣтко и справедливо названнаго въ телеграммѣ Государыни Императрицы отъ 1 сентября «страдальцами». Вмѣстѣ съ тѣмъ, я буду отмѣчать и тѣ обстоятельства, которыя подтверждаютъ, что «Артурскихъ твердынь» не было, что онѣ существовали только въ воображеніи лицъ заинтересованныхъ, на что я уже указывалъ раньше, но что Артуръ спасало только мужество, мужество и мужество русскаго солдата, запечатлѣнное массой страданій, крови, жертвъ, энергіи и непосильнаго труда, который подъ конецъ научился самъ непосредственно у японцевъ же воевать съ ними. Своей изобрѣтательностью, въ соединеніи съ своимъ мужествомъ, онъ даже превзошелъ своихъ учителей и побѣждалъ ихъ мѣтко и сильно, наводя на нихъ панику. Что я говорю это не голословно, буду въ доказательство приводить выдержки изъ приказовъ ген. Стесселя, отмѣчавшаго тѣ событія, которыя устанавливаютъ честь солдата, его энергію, его храбрость.

Съ большимъ напряженіемъ и нетерпѣніемъ каждый изъ насъ ожидалъ извѣстій о движеніи высадившагося въ Бидзыво непріятеля; это нетерпѣніе росло съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой; всякій изъ насъ спѣшилъ послать въ письмѣ или телеграммѣ своимъ роднымъ, можетъ быть, послѣднее «прости». Трудно описать ту грусть, тоску и досаду, которыя овладѣли нами 26 апрѣля, день закрытія пріема депешъ и писемъ. Послѣдній прибывшій въ Артуръ поѣздъ былъ 28 апрѣля, а съ 29 мы оказались совершенно отрѣзанными отъ всего остального міра.

Первыя полученныя нами свѣдѣнія были очень непріятны и даже поразили: электрической искрой разнеслась вѣсть, что еще за-долго до появленія противника изъ Бидзыво постыдно бѣжали начальникъ участка и весь служебный персоналъ, бросивъ городъ на разграбленіе хунхузамъ; телеграфные аппараты были сняты и телеграфъ испорченъ. Это ничѣмъ необъяснимое бѣгство было констатировано въ приказѣ ген. Стесселя отъ 25 апрѣля за № 170,

въ которомъ онъ пригрозилъ такимъ бѣглецамъ военнымъ судомъ. Разсказываютъ, что телеграфные аппараты, въ виду поспѣшнаго бѣгства, были просто брошены и одинъ изъ китайцевъ зарылъ ихъ въ землю, а потомъ возвратилъ кому-то изъ русскихъ начальниковъ, прибывшему въ Бидзыво. Чины пограничной стражи также начали самовольно оставлять свои посты и уходить на сѣверъ, въ виду чего ген. Стессель 25 апрѣля командировалъ капитана Одинцова возстановить порядокъ. Офицеръ этотъ совершенно свободно проѣхалъ на сѣверъ и подъ Пулондяномъ встрѣтилъ обозъ съ боевыми припасами, высланными въ Артуръ Командующимъ Арміей; при этомъ подполк. Спиридоновъ, сопровождавшій поѣздъ, сообщилъ капитану, что сѣвернѣе Пулондяна отступившей къ Вафондяну пограничной стражей испорченъ телеграфъ и желѣзнодорожный путь. Такое быстрое и ничѣмъ невызванное отступленіе наводило каждаго изъ насъ на серьёзныя размышленія; невольно язвила несносная мысль,— неужели войсками начинаетъ овладѣвать паника. Наконецъ пришли и болѣе отрадныя новости, разсѣявшія наше подозрѣніе. Есаулу Канцевичу было приказано произвести рекогносцировку. Выйдя 25 апрѣля и пройдя 200 верстъ къ сѣверу, онъ выяснилъ, что Бидзыво и сѣверная часть бухты Кинчанъ заняты противникомъ въ числѣ около 15 т.; встрѣченные имъ у дер. Игяданъ два непріятельскихъ эскадрона быстро отступили на сѣверо-востокъ. Не замедлили появиться также телефонограммы; по первой—«японскій передовой отрядъ отступилъ отъ Пулондяна, повредивъ незначительно мостъ. Охрана Пулондяна имѣла перестрѣлку, продолжавшуюся около получаса; японцы потеряли 20 человѣкъ, у насъ же убита одна лошадь и взятъ въ плѣнъ одинъ нижній чинъ; въ Пулондянѣ пожаръ и китайцы его грабятъ»; по второй—«непріятель двигается на югъ по Мандаринской дорогѣ и у дер. Саншилипу обнаружено до двухъ полковъ, а у дер. Эльшилипу ихъ передовыя части; около двухсотъ человѣкъ стоитъ бивакомъ въ лощинѣ сѣвернѣе дер. Аншилипу; сѣвернѣе мыса Терминаль замѣчено до 30 судовъ; восточнѣе Мандаринской дороги противникъ въ направленіи на югъ не подвигается». Наконецъ 1 мая было получено извѣстіе о первомъ

столкновеніи нашего отряда съ непріятельскимъ. Полуостровъ Керъ былъ занятъ отрядомъ нашихъ войскъ изъ 7-ой роты 5-го полка, охотничьихъ командъ того же и 16-го полковъ и двухъ орудій 57 мил. батареи. Шесть японскихъ крейсеровъ съ 9 час. утра начали обстрѣливать полуостровъ и посадили десантъ на шлюпки для высадки его; когда нѣсколько миноносцевъ съ шлюпками подошли къ берегу противъ расположенія отряда, то послѣдній, подпустивъ ихъ на близкую дистанцію, открылъ самый губительный ружейный и орудійный огонь. Три снаряда удачно попали въ миноносцы, послѣ чего они и шлюпки начали уходить изъ бухты къ крейсерамъ, открывшимъ огонь большими снарядами; вскорѣ крейсеры взяли шлюпки съ десантомъ и ушли.

Эта маленькая побѣда всѣхъ насъ очень порадовала; нижніе чины и офицеры пріободрились и смотрѣли веселѣе.

Радостное событіе это подало надежду на перемѣну счастья, которое какъ будто-бы улыбнулось намъ и 2-го мая. Командиръ миннаго транспорта «Амуръ», капитанъ II ранга Ивановъ неоднократно уже добивался разрѣшенія адмирала Витгефта выйти ночью въ море и поставить мины на излюбленномъ пути движенія японской эскадры, но всегда получалъ отказъ. Наконецъ, при помощи адм. Лощинскаго, какъ я указалъ выше, ему удалось вымолить разрѣшеніе и въ ночь на 2-е мая онъ ловко выполнилъ эту задачу, поставивъ мины на разстояніи 18—20 верстъ противъ входа въ бухту. Вѣсть объ этомъ облетѣла утромъ почти весь Артуръ и около 10-ти часовъ всѣ береговыя горы буквально были усѣяны публикой, нервно слѣдившей за непріятельской эскадрой, показавшейся на горизонтѣ. Не подозрѣвая поставленной ловушки, она къ 11 часамъ пошла по старому курсу, буквально приковавъ къ себѣ взоры и вниманіе публики. Вдругъ раздался страшный взрывъ и броненосецъ «Хатсузе», одинъ изъ лучшихъ, шедшій въ головѣ колонны, покачнулся и, спустя минуты полторы, скрылся подъ водой; точь-въ-точь, какъ это случилось съ «Петропавловскомъ». Трудно передать взрывъ восторга и аплодисментовъ, сопровождавшихъ погибель этого несчастнаго броненосца. На помощь къ нему

быстро бросился броненосецъ «Фуджи», который также налетѣлъ на мину, раздался новый взрывъ и онъ, получивъ сильное поврежденіе, немедленно былъ взятъ на буксиръ. Вновь раздались аплодисменты и крики «браво»—«ура». Послѣ этого всѣ непріятельскія суда, предполагая, вѣроятно, дѣйствіе подводныхъ лодокъ, открыли со всѣхъ бортовъ вокругъ себя самую отчаянную пальбу. Говорятъ, при этомъ съ одного изъ нашихъ броненосцевъ была послана ложная телеграмма по безпроволочному телеграфу, въ которой указывалось, что подводная лодка № 2 не угадала вѣрнаго направленія,—съ цѣлью этимъ еще болѣе ввести въ заблужденіе японцевъ, несомнѣнно перехватившихъ эту депешу. Послѣ взрыва «Фуджи» изъ бухты сейчасъ же вышло 16 нашихъ миноносцевъ атаковать японскую эскадру, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ и отбиты. Мнѣ казалось, что если бы миноносцы были заранѣе приготовлены и стояли на рейдѣ, то атака безусловно имѣла бы успѣхъ и непріятелю былъ бы нанесенъ большой ущербъ. Итакъ, «Петропавловскъ» и «Побѣда» были отомщены, хотя и не въ такой мѣрѣ. По возвращеніи миноносцевъ, на бульваръ явилась музыка и Артуръ отпраздновалъ первый успѣхъ на морѣ и на сушѣ. Очень замѣтно было приподнятое настроеніе моряковъ и всего гарнизона, что не могло не радовать; нѣкоторые придавали этимъ успѣхамъ громадное значеніе и связывали ихъ съ надеждой на возстановленіе сообщенія и освобожденіе отъ заключенія.

Но на другой же день это радостное настроеніе смѣнилось непріятнымъ сообщеніемъ о быстромъ наступленіи непріятеля на югъ въ большихъ силахъ и о такомъ же быстромъ отступленіи ген. Фока на основную позицію Кинчжоу (Цзиньжоу).

Я, не получивъ извѣстія о судьбѣ сына, невольно обращался мыслями къ битвѣ на Ялу; неизвѣстность о немъ меня страшно угнетала. Я зналъ только, что тамъ дрались какъ львы, шли грудь на грудь, трупы валились направо и налѣво, кровь лилась рѣкой, артиллерія дѣйствовала самоотверженно; но въ концѣ—орудія были подбиты и брошены, прислуга и лошади перебиты, офицеры ранены, а иные убиты и въ числѣ ихъ подп. Муравскій, батарея

котораго, въ каковой служилъ и сынъ мой, наиболѣе оказалась потерпѣвшей. Еще въ декабрѣ 1903 г. я оставилъ этого штабъ-офицера здоровымъ, жизнерадостнымъ, веселымъ и мечтавшимъ о войнѣ съ японцами. Я любовался его энтузіазмомъ и блестящей, чистенькой батареей, стоявшей въ паркѣ, мимо котораго я ежедневно проходилъ. Не вынесъ старый артиллеристъ пораженія и не захотѣлъ его пережить; со слезами припалъ онъ къ орудію и обнялъ его, не желая разстаться съ нимъ; въ это время осколокъ непріятельской шрапнели разломилъ его черепъ и мозги разлетѣлись по всѣмъ орудіямъ. Такъ, по разсказамъ, погибъ этотъ милый, симпатичный человѣкъ-артиллеристъ. Миръ праху твоему, дорогой мученикъ, за родину!

На первыхъ же порахъ разъединенія мы почувствовали ощутительно еще одинъ нашъ недостатокъ,—это отсутствіе кавалеріи для развѣдочной службы. Нести ее охотничьи команды положительно не могли, да и непосильная была для нихъ эта задача, т. к. эта отрасль службы требовала много практики и сноровки; сама природа подготовила для этого казаковъ, которымъ уступала даже регулярная кавалерія, постоянно изощряющаяся въ развѣдкахъ; почему, по необходимости приходилось обращаться къ китайцамъ, доставлявшимъ самыя сбивчивыя свѣдѣнія и служившимъ одновременно намъ и японцамъ,—кто больше дастъ.

Еще въ концѣ апрѣля на совѣщаніи начальниковъ былъ поднятъ вопросъ,—защищать Кинчжоу или же бросить его и отступить къ Артуру. Мнѣнія раздѣлились: одни стояли за защиту, т. к. это влекло за собою задержку непріятеля по дорогѣ къ Артуру и ослабленіе силъ его; другіе считали это опаснымъ т. к. защищать эту позицію можно было только при участіи нашего флота, послѣдній же дѣйствовать не могъ; съ другой стороны, въ виду невозможности получить помощь, потеря каждаго солдата влекла за собою ослабленіе гарнизона, необходимаго для защиты крѣпости; между тѣмъ, непріятель во всякое время могъ получить подкрѣпленіе. Рѣшено было только задержать на этой позиціи непріятеля на сколько возможно, но не защищать ее «во-чтобы то ни стало».

Положеніе Артура становилось тяжелымъ въ виду наступающаго врага съ суши, не переставшаго въ то же время тревожить съ моря. Погибель «Хатсузе» и поврежденіе «Фуджи» привело японцевъ въ страшное раздраженіе; они начинаютъ проявлять чисто азіатскую нервность, измѣнивъ характеръ своихъ дѣйствій. Попытки ихъ загородить выходъ изъ порта брандерами не удались, хотя они и разглашали по всему свѣту, что теперь наша эскадра въ ловушкѣ; адмиралъ же Того доносилъ своему правительству, что послѣднее предпріятіе съ брандерами удачно. Послѣ 20 апрѣля японцы начинаютъ продолжать свою дѣятельность на морѣ въ другомъ направленіи, стараясь окончательно преградить выходъ нашей эскадрѣ минами, которыя разбрасываютъ по всему рейду и вблизи выхода изъ бухты. Съ этого времени на морѣ начинается *минная война*; причемъ, японцы доходятъ до дерзости и ихъ минные катера, транспорты и миноноски появляются почти у нашихъ береговъ. Но имъ въ ночь на 7 мая вновь не повезло: около часа они явились минировать бухту Тахе, но были замѣчены батареей Крестовой горы, которой и былъ открытъ по нимъ самый губительный огонь; во время перестрѣлки японцы стрѣляли такъ нервно, что почти всѣ ихъ снаряды перелетали черезъ батарею и падали въ городъ по направленію отъ Крестовой къ пмпани Краснаго Креста.

Результатомъ стрѣльбы батареи было потопленіе миннаго японскаго транспорта, предварительно взорвавшагося, послѣ чего миноноски и минные катера немедленно прекратили стрѣльбу и ушли; тѣмъ не менѣе, японцы являлись каждую ночь на нашъ рейдъ и неустанно работали по установкѣ минъ. Противодѣйствовать имъ въ этомъ отношеніи было очень трудно, т. к. наши миноносцы въ самомъ ограниченномъ числѣ (2—3) выходили на внѣшній рейдъ, а иногда совсѣмъ не выходили, заперевъ только бонъ передъ выходомъ въ бухту; но если непріятельскіе миноносцы попадали въ лучи прожекторовъ, то по нимъ немедленно открывался адскій огонь изъ береговыхъ батарей, которыя къ чести ихъ всегда были на-чеку и сторожили зорко.

Съ движеніемъ японцевъ къ Кинчжоу, невольно приходилось отрываться отъ одного фронта къ другому. Напряженіе нервовъ доходило до крайней степени и сильно отзывалось на настроеніи; являлась ко всему какая-то апатія, отсутствіе интереса, не развлекало даже чтеніе: начнешь читать серьёзную книгу, уже къ концу первой страницы не понимаешь прочитаннаго и ловишь себя на совершенно другой мысли, не имѣющей никакой связи съ прочитаннымъ; попробуешь читать книгу легкаго содержанія, сейчасъ же бросаешь ее на столъ съ какимъ-то озлобленіемъ, на столько содержаніе ея кажется мизернымъ и ничтожнымъ съ переживаемымъ моментомъ; послѣ чего начинаешь метаться по комнатѣ какъ звѣрь, голова полна самыхъ безотрадныхъ думъ, въ концѣ концовъ разбаливается до такой степени, что бросаешься на постель. Почему я чрезвычайно обрадовался приглашенію на Тигровую батарею № 9, расположенную въ 6-й ротѣ Квантунской крѣпостной артиллеріи, командиромъ которой былъ кап. Страшниковъ. Тамъ 11 мая устраивалось маленькое торжество по случаю постановки на батареѣ образа, патрона послѣдней. Путешествіе туда тѣмъ болѣе было пріятно, что со мною вмѣстѣ отправлялись состоявшій при военномъ судѣ священникъ о. Николай Рождественскій и мой старый знакомый врачъ Бенедиктовъ.

Раньше этого мнѣ часто приходилось проѣзжать мимо Тигроваго полуострова, но внутри его я никогда не былъ, почему и съ этой стороны поѣздка сильно меня интересовала. Около 12 часовъ дня 11 мая, переѣхавъ бухту на артиллерійской шлюпкѣ, мы сошли на пристань расположенныхъ вблизи полуострова землечерпалокъ, гдѣ ожидала лошадь; поднявшись въ гору не болѣе $^3/_4$ версты, мы подъѣхали къ чудному садику, являвшемуся оазисомъ на Тигровкѣ, среди зелени котораго стоялъ громадный каменный флигель,— квартира командира баталіона подполк. С...., стараго артиллериста.

Все это, весь этотъ поэтическій уголокъ произвелъ на меня до того пріятное впечатлѣніе послѣ душнаго и пыльнаго Артура, что я невольно позавидовалъ обитателямъ его. Онъ тѣмъ болѣе былъ привлекателенъ, что съ одной стороны открывался видъ на запад-

ный бассейнъ, городъ и окрестности его, а съ другой—на безбрежное море, плескавшее непрерывно въ берега своими темнозелеными волнами. По пріѣздѣ, всѣ мы были приглашены въ батарею на молебенъ; день былъ чудный—тихій, солнечный и теплый. Взойдя на батарею, я какъ старшій поздоровался съ ротой, которая была выстроена на передней линейкѣ; люди смотрѣли молодцами, съ загорѣвшими мужественными и энергичными лицами. На мой привѣтъ громко раздался отвѣтъ ихъ—«Здравія желаемъ, В. Прев.»,—отдавшійся эхомъ въ горахъ. Образъ былъ вдѣланъ въ стѣну блиндажа; предъ нимъ стоялъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью и на немъ въ фаянсовой чашкѣ вода для освященія. Чарующая представилась картина, когда священникъ, одѣвъ ризы, началъ богослуженіе и раздалось церковное пѣніе въ виду грозныхъ пушекъ и растилавшагося впереди моря, на горизонтѣ котораго черными точками и линіями обозначались непріятельскія суда; чувствовалось что-то могучее, спльное и торжественное въ этихъ звукахъ, уносившихся въ высь и призывавшихъ Божіе благословеніе на жизнь и здоровье стоявшихъ во-кругъ образа дорогихъ сыновъ Россіи, готовыхъ сейчасъ же рпнуться въ бой и отдать жизнь за далекое, дорогое Отечество. Я не могъ оторвать глазъ отъ этой умилительной, божественной картины, среди грозной боевой обстановки; невольно, при взглядѣ на этихъ полныхъ жизни людей, терзала мысль, что можетъ быть сейчасъ, сію минуту эти молящіеся люди обратятся въ трупы или въ искалѣченныхъ, израненыхъ больныхъ, умоляющихъ своимъ страдальческимъ взглядомъ о помощи. Давно я молился съ такимъ горячимъ чувствомъ и чистымъ сердцемъ, прося Бога о защитѣ этихъ близкихъ мнѣ по духу людей, оторванныхъ отъ родины, семьи, родныхъ и молящихся о дарованіи имъ побѣды и сохраненіи жизни въ такой дали, на берегахъ Тихаго Океана.

По окончаніи молебна и окропленіи св. водой, мы были приглашены къ столу, накрытому на верандѣ. Весело и оживленно прошелъ обѣдъ, за которымъ совершенно было забыто наше трагически-жалкое положеніе. По окончаніи обѣда, всѣ мы отправи-

лись на сосѣднюю Суворовскую батарею, расположенную на берегу западнаго бассейна. Это одна изъ самыхъ высокихъ горъ послѣ Лѣотѣшана, предъ которой Золотая гора кажется холмомъ; съ вершины ея открывается видъ на морскую даль, бухты—Голубиную, Луизы, 8-ми кораблей и на станціи Нангалинъ и Дальній. Долго мы любовались картинами открывавшихся видовъ и невольно взоры обращались въ сторону заходящаго солнца, къ дорогой Россіи, откуда ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ скорой помощи.

Мнѣ до того понравился весь этотъ уголокъ, что предъ отъѣздомъ я выразилъ искреннее желаніе временно поселиться здѣсь. Милѣйшій хозяинъ принялъ мое желаніе серьёзно и изъявилъ полнѣйшее согласіе на мой переѣздъ въ его квартиру, въ которой, за выѣздомъ его жены въ Россію, оставались двѣ комнаты свободными; ихъ онъ сейчасъ же и показалъ мнѣ. Впослѣдствіи я одну изъ нихъ занялъ, переѣхавъ къ нему 30 іюня.

Уѣхали мы поздно вечеромъ подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ; но, возвратившись домой, вновь стало грустно и тоскливо, въ виду надвигавшейся грозы съ суши. Японцы подходили къ Кинчжоу въ большихъ силахъ и начали укрѣпляться на склонахъ горъ противъ нашей позиціи. Дивизія ген. Фока послѣ неоднократныхъ не большихъ стычекъ отступила на самую позпцію.

Здѣсь я считаю необходимымъ хотя въ общихъ чертахъ познакомить съ послѣдней.

Цзинь-жоу или Кинчжоу (тоже—Наншанъ, собственно—возвышенное плато) занимаетъ самое узкое мѣсто Ляодунскаго или Квантунскаго полуострова, въ разстояніи 60 верстъ отъ Артура. Возвышенность эта омывается съ западной стороны бухтой того же имени, составляющей часть залива Товарищества (Ляодунскаго), а съ восточной—Хунуэзской бухтой, части Корейскаго залива. Возвышенность расположена перпендикулярно къ продольной линіи полуострова и ея формой какъ бы сама природа позаботилась о преградѣ доступа на югъ Ляодуна, т. к. сѣверные скаты обрывисты, а южные пологи; боковыя части у береговъ низменны и даютъ возможность обхода; желѣзная дорога проходитъ съ во-

сточной стороны. Длина этой высоты (ширина полуострова) отъ 2—3 верстъ; примыкавшіе къ ней заливы хотя и мелководны, но суда не глубокой посадки могли подходить къ берегамъ версты на двѣ. При участіи флота, позиція эта была положительно неприступной и могла быть защищаема даже однимъ полкомъ противъ арміи въ 40—50 тысячъ; безъ участія же флота она являлась очень слабой, т. к. обстрѣливалась непріятельскимъ флотомъ не только съ фланговъ, но и съ тыла. Представляя собою тѣсную кучу батарей, она не была укрѣплена, не имѣла блиндажей и укрытій для резервовъ и стрѣлковъ, артиллерія также оставалась безъ всякаго прикрытія; въ довершеніе—хлѣбопекарныя печи и колодцы были устроены тоже на позиціи. Такова была первая «артурская твердыня». Въ разсчетѣ, что нашъ флотъ окажетъ помощь при защитѣ, на вершинѣ ея были поставлены 78 орудій большого калибра. Сѣвернѣе этой позиціи находится высокая (командующая) гора Самсонъ (2210 ф. надъ уровнемъ моря), на вершинѣ которой пріютился китайскій монастырь. Говорили, что какъ послѣдній, такъ и самая гора не были осмотрѣны; почему предполагаютъ, что монастырь еще ранѣе былъ японскимъ складомъ и что между его монахами было много переодѣтыхъ японцевъ, а въ складѣ много ранѣе скрытно провезенныхъ орудій и боевыхъ припасовъ. Такое предположеніе явилось на томъ основаніи, что на отрогахъ этой горы, обращенныхъ къ нашей позиціи, японцы очень быстро устроили и батареи, и закрытія.

Дивизія ген. Фока, расположенная на сѣверѣ Квантунской Области, первой пришла въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, какъ я указалъ это выше, и до 13 мая имѣла съ его передовыми частями только незначительныя аріергардныя стычки, какъ напр. 3 и 5 мая. Интересенъ слѣдующій фактъ. Когда части войскъ отошли съ большимъ урономъ съ позиціи у Годзялина, Шасалитезы и Чифонтана, то ген. Фокъ потребовалъ объясненій отъ ген. Надѣина, почему онъ отступилъ и кто ему приказалъ. Послѣдній отвѣтилъ, что онъ отступилъ по приказанію его, ген. Фока, представивъ при этомъ записку, подписанную кап. Романовскимъ (ген. штаба), въ

которой излагалось это приказаніе. Генералъ Фокъ былъ пораженъ, когда Романовскій подтвердилъ это его приказаніе; на будущее время онъ распорядился вѣрить только тѣмъ его запискамъ, которыя будутъ подписаны имъ. Отступая постепенно на позицію у Кинчжоу, ген. Фокъ занялъ передовые окопы 5-мъ полкомъ; полки же его дивизіи были расположены на флангахъ и въ резервѣ; одна изъ ротъ 5-го полка съ охотниками была поставлена въ дер. Кинчжоу, вблизи позиціи, въ глубокой впадинѣ. Противъ 4-й дивизіи были 1, 3 и 4-я дивизіи японцевъ съ 120-ю орудіями, высадившіяся въ Бидзыво.

Защита позиціи Кинчжоу была возложена на 5-й Вост.-Сиб. стр. полкъ, подъ командой полк. Третьякова. Здѣсь считаю долгомъ изложить хотя краткую исторію этого героическаго многострадальнаго полка.

По окончаніи русско-китайской кампаніи, онъ былъ введенъ въ Пекинъ, гдѣ 1-я рота была оставлена для защиты посольства, остальныя же были расквартированы впослѣдствіи въ Шанхай-Гуанѣ, Инкоо и Бидзыво, гдѣ имѣли постоянныя стычки съ хунхузами, охраняя отъ нихъ желѣзнодорожный путь. Въ мартѣ 1903 года, по приказанію начальства, онъ не въ полномъ составѣ прибылъ въ Кинчжоу, гдѣ и началъ устраиваться на постоянныя квартиры, нисколько не думая о возможной будущей войнѣ. Благодаря невозмутимому спокойствію въ П.-Артурѣ, офицеры подсмѣивались даже надъ французскими офицерами, удивлявшимися, что мы на-канунѣ войны, но совершенно не думаемъ о ней. Не трудно каждому судить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело извѣстіе о войнѣ на полкъ, усыпленный властью и совершенно не думавшій о ней. Прежде всего была осмотрѣна позиція Кинчжоу, которая оказалась въ полуразрушенномъ видѣ и не было возможности возстановить ее быстро, т. к. зима обратила землю въ камень, а инструментовъ не оказалось; при этомъ необходимо было установить наблюденіе за берегами, комплектовать полкъ до военнаго времени, обмундировать и обучить новобранцевъ и т. д. Возложенная на полкъ задача защищать позицію безъ участія флота была внѣ всякой

возможности. Когда полк. Третьяковъ доложилъ объ этомъ ген. Фоку, то онъ отвѣтилъ: «Знаете, я на вашемъ мѣстѣ сказалъ бы начальству: оставьте мнѣ только двѣ роты; я съумѣю съ ними умереть лучше, чѣмъ съ полкомъ»! Такое мнѣніе давало право заключить, что полкъ отдавался на «съѣденіе» японцамъ.

Это однако не устрашило полкъ и всѣ чины его съ большой энергіей принялись за укрѣпленіе позиціи при безпрерывныхъ посылкахъ значительныхъ командъ для наблюденій за берегами; работали всѣ и «во-всю» безъ отдыха, т. к. ген. Фокъ и не думалъ облегчать ихъ работы чинами своей дивизіи, которая стояла тутъ же безъ всякаго дѣла. Онъ любилъ только часто бесѣдовать на тему о защитѣ крѣпости и изъ этихъ бесѣдъ полк. Третьяковъ заключилъ, что ген. Фокъ и не думаетъ упорно защищать эту позицію; такъ, онъ однажды сказалъ ему: «Вы знаете, что для защиты этой позиціи нужно меньше геройства, чѣмъ для отступленія съ нея; измѣнникомъ назовутъ ген. Фока всѣ тѣ, кто не понимаетъ настоящаго положенія вещей». Стрѣлковые окопы онъ осмѣивалъ, называя ихъ «паршивыми ласточкиными гнѣздами». Избирая самыя высокія мѣста для своихъ наблюденій, онъ, въ виду большой настильности пуль, а слѣдов. и угрожавшей опасности, требовалъ отъ полк. Третьякова защиты высотъ у ихъ подошвъ, разставляя для этого стрѣлковъ на 10 и даже 20 шаговъ, для избѣжанія потерь отъ артил. огня. «Только измѣнники подставляютъ своихъ людей подъ артиллерію противника», говорилъ онъ при этомъ.

Видя, что полка едва хватаетъ для боевой линіи, полк. Третьяковъ просилъ ген. Фока назначить въ резервъ хотя одинъ полкъ изъ его дивизіи, чтобы распорядиться имъ въ нужную минуту, но получилъ отвѣтъ, что онъ хочетъ «командовать уже и дивизіей».

Къ счастью 5-го полка, кромѣ своей боевой опытности, пріобрѣтенной въ стычкахъ съ хунхузами, онъ получилъ вновь сформированный 3-й баталіонъ изъ вполнѣ надежныхъ офицеровъ и людей.

Не смотря на частыя бесѣды съ ген. Фокомъ,—полк. Третьякову такъ и не удалось выяснить не только общаго плана защиты позиціи, но и того, долженъ-ли защищать ее до послѣднихъ силъ.

Еще 12 мая первые выстрѣлы раздались со стороны японцевъ, на которые къ сожалѣнію, по приказанію ген. Фока, послѣдовалъ отвѣтъ со всѣхъ нашихъ батарей, расположенныхъ на позиціи. Вызвавъ огонь, японцы сразу прекратили свой, опредѣливъ окончательно какъ расположеніе нашихъ батарей, силу ихъ, такъ и произведя самую точную пристрѣлку. Такой образъ дѣйствій многіе совершенно справедливо ставятъ въ вину ген. Фоку, такъ опрометчиво поступившему въ данномъ случаѣ.

Бой у Кинчжоу 13 мая носилъ характеръ исключительно артиллерійской дуэли.

Въ ночь на это число прошелъ страшный ливень; громъ гремѣлъ безпрерывно и молніи ежесекундно освѣщали весь небосклонъ и стоявшихъ другъ противъ друга противниковъ.

Это однако не помѣшало японцамъ въ излюбленное ими «13» число, около 4-хъ часовъ утра, открыть самый губительный огонь по нашимъ батареямъ и окопамъ, на который артиллерія не замедлила отвѣчать также энергично. По разсказамъ очевидцевъ, японцы вскорѣ развили до того адски губительный огонь, что буквально засыпали снарядами наши батареи и окопы; уже къ 11-ти часамъ дня на батареяхъ, какъ говорятъ, не было живого мѣста, а изъ стрѣлковъ, засыпавшихся осколками въ окопахъ, одни начали оставлять ихъ и искать спасенія за ближайшими естественными закрытіями; другіе же, т. к. и мѣстность сзади заливалась чугуннымъ дождемъ, молча, вѣрные своему долгу, умирали въ этихъ окопахъ, совершенно лишенныхъ прикрытія; прислуга при орудіяхъ, также безъ прикрытій, смѣнялась ежечасно, становясь на мѣста убитыхъ и раненыхъ и продолжая вести стрѣльбу беззавѣтно и энергично. Рота, застигнутая такимъ губительнымъ огнемъ въ деревнѣ Кинчжоу, выйти оттуда не могла и всѣ были перебиты, а спасшіеся чудомъ—были захвачены въ плѣнъ *); но невѣроятно

*) По словамъ полк. Третьякова, составлявшіе гарнизонъ города 400 чел. подъ начальствомъ кап. Еремѣева спаслись: часть ихъ, при обходѣ города непріятелемъ, отступила черезъ южныя ворота, а нѣсколько запоздавшихъ взводовъ спрыгнули со стѣнъ внизъ и отступили благополучно.

колоссальнаго развитія артиллерійскій огонь достигъ съ прибытіемъ японскаго *флота*, ставшаго въ Цзинчжоускомъ заливѣ, въ составѣ 4 канонерокъ и 6 миноносцевъ и громившаго анфиладно наши батареи и окопы снарядами большого калибра. Съ этого момента бой принялъ уже характеръ страшнаго урагана, разразившагося огненнымъ дождемъ стали и чугуна, ниспровергавшаго все на своемъ пути. Когда нашъ огонь началъ мало-по-малу ослабѣвать, японцы, около 11—12 часовъ дня, направили свои колонны на правый флангъ нашей позиціи, со стороны бухты Хунуэза; къ счастью, къ этому времени сюда случайно подоспѣла паша канонерка «Бобръ», подъ командой капитана II ранга Шельтинга, открывшая такой губительный огонь по наступавшимъ колоннамъ, что онѣ должны были отступить и укрыться за складками мѣстности. Это отступленіе было принято ген. Надѣинымъ за побѣду, о чемъ онъ и телефонировалъ ген. Стесселю въ Артуръ, который, къ удивленію всѣхъ, не поѣхалъ лично руководить боемъ подъ Кинчжоу, а ограничился только чтеніемъ донесеній о боѣ въ своей квартирѣ. Телефонограмма эта возбудила громадный энтузіазмъ, было подано сейчасъ же шампанское и распито нѣсколько бутылокъ. Но радость была преждевременна: около 3-хъ часовъ дня «Бобръ», выпустивъ имѣвшіеся на немъ всего 300 снарядовъ, ушелъ въ Артуръ, а командиры канонерокъ «Отважнаго» и «Гремящаго», какъ я упомянулъ выше, отказались выйти на помощь ему; японцы же, около 3—4 часовъ пополудни, устроивъ свои колонны, но опасаясь дѣйствія нашей морской артиллеріи на правомъ флангѣ, двинули ихъ на нашъ лѣвый флангъ подъ прикрытіемъ огня своихъ канонерокъ. Боясь попасть на наши мины и фугасы (хотя послѣдніе были уже не опасны, такъ какъ артиллерійскимъ огнемъ оказались провóды поврежденными), они пошли заливомъ по поясъ въ водѣ. Это движеніе они совершали уже подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и полевой артиллеріи, замѣнившей собою подбитую крѣпостную, отъ дѣйствія котораго одни падали въ воду, другіе вступали на ихъ мѣсто, которые въ свою очередь тоже падали, а на ихъ мѣсто вступали все новыя и новыя силы; вода

въ бухтѣ сдѣлалась кровавой и на поверхности ея начали появляться холмики изъ труповъ, за которыми, какъ за прикрытіемъ, японцы останавливались для передышки и открывали стрѣльбу по нашимъ. Говорятъ, что по количеству труповъ убыль ихъ въ этомъ уже мѣстѣ доходила отъ 5 до 6 тысячъ; у насъ же за весь день выбыло изъ строя болѣе тысячи, изъ нихъ раненыхъ 603 чел.

Такъ какъ наступленіе густыми колоннами шло непрерывно, а нашъ артиллерійскій огонь совершенно ослабѣлъ къ 6 часамъ вечера, то послѣдовало приказаніе очистить позицію. Послѣдняго однако полк. Третьяковъ не получилъ; замѣтивъ же отступленіе лѣваго фланга около 6 ч. вечера, онъ поскакалъ туда остановить людей; но это не удалось, т. к. охотники 13-го и 14-го полковъ, осыпаемые градомъ пуль, двигались уже массами; тутъ же онъ получилъ свѣдѣнія, что приказаніе отступить отдалъ ген. Фокъ, что вполнѣ подтвердилъ и подпор. Садыковъ. Замѣтивъ, что и правый флангъ также начинаетъ отступать, полк. Третьяковъ началъ выводить свои роты изъ боя. При отступленіи дивизіи ген. Фокъ отсутствовалъ; до начала отступленія стремительно уѣхалъ и начальникъ его штаба подполк. Дмитревскій вмѣстѣ съ чинами его. Отступленіе прикрывалъ тотъ же многострадальный 5-й полкъ, понесшій наибольшія потери. Отступать пришлось засвѣтло, почему уронъ нашъ былъ еще болѣе; это также ставятъ въ вину ген. Фоку. Отступленіе совершалось перебѣжками, во избѣжаніе губительнаго дѣйствія артиллерійскаго огня, впослѣдствіи перешедшее въ бѣгство, благодаря чему произошелъ еще болѣе прискорбный инцидентъ, увеличившій потери. Сколько мнѣ приходилось выслушивать разсказовъ о немъ, всѣ они сводились къ двумъ варіантамъ. Первый. Еще до боя, вблизи бухты Инчензы, сзади позиціи Кинчжоу, былъ поставленъ баталіонъ какого-то полка, съ цѣлью противодѣйствовать высадкѣ непріятеля въ тылу; вечеромъ, при отступленіи нашихъ войскъ, одна изъ отдѣлившихся ротъ, благодаря спѣшному отступленію, была принята баталіономъ за непріятеля, по которой имъ и былъ открытъ огонь; части, двигавшіяся по Мандаринской дорогѣ въ безпорядкѣ, услышавъ гдѣ-то крикъ «японцы» и увидѣвъ въ

сторонѣ быстро ѣхавшихъ нашихъ же охотниковъ, приняли ихъ за японскую кавалерію, вслѣдствіе чего произошелъ такой переполохъ, что роды оружій еще болѣе перепутались, у артиллерійскихъ лошадей начали рубить постромки и открылась ружейная пальба; къ счастью, недоразумѣніе вскорѣ выяснилось и отступленіе приняло болѣе спокойный характеръ.

Другой варіантъ.—Наши войска такъ поспѣшно совершали отступленіе, что оно было похоже на бѣгство; людьми просто-таки овладѣла паника и сумасшествіе подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, вслѣдствіе чего по пути въ одну кучу смѣшались войска, обозы, артиллерія; все это двигалось въ безпорядкѣ какъ по дорогѣ, такъ и по желѣзно-дорожному пути. Въ это время въ темнотѣ раздался крикъ «берегись»; другіе въ испугѣ подхватили «японцы» и принявъ нашу охотничью команду за кавалерію, начали стрѣлять и рубить постромки; оказалось, что на пути подъ уклонъ покатилась вагонетка, которая и произвела переполохъ.

Полк. Третьяковъ отступилъ на позицію Тафашинъ, жел.-дор. станція на которой горѣла. Когда онъ осматривалъ расположеніе праваго фланга, неожиданно раздался страшный взрывъ и на него посыпались бревна, доски, угли. Впослѣдствіи оказалось, что горѣвшая станція была взорвана чинами штаба дивизіи ген. Фока и совершенно безцѣльно. Жертвами этого взрыва были 20 стрѣлковъ и кап. Салярскій. Уже ночью полк. Третьяковъ получилъ приказаніе отступить къ Нангалину; двигаясь къ послѣднему, онъ въ глубокой долинѣ нашелъ всю дивизію ген. Фока, стоявшую бивакомъ.

При подсчетѣ, убыль 5-го полка оказалась въ 1500 чел. и 75% офицеровъ, изъ которыхъ убитыми было 17 человѣкъ.

Въ приказѣ ген. Стесселя отъ 14 мая за № 253 наше самопстребленіе было описано такъ: «1) Вчера (13 мая) въ $10^1/_2$ часовъ вечера, когда 4 Вост.-Сиб. стр. дивизія въ *полномъ порядкѣ отступала* до станціи Нангалинъ нѣсколько человѣкъ ошалѣвшихъ людей выстрѣлили и перепортили до 25 человѣкъ. 2) Сегодня, когда я вернулся домой, послѣ осмотра передовыхъ позицій (?) ко мнѣ пришелъ какой-то служившій на оставленной станціи

Кинчжоу плотникъ и началъ разсказывать о какой-то необычайной стрѣльбѣ японской артиллеріи, видъ его былъ окончательно шалый. Такъ какъ, теперь нѣсколько дней подобныхъ людей будетъ достаточно, пока они не придутъ въ порядокъ, то сдѣлать слѣдующее: а) Коменданту сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы по городу были патрули, которые бы отнюдь не пускали ходить по улицамъ праздно. Отошедшимъ людямъ 5-го и другихъ полковъ отступившимъ, особенно 5-му какъ наиболѣе *пострадавшему и подвергшемуся наибольшему впечатлѣнію* (?!.); б) людей прибывшихъ съ обозами 5-го и прочихъ полковъ отъ ихъ мѣстъ расположенія отнюдь не отпускать и объявить имъ, что если бы они что-либо болтали и пускали ложные слухи, то я такого прикажу разстрѣлять. 3) Всѣмъ вольнымъ, коимъ выданы сегодня ружья, объявить, чтобы они не смѣли по городу ходить съ ружьями; а завтра 15 мая выстроить ихъ на площади у 2 батареи безъ винтовокъ *).

Судя по смыслу этого приказа, цѣлью его было предупредить дурное впечатлѣніе боя и порядка отступленія на другія части войскъ; къ сожалѣнію, цѣль эта не была достигнута, такъ какъ уже утромъ 14 мая весь гарнизонъ былъ освѣдомленъ о случившемся.

Удивительно, что съ нашей стороны на позиціи не было общаго руководителя боемъ, т. к. ген. Стессель все время сидѣлъ въ Артурѣ; ген. Фокъ, какъ утверждаютъ всѣ, въ началѣ боя уѣхалъ въ свою штабъ-квартиру, находившуюся въ Кинчжоу въ 6 верстахъ, а ген. Надѣинъ имѣлъ наблюденіе только за пѣхотой. Почему въ этотъ именно день ген. Стессель, какъ видно изъ его приказа, ѣздилъ для осмотра передовыхъ позицій и какихъ именно, а не поѣхалъ на позицію при Кинчжоу, гдѣ долженъ былъ руководить боемъ, какъ начальникъ укрѣпленнаго раіона,—для всѣхъ было тайной.

По оставленіи позиціи Кинчжоу нашими войсками, японцы немедленно заняли ее и трофеями ихъ побѣды были 78 орудій и двѣ пушки Кане. Послѣднія были привезены почти наканунѣ боя

*) По своей редакціи приказъ очень странный, но характерный.

и одна изъ нихъ была установлена на позиціи, а другую не успѣли поставить, почему при отступленіи она была брошена на станціи и попала также въ руки японцевъ. Въ приказѣ ген. Стесселя отъ 15 мая за № 257 объ этомъ несчастномъ для насъ боѣ такъ было сказано: «Позиціонныя орудія были частью уничтожены непріятельскимъ огнемъ особенно съ флота, частью испорчены нами и оставлены на позиціи, эти орудія за малымъ исключеніемъ все китайскія и разумѣется они и *предназначались, въ случаѣ упорнаго боя, къ оставленію* (?), такъ какъ вывозъ ихъ потребовалъ бы громаднѣйшаго времени и средствъ».

Это утѣшительное слово нисколько не подняло духа войскъ. Каждый участникъ боя зналъ, при какихъ условіяхъ была оставлена позиція; никто и мысли не допускалъ такъ быстро отступить съ Кинчжоу и отступить въ такомъ безпорядкѣ; далѣе, всякому понятно было, что вопросъ заключается *не въ китайскихъ пушкахъ*, а въ обидѣ національнаго самолюбія и чести отряда, бросившаго въ добычу японцамъ хотя бы и негодныя пушки; при этомъ самъ собою являлся вопросъ, зачѣмъ же было вооружать «Кинчжоускія высоты» (тоже одну изъ «Артурскихъ твердынь») такими пушками, которыхъ не жаль бросить. Неужели у насъ не было такихъ же хорошихъ орудій, какими обладали японцы, а если были, то почему позиція не была вооружена ими. Здѣсь считаю не лишнимъ привести слѣдующія строки изъ «Великой Осады» того же Норрингаарда: «Послѣ пораженія русскихъ при Наншанѣ (Кинчжоу), ген. Ноги вѣроятно предполагалъ, что не встрѣтитъ особенно рѣшительнаго сопротивленія на пути своемъ къ постояннымъ укрѣпленіямъ П.-Артура. Сравнительно легко доставшаяся побѣда надъ сильной русской позиціей у Наншана конечно давала право Ноги предполагать это и считать предстоящую ему задачу не трудною, въ особенности, принимая во вниманіе, что онъ былъ отлично освѣдомленъ о весьма неудовлетворительномъ состояніи укрѣпленій П.-Артура въ началѣ войны» (19 стр.).

Что такое неожиданное и быстрое отступленіе войскъ съ позиціи Кинчжоу было неожиданностью и для ген. Стесселя, то,

кромѣ несвоевременнаго привоза пушекъ Кане, подтверждается распоряженіемъ его относительно эвакуаціи жителей изъ Таліенвана и Дальняго и относительно закупки скота. Приказомъ его отъ 25 апрѣля за № 168 градоначальнику г. Дальняго инженеру Сахарову предписывалось объявить мирному населенію «спокойно оставаться на мѣстахъ жить, такъ какъ ему не угрожаетъ никакой опасности отъ непріятеля»; то же было объявлено и въ Таліенванѣ. Приказомъ 13 мая за № 252 предписывалось Сахарову только «потопить всѣ суда», но приказъ этотъ своевременно не дошелъ, т. к. былъ отданъ поздно; что же касается оставленія города администраціей и жителями, то такого приказа не было; только поздно вечеромъ того же числа *) была послана телеграмма полиціймейстеру объ очищеніи города, которая была получена имъ въ 11 часовъ ночи, о чемъ тогда же случайно узналъ и Сахаровъ. Черезъ часъ администрація и жители города уже отступали. Трудно представить себѣ, въ какомъ порядкѣ, какимъ способомъ и съ какими запасами они двинулись, собравшись такъ неожиданно и въ такое короткое время. По свѣдѣніямъ, въ началѣ они думали двинуться дорогой на Сяобиндао, по берегу моря, но опасность отъ непріятельскаго флота заставила ихъ въ дорогѣ измѣнить маршрутъ, почему они направились черезъ перевалъ напрямикъ. Телѣги въ самомъ незначительномъ количествѣ были добыты только для женщинъ и дѣтей; объ имуществѣ они уже и не думали, такъ какъ каждый спѣшилъ уйти по-добру, по-здорову, спасая жизнь. Когда прошли версть 9—10, то весь небосклонъ надъ Дальнимъ освѣтился: горѣлъ недавно выстроенный вокзалъ, а вслѣдъ затѣмъ начались взрывы; были-ли потоплены суда, взорваны молъ и докъ,—осталось неизвѣстнымъ. Добычей непріятеля, занявшаго городъ 15 мая, стали 200 вагоновъ, изъ нихъ 80 съ провіантомъ,—и до 10 тысячъ тоннъ каменнаго угля, недостатокъ котораго уже тогда чувствовался въ Артурѣ. Къ сожалѣнію, преданное намъ китайское населеніе не было оповѣщено своевременно о

*) При отступленіи войскъ съ позиціи Кинчжоу.

выѣздѣ и имущество его сдѣлалось добычей хунхузовъ, немедленно приступившихъ къ грабежу всего города. Это особенно повредило намъ въ глазахъ китайцевъ, которые начали недовѣрчиво относиться къ нашимъ увѣреніямъ.

Слѣдующій случай также подтверждаетъ мою первоначальную мысль. Комендантомъ крѣпости было разрѣшено жандармскому ротмистру Микеладзе допускать переѣздъ изъ Дальняго въ Артуръ жителей, изъявившихъ желаніе; къ 12 мая такихъ было зарегистровано около 60 человѣкъ. Этого числа ген. Стессель, увидѣвъ на улицѣ одного изъ нихъ и узнавъ, что онъ живетъ въ Артурѣ съ разрѣшенія жандармской полиціи, немедленно вызвалъ М...., разнесъ его и пригрозилъ судомъ, если онъ не будетъ исполнять только его приказаній, какъ старшаго начальника, которому подчиненъ Комендантъ; послѣ этого онъ приказалъ въ 24 часа выселить всѣхъ обратно въ Дальній, что исполнить помѣшало быстрое и неожиданное выступленіе всѣхъ изъ Дальняго въ Артуръ 13 мая.

Что касается пріобрѣтенія скота у китайцевъ путемъ закупки или же реквизиціей, то, въ виду производства въ то время китайцами полевыхъ работъ, операція эта ген. Стесселемъ была отложена до 15 мая. Такъ какъ рогатый скотъ сосредоточивался преимущественно у Нангалина, Кинчжоу и сѣвернѣе, то уже 13 мая онъ весь попалъ въ руки японцевъ вплоть до Нангалина; между тѣмъ, въ концѣ апрѣля чувствовался уже недостатокъ въ мясѣ. Вообще исторія этого вопроса такова: 23 апрѣля, въ виду обнаружившагося затрудненія въ довольствіи мясомъ, предписывалось выдавать его въ день на человѣка $^3/_4$ ф. (пр. № 158), а къ концу мая по $^1/_2$ ф.; 11 іюня, не уменьшая этой порціи, назначено въ недѣлю два постныхъ дня, въ остальные же приказано давать говядину по поламъ съ солониной (пр. № 364); 17 іюня увеличено число постныхъ дней до трехъ и разрѣшена рыбная ловля (пр. № 376), а 27 іюня введено такое же число постныхъ дней для легко больныхъ и раненыхъ (въ госпиталяхъ), въ виду сбереженія мяса для трудно больныхъ (пр. № 397); 3 іюля было предписано выдавать консервы—1 фунтъ (коробка) на двоихъ

(пр. № 415), а 22 августа предписывалось выдавать конину въ такомъ же количествѣ, но употреблять ее въ пищу начали гораздо раньше (пр. № 569); 15 сентября отпускалось уже по $^1/_3$ ф. консервовъ на человѣка или же коробка на троихъ, по разсчету двухъ дней въ недѣлю—по четвергамъ и воскресеньямъ, но могла быть отпускаема конина или солонина (которой уже почти не было) въ томъ же размѣрѣ; въ госпиталяхъ же по $^1/_2$ ф. мяса на человѣка въ тѣ же дни, а въ остальные по $^1/_4$ ф. (пр. № 597). Эта хронологія наглядно показываетъ постепенное и послѣдовательное подготовленіе людей къ наступавшему голоду. Такое плохое питаніе, безъ зелени и свѣжихъ припасовъ, при гигантскомъ трудѣ, имѣло вліяніе на развитіе въ войскахъ дизентеріи, а 6 сентября рекомендуется принятіе самыхъ строгихъ мѣръ противъ безмѣрно развивающейся въ войскахъ куриной слѣпоты (пр. № 623). Замѣчательно, что дизентеріей болѣе всего болѣли офицеры, которые все-таки сравнительно больше получали мяса. Одинъ только Богъ спасалъ насъ отъ холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней.

Быстрое и стремительное движеніе японцевъ къ Кинчжоу (съ 23 апрѣля по 10 мая) и такое же быстрое взятіе этой позиціи—было неожиданностью и для всѣхъ насъ. Углубляясь въ изслѣдованіе причинъ этого, онѣ, по моему мнѣнію, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) неумѣлое руководство дивизіей ген. Фокомъ, на котораго возлагались большія надежды, но который оказался весьма дѣятельнымъ только на словахъ; на практикѣ же все сводилось къ быстрому и безостановочному отступленію до самаго Артура; 2) недостаточное знакомство его съ мѣстностью, незнаніе свойствъ позиціи Кинчжоу и слабое укрѣпленіе ея (т. е. отсутствіе этихъ укрѣпленій и закрытій даже въ полевомъ смыслѣ), благодаря чему была большая потеря въ людяхъ, даже не участвовавшихъ въ бою 13 мая; 3) *отсутствіе* на позиціи ген. *Стесселя* во время боя, какъ начальника укрѣпленнаго раіона, обязаннаго руководить имъ и давать нужныя и быстрыя указанія тутъ же, на мѣстѣ, а также *и отсутствіе ген. Фока*, который, по свидѣтельству многихъ, показался только въ началѣ боя, а затѣмъ отсут-

ствовалъ до конца его, благодаря чему получился безпорядокъ и при отступленіи съ позиціи; съ другой стороны, неосвѣдомленность начальниковъ частей о путяхъ отступленія (не было отдано диспозиціи); 4) неумѣлое руководство артиллерійскимъ огнемъ, за отсутствіемъ общаго старшаго начальника (батареи дѣйствовали каждая самостоятельно: изъ командировъ крѣпостныхъ батарей самый старшій былъ въ чинѣ *штабсъ-капитана;* отсутствіе старшаго опытнаго руководителя парализовало сосредоточеніе огня на тѣхъ непріятельскихъ батареяхъ, которыя наносили намъ наибольшій ущербъ); 5) неумѣлое расположеніе войскъ на позиціи, послѣдствіемъ чего была погибель цѣлой роты, а также излишняя осторожность и экономія въ расходованіи резерва.

Хотя ген. Стессель и указывалъ въ своемъ приказѣ отъ 15 мая за № 257, что Кинчжоуская позиція сослужила свою службу; что японцы «съ 23 апрѣля до 13 мая шагу не сдѣлали на Квантунѣ; въ эти 20 дней особенно начиная съ 1 мая велись ежедневно стычки и бои, а бой 3 мая былъ значительный (?), затѣмъ два дня серьёзнаго боя (только одинъ день 13 мая) болѣе чѣмъ достаточно для полевой позиціи (но вѣдь Кинчжоу былъ укрѣпленъ и вооруженъ крѣпостными орудіями и считался передовой «Артурской твердыней»), совершенно уязвимой обстрѣлу съ фланговъ такимъ могущественнымъ средствомъ, какъ судовыя орудія»,—но всѣ понимали, что это только утѣшеніе, что даже китайцы защищали эту позицію два дня и для всѣхъ ясно было, что японцы захватываютъ въ свои руки инициативу и на сушѣ.

Съ другой стороны, послѣдствія боя на позиціи у Кинчжоу были для насъ несомнѣнно благодѣтельны: мы начинали понимать японцевъ и учиться у нихъ воевать (хотя это и странно было). До тѣхъ поръ, не смотря на гигантскій шагъ впередъ военной техники, наши военачальники жили древней формулой—«пуля дура, а штыкъ молодецъ», отдавая предпочтеніе рукопашной схваткѣ; тутъ-же на практикѣ убѣдились, что японцы до этого не доводятъ, а побѣждаютъ. Мы также научились у японцевъ беречь людей и дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ (сила его признавалась и

раньше, да рутина заѣла эту силу). Все это отмѣчаетъ и ген. Стессель въ своемъ приказѣ отъ 7 мая за № 217, еще до боя у Кинчжоу: «Считаю полезнымъ и необходимымъ указать на тѣ особенности дѣйствій непріятеля въ полѣ, которыя *я* (замѣчательна эта ссылка на «я», какъ бы указывающая, что ген. Стессель былъ участникомъ или же очевидцемъ боя) *и многіе начальники успѣли подмѣтить:* 1) *продвиганіе впередъ* чрезвычайно осторожно; 2) небольшія части постепенно продвигаются и осторожно занимаютъ пункты нашими войсками не занятыя; 3) въ бою артиллерію продвигаютъ на позицію незамѣтно, *ставятъ ее очень укрыто,* и всегда *группируютъ большое число орудій,* дабы, задавивъ нашу артиллерію, перенести артиллерійскій огонь на пѣхоту; 5) во время артиллерійскаго боя *держатъ пѣхоту далеко и очень укрыто; въ штыки не идутъ,* а стараются до возможной степени долго стрѣлять». Почему далѣе рекомендуется, — при вызовѣ батареи на позицію, сниматься незамѣтно, на рукахъ продвигать орудія, группировать больше ихъ, пѣхоту ставить совершенно укрыто и не высовываться на показъ, артиллерійскихъ лошадей также укрывать. Совѣты эти, къ сожалѣнію, вѣроятно не дошли своевременно до боя на позиціи у Кинчжоу, т. к. тамъ все было обратно. Кстати замѣчу здѣсь, что эти совѣты—давно извѣстныя истины еще съ франко-германской войны, обсуждались у насъ послѣ русско-турецкой войны, практиковались въ боэрскую кампанію и вылились въ точныя опредѣленныя формы только у японцевъ; мы же не хотѣли учиться и практиковать ихъ, да и зачѣмъ; вѣдь, гораздо легче посылать солдатъ въ штыки, чѣмъ *обдумывать* способы, какъ примѣниться найлучше къ самымъ разнообразнымъ условіямъ мѣстности.

Въ приказѣ отъ 15 мая за № 258 ген. Стессель уже настойчивѣе рекомендуетъ такія мѣры: «Бои на Кинчжоуской позиціи и впереди ея выяснили, что *артиллерійская прислуга, при неимѣніи прочныхъ закрытій*—блиндажей,—*выбываетъ быстро, и сосредоточенный огонь превосходнаго числа орудій* заставляетъ *скоро молчать батареи меньшаго числа орудій;* также

пѣхота спрятанная въ закрытія не страдаетъ, открытая немедля несетъ страшныя потери и главное отъ сосредоточеннаго огня батарей. Здѣсь въ крѣпости убывшаго изъ строя трудно вознаградить, а потому необходимо принять всѣ мѣры къ сбереженію личнаго состава. Предписываю начальнику крѣпостного Инженернаго Управленія направить всѣ средства для немедленнаго устройства закрытій для прислуги и вообще для людей. Долженъ указать командиру крѣпостной артиллеріи, что во время сосредоточеннаго огня непріятеля на какую-либо батарею, напр. на нашу 5-ти орудійную батарею непріятель направитъ огонь 25 орудій, то этой батареѣ нечего ему отвѣчать, надо прислугу убрать, а стрѣлять должны батареи, на которыя не направленъ сосредоточенный огонь» (редакція приказа адски непонятная!).

Неправда-ли, мы наивные младенцы на войнѣ, что намъ только бой на позиціи у Кинчжоу показалъ, что *прислуга артиллеріи безъ закрытій*,—да еще прочныхъ, *быстро выбываетъ;* что *пѣхота, спрятанная въ закрытія, не страдаетъ, а стоящая открыто несетъ страшныя потери* и главное—отъ *сосредоточеннаго огня батарей;* что *сгруппированный огонь превосходнаго числа орудій* заставляетъ молчать *батарею меньшаго числа орудій.* Разверните любой учебникъ тактики 70-хъ годовъ и вы тамъ чуть не на каждой страницѣ встрѣтите эти голыя истины, которыя почему-то теперь только узнаны и точно установлены, какъ самыя новыя и никому еще неизвѣстныя. Вотъ до чего мы дошли! Забыли прочно то, что учили еще 25—30 лѣтъ тому назадъ на военно-училищной скамьѣ.

Въ приказѣ ген. Стесселя отъ 20 мая за № 282 была объявлена слѣдующая записка капитана артиллеріи Гобято, участника и наблюдателя, «какъ заслуживающая уваженія»: «1) у японцевъ очень хорошая артиллерія, ее много и есть орудія большихъ калибровъ (дальнобойныя); 2) японцы на штыковую атаку не ходятъ и ее не выдерживаютъ; 3) въ Кинчжоу *не было блиндажей и прикрытій для прислуги и пѣхоты;* японцы *перебили* артиллерійскимъ огнемъ *всѣхъ защитниковъ*, *орудія* были *подбиты*, т. к.

стояли на *самомъ гребнѣ и рѣзко выдѣлялись на горизонтѣ.* Японцы сильны орудіями, мы солдатомъ и штыкомъ».

Далѣе рекомендуется способъ обороны: «Орудія должно ставить за склономъ, стрѣляя по угломѣру. Во время непріятельскаго огня, прислугу и пѣхоту необходимо прятать. Для прислуги и пѣхоты должны быть устроены рвы съ крутой внутренней отлогостью. Наблюдаютъ за непріятелемъ во время артиллерійской стрѣльбы только часовые. Китайцевъ надо всѣхъ выселить, такъ какъ они сигнализаціей помогаютъ японцамъ пристрѣливаться. Японцы ведутъ свои работы ночью». Практическіе результаты: «3 мая на батареѣ подполк. Романовскаго (4-й бригады) японцы пристрѣлялись чуть не съ перваго выстрѣла и она понесла страшныя потери. 13 мая—та же батарея заняла позицію въ котловинѣ за горой, сзади батареи находилась промоина въ ростъ человѣка. Во время стрѣльбы японцевъ, прислуга пряталась въ промоину; японцы выпустили 1000 снарядовъ и раненъ одинъ, батареей выпущено 728 и у японцевъ страшныя потери».

Я привелъ эти приказы цѣликомъ, чтобы показать, какова была первая «Артурская твердыня», каково было ея вооруженіе и закрытія, каковы были руководители и исполнители. Для меня остается загадкой одно только, почему японцы имѣли *очень хорошую артиллерію, много и большихъ калибровъ*, а у насъ для вооруженія Кинчжоу нашлись только «*китайскія пушки*», которыхъ не жаль было и отдать японцамъ. Не вытекало-ли это изъ любви къ тому же штыку и штыковой схваткѣ?!

Считаю необходимымъ и съ своей стороны со словъ очевидцевъ указать на нѣкоторыя особенности японской арміи: японцы очень быстро устраиваются на занятомъ мѣстѣ и немедленно окапываются; это сбереженіе людей чрезвычайно характерно. Быстрой постановкѣ орудій на батареяхъ способствовали электрическіе моторы, которыми они поднимали ихъ по крутостямъ. Дѣйствія ихъ на сушѣ всегда сочетались съ помощью флота и послѣдній исполнялъ приказанія начальника сухопутной арміи. Совершенно обратно было у насъ, гдѣ возникала даже обида, если сухопутный началь-

никъ обратится къ начальнику эскадры даже за самой незначительной помощью. При сухопутной арміи имѣются женщины, которыя во время боя подаютъ снаряды и патроны, помогаютъ раненымъ и вообще исполняютъ хозяйственныя работы; съ плѣнными японцы обращаются очень гуманно. Одинъ изъ стрѣлковъ, захваченныхъ подъ Кинчжоу, на другой день возвратился въ Артуръ, разсказавъ, что японцы, по занятіи позиціи, сразу напились водки и залегли спать, оставивъ его одного, почему онъ и ушелъ. Каждый японецъ имѣетъ при себѣ свою водку, которую и выпиваетъ послѣ боя, иные же идутъ въ бой сильно выпивши. Японскіе солдаты одѣты очень чисто, опрятно, имѣютъ прекрасное бѣлье и обувь, не обременены военнымъ снаряженіемъ и идутъ въ бой легко; производя атаку, идутъ цѣлыми колоннами, разсыпаясь только при самомъ сильномъ орудійномъ огнѣ; въ большинствѣ же случаевъ идутъ впередъ смѣло, смѣняя погибающихъ товарищей.

Послѣ боя 13 мая,—4-й дивизіи приказано было занять позиціи впереди Волчьихъ горъ, именно деревни—Суанцайгоу, Чанлидза, Луйдзятунъ, Талин-гоу, Вандзя-дендзы, гору Юшлазу и черезъ деревню Хундзя-тунъ до Лун-ван-тана.

14 мая былъ Духовъ день и день Коронованія Ихъ Величествъ. Въ этотъ же день нами, артурцами, были получены самыя печальныя извѣстія о боѣ на Кинчжоуской позиціи и это второе несчастье, также какъ и полученное 23 апрѣля извѣстіе, совпало съ Царскимъ днемъ. Вспомнились родныя мѣста и то великое, радостное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго такъ весело проводились эти дни въ Россіи. Каждымъ невольно овладѣла дума, что-то дѣлается на родинѣ и какъ проводятся эти дни,—дни св. Духа и Троицы. Послѣ обѣда я навѣстилъ раненыхъ; всѣ они были въ очень угнетенномъ состояніи и слабо очерчивали обстоятельства боя, плохо припоминая детали его; видно было, что этотъ бой произвелъ на нихъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе.

Появившіеся слухи о скорой подачѣ помощи ген. Куропаткинымъ немного подняли настроеніе гарнизона. Вскорѣ однако разнесся новый слухъ, очень неутѣшительный, что ген. Куропат-

кинъ разбитъ. Слухъ этотъ дѣйствительно оправдался, но оказался только разбитымъ ген. Штакельбергъ. Все это скверно дѣйствовало на духъ гарнизона.

Праздники прошли незамѣтно и грустно; всякій сознавалъ, что наступила серьёзная минута, что мы должны полагаться только на наши силы и что съ укрѣпленіемъ японцами Кинчжоу, безъ участія нашего флота пробиться ген. Куропаткину къ намъ для подачи помощи—невозможно. Удрученное состояніе еще болѣе усилилось разнесшимся слухомъ 17 мая, что нашъ флотъ думаетъ убѣжать изъ Артура во Владивостокъ; при этомъ уже окончательно терялась надежда на какую-бы то ни было помощь флота, починки котораго каждый изъ насъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такой глубокой надеждой на болѣе отрадное будущее. По поводу этого слуха между сухопутной арміей и флотомъ установились еще болѣе натянутыя отношенія, принявшія угрожающій характеръ, т. к. начались взаимныя оскорбленія не только между офицерами, но стрѣлками и матросами. Однажды я невольно былъ свидѣтелемъ на улицѣ такой сцены: унтеръ-офицеръ разносилъ матроса за неотданіе ему чести; не видя меня, онъ вошелъ въ азартъ и до моего слуха донеслась такая фраза: «Вы, моряки, не только пр..... вашъ флотъ, но даже воинской дисциплины не знаете!»

19 мая, подъ вліяніемъ страшно тоскливаго чувства, я отправился съ С.... на передовыя позиціи въ отрядъ ген. Фока. Послѣдняго я засталъ за обѣдомъ. Разсказывая вскользь о боѣ на Кинчжоу, генералъ высказалъ большое сожалѣніе, что ему не позволили (?) вмѣсто Кинчжоу занять Тафашинскія высоты, на которыхъ онъ держался бы долго. Я повѣрилъ ему, но это было въ послѣдній разъ, т. к. онъ, обѣщавъ офицерамъ и солдатамъ на занятой послѣ Кинчжоу позиціи держаться и дальше ни на шагъ не пускать японцевъ,—легко и быстро отступилъ къ Артуру. Удостовѣрившись впослѣдствіи, что ген. Фокъ дѣйствительно позицій не осматривалъ, не укрѣплялъ ихъ и во время боя всегда отсутствовалъ, я окончательно въ немъ разочаровался. Въ мой пріѣздъ на позиціи, видъ и расположеніе войскъ въ дивизіи ген. Фока про-

изводили самое безотрадное впечатлѣніе; они хотя и стояли бивакомъ, но какъ-то безпорядочно были разбросаны (въ особенности при штабѣ дивизіи); офицеры и солдаты угрюмы и угнетены, а послѣдніе кромѣ того оборваны. Я невольно сравнивалъ ихъ положеніе съ чистенькими въ шелковыхъ костюмахъ японцами, о которыхъ передъ поѣздкой получилъ свѣдѣнія отъ очевидцевъ.

Изъ штаба дивизіи я отправился на 19-ю версту въ штабъ-квартиру командира бригады той-же дивизіи ген. Надѣина, съ которымъ я не былъ еще знакомъ. Онъ занималъ комнатку въ желѣзнодорожномъ зданіи на разъѣздѣ и съ перваго же взгляда произвелъ очень хорошее впечатлѣніе.—Это пожилой герой Шипки, георгіевскій кавалеръ, высокаго роста, смуглый, съ сѣдой бородой, лѣтъ 60. Начальство обвиняло его въ томъ, что онъ телефонировалъ ген. Стесселю въ Артуръ о побѣдѣ подъ Кинчжоу; такъ какъ это не оправдалось и Кинчжоу въ тотъ же день былъ сданъ японцамъ, то ему ставили въ вину какъ поспѣшность донесенія, такъ и подачу имъ телефонограммы не по командѣ.

Онъ повторилъ мнѣ тѣ же печальныя свѣдѣнія о позиціи Кинчжоу, которыя изложены мною выше, добавивъ, что въ настоящее время между имъ и впереди его въ 6 верстахъ расположенными передовыми постами разломаны рельсы; кто приказалъ испортить дорогу, онъ не знаетъ, но это страшно затрудняетъ эвакуацію на носилкахъ съ передовой линіи раненыхъ и доставку туда пищи. Впослѣдствіи начальникъ этого разъѣзда объяснилъ мнѣ, что испортили дорогу наши отступавшія части и хотѣли даже взорвать віадукъ, стропть который нужно около двухъ лѣтъ, но покушеніе было неудачно и віадукъ цѣлъ.

Испорченное мѣсто находилось въ разстояніи не болѣе 200 шаговъ отъ разъѣзда и такъ какъ поѣздъ дальше не шелъ, то я и возвратился обратно, не побывавъ на передовыхъ постахъ; возвратился домой подъ очень печальнымъ настроеніемъ.

Слухи объ уходѣ эскадры изъ Артура начали подтверждаться. При участіи сухопутныхъ начальниковъ по этому поводу даже состоялся совѣтъ, на которомъ голоса раздѣлились и одни стояли за

дѣйствія эскадры подъ Артуромъ и въ помощь гарнизону его, другіе за уходъ и соединеніе ея съ Владивостокской эскадрой. Будучи однажды у ген. Смирнова и разговорившись на тему объ этомъ, я узналъ, что онъ стоялъ за уходъ эскадры; т. к. изъ сухопутныхъ начальниковъ онъ одинъ отстаивалъ это мнѣніе, то ему необходимо было изложить его особо на бумагѣ. Съ своимъ особымъ мнѣніемъ онъ и предложилъ ознакомить меня, на что я изъявилъ ему благодарность за довѣріе и любезность. Въ этомъ мнѣніи проводилась одна главная мысль, что только усиливъ себя эскадрой Владивостока и принявъ на нее командующаго эскадрой адм. Скрыдлова, тихо-океанская эскадра явится дѣйствительно компактной силой,—отвлечетъ японскій флотъ отъ Артура, чѣмъ ослабитъ сухопутную армію непріятеля. На вопросъ о моемъ мнѣніи, я энергично возсталъ противъ его доводовъ и стоялъ за дѣйствія эскадры у Артура, доказывая ему, во-первыхъ, что флотъ нашъ подъ руководствомъ слабаго Витгефта пробиться не можетъ и будетъ разбитъ; во-вторыхъ, представляя же теперь изъ себя довольно внушительную силу, онъ своими частыми и остроумными набѣгами на японскій флотъ можетъ бить его по частямъ, постепенно ослабляя, а главное,—мѣшая операціямъ его по доставкѣ войскъ, припасовъ и военнаго снаряженія въ Дальній, такъ *удачно* устроенный нами для японцевъ; въ третьихъ, дѣйствуя такъ, онъ несомнѣнно задержитъ до подачи помощи взятіе Артура, который необходимо *отстоять во чтобы то ни стало*, т. к. паденіе его отзовется страшно неблагопріятно: 1) на нашихъ финансахъ (одна потеря на паденіи курса нашихъ бумагъ чего будетъ стоить?), 2) на потерѣ затраченныхъ громадныхъ денегъ по устройству Артура, Дальняго и желѣзнодорожныхъ сооруженій; 3) можетъ пагубно отразиться на операціяхъ Маньчжурской арміи, которая легко будетъ разбита съ присоединеніемъ арміи Ноги къ войскамъ Оайямы, а это повлечетъ за собою окончаніе кампаніи, чѣмъ будетъ нанесенъ нашему престижу на Востокѣ и національному самолюбію такой глубокій ударъ, который трудно даже оцѣнить на милліарды.

Не знаю, насколько были убѣдительны мои доводы, но особое мнѣніе ген. Смирнова было подано и т. к. оно исходило отъ лица, которому ввѣрена была цѣлость и честь крѣпости, то вѣроятно имѣло большое значеніе.

Послѣ этого разговора я еще болѣе началъ нервничать. Мнѣ не только казалось, но я почти былъ убѣжденъ, что флотъ, спасая свою честь, хочетъ уйти безвозвратно, оставивъ Артуръ на произволъ судьбы. Многіе раздѣляли это мнѣніе.

Тревога усилилась еще болѣе тѣмъ, что къ этому не замедлили присоединиться слухи о сигнальщикахъ и шпіонахъ какъ окружающихъ насъ, такъ и живущихъ среди насъ же, въ Артурѣ, въ лицѣ китайцевъ и переодѣтыхъ японцевъ. Это констатировалъ и ген. Стессель, отдавъ въ приказѣ 13 мая № 252 о слѣдующемъ: «Въ виду того, что войска ген. Фока должны будутъ отойти отъ Цзинчжоу, надо объявить всѣмъ войскамъ на батареяхъ, фортахъ, а также всѣмъ карауламъ и постамъ, чтобы были теперь особенно бдительными, такъ какъ партіи японцевъ и хунхузовъ могутъ одиночно проникнуть въ крѣпость и взорвать склады и сжечь запасы. Коменданту завтра же запереть всѣ ворота Центральной ограды и поставить караулы къ каждымъ по 10 человѣкъ съ унт.-офиц.; на день ворота отворять, но часовой осматриваетъ всѣхъ. На ночь запирать и впускать только удостовѣрясь, что это русскій, а то не пускать».

Правда, китайцы начали двоиться въ своей дальнѣйшей дѣятельности, а иные и прямо оказывать услуги японцамъ, являясь въ роли сигнальщиковъ, проводниковъ, поставщиковъ припасовъ, что дѣлали иные изъ-за денегъ, другіе изъ боязни предъ очевидной силой японцевъ въ сравненіи съ нами.

Вопросъ о сигнализаціи очень интересовалъ меня; одни утверждали ея существованіе, другіе отрицали. Сигнализація состояла въ томъ, что китайцы въ началѣ японскому флоту, а потомъ и арміи указывали мѣста нахожденія нашихъ войскъ, позицій, батарей, судовъ, а также корректировали направленіе и паденіе ихъ снарядовъ, которые удивительно правильно ложились въ наши ба-

тареи, войска, а потомъ суда. Средствомъ для этого служили движенія днемъ руками или флагами, а ночью цвѣтными фонарями; при этомъ, взбираясь на высокія горы, они устанавливали на нихъ цѣлую послѣдовательную цѣпь сигналистовъ передатчиковъ. Лично мнѣ по одному военно-судному дѣлу пришлось убѣдиться, что такая сигнализація дѣйствительно существуетъ и одинъ такой сигнальщикъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Впослѣдствіи ген. Стессель отдалъ приказаніе войскамъ по такимъ сигнальщикамъ, застигнутымъ на мѣстѣ преступленія, прямо стрѣлять. Я знаю два такихъ случая, когда приказаніе это было приведено въ исполненіе и находилъ его правильнымъ, т. к. въ такую минуту необходимы были репрессивныя мѣры, производившія немедленно впечатлѣніе.

Однако, насъ видимо судьба преслѣдовала: ко всему этому прибавилась недостача денегъ, а между тѣмъ дороговизна росла. Какъ это случилось,—трудно объяснить; думаю, что изъ боязни захвата Артура, лишнія суммы золотомъ и кредитками были отправлены въ болѣе надежное мѣсто—Харбинъ или Владивостокъ. Уже 3 мая въ приказѣ за № 217 было объявлено, что т. к. «въ русско-китайскомъ банкѣ и казначействѣ денегъ не имѣется, то подъ предсѣдательствомъ Коменданта Крѣпости назначается комиссія для выработки формы квитанцій»; въ приказѣ же 10 мая за № 236 указывались главныя условія ихъ обращенія: обязательная уплата китайцамъ за все деньгами, уплата же въ европейскіе магазины квитанціями; квитанціи не могутъ быть передаваемы китайцамъ даже съ ихъ согласія; гг. офицерамъ небольшая часть содержанія будетъ выдаваться деньгами, а остальное квитанціями. Въ приказѣ 17 мая № 264 была объявлена и выработанная форма этихъ квитанцій. Послѣднія однако, не пошли въ ходъ и ихъ никто не хотѣлъ принимать въ уплату; въ обращеніи я ихъ не видѣлъ и себѣ не требовалъ, т. к. еще въ мартѣ русско-китайскій банкъ принималъ отъ меня лишнія деньги на текущій счетъ и удовлетворялъ меня всегда по чековой книжкѣ. Въ силу этого, 30 мая за № 326 предписывалось агенту Департамента Государственнаго Казначейства, крѣпостному интенданту и начальнику крѣпостного ин-

женернаго управленія немедленно сличить всѣ остатки по имѣющимся у нихъ кредитамъ и тѣ изъ нихъ, по которымъ предстоятъ наличныя выдачи, тотчасъ же перевести на полевое казначейство 3-го корпуса, въ распоряженіе корпуснаго интенданта; вмѣстѣ съ тѣмъ, частямъ войскъ раіона и учрежденіямъ всѣ требованія, по коимъ необходимъ отпускъ наличными деньгами, представлять въ корпусное интендантство, для доклада начальнику укрѣпленнаго раіона; приказомъ же 11 іюня № 379 былъ установленъ практиковавшійся мною способъ.... «5) выдавать наличными гг. офицерамъ только полевыя порціонныя и фуражныя; на всѣ прочія виды довольствія требованія должны направляться къ крѣпостному интенданту, по ассигновкамъ котораго, выдаваемымъ на русско-китайскій банкъ, этимъ послѣднимъ будетъ открываться частямъ войскъ и лицамъ текущій счетъ, а затѣмъ отпускъ денегъ будетъ производиться по чекамъ, по мѣрѣ возможности, въ зависимости отъ состоянія кассы русско-китайскаго банка въ данный моментъ».

Вслѣдствіе отсутствія подвоза припасовъ, цѣны росли непомѣрно: курица, напр., стоила—2 р. 50 к.—3 р. и дошла до 12 р., десятокъ яицъ 7—9 рублей; хлѣба въ пекарняхъ нельзя было достать, т. к. за бѣгствомъ рабочихъ онѣ оказались закрытыми, почему была образована казенная хлѣбопекарня.

Третье обстоятельство, прямо-таки доводившее до отчаянія, было отсутствіе организаціи въ посылкѣ писемъ и въ привозѣ ихъ. Приходилось обращаться къ тѣмъ же китайцамъ, которые брали за пересылку письма 5 р., а телеграммы 10—15 р.; причемъ, квитанціи въ подачѣ корреспонденціи обыкновенно не привозились, а потому томила неизвѣстность, пошло ли письмо или взяты только деньги.

Вся надежда возлагалась на скорую починку флота и выходъ ея въ море, съ чѣмъ связывался вопросъ о подвозѣ припасовъ, корреспонденціи и денегъ. Но въ этомъ отношеніи окончательно испытывалось наше терпѣніе. Хотя починка и была окончена къ 1-му іюня, но флотъ медлилъ и не двигался съ мѣста: то оказывалось необходимымъ починить еще кое-какія миноноски, то погру-

зиться углемъ, поставить орудія, то покраситься, то нельзя выйти потому, что рейдъ забросанъ минами,—словомъ все дѣлалось до того мучительно медленно, что невольно вызвало новый упрекъ флоту; болѣе нервные подозрѣвали даже измѣну, объясняя нежеланіе выйти въ море—умышленнымъ отказомъ въ помощи арміи; объяснялось же это просто отсутствіемъ достойнаго и опытнаго руководителя.

Помню, съ какимъ нетерпѣніемъ вечеромъ каждаго дня я и другіе спѣшили узнать въ порту, скоро-ли выйдетъ эскадра, причемъ всегда получали одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ—«Эскадра выйдетъ, но когда,—неизвѣстно; она выйдетъ неожиданно, чтобы застать врага врасплохъ».

Трудно описать ту радость, тотъ восторгъ, когдя я, лежа еще въ постели, узналъ утромъ 10 іюня, что эскадра выходитъ, что она уже на рейдѣ. Это извѣстіе принесъ мнѣ мой вѣстовой, влетѣвъ въ комнату какъ сумашедшій и съ такимъ сіяющимъ лицемъ, какъ будто бы онъ собирался сообщить мнѣ по меньшей мѣрѣ о нашемъ освобожденіи.

Узнавъ о выходѣ эскадры, я какъ будто помолодѣлъ, возродился душею. Горя нетерпѣніемъ лично убѣдиться въ этомъ радостномъ событіи, я прямо съ постели бросился къ окну и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что въ бухтѣ нѣтъ уже броненосцевъ. Проглотивъ стаканъ чаю, я съ нервнымъ нетерпѣніемъ поспѣшилъ на Золотую гору; лице вѣстового продолжало сіять, какъ будто бы онъ велъ эскадру или былъ виновникомъ выхода ея въ море.

Было уже 10 часовъ утра, когда я въ обществѣ свящ. Рождественскаго и врача Бѣлоусова добрался до склона горы, обращеннаго къ морю; на рейдѣ стояли уже броненосцы и крейсеры, за исключеніемъ «Паллады», которая остановилась у входа и начала двигаться взадъ и впередъ. Остановка ея меня страшно волновала, т. к. на горизонтѣ замѣтно суетились непріятельскіе миноносцы, а потомъ куда-то скрылись; наконецъ, вышла «Паллада» и также стала на якорь. Всѣхъ насъ удивило, что эскадра не двигается, стоитъ на якорѣ и даетъ время собраться непріятельской эскадрѣ.

Оказалось, что катера тралятъ мины, которыя будто бы были набросаны ночью непріятелемъ. Невольно напрашивался вопросъ,— почему этого не было сдѣлано раньше; а если эскадра рѣшила выйти утромъ, то отчего не были приняты мѣры къ охранѣ рейда, чтобы предупредить это. Вдругъ неожиданно послѣдовалъ взрывъ мины около борта «Цесаревича», однако не причинившій ему вреда. Только около 3 часовъ дня эскадра двинулась во главѣ съ броненосцемъ «Цесаревичъ» (флагманское) на NO; каждый изъ насъ напутствовалъ ее благословеніемъ и добрыми пожеланіями полнаго успѣха.

Всѣ мы разошлись по домамъ съ радостной надеждой получить въ скоромъ времени благопріятныя извѣстія. Каково же было наше удивленіе, наше горе, когда вечеромъ услышали выстрѣлы на морѣ, а около 9 часовъ узнали, что эскадра возвращается, атакованная непріятельской эскадрой и миноносцами. Отчаянію не было границъ. Какъ и предполагали, адм. Витгефтъ, благодаря своей медленности и продолжительной стоянкѣ на рейдѣ, встрѣтилъ въ морѣ японскую эскадру, извѣщенную по безпроволочному телеграфу. По разсказамъ моряковъ, она состояла изъ пяти броненосцевъ, двѣнадцати крейсеровъ и около пятидесяти миноносцевъ, у насъ же было шесть броненосцевъ, пять крейсеровъ и 19 миноносцевъ; по разсчету выходило, что японская эскадра имѣла на 120—130 орудій болѣе, нежели наша, почему, не вступая въ бой,—адм. Витгефтъ и повернулъ обратно.

Картина обратнаго путешествія была такова: эскадра, преслѣдуемая минными атаками, шла по направленію къ порту, отстрѣливаясь, и въ защитѣ ея приняли также участіе береговыя батареи; въ то-же время нельзя было не восхищаться отвагой и предпріимчивостью атакующихъ непріятельскихъ миноносцевъ, которые, съ раскаленными до-красна трубами и съ красными фонарями на длинныхъ шестахъ, шли на смертный бой, на вѣрную гибель. Тамъ отвага, предпріимчивость, пренебреженіе къ смерти,—здѣсь-же одна нерѣшительность. Какъ великолѣпенъ былъ воинственный пылъ японцевъ, нещадившихъ ни своей жизни, ни своихъ судовъ для славы и чести своего отечества! И что-же испугало адмирала!?....

только превышавшее количество орудій, да и то проблематичное, котораго въ дѣйствительности могло и не быть! Къ счастью, миной былъ поврежденъ одинъ только «Севастополь».

Въ своей передовой статьѣ отъ 11 іюня «Новый Край» такъ привѣтствовалъ первый выходъ артурской эскадры въ море: «Вчерашній день 10 іюня *въ анналахъ* исторіи осады Артура долженъ занять почетное мѣсто и неизгладимо запечатлится въ сердцѣ каждаго артурца.... Отнынѣ нашъ родной флотъ въ силу фатальныхъ несчастій еще до объявленія войны серьёзно пострадавшій, сталъ вновь жизнеспособенъ, получивъ свое главнѣйшее качество, свою силу—подвижность. Сомнѣнія и опасенія всѣ исчезли,—онъ всталъ и твердыми шагами пошелъ къ своей цѣли,—*помочь своимъ сухопутнымъ товарищамъ защищать Артуръ*. Онъ пошелъ спокойно, чтобы оправдать возлагаемыя на него ожиданія, *на новые подвиги (?), достойные славныхъ традицій русскаго флота*».

Привычка описывать парадные обѣды внесла много громкихъ фразъ и въ этотъ панегирикъ; суть же такова: нашъ флотъ, приведенный въ негодность въ началѣ войны нашей преступной небрежностью, наконецъ починился и вышелъ въ море 10 іюня, чтобы помочь сухопутной арміи защищать Артуръ.

Больно и обидно, до глубины души обидно! Видя, какъ цѣлесообразно и хорошо дѣйствуютъ японцы, въ какомъ великомъ единеніи живутъ и оперируютъ ихъ армія и флотъ, какихъ блестящихъ результатовъ достигаютъ они такой тѣсной связью между собою,—защитники Артура терпѣливо ожидали починки эскадры и выхода ея въ море; съ замираніемъ сердца глядѣли на портъ и терпѣли..... терпѣли, питая себя надеждой на такое же единеніе, на такую же связь, на беззавѣтную взаимную помощь въ дѣлѣ защиты крѣпости, на рѣшимость жертвовать беззавѣтно жизнью во имя блага и чести Отечества. Но.... ошиблись и разочаровались на всегда. Теперь флотъ сдѣлался для крѣпости лишнимъ бременемъ, бѣльмомъ на глазу, и никто уже больше не ходилъ въ портъ узнавать о намѣреніяхъ эскадры; для насъ она потеряла и значеніе, и цѣну.

VIII.

Генералъ Фокъ, сдавъ японцамъ позицію Кинчжоу, отступилъ съ своей дивизіей въ раіонъ крѣпости по средней артурской дорогѣ. Онъ миновалъ чудную Нангалинскую позицію, прикрывавшую Дальній и всю южную часть Квантуна, а занялъ предгорія Волчьихъ горъ, какъ я указалъ выше, отъ д. Суанцайгоу до Лунвантана, черезъ горы Юпилаза—Куинсанъ, фронтомъ въ 25 верстъ, въ самомъ широкомъ мѣстѣ полуострова. Только благодаря этому, сильно ослабленные японцы быстрымъ движеніемъ на югъ заняли безъ боя Таліенванъ и прекрасную базу для своихъ операцій противъ крѣпости—г. Дальній, расположивъ свои войска на позиціи отъ д. Анцзешана черезъ Мотошито къ Тайшушину. Къ счастью нашему, они не воспользовались полной деморализаціей дивизіи Фока, т. к. могли по ея пятамъ достигнуть безъ особенныхъ усилій передовыхъ пунктовъ крѣпости и даже прорваться въ послѣднюю; видимо, они были сильно ослаблены боемъ подъ Кинчжоу. Наиболѣе потерпѣвшія дивизіи ихъ—3-я и 4-я сейчасъ же послѣ взятія Кинчжоу ушли на сѣверъ, а взамѣнъ ихъ пришла свѣжая часть 2-й арміи ген. Оку (11-я дивизія), которая, соединившись съ 1-й,—образовала 3-ю армію подъ начальствомъ ген. Ноги. Только въ 1-й половинѣ іюля послѣдняя была усилена высадившейся въ Таліенванской бухтѣ 9-й дивизіей вмѣстѣ съ двумя пѣхотными и одной артил. бригадами и осадными орудіями. На эту армію и возложена была обязанность взять кр. П.-Артуръ. На позиціи они были расположены такъ: 1-я дивизія составляла правый флангъ, 11-я лѣвый, а 9-я заняла центръ.

Разсказываютъ, что въ Совѣтѣ Микадо послѣ боя у Кинчжоу рѣшался вопросъ,—брать-ли крѣпость штурмомъ или во избѣжаніе излишнихъ потерь вести правильную осаду ея. Когда на вопросъ Микадо,—какъ велики будутъ потери при штурмѣ,—ихъ опредѣлили въ пять тысячъ, то Микадо не согласился на такую большую жертву и склонился къ обложенію Артура.

Однако, легко доставшаяся побѣда подъ Кинчжоу такъ сильно воодушевила японскія войска, что ген. Ноги, съ согласія Совѣта,

принялъ рѣшеніе взять Артуръ штурмомъ. Въ виду этого изъ Токіо немедленно былъ посланъ особый пароходъ съ представителями японской палаты депутатовъ, которые должны быть «очевидцами взятія крѣпости и одновременно передать благодарность Императора его побѣдоноснымъ войскамъ» *).

Но не только эти планы, но и всѣ послѣдующіе разбились въ прахъ о мужество и храбрость защитниковъ крѣпости, при умѣломъ руководствѣ обороной ея славнаго Коменданта ген. Смирнова и его вѣрныхъ и мужественныхъ сподвижниковъ. Частыя объявленія японцевъ о предполагаемомъ взятіи Артура сначала въ іюлѣ, потомъ въ августѣ и наконецъ въ сентябрѣ немного нервировали гарнизонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибавляли ему силы и энергіи на отчаянную борьбу.

Японцы могли наступать къ Артуру по тремъ дорогамъ: по Мандаринской (почти параллельно жел. дорогѣ) и изъ Дальняго: по южной вдоль морского берега и по центральной, идущей по срединѣ полуострова. Эту послѣднюю и избралъ ген. Ноги.

Приказомъ отъ 20 мая за № 285 было объявлено, что «въ виду появленія противника въ раіонѣ крѣпости, главное руководство обороной ея» ген. Стессель оставляетъ за собой; причемъ, для объединенія власти, въ Совѣтъ обороны, учрежденный подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова, согласно 56 ст. Положенія объ управленіи крѣпостью, долженъ входить начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона, на обязанности котораго лежало докладывать всѣ журнальныя постановленія Совѣта на утвержденіе ген. Стесселя.

Въ виду быстраго наступленія японцевъ, работа закипѣла еще энергичнѣе. Мнѣ также поручено было организовать отрядъ добровольныхъ санитаровъ, съ правомъ выбора себѣ двухъ помощниковъ (пр. № 249), а вскорѣ я былъ назначенъ Предсѣдателемъ комиссіи по организаціи перевязочныхъ пунктовъ, переносныхъ и перевозочныхъ средствъ (пр. № 355). Впослѣдствіи, по избранію комиссіей

*) Великая Осада, Норригаардъ.

врачей и согласно личной просьбы Главноуполномоченнаго Маріинской Общины Краснаго Креста егермейстера Балашева, я былъ избранъ Предсѣдателемъ комиссіи по организаціи отряда добровольныхъ сестеръ милосердія.

Очень энергично и съ большимъ стараніемъ принялся я выполнять возложенныя на меня обязанности, стараясь и съ своей стороны оказать въ дѣлѣ защиты крѣпости посильную помощь. Вскорѣ при участіи своихъ помощниковъ В. К. Сергѣева и А. В. Мокрицкаго мнѣ удалось организовать изъ гражданъ отрядъ санитаровъ въ 154 человѣка, которые и были разбиты по перевязочнымъ пунктамъ; къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ впослѣдствіи явились къ исполненію своихъ обязанностей; многіе уѣхали совершенно изъ города въ Чифу, другіе же уклонялись подъ различными предлогами и ихъ приходилось чуть не каждый разъ отыскивать при помощи полиціи.

Тѣмъ не менѣе, изъ нихъ человѣкъ около 50-ти исполняли добросовѣстно свою работу и всегда исправно являлись на пункты, не смотря на большую опасность отъ огня непріятеля; многіе были даже ранены. Но—эта команда была каплей въ морѣ, когда на пунктѣ послѣ боя сосредоточивалось иногда до 50—60 раненыхъ, которыхъ необходимо было убрать поскорѣе *).

Къ сожалѣнію, вопросъ о санитарахъ у насъ совершенно игнорируется въ арміи и раненымъ приходится иногда цѣлые сутки и болѣе ожидать отправки въ госпитали, за недостаткомъ работниковъ. Такое тяжелое положеніе отчасти мнѣ пришлось устранить устройствомъ перевозочныхъ средствъ, именно—организаціей извозчиковъ и рикшъ для перевозки раненыхъ; къ рикшамъ приспособлялись носилки и китайцы, нужно отдать имъ полную справедливость,—работали очень добросовѣстно. Эти средства значительно облегчали

*) Въ числѣ этихъ маленькихъ тружениковъ особенно выдѣлялся своимъ мужествомъ нѣкто Кузнецовъ, постоянный посѣтитель 2-го перевязочнаго пункта, на которомъ онъ сталъ «своимъ человѣкомъ». На эти пункты, очаги смерти и увѣчья, постоянно являлись также мѣщанка Софія Мицкевичъ и дочь мѣщанина Евдокія Ремизова, истинные друзья раненыхъ.

трудъ санитаровъ и сокращали ихъ число, почему, въ большинствѣ случаевъ въ эвакуированіи раненыхъ съ позицій задержекъ не было.

Сильное желаніе избѣжать перевозки ихъ на нашихъ лазаретныхъ двуколкахъ не удалось, т. к., не смотря на организованныя перевозочныя средства, раненыхъ иногда бывало такъ много, что приходилось прибѣгать и къ работѣ двуколокъ; неудобны же онѣ были своей особенной трясучестью, почему раненые иногда предпочитали идти пѣшкомъ, лишь бы избѣжать ѣзды на нихъ. Что касается добровольныхъ сестеръ милосердія, то при помощи врачей мнѣ удалось даже устроить краткій для нихъ курсъ (три теоретическихъ лекціи и одну практическую) первоначальной подачи помощи *) и эти лица дѣйствительно явились впослѣдствіи истинными и надежными помощницами врачей, работая днемъ и ночью, не покладая рукъ. Перевязочные пункты тоже были устроены очень удобно и функціонировали энергично.

Въ то же время не спали наши стрѣлки и артиллеристы; они также безъ отдыха вели свои занятія, упражняясь въ стрѣльбѣ, изучая пріемы по оборонѣ позицій и свойства послѣднихъ, а артиллерія совершенствуясь и въ пріемахъ къ дѣйствію при орудіяхъ (пр. №№ 303 и 307).

Но не дремалъ и противникъ, безпокоя насъ не только съ суши, но и съ моря. Въ ночь съ 24 на 25 мая непріятельскій минный транспортъ подъ прикрытіемъ миноносца подошелъ очень близко къ нашимъ берегамъ и началъ устанавливать мины. Крестовая батарея № 22, замѣтивъ это, открыла немедленно огонь; завязалась перестрѣлка, во время которой на батареѣ случилось несчастье:

---

*) Эти лекціи были быстро организованы мною при помощи врачей Розанова (гл. врачъ Кр. Креста), Безсонова, Александрова и В....., изъявившихъ полное удовольствіе прочесть ихъ по краткому курсу анатоміи, о перевязкѣ ранъ и уходѣ за ранеными. Присутствуя на этихъ лекціяхъ, я видѣлъ, съ какимъ вниманіемъ и усердіемъ эти маленькіе труженицы отнеслись къ подготовкѣ. Къ сожалѣнію, не всѣ госпитали прислали мнѣ свѣдѣнія о полезной ихъ дѣятельности; здѣсь укажу только лично извѣстныхъ мнѣ: Вѣра Лангъ, Татьяна Сорокина, Ольга Геммельманъ, Каролина Сидоровичъ, Елена Виртъ, Наталія Антипина и жена свящ. Александра Глаголева.

разслѣдованіемъ было установлено, что непріятельскій снарядъ, въ моментъ закрытія замка только что заряженнаго орудія, попалъ въ замокъ и повредилъ его, причинивъ взрывъ заряда; этимъ взрывомъ былъ вырванъ замокъ, частями котораго одинъ канониръ изъ прислуги былъ убитъ, а два ранены. Японцы понесли полное пораженіе, т. к. минный транспортъ ихъ былъ взорванъ выстрѣлами, а миноносецъ скрылся. Не смотря на это, японскіе моряки работали непрерывно, безъ устали, и 28 мая впервые сдѣлали попытку обстрѣливать наши сухопутныя позиціи, а одинъ изъ крейсеровъ стрѣлялъ по горамъ до Юпилазы включительно. Это дало основаніе заключить, что атака нашихъ передовыхъ позицій близка уже и что она будетъ также поддержана флотомъ противника; въ этомъ предположеніи предписывалось ген. Фоку уйти съ передовыхъ позицій къ Волчьимъ горамъ; причемъ, перевалъ Шипинзы на нихъ удержать «во чтобы то ни стало» (пр. № 325).

29 мая были получены и первыя свѣдѣнія послѣ Кинчжоу о дѣйствіяхъ противника на сушѣ; онъ началъ сосредоточивать свои силы на Мандаринской дорогѣ, восточнѣе горы Анзысанъ; въ прочихъ же мѣстахъ,—на средней дорогѣ и около бухты Меланхе,—онъ держалъ только передовыя части.

Всѣ были въ тревожномъ ожиданіи, на какой именно пунктъ поведетъ противникъ свою атаку; всѣ съ трепетомъ ожидали наступленія этого момента и готовились къ нему, надрывая послѣднія силы свои по укрѣпленію позицій и фортовъ. Работы безусловно были тяжелыя, т. к. производились въ каменныхъ породахъ; работали стрѣлки, артиллеристы, моряки, саперы и работали съ полнымъ сознаніемъ въ необходимости этой работы, работали что называется «во всю», чтобы окончить эту работу въ возможно короткій срокъ; строились блиндажи, окопы для стрѣлковъ, закрытія для прислуги и резервовъ, выкапывались рвы, закладывались фугасы, устраивались сѣтевыя преграды. Эту гигантскую работу днемъ и ночью отмѣтилъ въ своемъ приказѣ за № 347 ген. Стессель, а объѣхавъ 12 іюня позиціи, въ приказѣ за № 367, констатировалъ, что онъ «твердо увѣренъ, что сила вражья *разо-*

бьется о твердыни, вашими (войсковыхъ частей) *невѣроятными трудами созданныя*». Дѣйствительно, только эти «невѣроятные труды», гигантскіе труды хоть сколько нибудь обезпечивали продолжительность защиты крѣпости; только сила и энергія солдата въ два—три мѣсяца укрѣпила хотя нѣсколько позиціи, которыя въ дѣвственномъ видѣ стояли до войны, но на бумагѣ значились—«артурскими твердынями».

Теперь, оборудовавъ крѣпость со стороны защиты, не такъ уже встревожила насъ и телеграмма Командующаго Арміей ген. Куропаткина, въ которой онъ говоритъ:.... «Теперь требуется самая упорная и продолжительная оборона Артура, на что мы вполнѣ надѣемся» (пр. № 368). Конечно, исправить всѣ прорѣхи не хватало ни времени, ни силъ, но эти прорѣхи должны были пополнить мужество и беззавѣтная храбрость гарнизона. А что онъ обладалъ этими качествами, я приведу нѣсколько назидательныхъ примѣровъ изъ предыдущихъ боевъ.

При отступленіи четвертой дивизіи на позицію Кинчжоу 3 мая, бомбардиръ-лаборатористъ 4 артиллерійской В.-Сиб. бригады Петръ *Липаевъ* состоялъ въ качествѣ развѣдчика и ординарца при адъютантѣ этой бригады. Выѣхавъ на позицію съ послѣднимъ, онъ былъ оглушенъ при паденіи убитой разорвавшимся снарядомъ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ; оправившись подъ страшнымъ огнемъ противника, онъ все время оставался на позиціи и держалъ лошадь адъютанта, который ушелъ для отдачи приказаній; недождавшись его прихода и обезпокоившись продолжительностью отсутствія, Липаевъ пошелъ его искать и вскорѣ нашелъ убитымъ. Подъ тѣмъ же сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, онъ нашелъ санитаровъ, помогъ имъ вынести своего офицера изъ сферы огня, послѣ чего возвратился на позицію, снялъ сѣдло съ своей убитой лошади и положивъ его на лошадь адъютанта, ушелъ съ позиціи и доставилъ казенное сѣдло каптенармусу.

13 мая, во время боя на позиціи у Кинчжоу, обозный рядовой 15 полка Константинъ Чахловъ былъ посланъ съ патронной двуколкой на позицію для подвозки патроновъ 5-му полку. Послѣ

сдачи патроновъ, возвращаясь подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ къ своей части, онъ замѣтилъ, что у обознаго его же полка Меркулова убита лошадь, разбита двуколка и самъ Меркуловъ раненъ; не растерявшись, подъ тѣмъ же сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, онъ перегрузилъ патроны изъ разбитой двуколки на свою, поспѣшно возвратился на позицію, гдѣ и сдалъ ихъ въ окопы 5-го полка.

Тогда же бомбардиръ-лаборатористъ Сайфулъ-Малюковъ, получивъ двѣ раны, вынесъ съ батареи раненаго поручика Успенскаго; во время переноски получилъ 3 раны, но все-таки исполнилъ свой долгъ и офицера донесъ до экипажа.

Возлѣ орудія въ бою у Кинчжоу осталось только два канонира—Алексѣй Брусъ и Никита Петращенко, такъ какъ остальная прислуга была убита; будучи оба ранеными, а Петращенко и совершенно оглохшій отъ орудійной стрѣльбы, они вдвоемъ стрѣляли изъ орудія до конца боя.

1 батареи 4 Вост.-Спб. арт. бригады бомбардиръ-лаборатористъ Осипъ Мѣхоношинъ, будучи раненъ въ лице на позиціи, оставался при орудіи, пока не былъ раненъ вторично, послѣ чего былъ унесенъ на перевязочный пунктъ.

Канониръ Іона Гильмановъ, будучи раненъ тяжело, оставался на батареѣ до конца боя, и только потомъ уже былъ отправленъ въ госпиталь.

Канониръ Романъ Гилевъ, будучи раненъ, тоже не захотѣлъ уйти съ своего поста и остался; на вопросъ—«ты раненъ», отвѣтилъ—«ничего, пустяки», и ушелъ съ батареи только по полученіи второй раны.

Канониръ Петръ Перетомпнъ, при взятіи зарядпаго ящика на передокъ, былъ раненъ въ шею и свалился съ лошади, но потомъ опять сѣлъ на нее, свезъ зарядный ящикъ съ позиціи и ѣхалъ съ батареей до ст. Тафашинъ.

Канониръ Дмитрій Комаровъ, будучи два раза раненъ, находился до конца боя при орудіи, работая только одной рукой; былъ отправленъ въ госпиталь, по прибытіи съ батареей на ст. Тафашинъ.

Всѣ эти случаи были въ бою 13 мая и всѣ эти лица награждены георгіевскими крестами. Убыль въ 5 многострадальномъ полку достаточно свидѣтельствуетъ,—сколько такихъ героевъ осталось на полѣ сраженія. Да, съ такими людьми можно было смѣло идти въ бой! Хотя впослѣдствіи и были побѣги запасныхъ съ позицій, но они скоро прекратились.

Наконецъ, наступило злополучное *13 іюня*, когда противникъ, устроивъ свои силы и выбравъ направленіе, перешелъ въ наступленіе. Мѣсто удара было очень удачно,—это гора Куинсанъ (Хуинсанъ). Вообще, къ чести японцевъ нужно отнести чрезвычайно умѣлую оцѣнку значенія того или другого пункта на позиціи, куда они обыкновенно и направляли свой ударъ.

Излюбленный и вѣрный пріемъ ихъ, какъ и при Кинчжоу, выразился въ массированіи артиллерійскаго огня, который былъ сосредоточенъ на этой горѣ. Начата была атака въ 9—10 часовъ утра, а къ 4-мъ часамъ вечера они уже владѣли этой почти неприступной горой; нашъ же отрядъ отступилъ на каменный (скалистый) кряжъ сзади, бросивъ цѣлый рядъ позицій и не оцѣнивъ значенія ихъ въ тактическомъ отношеніи. Считаю не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія строки Норригаарда изъ его «Великой Осады». «Японцы не перешли бы такъ быстро въ наступленіе, если бы не имѣли въ виду Кензанъ (Куинсанъ). Эта высота командуетъ надъ всѣмъ полуостровомъ. Съ ея вершины виденъ Дальній и можно наблюдать за происходившей тамъ высадкой войскъ. Японская главная квартира и все расположеніе японскихъ войскъ также ясно видны съ этого превосходнаго наблюдательнаго пункта. Ноги сознавалъ необходимость предотвратить это.... съ этой высоты можно было установить наблюденіе за П.-Артуромъ. Рано утромъ 26 іюня (13 числа) японскіе войска стали атаковать Вейтаушанъ. Русскіе защищались не особенно энергично и къ 9 час. утра высота была захвачена японцами. Бой у Кензана былъ серьёзнѣе, русскіе упорно обороняли эту позицію (?).... Къ $5^1/_2$ часамъ дня высота была взята, русскіе же отступили на ближайшую горную гряду и заняли новыя позиціи» (21 стр.).

Дѣло о потерѣ Куинсана разсматривалось въ военномъ судѣ. Чтобы ознакомить хотя нѣсколько русское общество съ порядками, господствовавшими въ дивизіи ген. Фока и съ дѣйствіями болѣе крупныхъ начальниковъ, я передамъ вкратцѣ то, что выяснилось на судѣ. 1 іюня ген. Фокъ отдалъ диспозицію, въ которой указывалось, гдѣ и какой силой должны быть заняты пункты; причемъ, въ отношеніи Куинсана было указано «защищать его во чтобы то ни стало». Копія полной диспозиціи была послана только начальнику отдѣла, въ который входила эта гора, полк. Савицкому, а краткія выписки изъ нея—начальникамъ участковъ; благодаря чему, въ результатѣ получилось, что ни одинъ маленькій отрядъ не зналъ, кто его сосѣдъ, нужно-ли гору защищать «во чтобы то ни стало», какова ихъ общая цѣль, кто его долженъ поддержать или, въ случаѣ надобности, кого онъ долженъ *поддержать*, т. к. въ выпискахъ изъ диспозиціи этого не значилось; словомъ, дивизія разбилась на отдѣльные самостоятельные отрядики, не имѣвшіе между собой никакой связи. Начальники участковъ и полк. Савицкій получили эти акты 3 іюня, не смотря на нахожденіе ихъ тутъ же, при штабѣ дивизіи. Защита самой горы поручена была кап. 14-го Вост.-Спб. стр. полка Лопатину, въ отрядѣ котораго было двѣ роты, а впереди вершины по отрогамъ, ближе къ противнику, стояли двѣ охотничьи команды, подчиненныя этому же капитану; послѣдній съ этимъ отрядомъ непосредственно подчинялся начальнику участка подполковнику Кирикову.

Ген. Фокъ объѣхалъ эту позицію только въ началѣ іюля (5—6 числа), послѣ чего до боя на ней не былъ; во время своего объѣзда никакихъ указаній не сдѣлалъ и объ укрѣпленіи ея не говорилъ, не указавъ также, что гору Куинсанъ нужно защищать «во чтобы то ни стало». Полк. Савицкій явился на позицію только утромъ 13 іюня, но еще до боя; причемъ, не сказалъ начальнику отряда капитану Л...., что ее нужно защищать «во чтобы то ни стало», но почему-то, вопреки диспозиціи, приказалъ ему сообразовать свои дѣйствія съ сосѣднимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ роть 28-го полка подполк. Киленина, и оставить ее съ отступленіемъ

послѣдняго, измѣнивъ этимъ совершенно смыслъ и значеніе диспозиціи. Больше полк. Савицкій на позицію не пріѣзжалъ до потери Куинсана. Начальникъ участка подполк. Кирпковъ также не сообщилъ капитану Л.... о защитѣ Куинсана, какъ это предписывалось диспозиціей и на самой позиціи совершенно не былъ. Данное имъ показаніе на судѣ: «не помню, говорилъ-ли я объ этомъ капитану Л....; кажется не говорилъ»,—вполнѣ обрисовало картину того безпорядка, который царилъ въ дивизіи Фока, въ частности въ отдѣлѣ полк. Савицкаго. Итакъ, капитану Л...., не смотря на отданную диспозицію, не было извѣстно до самаго боя о необходимости защищать Куинсанъ «во чтобы то ни стало», почему гора эта не только не была укрѣплена, но даже не имѣла ровиковъ для прислуги. Съ началомъ боя, когда самая гора и отроги ея начали засыпаться снарядами, первыми начали самостоятельное отступленіе охотничьи команды; т. к. онѣ своимъ отступленіемъ открыли для огня лѣвый флангъ капитана Л...., то онъ, около 2-хъ часовъ, также отступилъ. Полк. Савицкій, имѣвшій за горой въ резервѣ двѣ роты и получивъ донесеніе отъ капитана Л...., что ему трудно держаться, не подкрѣпилъ его своевременно; имѣвшіяся же при немъ роты возвратилъ въ общій резервъ, а самъ уѣхалъ въ штабъ полка, разсчитывая на поддержку сосѣдняго участка справа, обѣщанную ему раньше; но помощь эта подъ командой кап. Кватца пришла поздно, когда капитанъ Л.... уже отступилъ и гора была занята японцами. Съ отступленіемъ Л...., онъ обнажилъ лѣвый флангъ сосѣдняго отряда подполк. Киленина, который также долженъ былъ очистить свои позиціи. При такихъ обстоятельствахъ Л.... былъ оправданъ въ самовольномъ измѣненіи диспозиціи, которая, какъ оказалось, не была ему извѣстна по винѣ полк. Савицкаго; былъ же обвиненъ только въ неисполненіи приказанія послѣдняго—не оставлять позиціи до отступленія отряда справа.

Гора Куинсанъ имѣла очень важное значеніе и была ключемъ позиціи, но этотъ ключъ былъ потерянъ въ одинъ день, благодаря полнѣйшему бездѣйствію старшихъ начальниковъ, не только не посѣтившихъ позицію, не позаботившихся объ ея укрѣпленіи, но

даже не передавшихъ капитану Л.... свѣдѣній изъ диспозиціи о важности ея и о необходимости защищать ее до послѣднихъ силъ. Въ данномъ случаѣ въ большой степени былъ использованъ приведенный выше приказъ ген. Фока: старшіе начальники, чтобы не мѣшать «войнѣ капитановъ», не только закрыли *уши и глаза*, но даже разбѣжались по укромнымъ уголкамъ. Подполк. Киленинъ на судѣ показалъ, что онъ во все время боя дѣлалъ докладъ (?) ген. Стесселю, находившемуся тогда въ очень далекомъ разстояніи отъ мѣста сраженія; подполк. Кириковъ тоже отсутствовалъ; всѣ же они видимо *не признавали* еще удобнымъ этотъ моментъ, чтобы показать, какъ «*нужно умирать по присягѣ*». Открывшійся при разборѣ этого дѣла безпорядокъ доказывалъ только одно,—что всѣ спѣшили скорѣе отступить на форты и укрѣпленные пункты къ Артуру, почему мало заботились о позиціяхъ временныхъ.

О неправильныхъ дѣйствіяхъ полк. Савицкаго и подполковниковъ Кирикова и Киленина судомъ составлено особое постановленіе для привлеченія ихъ къ отвѣтственности, копія котораго была направлена и ген. Стесселю для свѣдѣнія *).

Такъ какъ гора Кунсанъ по своимъ тактическимъ свойствамъ являлась чрезвычайно важной, командовала надъ окружающими высотами и съ вершины ея былъ видѣнъ почти весь Артуръ, то приказано было возвратить ее обратно, къ выполненію каковой задачи и было приступлено 21 іюня, но бой продолжался и 22 числа. Отмѣчу здѣсь одно интересное явленіе: части войскъ, узнавъ о переходѣ въ наступленіе, проявили такой громадный подъемъ духа и энергію, что своей беззавѣтной храбростью просто таки поражали; стрѣлки шли въ атаку дѣйствительно какъ на маневрахъ, не смотря на страшныя потери въ ихъ рядахъ; даже казаки дрались въ пѣшемъ строю, не уступая стрѣлкамъ, а артиллерія занимала по-

*) Не смотря на сообщенное ген. Стесселю постановленіе суда о такихъ преступныхъ дѣствіяхъ полк. Савицкаго, послѣдній, будучи всего 4 года въ чинѣ полковника, былъ имъ представленъ и получилъ чинъ ген.-маіора, орденъ Св. Владиміра 3 ст. съ мечами и орденъ Св. Георгія 4-й степени.

степенно рядъ такихъ позицій, которыя были мало доступны даже для пѣшихъ частей; но не смотря на этотъ необычайный героизмъ, на большое количество жертвъ, гора не была возвращена обратно и войска отступили къ передовымъ Артурскимъ позиціямъ.

Этотъ двухдневный бой вывелъ у насъ изъ строя 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Здѣсь не могу не указать на отвагу и мужество солдатъ: стрѣлокъ 25-го полка Серцовъ, видя раненымъ пор. Бицоева, подбѣжалъ къ нему и заслонилъ его своимъ тѣломъ отъ града пуль, осыпавшихъ его; получивъ отъ поручика деньги 188 руб., сейчасъ же передалъ ихъ подпр. Сидорову; а когда пор. Бицоевъ былъ убитъ, то фельдф. Аровъ и ефр. Самойленко и Кургановъ, отступая и отстрѣливаясь, взяли тѣло убитаго поручика и въ то же время вынесли на рукахъ пор. Злобинскаго.

Рядовой пограничной стражи Ефимъ Янковъ, находясь вѣстовымъ при подполк. Бутусовѣ на позиціи, во время передачи приказанія, былъ раненъ въ грудь на вылетъ, но на четверенькахъ доползъ до цѣпи и передалъ требуемое приказаніе.

На другой же день, 23 іюня, я посѣтилъ раненыхъ въ сводномъ II.-Артурскомъ госпиталѣ. Всѣ они, не смотря на три—четыре полученныхъ раны, горѣли нетерпѣніемъ скорѣе выписаться изъ госпиталя и идти отомстить японцамъ за эти раны; одинъ же, Томской губерніи, доходилъ въ своемъ негодованіи до смѣшного: разсказывая о боѣ и что самъ лично закололъ семь японцевъ, онъ страшно негодовалъ на нанесенную послѣдними ему обиду въ видѣ двухъ пулевыхъ ранъ—въ ногу и руку, грозя убѣжать изъ госпиталя на позицію, чтобы отомстить японцамъ, если его только черезъ два—три дня не выпишутъ изъ него. Тутъ же отъ врачей я узналъ, что ружейныя пулевыя раны очень легко и быстро заживаютъ, благодаря ихъ незначительному отверстію и чистотѣ пуль; но раны отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ снарядовъ очень опасны и всегда сопровождаются осложненіями, благодаря заносимой ими въ раны грязи въ видѣ порохового нагара и сѣры, которой пули заливаются въ шрапнеляхъ. Найболѣе удручающее впечатлѣніе производили тяжело раненые: у одного оскол-

комъ снаряда была разрушена часть черепа и онъ лежалъ съ открытыми глазами въ безсознательномъ состояніи и жару; другому осколокъ попалъ въ животъ и изорвалъ кишечникъ; онъ былъ въ бреду, но когда я подошелъ, то онъ, узнавъ мой чинъ и назвавъ его,—просилъ разрѣшить ему встать и пойти погулять на дворъ.

Потеря такой важной позиціи какъ гора Куинсанъ произвела удручающее впечатлѣніе; съ потерей ея связывалась и близкая потеря Артура.

Усилившееся нервное настроеніе, отсутствіе воздуха съ наступившей жарой и моціона вслѣдствіе постоянной кабинетной работы—окончательно разстроили мое здоровье, почему я рѣшилъ переѣхать на Тигровый полуостровъ, на такъ плѣнившую меня дачу, въ квартиру кап. Страшникова, куда и переселился 30 іюня. Близость моря, чистый свѣжій воздухъ и хорошій столъ быстро укрѣпили душевно и физически. Больше всего я любилъ вечеръ, когда послѣ ужина мы цѣлымъ обществомъ отправлялись на батарею № 9, на брустверѣ которой намъ ставили стулья и тамъ, вспоминая милую Россію, семью, родныхъ, въ то же время любовались ширью шумящаго моря, освѣщеннаго прожекторами. Эти картины долго не изгладятся изъ моей памяти. Вскорѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ курьезнаго происшествія: въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, кажется 7 или 8 іюля, сидя на батареѣ, мы замѣтили въ лучахъ прожектора судно подъ парусомъ, медленно двигавшееся по направленію отъ Лѣотѣшана къ Плоскому мысу, въ разстояніи не далѣе 3—4 верстъ отъ берега. Такъ какъ на морѣ кромѣ этого судна не было замѣчено ни миноносцевъ, ни крейсеровъ непріятеля, то мы предположили, что сейчасъ же дежурный катеръ бросится къ нему и остановитъ его для осмотра. Но вмѣсто этого, со сторожевого судна «Отважнаго», стоявшаго у входа въ бухту, раздался выстрѣлъ: это послужило сигналомъ для всѣхъ батарей. Командиръ батареи № 9 немедленно скомандовалъ и прислуга въ одинъ моментъ была у орудій; раздался выстрѣлъ, за нимъ другой; этимъ выстрѣламъ послѣдовали электрическій утесъ и другія батареи и воздухъ наполнился страшнымъ гуломъ. Всѣ вскорѣ однако обра-

тили вниманіе, что судно, не мѣняя курса, идетъ спокойно и тѣмъ же ходомъ, почему явилось сомнѣніе, есть-ли на немъ хотя одна живая душа. Батарея № 9 прекратила огонь, выпустивъ около 9-ти снарядовъ; за ней прекратили его и остальныя батареи, а также и лодка «Отважный»; курсъ судна опредѣлился прямо на камни у мыса за электрическимъ утесомъ. Мы всѣ горѣли желаніемъ узнать суть дѣла, но моряки молчали и катера не выслали. Только на другой день утромъ артиллерійскій катеръ снялъ это судно съ камней и привелъ его къ берегу Тигровки. Оказалось оно китайской шаландой съ закрѣпленнымъ рулемъ и въ двухъ мѣстахъ было пробито нашими снарядами, а на днѣ были разбросаны письма, посланныя изъ Артура; нѣкоторыя изъ нихъ были распечатаны и вынуты изъ конвертовъ. Всѣмъ стало ясно, что эта шаланда въ морѣ была осмотрѣна японцами и когда они обнаружили, что хозяинъ шаланды, китаецъ, служитъ русскимъ по привозу и отсылкѣ писемъ, то его бросили вѣроятно въ море, а шаланду, закрѣпивъ на ней руль, пустили подъ парусомъ по вѣтру вдоль нашихъ батарей. Болѣе всего было обидно, что истратили такъ много снарядовъ, тогда уже не хватавшихъ, и по судну, которое не стоило и мѣднаго гроша; кромѣ того и стыдно было, что поставили себя въ смѣшное положеніе предъ японцами, которые, вѣроятно, слушая нашу канонаду, зло трунили надъ нашей уже *черезъ-чуръ* большой осторожностью. Впослѣдствіи невысылку катера для осмотра моряки объяснили тѣмъ, что шаланда могла быть наполнена взрывчатыми веществами.

Здѣсь я немного остановлюсь на чрезвычайно важномъ для насъ, артурцевъ, вопросѣ,—полученіи корреспонденціи. При извѣстной предупредительности и заботливости,—дѣло это можно бы было заранѣе организовать и тѣмъ обезпечить какъ посылку, такъ и полученіе писемъ изъ Ляоянской конторы черезъ Инкоо. Ничего въ этомъ родѣ не было сдѣлано, почему письма приходилось довѣрять за очень солидную плату совершенно неизвѣстному китайцу, объявлявшему о своей поѣздкѣ въ Чифу, о чемъ я упоминалъ уже выше. Имѣть свѣдѣнія отъ родныхъ и послать о себѣ вѣсть являлось

необходимостью, почему невозможность сдѣлать это доводила многихъ до отчаянія. Иногда роль нашего почтаря исполнялъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», пробивавшійся ночью въ Инкоо и забиравшій тамъ въ самомъ огромномъ количествѣ почту въ Артуръ, доставленную изъ Ляояна. Это былъ единственный въ нашей эскадрѣ миноносецъ, скорость котораго превосходила скорость японскихъ миноносцевъ. Благодаря этому, ему неоднократно приходилось благополучно удирать отъ преслѣдованія; но однажды онъ едва не попался, т. к. во время погони испортилась его машина и въ этомъ случаѣ ему единственно помогъ туманъ, подъ прикрытіемъ котораго онъ починился и благополучно прибылъ въ Артуръ. «Лейтенантъ Бураковъ» и мнѣ привезъ въ началѣ іюля 11 писемъ, а въ концѣ его 8; послѣднее изъ нихъ было отъ 30 мая; но и эти свѣдѣнія, за два мѣсяца назадъ, чрезвычайно меня обрадовали, такъ какъ цѣлыхъ три мѣсяца не получалъ ихъ. Судьба однако и тутъ зло посмѣялась надъ нами, лишивъ услугъ этого единственнаго почтаря. Произошло это такъ. Въ бухту Тахе, для сторожевой службы, каждую ночь выходило 3—4 миноносца. Въ ночь на 10 іюля въ эту бухту ушли «Лейтенантъ Бураковъ», «Боевой» и «Грозовой», которые и стали вблизи берега уступами, отдавъ канаты съ нихъ на берегъ. По разсказу очевидца и пострадавшаго инженеръ-механика Титова, около 2 часовъ ночи, вахтой замѣчено было на морѣ, въ разстояніи 2—3 верстъ, присутствіе непріятельскихъ миноносцевъ, которые вскорѣ скрылись. Приблизительно около 3—4 часовъ утра, когда луна уже не свѣтила и море очистилось отъ тумана, Титовъ замѣтилъ, что между «Боевымъ» и «Грозовымъ» что-то запрыгало по водѣ; предполагая, что это акулы, онъ началъ всматриваться, стоя у праваго борта «Боевого»; въ это же время раздался страшный взрывъ у «Лейтенанта Буракова»; вслѣдъ за этимъ такой же взрывъ послѣдовалъ у лѣваго борта «Боевого», который качнулся такъ сильно, что Титовъ упалъ съ борта въ воду, откуда и былъ вытащенъ матросами; третій затѣмъ взрывъ послѣдовалъ у кормы «Грозового». Впослѣдствіи оказалось, что непріятельскіе миноносцы, подойдя незамѣтно

къ нашимъ, пустили свои мины; первая изъ нихъ попала въ ближайшій къ нимъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», разломавъ послѣдній пополамъ, испортивъ совершенно его машину и убивъ двухъ нижнихъ чиновъ; «Боевой» получилъ большую пробоину въ борту слѣва, съ поврежденіемъ паровыхъ трубъ; ударъ былъ такъ силенъ, что желѣзную лѣстницу для спуска въ машинное отдѣленіе свернуло въ спираль, которой былъ обвитъ спускавшійся въ то время по лѣстницѣ матросъ; онъ оказался совершенно сваренымъ паромъ, вырвавшимся изъ паровой трубы, которую разорвало и обвило вокругъ лѣстницы и матроса; руку этого матроса, защемленную между трубой и лѣстницей, вынули только по вводѣ миноносца въ докъ; «Грозовой» получилъ пробоину въ кормѣ. Этотъ случай доказалъ, что вахта отправлялась у насъ прескверно, а можетъ ее даже и совсѣмъ не было.

Взятіе Куинсана, а вслѣдствіе этого невозможность держаться на передовыхъ позиціяхъ, ставила наши войска въ необходимость отступить подъ защиту передовыхъ фортовъ,—батарей и укрѣпленій Артура, къ тому времени приведенныхъ уже въ болѣе или менѣе боевой видъ. Вопросъ объ отступленіи былъ рѣшенъ въ бояхъ 13, 14, 15 и 17 іюля. Это былъ первый штурмъ за передовыя позиціи по всему фронту.

Бой начался въ 6 часовъ утра 13 числа обстрѣливаніемъ ихъ самымъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, но особенно онъ группировался на правомъ флангѣ, гдѣ обстрѣлу подвергались Зеленыя горы, а въ центрѣ позиціи—перевалъ Шининзы и гора Юпилаза. Вскорѣ орудійный огонь былъ развитъ до невѣроятной степени, который и продолжался до 3—4 часовъ дня, когда колонны пошли въ атаку. Тутъ сразу картина измѣнилась: артиллерійскій огонь перешелъ на отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы, но за то стрѣльба залпами изъ ружей и пулеметовъ наполнили воздухъ ужасной трескотней; судя по звукамъ, каждую минуту такихъ пуль выпускались десятки тысячъ. Но не дрогнули защитники и съ небывалой энергіей и мужествомъ открыли не менѣе убійственный огонь изъ пулеметовъ и ружейный, поддержанный залповымъ

огнемъ нашихъ полевыхъ батарей и нѣкоторыхъ укрѣпленій; уже темнѣло, но бой продолжался и гулъ ружейной трескотни стоялъ непрерывно; наконецъ, началъ мало-по-малу стихать и совершенно замолкъ къ 9 часамъ вечера. Атака съ успѣхомъ была отбита на всѣхъ пунктахъ и противникъ отступилъ на свои позиціи послѣ 15 часоваго боя.

Потери японцевъ были очень большія; у насъ же, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, были убиты одинъ офицеръ и 98 нижнихъ чиновъ. Многіе изъ участниковъ этого боя разсказываютъ, что японцы, идя въ атаку, кричали нашимъ стрѣлкамъ: «Что-же вы, оборванцы! взяли за Артуръ 16 милліоновъ, да еще и не отдаете его»! Многіе шутили на эту тему, «да и въ самомъ дѣлѣ,—не хватилъ-ли кто-нибудь такого куша».

Ночью раздавались только отдѣльные орудійные выстрѣлы или шла самая незначительная перестрѣлка между передовыми постами. Войска были страшно утомлены дневнымъ боемъ и нуждались въ отдыхѣ и утоленіи голода и жажды; но позаботиться объ этомъ не было времени, такъ какъ каждый предчувствовалъ, что непріятель ежеминутно можетъ свѣжими силами перейти въ наступленіе, а тутъ необходимо убрать раненыхъ и сдѣлать поправки и починки въ доморощенныхъ закрытіяхъ, поврежденныхъ огнемъ противника.

Предчувствіе не обмануло. Съ разсвѣтомъ, около 5 часовъ, японцы открыли еще болѣе сильный артиллерійскій огонь по горамъ Юпилазѣ, Зеленымъ, высотѣ 139 у дер. Талангоу и всему нашему лѣвому флангу, выдвинувъ противъ послѣдняго ночью у Инчензы отъ 70—80 новыхъ орудій и поставивъ уступомъ у дер. Апзынсана до 20 орудій большого калибра—6″; такія же орудія были поставлены и въ центрѣ противъ горы Юпилазы и высоты 139, изъ которыхъ они буквально засыпали снарядами; пораженіе послѣднихъ было прямо таки ужасное, благодаря фугасному дѣйствію меленита; нѣсколько нашихъ орудій были сразу же подбиты и пришли въ негодность, а часть пулеметовъ совершенно разбита. Послѣ продолжительной подготовки огнемъ, противникъ вновь повелъ на приступъ свои колонны, вновь заработали ружья и пулеметы, и

еще съ большей энергіей и силой ринулся онъ на наши позиціи, сходясь грудь на грудь.

Но не дрогнули защитники и также мужественно и стойко встрѣтили непріятеля сначала ружейнымъ огнемъ, а потомъ и штыками; въ особенности силенъ былъ напоръ противника на Зеленыя горы, Юпилазу и высоту 163, гдѣ разразился самый страшный бой и гдѣ стрѣлки прибѣгали даже къ камнямъ и поражали японцевъ послѣдними, скатывая ихъ по крутымъ откосамъ внизъ и уничтожая цѣлыя группы; это уже былъ не бой, а какая-то свалка, гдѣ каждый выбиралъ наиболѣе подходящее и дѣйствительное для него оружіе; занимавшіеся японцами окопы въ одну минуту наполнялись камнями и трупами и сравнивались съ землей; человѣкъ окончательно потерялъ свой образъ и обратился въ звѣря. Здѣсь приведу слѣдующій эпизодъ изъ «Великой Осады» Норригаарда: «Японцы, прислонившись къ скалѣ, стрѣляли вверхъ; русскіе, нагнувшись надъ пропастью, стрѣляли внизъ по наступавшимъ. Въ одномъ мѣстѣ русскій солдатъ пытался поймать японца арканомъ; онъ спустилъ веревку и удачно накинулъ ее на шею японца, но послѣдній схватился обѣими руками за петлю, прежде чѣмъ она была затянута. Наступила страшная борьба за существованіе. Русскій, видя, что не можетъ втащить японца, сразу выпустилъ веревку изъ рукъ. Японецъ потерялъ равновѣсіе, слетѣлъ въ пропасть и разбился, лишивъ такимъ образомъ русскаго солдата удовольствія повѣсить себя».

Наконецъ, непріятель видимо началъ слабѣть, выбился изъ силъ и началъ отступать; были случаи, когда отдѣльные японцы, достигнувъ вершины, бросали оружіе и падали въ изнеможеніи, но имъ тутъ же раскраивали черепы камнями или же прокалывали штыкомъ; бой закончился къ 8 часамъ. Потери японцевъ были еще больше; мы же потеряли 3-хъ офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ.

Опять наступило повтореніе того же—уборка раненыхъ и исправленіе поврежденныхъ закрытій, хотя они, благодаря дѣйствію орудій большого калибра, почти перестали существовать и были сравнены съ землей. Появленіе этихъ орудій и фугасное дѣйствіе

ихъ, прямо таки ужасное по своимъ результатамъ, многихъ заставляло призадуматься въ будущемъ успѣхѣ по защитѣ передовыхъ позицій; рѣшено было однако держаться. Нервность противника, видимо, дошла до крайняго предѣла; ночью орудія были продвинуты имъ впередъ, вновь загремѣли около 11 часовъ и японцы ураганомъ повели атаку на Зеленыя горы. Дрогнули мужественные стрѣлки и защитники; не выдержали натиска свѣжихъ силъ и непріятель овладѣлъ горами; но, собравшись съ силами, стрѣлки вновь пошли отбивать захваченное и выбили японцевъ штыками. Но это было послѣднее усиліе, т. к. притокъ свѣжихъ силъ одолѣлъ храбрыхъ защитниковъ-страдальцевъ, изнемогавшихъ въ трехдневномъ почти безъ перерыва бою, и они отступили въ 4 часа утра на Волчьи горы по приказанію ген. Стесселя подъ музыку и при пѣніи «Боже, Царя храни», что не мало удивило японцевъ, которые однако не зѣвали въ это время, стрѣляя по отступающимъ, причинивъ намъ при такомъ порядкѣ нашего отступленія еще большій уронъ.

Полагаютъ, что японцы потеряли въ этотъ трехдневный бой не менѣе 10 тысячъ; наши же потери выразились ранеными и убитыми до 2000 чел.

Бой этотъ имѣлъ въ будущемъ какъ для насъ, такъ и для японцевъ громадное значеніе. Мы окончательно познакомились съ японцами и ихъ боевыми пріемами; за эти три дня непрерывнаго страшнаго боя мы потеряли немного больше, нежели въ одинъ день подъ Кинчжоу; этотъ же бой указалъ японцамъ, что не такъ уже легко драться съ русскими; понесенныя ими громадныя потери значительно понизили подъемъ ихъ духа, пріобрѣтенный подъ Кинчжоу. Если на передовыхъ позиціяхъ, почти не укрѣпленныхъ, такъ велики потери ихъ, то на болѣе укрѣпленныхъ онѣ должны были выразиться еще въ большемъ числѣ.

Иллюстраціей богатырскихъ подвиговъ нашихъ защитниковъ я здѣсь приведу слѣдующій разсказъ одного морского офицера. Одинъ изъ маленькихъ окоповъ на Зеленыхъ горахъ занимали пять матросовъ съ ихъ унтеръ-офицеромъ. Увлекшись стрѣльбой по

насѣдавшему непріятелю, они неожиданно были окружены японцами. Видя свое безвыходное положеніе, унтеръ-офицеръ приказалъ своимъ подчиненнымъ дать послѣдній залпъ, но ружей японцамъ не отдавать. Когда это было исполнено, къ нимъ моментально подбѣжалъ японскій офицеръ во главѣ значительнаго отряда и, махнувъ флагомъ, приказалъ ихъ окружить; немедленно же они были замкнуты въ кругъ 14—15 японцевъ, почему стали въ одну шеренгу, держа ружья у ноги; унтеръ-офицеръ вновь подтвердилъ имъ ружей не отдавать. Послѣ этого послѣдовалъ приказъ офицера отвести ихъ назадъ и обезоружить. Въ это время японцы массами двигались на горы и всѣ до того увлеклись атакой, что плѣнныхъ почти не замѣчали. Офицеръ, взявшій моряковъ въ плѣнъ, также двинулся впередъ съ своимъ отрядомъ, а плѣнные подъ конвоемъ пошли въ мѣсто расположенія японцевъ; когда конвоиры дорогою выразили желаніе обезоружить ихъ, то тѣ не дали ружей, а японцы не употребили силы и ружья остались при плѣнныхъ. Ихъ привели и поставили сзади скалы подъ горой; дѣло шло къ вечеру и бой принималъ самый упорный и горячій характеръ. Видя себя въ кругу только 15 конвоировъ, унтеръ-офицеръ далъ знакъ и въ минуту всѣ конвойные лежали около нихъ приколотыми; сами же, пробираясь за камнями и оврагами, они пошли за атакующими японцами и когда вошли въ сферу огня, то открыли сзади убійственный огонь по японцамъ, которые въ пылу сраженія не замѣчали, откуда ихъ поражаютъ и продолжали орать свое «ала-ла», «ала-ла». Пробѣгая по трупамъ и раненымъ за японцами, матросы вдругъ услышали стонъ своего унтеръ-офицера, который покачнулся и упалъ; оказалось, что одинъ изъ раненыхъ японцевъ ударилъ его ножемъ въ бокъ и распоролъ животъ. Приколовъ моментально японца, они подхватили унтеръ-офицера и прикрываясь камнями и наступившей темнотой, достигли позицій. Къ сожалѣнію, у героя унтеръ-офицера оказался поврежденнымъ кишечникъ и онъ черезъ двѣ недѣли умеръ въ госпиталѣ. И такихъ храбрыхъ, отважныхъ героевъ были тысячи!

Занявъ Зеленыя горы, Юпилазу и перевалъ Шинпнзы, японцы измѣнили своей прежней тактикѣ—отдыхать и укрѣпляться на занятыхъ позиціяхъ. Разсчитывая на страшное утомленіе гарнизона и горя желаніемъ скорѣе овладѣть крѣпостью, которую, какъ передаютъ, имъ предписано было взять во чтобы то ни стало къ 28 іюля, японцы 17 іюля атаковали энергично позицію 13 полка и 4 запаснаго баталіона на Волчьихъ горахъ, оттѣснивъ нашъ отрядъ, почему послѣднему было предписано занять позицію отъ Полуншана на Кумирнскій и Водопроводный редуты, которые входили уже въ линію обороны Артура. Въ то же время японцы двинули свои колонны отъ бухты 8-ми кораблей къ бухтѣ Луизы и чтобы скрыть свое движеніе, переходили цѣпью по водѣ, направляясь къ Голубиной бухтѣ. Такое движеніе ихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ замыкало насъ въ тѣсный кругъ ближайшихъ укрѣпленій къ Артуру, линія которыхъ была уже послѣдней защитой для крѣпости; занятіе этихъ укрѣпленій привело бы къ дракѣ и битвамъ на улицахъ и площадяхъ Артура. Ген. Стессель окончательно растерялся и, при натискѣ японцевъ 17 іюля, приказалъ дивизіи Фока отступить немедленно безъ боя съ Волчьихъ горъ. Передаютъ, что это было очень поспѣшное отступленіе.

Близкое сосѣдство японцевъ было очень опасно для крѣпости, почему ген. Стессель 18 іюля отдалъ по войскамъ такой приказъ за № 441: «Гг. командиры и гг. офицеры! мы теперь стоимъ передъ крѣпостью, на послѣднихъ заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ передовыхъ. Помните, что это значитъ; это значитъ, что Вы должны во чтобы то ни стало остановить натискъ противника и не допустить его до фортовъ крѣпости. Я имѣю основаніе полагать, что противникъ предприметъ штурмъ открытою силою въ виду выигрыша времени, что для него чрезвычайно важно. Штурмъ долженъ быть отбитъ; штурмъ обрушится на передовыя позиціи и Вы, гг. офицеры, передовыхъ позицій не должны и мысли допустить дать противнику прорваться, хотя бы штурмъ былъ и ночью, что и вѣроятнѣе. Вы должны остаться на мѣстахъ Вамъ ввѣренныхъ живыми или мертвыми. Вы удержите врага до утра и если онъ не

убѣжитъ, то съ разсвѣтомъ крѣпость докончитъ его. Помните, что Вы славные русскіе воины».

Итакъ, со времени высадки, почти въ три мѣсяца, непріятель достигъ нашихъ передовыхъ позицій, имѣвъ только значительный бой 13 мая, 13, 14, 15, 21 и 22 іюня. Многіе ставятъ большой и совершенно справедливый упрекъ ген. Фоку, что онъ, имѣя отъ Саншилипу рядъ чудныхъ позицій, въ особенности Тафашинскія высоты у Нангалина, стремительно шелъ съ своей дивизіей къ Артуру, не задерживая на нихъ непріятеля. Знатоки увѣряютъ, въ томъ числѣ и ген. Смирновъ, что на однѣхъ этихъ высотахъ, приспособивъ ихъ къ оборонѣ, можно бы было держаться мѣсяца два—три. Еще болѣе винили въ этомъ ген. Стесселя, который совершенно подчинился Фоку, слушалъ только его совѣты, но самъ не проявилъ ни иниціативы, ни умѣнья; онъ не руководилъ ни однимъ боемъ до подхода войскъ къ Артуру, гдѣ оборона перешла въ руки ген. Смирнова; съ послѣднимъ онъ, благодаря своей рѣзкости и неделикатности, нарушилъ добрыя отношенія, почему иногда и прямо-таки мѣшалъ осуществленію его плановъ своими распоряженіями изъ кабинета. Таковъ былъ словесный приказъ его—не дѣлать вылазокъ безъ его разрѣшенія.

Стѣснивъ насъ на лѣвомъ флангѣ, японцы предприняли цѣлый рядъ дѣйствій и на нашемъ правомъ флангѣ. Здѣсь впереди укрѣпленныхъ позицій были заняты нами горы Дагушань и Сягушань. Къ сожалѣнію, горы эти не были укрѣплены даже въ полевомъ смыслѣ, хотя имѣли очень важное тактическое значеніе, т. к. стояли сейчасъ же предъ нашими укрѣпленіями и закрывали собою разстилавшіяся предъ ними долины. Это второй случай, что наши руководители плохо оцѣнивали значеніе и выборъ позицій, чѣмъ японцы удивительно ловко пользовались. На занятіе этихъ горъ и была направлена атака японцевъ. Бой начался 25 іюля утромъ и продолжался 26 числа. Первоначально была открыта сильная канонада по этимъ горамъ, на которую отвѣчала почти половина нашихъ ближайшихъ къ нимъ фортовъ, сосредоточивая самый сильный сконцентрированный огонь на долинѣ впереди Да-

гушаня, имѣвшаго два—три орудія и занятаго всего двумя—тремя ротами; въ этомъ бою нѣкоторую помощь оказали намъ мипоносцы и «Бобръ», стрѣлявшіе изъ бухты Тахе. 26 іюля штурмующая колонна непріятеля двинулась по долинѣ между Дагушанемъ и Сягушанемъ, но была встрѣчена такимъ адскимъ огнемъ, что японцы не выдержали, разорвали колонну и одна часть ея отошла къ Дагушаню, а другая прикрылась Сягушанемъ; устроившись и обойдя эти горы, эти части вновь соединились и двинулись на Дагушань подъ самымъ сильнымъ огнемъ. Долго держались стрѣлки 16-го полка, но огонь пулеметовъ и залповый ружейный заставилъ ихъ отступить. Японцы, прогнавъ защитниковъ съ вершины, не могли и сами занять ее, благодаря адскому артиллерійскому огню, сосредоточенному на этой вершинѣ. Потери японцевъ были громадны, наши же совершенно были незначительны.

Съ 26 іюля и для города наступаютъ черные, ужасные дни, прекратившіе безопасность и спокойствіе жителей. Съ этого дня началась бомбардировка города, производившаяся потомъ ежедневно днемъ и почью во всякое время и ставившая въ опасность жизнь каждаго ежеминутно. Всѣ невольно встрепенулись и многіе бросились въ заранѣе приготовленные блиндажи. Обстрѣливался преимущественно портъ и броненосцы, стоявшіе въ бухтѣ. 26 іюля снарядъ попалъ въ «Цесаревича» и осколками было убито два кочегара и раненъ въ палецъ адм. Вптгефтъ. Эта же бомбардировка продолжалась и 27 іюля, принявъ болѣе энергичный характеръ. Снаряды чрезвычайно удачно ложились въ порту и означеннаго числа ими былъ зажженъ складъ морского вѣдомства съ масломъ и углемъ. Этотъ пожаръ, видимо, подогрѣлъ энергію японцевъ и они массировали болѣе частый огонь вокругъ пожара, лишая тѣмъ возможности тушить. Пожаръ съ громаднымъ столбомъ дыма и съ прорывающимися изъ зданія языками пламени, въ связи съ грохотомъ рвущихся вокругъ снарядовъ, производилъ потрясающее впечатлѣніе. Въ тотъ же день, 27 іюля, мнѣ по дѣламъ службы необходимо было отправиться въ городъ; переѣзжая бухту, осыпавшуюся въ то время снарядами, становилось невыносимо жутко,

а видъ пожара, возлѣ котораго не было ни одной души, наводилъ на очень грустныя мысли въ отношеніи нашего будущаго; вдругъ одинъ изъ снарядовъ разорвался въ 50-ти шагахъ отъ лодки, поднявъ громадный столбъ воды; лодка сильно качнулась, но я и лодочникъ отдѣлались только невольнымъ испугомъ. Изъ города я поѣхалъ на батарею лит. А, предъ которой находились взятыя японцами горы Дагушань и Сягушань. Было 11 часовъ дня и въ то время стрѣлки подготовлялись къ отбитію ихъ у непріятеля; артиллерійскій огонь былъ уже открытъ. Взятіе этихъ горъ японцами ставило наши ближайшія укрѣпленія въ очень опасное и тяжелое положеніе, т. к. поставивъ на этихъ горахъ батареи, японцы могли фланкировать наши батареи и сдѣлать ихъ совершенно негодными къ бою въ самое короткое время; съ другой стороны, горы эти закрывали отъ нашихъ батарей долины, въ которыхъ непріятель собиралъ и устраивалъ колонны для штурма на нашемъ правомъ флангѣ, какъ я это указалъ выше.

Отбить обратно эти горы было приказано тѣмъ же ротамъ 16-го полка, отступившимъ съ нихъ безъ приказанія, чѣмъ и дать имъ возможность «хотя нѣсколько искупить свою оплошность» (пр. № 478). Назначенный штурмъ однако не состоялся и, какъ я узналъ, потому только, что удержать эти горы въ нашихъ рукахъ не было возможности за отсутствіемъ на нихъ укрѣпленій, почему найдено болѣе цѣлесообразнымъ, путемъ постояннаго обстрѣла ихъ, не давать и непріятелю укрѣпиться на нихъ. Первый такой обстрѣлъ и состоялся въ 10 часовъ того же вечера, явившій одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ ночной бомбардировки, въ которой приняли участіе береговыя и мортирныя батареи, при освѣщеніи горъ ракетами; продолжалась она всего два часа, но полагаю, что отъ такой стрѣльбы не только на этихъ горахъ, но и за ними не осталось ни одного японца. Этотъ сильный огонь указалъ японцамъ положительную невозможность и съ ихъ стороны укрѣпиться на этихъ горахъ, почему онѣ пока и оставались нейтральными для обѣихъ сторонъ.

Послѣдовавшее вскорѣ взятіе японцами Угловой горы на лѣвомъ флангѣ заключило крѣпость въ тѣсныя рамки обороны

укрѣпленій, потеря которыхъ могла влечь за собою и потерю крѣпости, т. к. далѣе некуда было отступать.

Съ этого времени защита крѣпости вступаетъ въ новый фазисъ: душей защиты и распорядителемъ становится Комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ. До сихъ поръ мы только отступали, оставляя позиціи почти безъ боя, за исключеніемъ битвы на Зеленыхъ горахъ; теперь же отступленіе сдѣлалось невозможнымъ.

День 28 іюля знаменателенъ для всѣхъ насъ артурцевъ: около 10 часовъ утра нашъ флотъ, починившись во второй разъ, собрался и неожиданно для всѣхъ вышелъ на внѣшній рейдъ. Передавали, что ему Высочайше повелѣно пробиться во Владивостокъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ мною отъ многихъ компетентныхъ лицъ, Высочайшее повелѣніе состоялось на донесеніе Намѣстника, что Артуръ держаться долго не можетъ и скоро долженъ пасть, почему необходимо спасать честь флота, отдавъ ему приказъ пробиться во Владивостокъ. Если это такъ, то Намѣстникъ окончательно велъ флотъ къ погибели, лишивъ и Артуръ кое-какой помощи его.

Эскадра выступила въ такомъ порядкѣ: во главѣ шелъ «Цесаревичъ», какъ флагманское судно, за нимъ слѣдовали «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Севастополь» и «Полтава»; изъ крейсеровъ пошли «Аскольдъ», «Новикъ», «Паллада», «Діана», а также девять миноносцевъ и лазаретъ Краснаго Креста «Монголія». Съ эскадрой уѣхали и дамы, изъ коихъ однѣ на «Монголіи», а другія на броненосцахъ. Это вышло уже очень по домашнему, т. к. плаваніе дамъ на боевыхъ судахъ, да еще въ военное время, безусловно и строго воспрещено закономъ; измѣнить послѣдній, безъ особаго разрѣшенія Государя, никто не могъ, а таковаго не было. Отъѣздъ съ эскадрой дамъ знаменовалъ собою безвозвратный уходъ.

Эскадра взяла курсъ на SW (къ островамъ Мяо-Дао), а затѣмъ повернула на S, къ берегамъ Шантунга. Каждый изъ насъ молился мысленно, прося Бога помочь ей пробиться благополучно

сквозь непріятельскую эскадру, суда которой на горизонтѣ, видимо, засуетились и заметались. Утромъ 29 іюля, какъ громомъ, я былъ пораженъ извѣстіемъ о возвращеніи изъ-за острова Кепа въ 5-ть часовъ броненосца «Ретвизана» съ однимъ миноносцемъ, ставшаго на якорь у входа въ бухту.

Я тотчасъ же отправился на батарею, гдѣ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: у входа въ портъ дѣйствительно на якорѣ стоялъ «Ретвизанъ»; около 9 часовъ утра противъ входа въ портъ на рейдѣ показался «Севастополь», трубы котораго были попорчены и замѣтны пробоины въ правомъ борту; вскорѣ со стороны острововъ Мяо-Дао показались броненосцы «Пересвѣтъ», «Побѣда» и «Полтава» съ тремя миноносцами; эти послѣдніе вели перестрѣлку съ преслѣдовавшими ихъ непріятельскими судами *). У броненосцевъ трубы были испорчены, въ особенности на «Пересвѣтѣ», который не имѣлъ и мачтъ.

Всѣ эти суда остановились первоначально на рейдѣ, а потомъ съ началомъ прилива постепенно вошли въ бухту и стали на якорь. Приходъ ихъ въ такомъ безпорядкѣ и въ истерзанномъ видѣ ничего отраднаго не предвѣщалъ, а въ особенности когда въ тотъ же день узнали, что у всѣхъ броненосцевъ, не исключая и «Ретвизана», правые борты совершенно разбиты и исправить ихъ невозможно; на «Полтавѣ», кромѣ того, оказалась поврежденной поворотная башня, 6″ орудіе перебито по поламъ, а другое подбито.

По собраннымъ мною многочисленнымъ свѣдѣніямъ отъ различныхъ лицъ съ крейсеровъ и броненосцевъ, произошло все дѣло такъ: выйдя въ открытое море, эскадра направилась на югъ къ берегамъ Шантунга, съ цѣлью пробиться во Владивостокъ; во главѣ эскадры шелъ флагманскій броненосецъ «Цесаревичъ», а за нимъ въ кильватерной колоннѣ слѣдовали броненосцы, какъ это указано выше; крейсеры шли лѣвѣе и нѣсколько впереди колонны броненосцевъ, а впереди крейсеровъ развернутымъ фронтомъ слѣдовали

*) По свѣдѣніямъ другихъ, «Пересвѣтъ», «Побѣда» и «Полтава» имѣли орудія заряженными сегментными снарядами, которыя могли быть разряжены только выстрѣлами; эти-то выстрѣлы и были приняты за отраженіе атаки миноносцами.

миноносцы. Миляхъ въ ста отъ Артура непріятельская эскадра, состоявшая изъ четырехъ броненосцевъ, шести крейсеровъ и около 30 миноносцевъ,—перерѣзала курсъ нашей эскадрѣ, по разсказамъ однихъ,—по кормѣ, по разсказамъ другихъ,—по носу, и начала идти параллельно нашей колоннѣ броненосцевъ тоже въ кильватерной колоннѣ, въ разстояніи 9—10 верстъ; но въ этой колоннѣ шли только четыре броненосца и два бронированныхъ крейсера; остальные же крейсеры слѣдовали лѣвѣе хвоста нашей колонны, а миноносцы охватили ея хвостъ. Вскорѣ японскіе броненосцы взяли курсъ какъ бы на перерѣзъ нашей эскадрѣ, начавъ постепенно тѣснить ее къ берегамъ Кореи; когда же обѣ эскадры сблизились на восемъ верстъ, «Цесаревичъ» далъ выстрѣлъ и завязалась перестрѣлка, перешедшая потомъ въ страшную орудійную канонаду; въ это время было замѣчено, что «Севастополь» и «Полтава», какъ имѣвшіе сравнительно не большой ходъ, отстали отъ эскадры.

Вскорѣ непріятельскіе броненосцы сосредоточили почти весь свой огонь на «Цесаревичѣ», который продолжалъ идти по первоначальному курсу съ такой же быстротой. Огонь былъ до того сильный, что почти въ полчаса «Цесаревичъ» остался безъ трубъ и были сбиты его мачты, а также замѣтно было по неправильному его движенію, что повреждены у него и рулевыя приспособленія; но благодаря особенному устройству его винтовъ, онъ могъ обходиться и безъ нихъ *). Когда же 12″ снарядъ попалъ въ его рубку и разрушилъ послѣднюю, то «Цесаревичъ» такъ быстро и круто повернулъ на лѣво-кругомъ, что всѣ дрогнули, предположивъ въ началѣ, что онъ тонетъ, т. к. при этомъ поворотѣ онъ сильно качнулся. Видя однако его правильный обратный ходъ, предположили, что онъ повернулъ защитить отставшихъ въ хвостѣ колонны «Севастополь» и «Полтаву», почему за нимъ сдѣлалъ поворотъ и «Ретвизанъ»; въ этотъ же моментъ съ «Цесаревича» былъ поданъ сигналъ «принять командованіе эскадрой «Пересвѣту», на которомъ

*) Такое устройство винтовъ присуще каждому двухвинтовому судну; работая винтами однимъ впередъ, а другимъ назадъ,—возможно разворачиваться на мѣстѣ.

находился старшій послѣ адм. Витгефта князь Ухтомскій,—флагманъ Тихоокеанской эскадры. Догадавшись, что на «Цесаревичѣ» произошло несчастье и что необходимо спасать всю эскадру, «Ретвизанъ» дѣлаетъ быстрый поворотъ къ непріятельскимъ броненосцамъ и открываетъ по нимъ страшный губительный огонь съ обоихъ бортовъ. Это движеніе «Ретвизана» было такой неожиданостью для непріятеля, что онъ дрогнулъ и потерялъ строй. Многіе увѣрены, что если бы остальные наши броненосцы поступили также и послѣдовали примѣру «Ретвизана», то японцы были бы истреблены. По разсказу всѣхъ, «Ретвизанъ» дрался какъ левъ, не давая непріятелю прійти въ себя. Но это былъ одинъ моментъ, которымъ кн. Ухтомскій не съумѣлъ воспользоваться, чтобы одержать побѣду и, растерявшись, далъ сигналъ разсыпаться броненосцамъ и крейсерамъ и защищаться каждому отдѣльно («спасайся, кто куда можетъ»).

Адм. Того, узнавъ объ этомъ сигналѣ въ тотъ моментъ, когда готовился самъ дать сигналъ объ отступленіи, немедленно возстановилъ свой строй, сосредоточивъ огонь на «Ретвизанѣ», и далъ сигналъ миноносцамъ начать немедленно минную атаку.

По сигналу кн. Ухтомскаго всѣ суда разбѣжались въ стороны и прибыли порознь въ Артуръ благодаря тому только, что финалъ послѣдовалъ уже въ темнотѣ, около 11 часовъ ночи; самое же сраженіе началось около 4 часовъ вечера.

По разсказу одного офицера съ «Паллады», когда снарядъ попалъ въ трубу «Цесаревича» и сбилъ ее, то изъ отверстія для трубы пошелъ такой сильный дымъ и паръ, что всѣ предположили на немъ пожаръ; когда же «Паллада» ночью пробиралась къ Артуру, то увидѣли по тому же курсу двигавшагося «Цесаревича», который шелъ очень медленно и раскачивался; почему, при помощи рупора, между «Палладой» и «Цесаревичемъ» зашелъ разговоръ, кому идти впередъ; но, прибавилъ разсказчикъ, «Паллада» не распрашивала «Цесаревича» о серьезности его поврежденій, о потеряхъ, о необходимости подать помощь, т. к. это было бы *противъ этикета*. Не знаю, существуетъ-ли такой *этикетъ* въ

морскомъ вѣдомствѣ при несчастьяхъ, но такое заключеніе разсказчика возмутило многихъ; слѣдовательно, если бы «Цесаревичъ» черезъ 3—4 минуты пошелъ ко дну, а за это время можно было бы выяснить его состояніе и м. б. помочь ему, то морской этикетъ предписывалъ допустить затонуть судно, но не оказать ему помощи. Далѣе, по разсказу того же офицера, «Цесаревичъ», идя впереди, повернулъ влѣво и скрылся въ темнотѣ; почему явилось предположеніе, что онъ или пошелъ на югъ и пробился, или же затонулъ.

Все это произвело на насъ потрясающее впечатлѣніе. Только впослѣдствіи мы узнали, что «Цесаревичъ» добрался до Цвинтау (Кіао-Чау)—германскій портъ, гдѣ и началъ разоружаться, а весь экипажъ его сталъ военно-плѣннымъ Германіи; «Аскольдъ» пробѣжалъ въ Шанхай, а «Діана» въ Сайгонъ, гдѣ также разоружились; бѣдняжка же храбрый «Новикъ» добѣжалъ до береговъ Сахалина, преслѣдуемый непріятелемъ, и тамъ сложилъ свои кости, затопивъ самъ себя. Понесли-ли японцы потери и какія именно,—было неизвѣстно; впослѣдствіи мнѣ пришлось прочитать, что они будто бы потеряли три крейсера. На сколько это вѣрно,—не знаю, но вся наша эскадра стоила дороже послѣднихъ.

Здѣсь считаю долгомъ дать русскому обществу свѣдѣнія о судьбѣ славнаго героическаго «Новика» и его экипажа, хорошо мнѣ извѣстнаго еще изъ Владивостока, который я любилъ навѣщать, будучи въ Артурѣ, уже въ бытность командиромъ его славнаго боевого офицера кап. II ранга Шульца. Токійскій кор. «Times» даетъ такую характеристику «Новику». «Едва-ли какое другое событіе въ теченіе этой весны привлекло къ себѣ въ Японіи бо́льшее вниманіе, чѣмъ судьба «Новика». Маленькій крейсеръ своими блестящими подвигами совершенно завоевалъ сердца своихъ противниковъ. Начиная съ перваго морского боя 27 января, когда онъ отважно вышелъ изъ рядовъ своихъ болѣе могучихъ товарищей и устремился на японскую эскадру, чтобы подойти къ ней на дистанцію, съ которой могъ доставать до непріятеля изъ своихъ маленькихъ пушекъ, «Новикъ» подъ командой кап. Эссена отли-

чился, по крайней мѣрѣ, шесть разъ. При этомъ онъ ни разу не понесъ сколько нибудь серьезныхъ поврежденій. Онъ казался какъ бы *заколдованнымъ*. И не разъ японскіе моряки благословляли судьбу свою, что имъ приходилось имѣть дѣло только съ однимъ «Новикомъ»,—иначе вся судьба морской кампаніи могла быть совершенно иною. Многимъ онъ былъ обязанъ своему быстрому ходу, дѣлая по 26 миль въ часъ; но дѣло не въ одной скорости. Крейсеромъ командовалъ офицеръ, который съумѣлъ блестяще использовать морскія качества своего маленькаго судна, именно—кап. Шульцъ. Замѣчательныя способности этого офицера до сихъ поръ вызываютъ въ морскихъ кругахъ Японіи открытое восхищеніе».

28 іюля, выйдя изъ боя безъ поврежденій, онъ пошелъ во Владивостокъ, взявъ курсъ вокругъ Японіи и имѣя намѣреніе пройти черезъ Лаперузовъ проливъ. Около Корсаковска, на Сахалинѣ, онъ былъ настигнутъ яп. кр. «Tsushima», съ которымъ вступилъ въ бой, повредилъ его, но и самъ былъ поврежденъ. Въ виду приближенія японской эскадры, онъ затопился на рейдѣ у Корсаковска, въ разстояніи 450 с. отъ берега. Подошедшій «Chitose» 7 августа разстрѣлялъ его видимую часть.

Японскій офицеръ о послѣднемъ боѣ «Новика» такъ разсказываетъ.—«Кр. «Tsushima» съ самаго начала исполнялъ исключительно патрульную службу и бой съ «Новикомъ» былъ его первымъ огневымъ крещеніемъ. Можно себѣ представить, какъ старались наводчики и какъ затѣмъ гордились, что имъ удалось повредить русскій крейсеръ, который, благодаря своей скорости и блестящему экипажу, принималъ столь выдающееся участіе во всѣхъ бояхъ, начиная съ января».

Да послужитъ славная память о «Новикѣ», его геройскомъ экипажѣ и командирахъ Эссенѣ и Шульцѣ образцомъ для нашего флота!

Еще до выхода эскадры 28 іюля, между моряками ходили слухи, что если японцы подойдутъ къ нашимъ послѣднимъ укрѣпленіямъ, то положеніе Артура сдѣлается безнадежнымъ, онъ безусловно попадетъ въ руки японцевъ, а потому флотъ заблаговре-

менно долженъ позаботиться спасти себя отъ безславной сдачи. Такому взгляду на неминуемую гибель Артура помогла иностранная пресса, которая трубила, что паденіе Артура ожидается со дня на день. Эскадра дѣйствительно вышла въ тотъ день, когда непріятель подошелъ вплотную къ послѣднимъ укрѣпленіямъ Артура и началъ бомбардировать уже портъ и бухты; почему полагаю, что такое рѣшеніе эскадры было основано на предписаніи Намѣстника, который, какъ я знаю, не сомнѣвался, что Артуръ будетъ взятъ японцами; вѣроятно, и самъ Намѣстникъ въ душѣ сознавалъ, что «Артурскихъ твердынь» не существовало на дѣлѣ; но, съ другой стороны, мнѣ кажется флотъ слишкомъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе, т. к. близкій подступъ японцевъ къ Артуру не рѣшалъ еще участи его; помогая же сухопутной арміи, флотъ могъ бы сильно содѣйствовать защитѣ Артура и даже отогнать японцевъ на дальнія позиціи; онъ могъ по частямъ бить японскій флотъ, т. к. наша эскадра представляла изъ себя тогда довольно внушительную силу.

Вскорѣ начальникомъ эскадры Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ отважный и боевой капитанъ I ранга Вирен, командиръ славнаго «Баяна», произведенный въ адмиралы *).

1 августа предъ разсвѣтомъ японцы открыли наступленіе противъ нашего лѣваго фланга и объектомъ ихъ дѣйствій были горы Сиротка, Трехголовая и Полуншанъ, значительно выступавшія изъ общей линіи нашихъ позицій. Наступленіе японцевъ было отбито, благодаря очень сильно развитому огню нашихъ батарей лѣваго фланга. Не успѣвъ взять ихъ приступомъ, японцы рѣшили обойти нашъ лѣвый флангъ, съ каковою цѣлью, какъ я указалъ выше, нѣкоторая часть ихъ прорвалась отъ бухты Луизы къ бухтѣ

*) Встрѣтившись съ адмираломъ Вирономъ послѣ сдачи крѣпости на пути въ Японію въ Дальнемъ, я лучше узналъ его и оцѣнилъ, и увѣренъ, что если бы 28 іюля была ему ввѣрена эскадра, то онъ несомнѣнно привелъ бы ее во Владивостокъ или же большая часть эскадры Того не существовала бы. Дѣйствія «Баяна»—лучшій аттестатъ отваги и знаній морского дѣла адм. Вирономъ. Въ этомъ много была виновата наша система назначеній по старшинству, а не по способностямъ и знаніямъ.

Голубиной; шли они по вязкому дну Луизы во время отлива, почему многіе изъ нихъ были перебиты; тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть ихъ достигла Голубиной бухты и утвердилась тамъ. Это было 2 августа и къ ночи этого числа бой прекратился, закончившись взятіемъ этихъ горъ и части Полуншана. Съ занятіемъ этихъ пунктовъ, а на правомъ флангѣ Дагушаня и Сягушаня, японцы сомкнули кольцо вокругъ Артура.

3 августа изъ передовыхъ японскихъ постовъ показались парламентеры съ бѣлымъ флагомъ. Огонь былъ немедленно остановленъ и на встрѣчу имъ высланъ начальникъ штаба укрѣпленнаго раіона полк. Рейсъ, которому японскій маіоръ Ямоото передалъ два пакета,—одинъ на имя ген. Стесселя, другой командующему нашей эскадрой.

Пакетъ на имя ген. Стесселя заключалъ въ себѣ предложеніе сдать крѣпость; оно было написано на японскомъ языкѣ съ приложеніемъ перевода на англійскомъ и подписано Командующимъ Арміей Ноги и адмираломъ Того. Содержаніе предложенія такое: «Защитники Артура удивили своей беззавѣтной храбростью не только японцевъ, но и весь міръ. Такъ какъ Артуръ дольше держаться не можетъ, то, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, предлагаемъ сдать его. Отвѣта будемъ ожидать до первой минуты одинадцатаго часа слѣдующаго дня».

Для отвѣта былъ собранъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ген. Стесселя, изъ Коменданта крѣпости ген. Смирнова и командующаго эскадрой кн. Ухтомскаго. Отвѣтъ былъ посланъ на японскомъ языкѣ, съ приложеніемъ перевода на французскомъ, приблизительно такого содержанія: «Ни честь, ни достоинство Россіи не позволяютъ не только сдать Артуръ, но и вести какіе-либо переговоры о сдачѣ крѣпости». Въ то же время ген. Смирнову было донесено, что японцы, пользуясь пріостановкой огня по случаю прибытія парламентеровъ, за деревней Сюйшуинъ строятъ укрѣпленія; почему онъ немедленно передалъ по телефону полк. Рейсу предупредить Ямоото, что если эти работы не будутъ немедленно пріостановлены, то батареи откроютъ огонь. Такъ какъ во время передачи отвѣта

работы также продолжались, то Ямоото возвратился обратно подъ громъ нашихъ орудій. Говорятъ, что одинъ изъ членовъ совѣта предлагалъ вмѣсто отвѣта открыть самый сильный огонь изъ всѣхъ батарей; но другіе члены признали необходимымъ соблюсти международную вѣжливость и послали означенный выше отвѣтъ.

Такъ какъ Ямоото привезъ одновременно пакетъ такого же самаго вида и на имя начальника эскадры, то полагали, что содержаніе его тождественно съ письмомъ ген. Стесселю и касается сдачи флота; между тѣмъ, оказалось, что въ этомъ пакетѣ заключались условія относительно вывоза изъ Артура женщинъ, дѣтей, священниковъ. Они были таковы: «Всѣхъ этихъ лицъ собрать и препроводить въ дер. Сюйшуинъ, гдѣ и должна состояться передача ихъ японцамъ». При разрѣшеніи этого вопроса на совѣтѣ, ген. Стессель и кн. Ухтомскій выразили желаніе согласиться на эти условія, но Комендатъ рѣшительно протестовалъ противъ принятія ихъ и предложилъ категорическій отказъ. Мотивъ къ этому былъ слѣдующій: т. к. дер. Сюйшуинъ была расположена впереди всѣхъ нашихъ позицій и на виду ихъ, то ген. Смирновъ въ условіяхъ японцевъ запримѣтилъ желаніе ихъ воздѣйствовать на духъ нашихъ войскъ; въ самомъ дѣлѣ, сдача японцамъ на виду всего гарнизона священниковъ, такъ цѣнимыхъ при нашихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, также,—трогательная и раздирающая картина прощанья мужей съ женами и дѣтьми на глазахъ того же гарнизона подѣйствовала бы на послѣдній угнетающимъ образомъ и на столько, что была бы равноспльна сдачѣ половины Артура. Въ виду этого очень основательнаго мотива остальные члены вполнѣ согласились съ Комендантомъ и отвѣтъ былъ данъ также отрицательный.

Присылка письма о сдачѣ Артура пролетѣла электрической искрой по всему гарнизону и не только не встревожила послѣдній, но наоборотъ, возбудила всеобщій энтузіазмъ, т. к. предложеніе о сдачѣ крѣпости почему-то было истолковано въ смыслѣ слабости войскъ ген. Ноги овладѣть Артуромъ силою.

Съ этого момента Артурскій гарнизонъ вступаетъ въ страшную борьбу на жизнь и смерть, въ борьбу, покрывшую его не-

увядаемой славой и окружившую его по истинѣ ореоломъ и лаврами героизма.

IX.

Оборона крѣпости, съ отказомъ на предложеніе ген. Ноги сдать ее, юридически и фактически переходитъ въ руки Коменданта,—К. Н. Смирнова.

Съ именемъ послѣдняго навсегда и неразрывно будетъ связана исторія этой великой, славной и героической борьбы, случайно и по недоразумѣнію перенесенной на ген. Стесселя. Не смотря на отданный послѣднимъ приказъ, что *главное руководство* по оборонѣ крѣпости онъ *оставляетъ за собою*,—это руководство фактически осталось въ рукахъ ген. Смирнова какъ Коменданта; ген. же Стессель только монополизировалъ право отдавать приказы о славныхъ подвигахъ гарнизона, благодаря чему, въ особенности въ Россіи, многіе были увѣрены, что онъ дѣйствительно держитъ въ своихъ рукахъ *главное руководство* этой обороной.

Правда, около этого времени ген. Стессель *очень смирился* и въ отношеніи Коменданта велъ себя чрезвычайно корректно; къ удивленію многихъ онъ даже заговорилъ о томъ, что задача раіона закончена, а защита крѣпости есть дѣло Коменданта. Такое *смиреніе* дало поводъ нѣкоторымъ даже измѣнить сложившееся о немъ мнѣніе какъ объ узурпаторѣ и они заблаговременно начали приписывать ему нѣкоторую долю справедливости и уваженія къ закону.

Перемѣна эта однако была временной и произошла вслѣдствіе указанной выше «нахлобучки», выразившейся въ слѣдующемъ. Во второй половинѣ іюня ген. Стессель одновременно получилъ три депеши,—двѣ отъ ген. Куропаткина и одну отъ адм. Алексѣева. Въ послѣдней Намѣстникъ категорически предписывалъ ему не вмѣшиваться въ дѣла флота и по-человѣчески обращаться съ жителями. Въ одной изъ депешъ ген. Куропаткинъ сдѣлалъ ему рядъ замѣчаній по поводу его дѣятельности въ предѣлахъ раіона, именно,—что онъ не выполнилъ мобилизаціоннаго плана по сбору

скота въ раіонѣ, вслѣдствіе чего гарнизону пришлось уменьшить уже теперь питаніе и перейти на солонину и консервы въ уменьшенной порціи; указано было также, что одинъ только 5-й полкъ дрался въ Кинчжоу противъ цѣлой непріятельской арміи и т. д.; другой ему предписывалось сдать командованіе ген. Смирнову и немедленно же выѣхать въ Ляоянъ, не стѣсняясь выборомъ для сего военнаго судна. Копія этого предписанія была имъ получена и на имя Коменданта, которую ген. Стессель *скрылъ* и послѣднему ее *не передалъ;* генералу же Куропаткину донесъ, что онъ выѣдетъ по полученіи второго предписанія, ибо, *по его мнѣнію, П.-Артуръ безъ него немедленно падетъ.* Пока былъ полученъ отвѣтъ,—непріятель подошелъ къ крѣпости, послѣдовалъ первый и самый ужасный (августовскій) штурмъ, отбитіе котораго приписали Стесселю, благодаря очень удачно отданнымъ имъ приказамъ, послѣ чего на него посыпались награды и объ отозваніи забыли.

Поздравленіе его во второй половинѣ августа съ назначеніемъ «Генералъ-Адъютантомъ», а вслѣдъ затѣмъ и награжденіе орденомъ Георгія 3-й ст.,—прикончило безоблачный періодъ самой усиленной и плодотворной дѣятельности Коменданта; съ этихъ поръ вновь начинается вмѣшательство ген. Стесселя во всѣ отдѣлы по управленію крѣпостью, но въ болѣе интенсивной степени и являлось всегда пристрастнымъ и исходившимъ изъ личныхъ цѣлей. Продолжалось оно уже безъ перерыва вплоть до сдачи крѣпости.

4 августа, по полученіи отвѣта, японцы открыли огонь по бухтѣ и городу и обстрѣливали часа два; наши батареи отвѣчали изрѣдка, подготовляя себя съ минуты на минуту къ страшному штурму. Такая же стрѣльба продолжалась по порту и городу 5 августа, постепенно усиливаясь къ вечеру, въ который съ нами случилось маленькое несчастье: наша канонерка «Гремящій» по дорогѣ отъ Лѣотѣшана къ порту наскочила на мину и спустя $^1/_2$ часа пошла ко дну; офицеры и матросы были спасены. Такъ какъ мы привыкли къ такимъ явленіямъ съ судами нашего флота и видали не такіе виды, то погибель «Гремящаго» и не возбудила особаго вниманія.

Наконецъ, наступило 6 августа, день Преображенія Господня.

Я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на *первомъ* и самомъ *жестокомъ августовскомъ штурмѣ*, въ которомъ японцы надорвали силы, почти упразднивъ свою армію на веркахъ крѣпости. Этотъ штурмъ имѣлъ громадное значеніе на всю остальную оборону ея.

Ген. Смирновъ, находя наиболѣе слабо укрѣпленнымъ сѣверо-восточный фронтъ нашей позиціи, предположилъ, въ чемъ и не ошибся, что ген. Ноги попробуетъ пробиться съ этой стороны; въ виду этого, руководителемъ по оборонѣ западнаго фронта, болѣе сильнаго,—онъ назначилъ ген. Кондратенко, восточный же взялъ непосредственно въ свои руки.

Около 5 часовъ утра этого дня рѣдкая стрѣльба, не прекращавшаяся всю ночь, приняла характеръ канонады. Всѣ были увѣрены и не ошиблись, что начинается давно ожидаемый штурмъ нашихъ фортовъ и укрѣпленій. Особенно сильно массировался огонь на Угловой, Длинной и редутахъ—Водопроводномъ, Кумирнскомъ и №№ 1-й и 2-й; въ то же время стрѣльба производилась и по городу, въ особенности по расположенному у Перепелочной горы нашему арсеналу. Продолжаясь непрерывно цѣлый день, канонада еще болѣе усилилась къ вечеру. Наконецъ, около $6^1/_2$ часовъ вечера, мѣткой стрѣльбой японцамъ удалось взорвать въ арсеналѣ складъ нашихъ дистанціонныхъ трубокъ и китайскихъ старыхъ патроновъ. Взрывъ былъ грандіозный, послѣ чего начался пожаръ. Когда совершенно стемнѣло,—представилась чудная картина съ батареи № 9. Зарево пожара, освѣтившее часть небосклона и усиливавшееся порывами бывшаго тогда сильнаго вѣтра, непрерывно рвущіеся снаряды въ порту и городѣ, страшный гулъ канонады, безпрерывное освѣщеніе непріятельскаго фронта ракетами—дѣлало ее страшной и интересной.

Имѣвшаяся на указанныхъ укрѣпленіяхъ артиллерія была уже подбита, блиндажи большей частью завалены, а брустверы ихъ на нѣкоторомъ протяженіи срыты. Ночью на 7 августа послѣдовала атака на Угловую, Водопроводный и Кумирнскій редуты. При атакѣ на Угловую, наши герои артиллеристы и стрѣлки встрѣтили япон-

цевъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они дошли только до проволочныхъ заграждений, откуда отступили съ большими потерями. Оправившись и разрушивъ заграждение при помощи саперовъ, японцы вновь повели атаку, но она была отбита съ такимъ же успѣхомъ и еще съ большими потерями (до 2 т. чел.). На другой день, 7 августа, за неимѣніемъ закрытій, стрѣлки наши оставили Угловую, на которой не б. возможности держаться за сплою адскаго огня противника; но и японцы не заняли ее по той же причинѣ, почему она осталась для нихъ тѣмъ же, чѣмъ былъ и Дагушань. Кумирнскій редутъ самостоятельно отбилъ всѣ атаки и за ночь исправилъ поврежденія; Водопроводный же на половину былъ занятъ японцами, а также и дер. Сюйшуинъ. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ полк. Семенова, ген. Смирновъ приказалъ во чтобы то ни стало возвратить редутъ и направить туда весь частный резервъ,ославъ тотчасъ же на помощь изъ общаго резерва 2 роты (Квантунскаго экипажа и 15 полка).

Занятіе деревни Сюйшуинъ также было для насъ очень опасно, т. к. отсюда рукой подать до города; почему ген. Смирновъ приказалъ со всѣхъ батарей сосредоточить огонь на этой деревнѣ, а въ томъ числѣ произвести стрѣльбу и береговой батареѣ № 9. Такъ какъ съ послѣдней дер. Сюйшуинъ была видна какъ на ладони, то я отправился на батарею и, вооружившись биноклемъ, смотрѣлъ на эту страшную бойню. Трудно себѣ даже представить ту адскую картину, которую изображала въ этотъ моментъ деревня; въ нее ежеминутно влетали сотни нашихъ снарядовъ и дымъ отъ разрыва заволакивалъ видъ ея; это былъ ураганъ огня и желѣза. Къ вечеру японцевъ удалось выгнать изъ деревни.

Съ своей стороны, полк. Семеновъ направилъ въ контръ-атаку пограничниковъ, которые ударили такъ стремительно, что японцы окончательно были выбиты изъ редута, а засѣвшіе въ ближайшихъ лощинахъ были обращены въ бѣгство и истреблены огнемъ артиллеріи и пулеметовъ. Все это произошло въ первой половинѣ дня 7 августа и японцы понесли большія потери. Остальной день прошелъ въ усиленной бомбардировкѣ нашихъ позицій на протяженіи

всего фронта. Въ ночь на 8 августа японцы атаковали Полуншанскій редутъ и такъ стремительно, что защищавшая его рота 13-го полка подалась назадъ. Ген. Смирновъ, пригрозивъ командиру роты судомъ, если онъ не возвратитъ редута къ утру, приказалъ полк. Семенову подкрѣпить эту роту частнымъ резервомъ, направивъ туда же немедленно изъ общаго резерва еще двѣ роты. Эта контръатака была очень кровопролитна. Хотя этотъ редутъ и не былъ возвращенъ, но верки его были совершенно разрушены, а блиндажи истреблены огнемъ. Все таки позиціи на Полуншанѣ остались за нами, отодвинувшись отъ редута на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ.

Такъ обстояли дѣла на западномъ фронтѣ, но это была только демонстрація; главный же ударъ готовился на восточномъ фронтѣ, какъ и предполагалъ ген. Смирновъ.

Вся остальная ночь на 8-е августа прошла въ адскомъ огнѣ, особенно усилившемся въ нашемъ центрѣ, гдѣ разстрѣлу подверглись редуты №№ 1 и 2, люнетъ Куропаткина и батарея Орлиное гнѣздо съ фортомъ II. Вновь эта мѣстность освѣтилась ракетами и огласилась ревомъ нашихъ орудій, хотя сравнительно слабо; въ борьбѣ приняли участіе даже береговыя батареи и морская артиллерія. День 8 августа прошелъ въ такой же огненной агоніи, причемъ изъ Дальняго былъ вызванъ японцами послѣдній ихъ резервъ въ десять тысячъ. По поводу этого обстоятельства ген. Стессель отдалъ 8 августа за № 514 такой приказъ: «Отъ плѣннаго раненаго японца узнаю, что изъ Дальняго сюда прибылъ ихъ послѣдній резервъ до 10 тысячъ. Вы, славные защитники, держитесь уже долго противъ въ пятеро сильнѣйшаго врага; потери японцевъ громадныя, несоизмѣримо больше нашего; надо напрячь всѣ усилія, чтобы и послѣдніе ихъ резервы растрепать также, какъ Вы упразднили ихъ дивизіи. Надѣюсь на помощь Бога и на Вашу беззавѣтную храбрость». Дѣйствительно, потери японцевъ были ужасны; трупы ихъ облегали наши позиціи холмами, гдѣ также были и раненые, которыхъ они не убирали. Около 11 часовъ утра показался японскій воздушный шаръ сигарообразной формы; результатомъ этого поднятія было еще болѣе сильное дѣйствіе артиллерій-

скаго огня, сосредоточеннаго на Орлиномъ гнѣздѣ, гдѣ одно орудіе было сбито, другое подбито, а третье засыпано землей; отрыть его нельзя было за дѣйствіемъ сильнаго огня. На горизонтѣ моря видны были непріятельскія суда большого типа, которыя какъ коршуны ожидали момента броситься на Артуръ, при взятіи его съ суши.

Еще утромъ этого числа, когда ген. Смирновъ рекогносцировалъ восточный фронтъ съ Опасной горы, къ нему прибылъ начальникъ этого фронта ген. Горбатовскій, доложивъ, что по его мнѣнію подходитъ дѣло къ рѣшительному удару, что у него убыль войскъ отъ артил. огня очень большая, что войска его утомлены и истощены и что безъ сильныхъ подкрѣпленій нельзя противостоять.

Въ дѣйствительности наша артиллерія сильно пострадала и слабо отвѣчала на мощный огонь противника; борьбу велъ энергично только береговой фронтъ своими крупными орудіями, повернутыми въ сторону непріятеля; со стороны дер. Ліера и Ванцяндзы замѣтно было передвиженіе значительной части пѣхоты; но въ общемъ, по мнѣнію ген. Смирнова, можно было ожидать штурма не ранѣе ночи. Сдѣлавъ распоряженіе двинуть изъ казармъ 14-й полкъ и эшелонировать его у Большого Орлинаго Гнѣзда и питательнаго погреба *), ген. Смирновъ отдалъ въ то же время приказаніе снять съ судовъ морской дессантъ (6-ть ротъ въ 1200 чел.), который и сосредоточить у арсенала, въ блиндажахъ 9-го полка; ген. же Горбатовскому объявилъ, что къ 4-мъ часамъ будетъ къ тому пункту, который, по его мнѣнію, намѣченъ атакой и тамъ лично дастъ ему указанія по распредѣленію двинутыхъ въ помощь силъ.

Прибывъ ровно въ 4 часа на Скалистый кряжъ, ген. Смирновъ обнаружилъ большія силы непріятеля въ оврагахъ, направлявшіяся отъ дер. Уцзяфанъ—Вандзятунъ къ редутамъ №№ 1 и 2, Лит. Б. и форту II. Указавъ ген. Горбатовскому, гдѣ расположить части 14-го полка и роты морского дессанта, онъ распорядился

*) Это тотъ полкъ, въ высылкѣ котораго ген. Фокъ отказалъ, за что и былъ отрѣшенъ отъ командованія общимъ резервомъ.

поближе подойти подкрѣпленіямъ; послѣднія хотя подходили уже въ сумеркахъ, но убыль ихъ убитыми и ранеными дошла до 100 чел. Ночью на 9 августа дѣйствительно послѣдовала атака на редуты 1, 2 и Куропаткинскій люнетъ. Японцы шли беззавѣтно храбро, хотя и несли страшныя потери, въ особенности у проволочныхъ сѣтей, гдѣ трупы ихъ образовали холмы; это однако ихъ не останавливало и они, преодолѣвая страшныя препятствія, вновь смыкали ряды и шли.... шли до послѣдней возможности; но не дрогнули наши герои стрѣлки, засыпая ихъ пулями изъ ружей и пулеметовъ, а артиллерія сметая цѣлые ряды ихъ. Наконецъ японцы обезсилили и отступили съ большимъ урономъ; лишь немногіе изъ нихъ достигли люнета, оставивъ холмы труповъ у нашихъ позицій. Штурмъ былъ отбитъ съ честью, достойной русскаго солдата.

9 августа съ разсвѣтомъ японцы повторили штурмъ на редуты №№ 1 и 2 съ особенной силой, стремительностью и ожесточеніемъ. Въ началѣ успѣху помогла нѣкоторая часть ихъ, оставшаяся во рву редута № 1 еще съ ночного штурма, которая не могла своевременно отступить за силою нашего огня. Утромъ же она вступила въ жаркую рукопашную схватку съ нашими защитниками, въ особенности въ тотъ моментъ, когда одному изъ японскихъ офицеровъ удалось водрузить флагъ на брустверѣ. Защитники при этомъ до того воодушевились, до того вошли въ азартъ, что дрались не только прикладами, но камнями и даже кулаками. Четыре раза редуты переходили изъ рукъ въ руки; но ни мы, ни японцы удержаться на нихъ не могли, вслѣдствіе полнаго разрушенія брустверовъ и блиндажей и сильнаго сосредоточеннаго артил. огня то съ нашей, то съ японской стороны; на редутѣ № 2 произошелъ взрывъ и онъ почти весь былъ разрушенъ. Къ 3-мъ часамъ по полудни бой затихъ; редуты стали нейтральной зоной и защитники отошли за Китайскую стѣнку. Такъ геройски и самоотверженно исполнили свой священный долгъ солдаты и матросы.

9 августа японцы вновь демонстрировали на западномъ фронтѣ, атаковавъ Длинную гору, но были также отбиты съ честью подъ руководствомъ ген. Кондратенко. 10 же августа съ ранняго утра вновь

началась жестокая бомбардировка сѣв.-восточнаго фронта, сосредоточиваясь преимущественно на участкѣ за редутами №№ 1 и 2. Рекогносцируя съ Большой горы, ген. Смирновъ обнаружилъ большія силы въ оврагахъ Уцзяфана, почему съ наступленіемъ ночи подвинулъ къ Орлиному Гнѣзду послѣдній баталіонъ 14-го полка; въ общемъ резервѣ осталось только *двѣ роты*, находившіяся у Перепелочной горы, для прикрытія долины Лун-хе, почему ген. Смирновъ приказалъ предупредить флотъ о новой высылкѣ десанта въ 800 чел. Въ 11 ч. ночи послѣдовалъ жестокій штурмъ со стороны редутовъ 1 и 2, но былъ отбитъ съ большими потерями для обѣихъ сторонъ. Въ 2 ч. ночи штурмъ повторился съ еще большимъ ожесточеніемъ и силой; японцы овладѣли Китайской стѣнкой, но были вновь отбиты артиллеріей и штыками. Въ боевую линію вошли уже всѣ войска и были двинуты послѣднія двѣ роты общаго резерва. Въ 3 ч. ночи послѣдовалъ 3-й штурмъ; это былъ самый страшный и стремительный ударъ, благодаря которому японцы прорвались черезъ Китайскую стѣнку и полѣзли на Заредутную батарею. Картина этого величественнаго, грознаго и кровопролитнаго штурма дополнялась ослѣпительнымъ освѣщеніемъ при помощи нашихъ ракетъ со звѣздами и прожекторовъ. Положеніе становилось опаснымъ: одинъ моментъ промедленія и линія прорвана. Въ этотъ то моментъ и совершилось великое и грандіозное дѣло: ген. Смирновъ, собравъ всѣ имѣвшіеся у него остатки и усиливъ ихъ своевременно прибывшими двумя ротами изъ общаго резерва, ударилъ съ такой силой на непріятеля (контръ-атака), что онъ дрогнулъ, не выдержалъ и побѣжалъ; стрѣлками въ это время овладѣло прямо-таки безуміе, бѣшенство; силы ихъ какъ бы удесятерились противъ многочисленнаго врага, и на своемъ бѣшенно-стремительномъ пути они не встрѣчали уже преградъ, все предъ ними рушилось и обращалось въ прахъ; резервы японцевъ, скучившіеся между Китайской стѣнкой и Заредутной горой были разстрѣляны артиллеріей и разметаны стрѣлками, гдѣ остались горы труповъ. Это мѣсто было впослѣдствіи названо «Долиной смерти». Штурмъ былъ отбитъ съ большой славой, честью

и героизмомъ славной артиллеріей и героями защитниками, заслужившими высшую похвалу.

11 августа хотя и продолжался артил. бой, но уже гораздо слабѣе и окончательно затихъ ночью на 12 августа.

Такимъ образомъ, планъ ген. Ноги,—демонстрируя на нашемъ лѣвомъ флангѣ, нанести рѣшительный ударъ въ центрѣ позиціи и прорвать ее,—потерпѣлъ полное фіаско и разбился о русскую богатырскую грудь, благодаря мужеству гарнизона, хладнокровію и распорядительности героя Коменданта, генерала Смирнова.

Я подробно остановился на этомъ штурмѣ потому только, что послѣдующіе не имѣли уже той грандіозности и широкаго размаха, той силы, энергіи и воодушевленія. Въ этотъ штурмъ наши герои дѣйствительно упразднили японскую армію, съ такимъ воодушевленіемъ и героизмомъ шедшую на смертный бой.

Итакъ, войска наши съ честью выдержали непрерывный почти десятидневный страшный бой, сражаясь противъ цѣлой арміи. Потери японцевъ были такъ громадны, что отлогости нашихъ укрѣпленій буквально были завалены холмами ихъ труповъ, которыхъ они не позволяли убирать, стрѣляя по рабочимъ. Очевидно желаніе было сдѣлать невозможной жизнь на фортахъ при такомъ непріятномъ сосѣдствѣ; тѣмъ болѣе, жара стояла сильная, разложеніе наступало немедленно и воздухъ заражался страшнымъ зловоніемъ; къ счастью, вѣтеръ дулъ всегда отъ насъ къ японцамъ. Одно было непріятно,—это появленіе трупныхъ мухъ въ такомъ изобиліи, что не было отбоя. Въ эти 10 дней боя японцы потеряли до 25 т. По разсказу врача С...., въ разрытой кучѣ убитыхъ японцевъ на 4-й день былъ найденъ еще живымъ тяжело раненый японецъ, который немедленно взятъ и отправленъ въ госпиталь. Многіе устанавливаютъ тотъ фактъ, что японцы подбираютъ своихъ только легко раненыхъ; остальныхъ же или оставляютъ въ полѣ или добиваютъ ихъ. Безусловно также установленъ фактъ, что японцы по своимъ колоннамъ, идущимъ въ атаку и дрогнувшимъ, начинаютъ стрѣлять шрапнелью и изъ пулеметовъ, подгоняя ихъ. Всѣ плѣнные японцы разсказываютъ объ этомъ, а

перебѣжчики—японцы увѣряли, что имъ грозятъ смертью, если они будутъ отступать, почему оставалось одно—идти на штурмъ, гдѣ также ожидала смерть. Побужденіе къ атакѣ путемъ подстрѣливанія своихъ повело за собою бунтъ японцевъ противъ бригаднаго генерала, изобрѣвшаго это средство, котораго они зарѣзали. Это обстоятельство также подтверждается свидѣтельствомъ японцевъ и китайцевъ.

Многіе японцы, взятые въ плѣнъ, были увѣрены, что русскіе ихъ немедленно разстрѣляютъ и спрашивали, скоро-ли ихъ «кантоми»; когда же узнали, что ихъ стрѣлять не будутъ, а будутъ лѣчить, то сначала не повѣрили этому, а убѣдившись, повеселѣли и сдѣлались разговорчивыми.

10 Августа случилось съ нами несчастье на морѣ. Въ бухтѣ Сяобиндао и около Тахе скопилось много японскихъ миноносокъ; съ цѣлью отогнать ихъ, утромъ означеннаго числа вышелъ на рейдъ броненосецъ «Севастополь», который въ сопровожденіи трала и направился къ нимъ, открывъ огонь. Нужно было видѣть только, какъ поспѣшно вся эта мелочь начала удирать при видѣ нашего броненосца. Но въ этой экскурсіи онъ дважды наскочилъ на мины, изъ которыхъ послѣдняя причинила ему носовое поврежденіе; вскорѣ онъ благополучно прошелъ въ бухту.

Бой съ 3—12 августа въ значительной степени поднялъ духъ гарнизона, понесшаго сравнительно небольшія потери. Хотя мы и отступили съ Угловой и съ редутовъ №№ 1-й и 2-й, но это нисколько не ослабило духа войскъ; у каждаго сложилось убѣжденіе, что Артуръ отстоимъ до подхода подкрѣпленій; что духъ японцевъ ослабѣлъ и что они идутъ въ атаку не съ такимъ уже рвеніемъ, какъ въ началѣ. Каждый почему то былъ убѣжденъ въ томъ, что прійдетъ же когда нибудь ген. Куропаткинъ на помощь или по крайней мѣрѣ окажутъ ее снарядами.

У всѣхъ только и былъ разговоръ о самой скорой помощи. Помню маленькій эпизодъ на эту тему, случившійся со мною еще 9 августа. Взойдя на одну изъ заброшенныхъ китайскихъ батарей Тигровки на берегу моря, я увидѣлъ спящимъ на окопѣ матроса,

который сосредоточенно и задумчиво смотрѣлъ на море. Поздоровавшись, я спросилъ его, что́ онъ тутъ дѣлаетъ. Онъ объяснилъ, что пришелъ сюда посмотрѣть, не видно-ли на морѣ какой-либо помощи намъ. Кстати, въ то время ходили упорные слухи, что «Цесаревичъ», «Аскольдъ», «Діана» и «Новикъ» пробились во Владивостокъ и что адм. Скрыдловъ, организовавъ эскадру, идетъ къ Артуру; многіе даже слышали въ морѣ отдаленную пальбу; а также, что къ этой эскадрѣ присоединилась часть балтійской, вышедшей раньше на помощь къ намъ.

— «Какая же можетъ быть помощь съ моря», спросилъ я его.

— «Да говорятъ, что скоро подойдетъ къ намъ адмиралъ Скрыдловъ и подвезетъ войскъ и провіанта».

— «Кто же это говоритъ»?

— «Да всѣ говорятъ въ Квантунскомъ экипажѣ», причемъ я замѣтилъ блеснувшія у него на глазахъ слезы.

— «Правда-ли, Ваше Превосходительство», спросилъ онъ меня въ свою очередь, — «что если японецъ не возьметъ Артуръ 10 августа, то отступитъ; объ этомъ также всѣ говорятъ въ экипажѣ». Влажный взоръ его впился въ меня.

Жаль мнѣ было разочаровывать бѣднягу въ его надеждахъ.

Зная по опыту, на сколько послѣднія поддерживаютъ въ людяхъ при нашемъ положеніи бодрость, я объяснилъ ему, что есть большая надежда на скорый приходъ адм. Скрыдлова и балтійской эскадры, если не будетъ никакой задержки, и что эта эскадра подвезетъ намъ и припасовъ, и войска; что Государь никогда не забудетъ храбрыхъ защитниковъ Артура, сражающихся непрерывно уже седьмой мѣсяцъ и спасетъ всѣхъ насъ отъ позорнаго плѣна; также можетъ подоспѣть и скорая помощь ген. Куропаткина, который далъ слово освободить насъ и что, видимо, японцы, въ виду его скораго прибытія, спѣшатъ овладѣть Артуромъ; т. к. у нихъ теперь уже не хватаетъ войска, а помощь должна подойти скоро, то возможно, что они и отступятъ. При моемъ спокойномъ и увѣренномъ объясненіи, лице матроса прояснилось; замѣтно было, что онъ сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ скораго прибытія помощи;

да и самъ я, говоря объ этомъ, начиналъ вѣрить тому, о чемъ говорилъ, и на душѣ стало какъ-то легче. И такъ думали тысячи, думалъ весь гарнизонъ, окрылялъ себя надеждой, которой только и жилъ среди своихъ страданій, трудовъ, лишеній.

Бѣдный мой собесѣдникъ—матросъ! Видно душа его сильно страдала зародившимися сомнѣніями и непреодолимая грусть одолѣла по родинѣ и родныхъ. Это тяжелое, гнетущее душевное состояніе, вѣроятно, и заставило его удалиться на пустынный, полуразрушенный китайскій веркъ, чтобы наединѣ отдаться тяжелымъ мыслямъ и помечтать о возможномъ свиданіи съ дорогими и милыми ему лицами.

Такъ какъ я давно уже былъ въ городѣ, то 11 августа отправился туда и прежде всего по службѣ зашелъ къ ген. Стесселю, котораго засталъ не въ духѣ. Изъ разговора съ нимъ и его женой я убѣдился, что онъ также терялъ всякую надежду на скорую помощь и въ скоромъ будущемъ предвидѣлъ гибель всѣхъ защитниковъ Артура. При мнѣ ему былъ поданъ запечатанный конвертъ, вскрывъ который и прочитавъ заключенное въ немъ извѣщеніе, онъ съ тяжелымъ чувствомъ произнесъ: «Все отступленіе и отступленіе; когда же наконецъ будетъ наступленіе», и при этомъ прочиталъ вслухъ полученное отъ ген. Куропаткина сообщеніе отъ 27 іюля изъ Ансанзана слѣдующаго (приблизительно) содержанія: «Армія въ порядкѣ отступаетъ къ Ляояну; возможно, что въ половинѣ сентября перейду въ быстрое и рѣшительное наступленіе; надѣюсь, что храбрые защитники отстоятъ Артуръ».

Помолчавъ, ген. Стессель сказалъ: «Нельзя же, чтобы Артуръ вотъ уже шесть мѣсяцевъ выдерживалъ на своихъ плечахъ кампанію». Я съ нимъ въ душѣ согласился.

Меня поражало, неужели ген. Куропаткинъ детально не посвященъ въ средства защиты Артура, разсчитывая, что его несчастный измученный постоянными боями гарнизонъ будетъ держаться до того времени, сколько этого пожелаетъ онъ и неужели мы такъ оскудѣли средствами и энергіей, что за шесть мѣсяцевъ не могли собраться съ силами, чтобы дать надлежащій отпоръ непріятелю.

Подъ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я отъ него и по дорогѣ зашелъ къ ген. Смирнову, рѣдко когда унывавшему. Генерала я засталъ дома и онъ видимо обрадовался моему приходу, встрѣтивъ привѣтомъ: «Сколько лѣтъ, сколько зимъ». Я дѣйствительно не видѣлся съ нимъ болѣе мѣсяца; хотя и заходилъ къ нему раза два, но его не было дома. Этотъ герой вѣчно на позиціяхъ, вѣчно въ работѣ и отдыха никогда не зналъ. Я сейчасъ же перешелъ на тему о новостяхъ. Смѣясь по поводу свѣжей, только что полученной новости, генералъ предложилъ мнѣ прочитать сообщеніе ген. Куропаткина отъ 27 іюля. На мой отвѣтъ, что я сейчасъ только читалъ его, онъ, улыбаясь ядовито, прибавилъ, что, очевидно, надежда съ этой стороны потеряна. «Но не падайте духомъ», началъ онъ, смѣясь.—«Я имѣю еще два основанія къ спасенію; одно очень вѣское, а другое менѣе вѣское». На мою просьбу сообщить, онъ сказалъ: «Болѣе вѣское состоитъ въ надеждѣ на приходъ балтійской эскадры, которая, согласно сообщеніямъ о выходѣ ея изъ Кронштадта, должна прибыть сюда къ 1 октября; возможно, что до того времени мы отстоимъ Артуръ; впрочемъ, за Артуръ я могу ручаться до 1 декабря, а далѣе нѣтъ, т. к. могутъ окончательно истощиться средства защиты. Менѣе вѣское заключается въ томъ, что къ концу обороны,—въ случаѣ не прибудетъ своевременно помощи,—у меня останется всего около пяти тысячъ защитниковъ, но уже испытанныхъ и закаленныхъ въ бою; съ ними я и допью послѣднюю чашу моей земной жизни, послѣ чего, переселившись въ надзвѣздный міръ, для меня вѣроятно совершенно безразлично будетъ, кому достанется Артуръ,—будетъ-ли онъ принадлежать японцамъ, русскимъ, англичанамъ или же звѣздѣ Сиріусу. Вы же, если не убьютъ васъ, попадете въ плѣнъ, а потомъ размѣняютъ васъ на мелкія монеты и возвратитесь въ Россію». Съ заключеніемъ его я не вполнѣ согласился и высказалъ увѣренность, что его-то жизнь японцы и будутъ беречь, какъ одну изъ самыхъ важныхъ трофей, и заключивъ его въ изящную серебрянную съ золотомъ клѣтку, повезутъ въ Нагасаки и Токіо показать японскому народу того руководителя

обороны, который каждую пядь уступленной земли оплачивалъ десятками тысячъ японскихъ труповъ. Мы оба разсмѣялись. «Ну, а что будетъ со Стесселемъ»? спросилъ онъ смѣясь.

Разговоръ и свиданіе съ этимъ милымъ человѣкомъ нѣсколько облегчили душу и я ушелъ отъ него въ болѣе спокойномъ настроеніи. Подходя къ своей городской квартирѣ, я увидѣлъ раненаго 15-го полка, переносимаго на носилкахъ. Остановивъ, я началъ его распрашивать, гдѣ и куда онъ раненъ. «Да вездѣ израненъ; и въ бокъ, и въ грудь, и въ голову», отвѣтилъ съ покорностью судьбѣ этотъ скромный герой. «Я раненъ осколками снаряда; да мнѣ-то что-же; прійдется умирать, да только далъ-бы Богъ, чтобы товарищи отстояли Артуръ», добавилъ онъ грустно, устремивъ на меня свой умоляющій взоръ. Я началъ утѣшать его, что такіе герои какъ онъ не умираютъ и что онъ скоро выздоровѣетъ и возвратится къ товарищамъ на помощь. Въ это время вблизи насъ просвистѣли осколки непріятельскаго снаряда. Зная, что раненыхъ добивали именно такіе случайные осколки, я поторопилъ санитаровъ нести больного въ госпиталь. Зайдя въ свою канцелярію и сдѣлавъ распоряженія, я отправился въ портъ узнать о происшествіи съ двумя нашими миноносцами. Тамъ мнѣ сообщили слѣдующее: вышедшіе на рейдъ миноносцы маневрировали; около 5-ти часовъ вечера одинъ изъ нихъ—«Разящій» наскочилъ на непріятельскую мину, взорвавшуюся подъ нимъ; на помощь къ нему бросился миноносецъ «Выносливый», который, въ свою очередь, также наскочилъ на мину и ему оторвало носъ; ставъ моментально въ вертикальное положеніе, онъ въ 2—3 секунды затонулъ, а «Разящій» былъ спасенъ. На «Выносливомъ» затонуло 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ».

Проклиная такой адскій способъ веденія войны, я подъ тяжестью этихъ впечатлѣній отправился къ себѣ на Тигровку.

Привыкнувъ каждое 13 число встрѣчать штурмы, мы съ тревогой ожидали 13 августа, о наступленіи котораго даже ген. Стессель счелъ необходимымъ предупредить въ приказѣ. 12 августа прошло совершенно спокойно; изрѣдка только батареи обмѣни-

вались выстрѣлами съ японцами. Затишье это предвѣщало страшную бурю.

Наконецъ наступило «13-е» число, и о диво! оно впервые прошло совершенно тихо; даже отдѣльные выстрѣлы сдѣлались рѣже. Это насъ очень успокоило, т. к. давало понять, что японцы страшно обезсилѣли и не могутъ предпринять хотя частичнаго штурма. Вечеръ былъ до того чудный, тихій и лунный, что я просидѣлъ на батареѣ до 11 часовъ ночи, любуясь морской далью, освѣщенной луною. Возвратившись въ квартиру, я немного почиталъ, а потомъ затушилъ огонь. Но мнѣ не спалось; что-то томило, сжимало голову въ вискахъ, да и настроеніе стало болѣе тревожнымъ; луна свѣтила яркимъ свѣтомъ. Потомъ я задремалъ незамѣтно для себя, но около 3-хъ часовъ ночи былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ; прислушиваясь, я началъ различать отдѣльные стремительные порывы вѣтра, сопровождаемые сильнѣйшимъ ливнемъ и грозой. Все это съ каждой секундой усиливалось и вѣтеръ принялъ характеръ урагана; свистъ его, шумъ падающаго дождя, раскаты грома и ежесекундныя разрѣзывающія небосклонъ молніи— дѣлали изъ ночи адъ; къ этому не доставало только грома пушекъ, свиста снарядовъ и крика умирающихъ.

Прислушиваясь, я дѣйствительно началъ различать отъ небеснаго грома земной—громъ пушекъ. Я тотчасъ же одѣлся и бросился на батарею, гдѣ засталъ уже налице всѣхъ офицеровъ, наблюдавшихъ величественную, грозную и рѣдкую картину. По всему фронту былъ открытъ огонь изъ батарей по наступавшему непріятелю; громъ орудійныхъ выстрѣловъ, покрываемый иногда раскатами грома, яркія молніи, ракеты, свистъ снарядовъ, страшный ливень,—предъ всѣмъ этимъ блѣднѣли даже картины ада; одного мы не слышали только—стоновъ раненыхъ и крика умирающихъ. Казалось, будто Верховное Божество свой гнѣвъ изливаетъ на безумцевъ, разящихъ другъ друга въ кровавой борьбѣ и разливаетъ ихъ водой. Борьба эта продолжалась не болѣе $1^1/_2$ часа. Огонь съ праваго фланга къ лѣвому началъ постепенно стихать и перешелъ въ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы; дождь и вѣтеръ прекратились,

но молніи продолжали разрѣзывать небосклонъ, освѣщая окровавленные форты. Я ушелъ домой и крѣпко уснулъ, утомленный душевной борьбой и тревогами. На другой день узналъ, что японцы повторили свой штурмъ по всей линіи и преимущественно на Длинную и Высокую горы, пустивъ двѣ колонны и даже кавалерію; но были успѣшно отбиты, потерявъ обѣ штурмовавшія колонны.

Въ тотъ же день опять началось бомбардированіе города и порта; вновь появились новые убитые и искалѣченные граждане и военные.

До сихъ поръ я ни слова не сказалъ о средствахъ защиты отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ городскихъ обывателей и лицъ, проживавшихъ въ городѣ по службѣ. Казалось бы, что на крѣпости лежала обязанность принять мѣры къ защитѣ этихъ лицъ путемъ устройства блиндажей въ различныхъ частяхъ города, куда бы они могли укрываться при бомбардировкѣ его; это ея прямая, священная обязанность. Ничего подобнаго не было сдѣлано въ Артурѣ и каждый долженъ былъ позаботиться о своей безопасности. Но гдѣ же для этого средства у бѣднаго класса? Только нѣкоторые позаботились заблаговременно устроить для себя блиндажи. Послѣдніе были двухъ родовъ и устраивались на поверхности земли, какъ это сдѣлали—ген. Стессель и Маріинская Община Краснаго Креста. Съ этой цѣлью, подъ уступомъ горы выкапывалась яма, сверху она устилалась прочными рельсами, а поверхъ ихъ толстыми бревнами—кругляками въ два ряда; поверхъ бревенъ клали въ нѣсколько рядовъ мѣшки съ землей и все это присыпали землей фута въ 3—4 толщиной; это былъ потолокъ. Точно также устраивали и бока блиндажа, открывая выходъ по направленію полета снарядовъ. Другой видъ блиндажей былъ пещерный. Для этого долбили ходъ въ скалѣ, дѣлая зигзаги и оканчивая пещеру помѣстительной комнатой; двери устраивали изъ толстаго желѣза или же и совсѣмъ ихъ не было, смотря по завороту ходовъ. Такіе блиндажи были устроены для своихъ служащихъ фирмами «Кунстъ и Альберсъ», «Чуринъ», «Гинцбургъ»; изъ частныхъ лицъ такой же блиндажъ былъ устроенъ въ компаніи съ 2—3 лицами однимъ изъ врачей

С.... Всѣ остальные, положившись на волю Бога, жили въ домахъ; бѣдпота же при бомбардировкахъ иногда пряталась подъ мосты, въ ямы, въ щели между камней. Конечно, дома не являлись надежнымъ укрытіемъ, т. к. не рѣдко сносились снарядами безслѣдно или же представляли изъ себя груду развалинъ.

Такъ какъ бомбардировки повторялись ежедневно днемъ и ночью и всегда въ разные часы, то мысль быть убитымъ или искалѣченнымъ въ каждый данный моментъ преслѣдовала постоянно, благодаря чему нервное состояніе доходило до высшей степени напряженія. Я знаю, что нѣкоторые не вынесли этого мучительнаго состоянія и лишили себя жизни; другіе съ опасностью для жизни выѣхали въ Чифу (но это люди свободные), третьи страшно истрепали свои нервы и въ одинъ мѣсяцъ посѣдѣли, а иные сошли съ ума. Многіе изъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, находили, что на батареяхъ и позиціяхъ лучше, т. к. тамъ есть хотя какія нибудь закрытія.

Такъ былъ поставленъ у насъ вопросъ относительно защиты отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ, почему при каждой бомбардировкѣ были жертвы и иногда очень значительное число ихъ, а бомбардировки эти участились съ неудачнаго штурма 3—12 августа и стали дѣйствительнѣе; стрѣляли японцы иногда даже залпами, въ особенности по порту и его постройкамъ, а также по судамъ.

Находясь подъ такимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, мы всѣ несказанно обрадовались радостной вѣсти о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, облетѣвшей городъ и всѣ позиціи 18 августа. Всѣ воспрянули духомъ и, не смотря на бомбардировку города, вылѣзли изъ своихъ конуръ и пещеръ. Эту радостную для насъ новость мы связывали тѣсно съ близкимъ нашимъ освобожденіемъ отъ заключенія; лица у всѣхъ повеселѣли и стали энергичнѣе.

На другой день былъ назначенъ парадъ и молебенъ на площади предъ казармами 10-го полка. Мѣсто это было выбрано удачно, т. к. только оно не обстрѣливалось снарядами. Къ счастью

нашему, ни одинъ выстрѣлъ не нарушилъ торжественной минуты богослуженія, и поздравленіе съ Высокимъ Новорожденнымъ было встрѣчено громовымъ «ура». Видимо японцы тоже посочувствовали нашей радости и до 22 августа дали намъ полный отдыхъ, не безпокоя даже своими бомбардировками; но это конечно не уничтожало тревожнаго настроенія каждаго, что вотъ-вотъ грянутъ выстрѣлы. Въ приказахъ ген. Стесселя указывалось, что по свѣдѣніямъ лазутчиковъ— китайцевъ, японцы думаютъ штурмовать Артуръ 20, 21 или 22 августа; но этого числа, вмѣсто штурма, была объявлена милость Государя войскамъ, изложенная въ телеграммѣ Его Величества на имя ген. Стесселя слѣдующаго содержанія:

«Въ воздаяніе доблести и мужества Портъ-Артурскаго гарнизона, Я повелѣлъ считать службу всѣхъ чиновъ военнаго и морскаго вѣдомства, защищающихъ Портъ-Артуръ, по разсчету мѣсяцъ за годъ, начиная съ 1-го мая до конца осады. Васъ жалую кавалеромъ ордена Георгія третьей степени и ожидаю Вашихъ представленій о награжденіи всѣхъ отличившихся въ бою.

Николай».

22 Августа, подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній, я вновь отправился въ городъ, гдѣ зашелъ къ ген. Смирнову, чтобы узнать самыя свѣжія новости. Я не ошибся въ пріятныхъ извѣстіяхъ и генералъ порадовалъ меня вѣстью о побѣдѣ ген. Куропаткина 13 августа надъ арміями Куроки и Оки, которыхъ онъ разбилъ (впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, я узналъ, что это была не побѣда, а пораженіе); въ то же время онъ сообщилъ, что въ Дальнемъ высажено 8 тысячъ вновь прибывшихъ японцевъ, изъ которыхъ 300 человѣкъ на другой же день заболѣли дизентеріей; но что это сравнительно незначительное увеличеніе арміи Ноги не представляетъ никакой опасности для Артура, имѣвшаго еще гарнизонъ изъ 22 тысячъ штыковъ, который безусловно отстоитъ его; однако, онъ донесъ ген. Куропаткину на его телеграммы отъ 27 іюля и 1 августа, что можетъ не хватить снарядовъ, а если японцы пришлютъ еще хотя бы двѣ дивизіи настоящихъ войскъ, то онъ не ручается за цѣлость

крѣпости. Простившись съ нимъ и навѣстивъ свою канцелярію, я отправился въ портъ, чтобы оттуда уѣхать на Тигровку, но день этотъ закончился для меня тяжелыми впечатлѣніями: у пристани я увидѣлъ стоявшій подъ парами баркасъ и служащіе сообщили, что онъ предназначенъ для отвоза на кладбище у горы Бѣлаго Волка убитыхъ рабочихъ при бомбардировкѣ 23 августа, чинившихъ крейсеръ «Баянъ». Было убито три человѣка. Въ это время показалась процессія въ сопровожденіи священника и дьячка; несли дѣйствительно три гроба, которые были поставлены на набережной у баркаса; отслуживъ литію, священникъ приказалъ поставить ихъ на баркасъ, который и увезъ этихъ несчастныхъ мучениковъ на кладбище, расположенное на берегу Тихаго Океана.

Невыносимо тяжело стало на душѣ, почему, сѣвъ въ шлюпку, я поѣхалъ на броненосецъ «Побѣду», съ милой каютъ-кампаніей котораго я давно уже не видѣлся. Пріѣхавъ къ концу ужина, я просилъ подкормить меня, т. к. былъ страшно голоденъ и уже недѣли за двѣ до пріѣзда не пользовался свѣжимъ мясомъ, а питался консервами и солониной. Къ моему удивленію, предо мной стояла уже тарелка прекрасныхъ пильменей, которыя я съѣлъ съ небывалымъ аппетитомъ. Бесѣда наша за ликеромъ затянулась далеко за полночь, почему мнѣ предложили остаться переночевать. Я съ удовольствіемъ принялъ любезное предложеніе и заснулъ въ чудной каютѣ богатырскимъ сномъ, проснувшись на другой день около 10 часовъ, чего со мной въ Артурѣ давно уже не было. Принявъ ванну и позавтракавъ въ каютъ-кампаніи, я поблагодарилъ милыхъ хозяевъ и на паровомъ катерѣ отправился на Тигровку.

Съ послѣдней вскорѣ мнѣ предстояло разстаться. Я рѣшилъ переѣхать на свою городскую квартиру, т. к. время уже наступило не дачное, холодное и по вечерамъ приходилось одѣвать теплое пальто; въ особенности холодъ чувствовался на Тигровкѣ. Хотя мой любезный хозяинъ и увѣрялъ меня, что сентябрь въ Артурѣ всегда теплый и чуть-ли не лучшій изъ всѣхъ мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе, я окончательно рѣшилъ переѣхать 31 августа, почему каждый вечеръ посѣщалъ батарею, прощаясь и съ моремъ, и

съ орудіями, и съ людьми, съ которыми пришлось прожить два мѣсяца одной жизнью, одними впечатлѣніями,—сродниться съ ними душей.

Въ ночь на 29 августа мнѣ пришлось еще разъ быть свидѣтелемъ чрезвычайно интересной картинки на морѣ: около 11—12 часовъ японскимъ миноносцамъ какъ-то удалось проскользнуть съ небольшой деревянной шхуной между лучами прожектора къ нашему доку; когда же они были открыты лучами и по нимъ раздались выстрѣлы, то шхуна вспыхнула и начала горѣть, а миноносцы незамѣтно скрылись. Этотъ пожаръ на морѣ былъ просто-таки великолѣпенъ: пламя, разгораясь все больше и больше, пожирало борты и лизало уже мачту, подбираясь къ ея вершинѣ; шхуна не двигалась, стояла на одномъ мѣстѣ и видимо отъ нея былъ отданъ якорь. Въ началѣ предполагали, что она нагружена взрывчатыми веществами, но когда взрыва не послѣдовало, то рѣшили, что японцы, производя на рейдѣ работы по разстановкѣ минъ, этимъ пожаромъ имѣли намѣреніе отвлечь вниманіе батарей отъ миноносцевъ въ тотъ моментъ, когда будутъ обнаружены и начнутъ скрываться. Этой цѣли они вполнѣ достигли, т. к. пожаръ затемнилъ лучи прожекторовъ и, ярко освѣщая мѣсто во-кругъ шхуны, еще болѣе сгустилъ мракъ вдали отъ нея, по пути ухода миноносцевъ.

Наконецъ, наступилъ и день отъѣзда. Простившись вечеромъ съ своимъ милѣйшимъ хозяиномъ С.... и людьми, я рано утромъ 31 августа уѣхалъ на свою квартиру въ гарнизонное собраніе. Нужно замѣтить, что это зданіе не отличалось своей безопасностью при бомбардировкахъ города и еще въ началѣ августа куполъ его надъ средней залой былъ пробитъ снарядомъ и въ немъ зіяло громадное отверстіе. Но я, будучи очень религіознымъ, положился во всемъ на волю Бога, вѣря, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ его святого произволенія.

Въ тотъ же и послѣдующіе дни, послѣ незначительной передышки, вновь началось усиленное обстрѣливаніе города и порта; объектомъ бомбардировки были—паровая мельница купца Тифонтая, единственная на весь городъ, перемалывавшая зерно для гар-

низона, а также—интендантскіе склады. Такъ какъ эти зданія находились возлѣ гарнизоннаго собранія, то снаряды ложились и вокругъ послѣдняго, хотя изъ нихъ одинъ только попалъ въ самое собраніе. Японцы очень хорошо знали, что разбивъ мельницу, они лишали гарнизонъ муки и тѣмъ ставили его въ очень трагическое положеніе. Эти непрерывающіяся бомбардировки, около двухъ часовъ 5 сентября, перешли въ канонаду по укрѣпленіямъ, предвѣщавшую близкій штурмъ. Такъ какъ огонь ихъ концентрировался преимущественно у батареи Лит. А, то я, взявъ своихъ помощниковъ С.... и М...., и давъ знать полиціи о немедленной высылкѣ на перевязочный пунктъ № 2 рикшъ и добровольныхъ санитаровъ, на извозчикѣ отправился съ С.... на этотъ пунктъ.

Жутко было проѣзжать мимо фортовъ и укрѣпленій, осыпавшихся шрапнелями, изъ которыхъ иныя перелетали черезъ нихъ и разрывались надъ проѣзжей дорогой; въ особенности непріятенъ былъ свистъ осколковъ и жужжанье пуль; но до пункта мы доѣхали благополучно, гдѣ и нашли милѣйшаго врача С...., постоянно тамъ проживавшаго.

Этотъ пунктъ былъ расположенъ подъ крутостью горы, на которой и находилась батарея лит. А. Бомбардировка начинала принимать ожесточенный характеръ; осколки и пули разрывавшихся шрапнелей въ изобиліи падали даже на желѣзную крышу пункта, но уже на излетѣ, вслѣдствіе своей тяжести, почему слышенъ былъ только лязгъ при ихъ паденіи; но были и перелеты, причемъ снаряды, несясь со свистомъ надъ пунктомъ, разрывались предъ нимъ на противоположной отлогости горы. Всѣ мы столпились на крылечкѣ пункта и наблюдали эти разрывы. Но вотъ два—три снаряда разорвались вблизи насъ, на самой дорогѣ, поднимавшейся зигзагами къ сосѣдней Опасной горѣ; вдругъ я былъ ошеломленъ страшнымъ трескомъ разорвавшейся шрапнели въ 10—15 шагахъ отъ меня надъ большой насыпью, спускавшейся къ дорогѣ; выбѣжавшіе оттуда люди сообщили, что убита лошадь. Я сильно встревожился, не пострадалъ-ли извозчикъ, расположившійся подъ крутостью этой насыпи. Оказалось, что убита только полковая лошадь,

стоявшая рядомъ съ лошадью извозчика, который сидѣлъ въ то время въ экипажѣ, поднявъ верхъ его.

Впослѣдствіи извозчикъ, разсказывая мнѣ объ этомъ своемъ чудесномъ спасеніи, добавилъ, что это уже второй случай съ нимъ; что проѣзжая по улицѣ Артура, около него также разорвался снарядъ, не тронувъ ни его, ни лошадей.

Вечерѣло и становилось очень холодно, почему съ окончаніемъ бомбардировки и началомъ дѣйствія ружейнаго огня и пулеметовъ, я съ С.... пошелъ по тропинкѣ на Опасную гору, а извозчику приказалъ ѣхать на ту же гору зигзагами. Вдругъ сзади меня С.... закричалъ: «Ваше Превосходительство, что это?»—Оглянувшись и увидѣвъ его комичную фигуру, я невольно расхохотался: онъ, поднявъ руки кверху въ полусогнутомъ положеніи, какъ бы защищая лицо, прыгалъ то на одной, то на другой ногѣ, а потомъ началъ отмахиваться руками отъ пуль, летѣвшихъ въ нашу сторону. Свистъ ихъ и я началъ различать явственно вблизи себя, но особенно непріятенъ былъ звукъ отъ нихъ «ч-чикъ» при ударѣ о камни. Я и самъ испугался: могла же шальная хватить въ голову. Оказалось, что мы попали въ поражаемое пространство. Долго потомъ я смѣялся надъ С.... по поводу его прыжковъ и отмахиваній отъ пуль, утѣшая его однако тѣмъ, что наконецъ-то и мы, находясь до сихъ поръ въ сферѣ артиллерійскаго огня, испытали непосредственно то ощущеніе, которое переживаетъ человѣкъ въ сферѣ огня ружейнаго.

Къ вечеру штурмъ принялъ болѣе интенсивный характеръ и продолжался 6, 7, 8 и 9 сентября. 6 сентября мы потеряли Кумирнскій и Водопроводный редуты съ ихъ восемью орудіями; непріятельской бомбардировкой эти редуты были сравнены съ землей, почему ихъ и оставили; но они не были заняты и японцами въ виду нашего сильнаго огня съ сосѣднихъ батарей, при дѣйствіи котораго держаться тамъ не было возможности. Паденіе этихъ редутовъ, какъ впослѣдствіи Длинной и Высокой, всецѣло можно отнести къ винѣ ген. Стесселя, который съ полученіемъ награды своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла обороны окончательно парализовалъ прика-

зами отъ 18 и 28 августа за №№ 552 и 590 дѣятельность Коменданта по организаціи вылазокъ. Я уже указывалъ о дѣйствительныхъ результатахъ ея въ ночь на 11 августа. Эти же приказы не только стѣснили частныхъ начальниковъ, но отбили охоту къ этому дѣлу и у младшихъ офицеровъ. Впослѣдствіи организацію вылазокъ партіями ген. Смирновъ предоставилъ ген. Кондратенко; но даже и на эти вылазки находилось уже мало охотниковъ, т. к. они ничѣмъ и никѣмъ не поощрялись. Парализованіе ихъ лишило возможности выбивать японцевъ своевременно изъ гласисовъ редутовъ, почему они свободно вели свои инженерныя работы.

Поздно вечеромъ 7 сентября, послѣ продолжительной адской канонады, была брошена стрѣлками также Длинная гора съ ея тремя орудіями. Разсказываютъ, что она была оставлена при такихъ обстоятельствахъ: когда стрѣлки сидѣли въ окопахъ и стрѣляли по штурмующимъ колоннамъ, то около 40 японцевъ, незамѣтно подкравшись къ стрѣлкамъ, крикнули на русскомъ языкѣ: «Японцы идутъ! Спасайтесь!». Стрѣлки какъ сумасшедшіе бросились изъ окоповъ и убѣжали; только комендантъ горы и его вѣстовой остались вѣрными своему долгу, не ушли съ горы, на которой и были убиты. Генералъ же С.... передавалъ мнѣ, что стрѣлки сами по себѣ оставили гору, будучи осыпаемы шрапнелью.

Занявъ Длинную, японцы 8 сентября буквально окружили и сосѣднюю съ ней Высокую гору, на которой даже заняли часть окоповъ, подобравшись почти къ срединѣ высоты ея. Положеніе становилось опаснымъ; эта гора была командующей надъ остальными и съ вершины ея какъ на ладони былъ видѣнъ новый городъ и бухта.

Къ счастью, гора эта была отбита 9 сентября и окончательно въ ночь на 10-е. Дѣло было такъ. Утромъ 9 сентября ген. Смирновъ, не смотря на массированный огонь по форту IV, отправился на послѣдній, съ цѣлью осмотрѣть и приспособить его къ пайлучшему обстрѣлу Высокой, которая на три четверти была уже въ рукахъ японцевъ и только на вершинѣ ея оставался нашъ маленькій гарнизонъ. Около часу дня начальникъ охотничьей команды

поручикъ 28-го полка Ерофѣевъ увидѣлъ съ занимаемой имъ высоты, что японцы, около 3-хъ баталіоновъ, незамѣтно сосредоточиваются въ лощинѣ, какъ видно для рѣшительнаго штурма Высокой, о чемъ и донесъ ген. Смирнову. Послѣдній приказалъ начальнику участка полк. Ирману немедленно вызвать взводъ полевой артиллеріи и обстрѣлять лощину. Около 4-хъ часовъ выѣхалъ со взводомъ пор. Ясенскій и открылъ шрапнелью такой губительный огонь, что японцы въ испугѣ бросились въ разсыпную и выбѣжали на отроги горъ, съ которыхъ стали видимой цѣлью для крѣпостной артиллеріи, немедленно открывшей по нимъ также огонь. Благодаря такой неожиданной случайности, баталіоны эти были уничтожены въ самый короткій срокъ. Послѣ этого Ясенскій перенесъ свой огонь на японцевъ, занявшихъ нижніе окопы Высокой, и они принуждены были оставить ихъ; изгнаніе же изъ среднихъ окоповъ произошло ночью.

Въ этихъ окопахъ японцы устроились очень надежно, перемѣстивъ въ нихъ нѣсколько пулеметовъ и орудіе. Они такъ близко находились отъ окоповъ нашихъ стрѣлковъ, что послѣдніе даже переговаривались съ ними, шутили, перебрасывались камнями, бранились и мирились. Разсказываютъ, что одинъ изъ нашихъ офицеровъ, наливъ въ серебрянный стаканъ водки и постучавъ имъ о камень, крикнулъ: «Японцы! мы, русскіе, пьемъ за вашу лихую храбрость и отвагу»! На это снизу послышался отвѣтъ на русскомъ же языкѣ; «Да и мы выпили бы за ваше мужество и храбрость, да водки нѣтъ!» Отвѣтъ этотъ такъ понравился нашимъ солдатамъ, что офицеръ хотѣлъ скатить имъ бутылку водки, завернувъ ее въ платокъ, но въ виду возможныхъ обвиненій въ недозволенныхъ переговорахъ съ непріятелемъ, отказался отъ этой мысли. Однако, не смотря на такое милое сосѣдство, близость японцевъ была очень опасна; съ паденіемъ Высокой грозилъ прорывъ въ крѣпость, почему всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы выгнать оттуда японцевъ. Часть этой работы и самая важная, благодаря распорядительности только ген. Смирнова, какъ я описалъ выше, была исполнена днемъ, остальное же докончено ночью и произошло такъ.

При атакѣ еще Зеленыхъ горъ, Юпилазы и Куинсана, японцы съ успѣхомъ примѣняли ручныя пироксилиновыя шашки, которыя бросали въ лице нашимъ стрѣлкамъ при столкновеніи въ штыки; разрываясь, шашки производили потрясающее дѣйствіе на стрѣлковъ, сжигая на нихъ одежду, обжигая тѣло и разрывая его на куски. Ко времени изгнанія японцевъ съ Высокой, лейт. Подгурскій заготовилъ пироксилиновыя мины вѣсомъ въ 18 ф., которыя и были впервые примѣнены на этой горѣ. Въ ночь на 10 сентября, около 12 часовъ, наши стрѣлки, въ томъ числѣ и лейтенантъ, бывшій въ числѣ защитниковъ Высокой, начали шутить съ японцами и бросать въ нихъ камнями; тѣ въ свою очередь отвѣчали тѣмъ же; наконецъ, съ нашей стороны полетѣли камни уже большаго вѣса, а потомъ лейт. Подгурскій скатилъ къ нимъ свою мину, которая произвела поразительный эффектъ: взрывъ ея до того былъ сильный, что моментально обрушился блиндажъ на сидѣвшихъ тамъ японцевъ и придушилъ ихъ; образовавшееся же громадное пламя охватило сосѣднихъ къ блиндажу людей, шелковая одежда на которыхъ моментально вспыхнула и они какъ безумные начали бросаться въ стороны, давить другъ друга и сообщать отъ себя огонь остальнымъ; нѣкоторые бросились внизъ подъ гору, но забывъ о существованіи тамъ проволочныхъ сѣтей, путались въ нихъ, падали другъ на друга и образовали горящіе костры изъ тѣлъ; въ это же время стрѣлки открыли по нимъ самый адскій губительный огонь, усиленный подошедшимъ резервомъ. Поддержать атакованныхъ спѣшили японскіе полки, которые были встрѣчены такимъ же губительнымъ огнемъ, пироксилиновыми шашками и минами; но, не смотря на это, они энергично пошли на штурмъ, причемъ получилась поразительно страшная картина. Свистъ пуль, крикъ и стоны раненыхъ, раздирающіе душу вопли живыхъ горящихъ факеловъ, метавшихся по горѣ въ различныхъ направленіяхъ, но все таки добиравшихся до вершины ея, гдѣ и находили смерть,—при освѣщеніи горы ракетами, представляло ночью настоящій адъ. Къ 4-мъ часамъ всѣ окопы были очищены, а уцѣлѣвшая горсть японцевъ отступила къ Голубиной бухтѣ. Потери ихъ доходили до 3—4 тысячъ, истреб-

лепныхъ почти въ три часа; трупы ихъ буквально лежали холмами на скатахъ Высокой и у ея подошвы.

На другой день я съ свящ. Рождественскимъ отправился посмотрѣть на это ужасное побоище, складъ мертвецовъ. На вершинѣ горы мы зашли въ офицерскій блиндажъ; это была землянка, вырытая подъ скалой, размѣрами не болѣе квадратной сажени, гдѣ и помѣщалось три человѣка офицеровъ. Они разсказали намъ о сраженіи, какъ изложено выше, добавивъ, что въ штурмѣ принимали участіе и японцы—гвардейцы, вновь прибывшіе на помощь осаждающимъ.

Послѣ этого офицеры предложили пойти посмотрѣть на ихъ ночную работу. Такъ какъ переходить открыто на скатъ горы, обращенный къ непріятелю, было опасно, потому что японцы по каждому отдѣльному человѣку посылали десятки пуль, то намъ предложили пойти туда подземнымъ ходомъ, вырытымъ собственными усиліями стрѣлковъ для сообщенія во-кругъ горы. Ходъ этотъ представлялъ изъ себя нору, по которой нужно было идти согнувшись, а при встрѣчѣ трудно было разойтись; для вентиляціи и дневного освѣщенія, черезъ каждые 40—50 шаговъ дѣлались выходы внаружу и шага три приходилось идти по горѣ, въ виду непріятеля, а потомъ спускаться; такихъ переходовъ было три. Кое-гдѣ въ этой норѣ, при моемъ проходѣ, сидѣли наши герои: одни пили чай изъ кружекъ, другіе спали, а иные вели тихо между собою бесѣду; лица ихъ были совершенно спокойны и ничего геройскаго на нихъ не было,—какъ будто-бы они сдѣлали самое обыкновенное дѣло. Выйдя изъ послѣдней норы на обратную сторону горы, я ужаснулся при видѣ открывшейся картины: вездѣ по склонамъ ея и около вершины лежали совершенно обуглившіеся трупы; тамъ онъ лежалъ, распластавшись, лицемъ вверхъ, а около него цѣлая куча свернувшихся въ клубокъ маленькихъ черныхъ тѣлъ; другой въ сторонѣ, видимо въ судорогахъ, свернулся въ кольцо; но меня особенно заинтересовалъ одинъ обуглившійся трупъ японца, лежавшій у большого камня около вершины горы: положеніе его было человѣка, стоящаго на колѣняхъ и кладущаго поклонъ; очевидно, онъ

искалъ спасенія за камнемъ отъ пуль, гдѣ и нашелъ свою смерть, сгорѣвъ; на многихъ трупахъ были свѣтлыя полоски только во-кругъ поясницы и головы, все остальное тѣло было совершенно черное. Всѣ эти трупы лежали у самой вершины; а внизу!—внизу—это буквально груды совершенно черныхъ, обуглившихся тѣлъ. При видѣ всего этого, мнѣ сдѣлалось дурно и я поспѣшилъ уйти съ поля смерти тѣмъ же ходомъ обратно. Въ виду открывшагося орудійнаго огня, распростившись съ добродушными хозяевами горы, гдѣ насъ предварительно сняли домашней фотографіей, я съ Р.... началъ спускаться внизъ. Тропинка была очень крутая, подъ угломъ почти въ 40°, что особенно затрудняло нашъ спускъ и мы нѣсколько разъ пробовали ползти; положеніе ухудшалось еще болѣе тѣмъ, что снаряды продолжали перелетать черезъ наши головы и разрываться надъ долиною, которую нужно было пройти. Переходя послѣднюю, Р.... началъ какъ-то неестественно присѣдать къ землѣ при каждомъ жужжаніи снаряда и поворачивать лице кверху, наблюдая по звуку полетъ его и прикрывая лице рукой. Припомнивъ С.... и его отмахиванье отъ пуль, я разсказалъ Р.... объ этомъ траги-комическомъ случаѣ и мы, смѣясь, незамѣтно добрались до извозчика.

Страшное побоище японцевъ, учиненное на Высокой горѣ, ошеломило ихъ и значительно понизило воинственный духъ; они отошли далѣе отъ своихъ прежнихъ позицій, громя городъ и портъ бомбардировками. Некуда было укрыться отъ этого шума и треска снарядовъ, разметывавшихъ въ пыль и людей, и стѣны, и камни.

Тревожное состояніе еще томительнѣе было почью. Ложась въ постель, долго прислушиваешься къ этой ужасной музыкѣ: вотъ начинается жужжаніе сначало глухо, потомъ сильнѣе и сильнѣе; вотъ-вотъ ударитъ въ комнату, но звукъ удаляется и слышишь трескъ снаряда въ порту или въ какой либо другой части города; вотъ мчится другой, третій, еще и еще....—и каждую секунду гнететъ мысль, что вотъ сейчасъ обратитъ тебя въ прахъ; наконецъ незамѣтно засыпаешь. Да, это было ужасно! И это продолжалось каждую ночь, каждый день, каждую минуту!

18 сентября, стоя у окна своей квартиры и наблюдая паденіе снарядовъ въ городѣ и порту, я замѣтилъ, что они все ближе и ближе ложатся къ военному собранію. Въ переулкѣ, идущемъ мимо моей квартиры, я увидѣлъ солдата съ ружьемъ, вышедшаго изъ-за угла дома; въ это же время я былъ оглушенъ разрывомъ снаряда въ 20 шагахъ отъ меня, упавшаго по срединѣ переулка и въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ шелъ солдатъ. Я вздрогнулъ инстинктивно и считалъ несчастнаго разметаннымъ уже на куски, какъ вдругъ онъ показался изъ облака пыли и дыма и смотря по направленію ко мнѣ, а рукой указывая назадъ, громко произнесъ: «А вотъ онъ разорвался»! Слова эти несомнѣнно относились ко мнѣ, т. к. на улицѣ никого изъ людей не было, я же былъ видѣнъ ему ясно въ открытую форточку окна. Я отлично видѣлъ, гдѣ снарядъ разорвался,—и обращеніе его ко мнѣ съ этими словами было вѣроятно чисто нервное. На мой отвѣтъ, что его «только Богъ спасъ», онъ улыбнулся и, продолжая держать ружье на плечѣ, спокойно пошелъ дальше. Какъ онъ уцѣлѣлъ, это прямо таки было чудо! Спустя минутъ пять послѣ этого, одинъ снарядъ разорвался на берегу канала, который во время прилива наполнялся водой, въ остальное же, какъ и въ данное время, былъ сухъ; во время разрыва вблизи проходило два матроса, которые страшнымъ движеніемъ воздуха были опрокинуты въ каналъ и въ воздухѣ только замелькали ихъ руки и ноги. Я уже считалъ ихъ убитыми, какъ неожиданно для меня выползаетъ на набережную изъ канала сначала одинъ, а за нимъ и другой; они тутъ же остановились и начали другъ друга очищать отъ пыли и грязи. Этакое безстрашіе и равнодушіе!

Однако, въ жизни и смерти людей есть что-то фатальное. Для примѣра приведу здѣсь слѣдующіе случаи.

19 сентября изъ своднаго госпиталя, расположеннаго у подошвы Перепелочной горы, отправились погулять на вершину ея три сестры милосердія и остановились на каменномъ фундаментѣ, гдѣ раньше стояла пожарная каланча. Постоявъ и полюбовавшись видомъ на море, они сошли съ него и сѣли на противополож-

номъ краю; въ этотъ моментъ на мѣсто, гдѣ они раньше стояли, упала бомба 11″-ой мортиры, которая, къ счастью не разорвалась. Не сойди они оттуда секундъ 30 раньше, отъ нихъ и пыли не осталось бы.

Другой примѣръ еще болѣе поразительный. Въ казарменной комнатѣ помѣщались унтеръ-офицеръ и два стрѣлка; кровать унтеръ-офицера стояла въ углу комнаты возлѣ оконъ, подъ которыми стояли и кровати стрѣлковъ. Унтеръ-офицеръ, ложась спать, для безопастности ушелъ съ своей кровати и легъ за печкой, какъ за болѣе надежнымъ прикрытіемъ отъ осколковъ снаряда, легко проникающихъ черезъ окна; одинъ стрѣлокъ съ той же цѣлью легъ на кровать унтеръ-офицера, другой въ ту ночь былъ на службѣ. Около полуночи разорвавшимся снарядомъ унтеръ-офицеръ былъ убитъ на повалъ за печкой; стрѣлокъ, спавшій на кровати унтеръ-офицера, ни однимъ осколкомъ не былъ тронутъ, но его кровать буквально была засыпана осколками, а подушка разметана въ куски; тоже самое было и съ кроватью отсутствовавшаго стрѣлка.

Еще одинъ случай со мной лично. Такъ какъ гарнизонное собраніе иногда засыпалось снарядами, то я, при встрѣчѣ съ губернаторомъ, подполк. Вершининымъ, просилъ его отвести для меня и секретаря другое болѣе безопасное помѣщеніе. Онъ тутъ же познакомилъ меня съ жел.-дорож. инж. Губановымъ, въ вѣдѣніи котораго было много отличныхъ зданій, попросивъ его устроить меня. Инженеръ выразилъ полнѣйшую готовность. Я заѣхалъ къ нему съ С.... и онъ указалъ квартиру, въ которой я выбралъ себѣ комнату и готовился переѣхать туда дня черезъ 3—4; но на другой день послѣ этого я получилъ отъ Губанова письмо, въ которомъ онъ извиняется, что этой квартиры уступить не можетъ, т. к. двѣ семьи служащихъ при дорогѣ лишились квартиръ и онъ долженъ ихъ устроить въ той, которая предложена мнѣ. По открытіи стрѣльбы мортирными снарядами, кап. 1-го жел.-дор. бат. Алексѣевъ сообщилъ С...., что въ ту комнату, которую хотѣлъ занять я, влетѣлъ 11″-ый снарядъ и обрушилъ ее. Я домосѣдъ и вѣроятно при посѣщеніи снаряда былъ бы въ комнатѣ, а слѣдовательно—погибъ

бы неминуемо. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ съ С.... не искать другой квартиры, а жить на прежней.

Разсказанный мною раньше случай съ баронессой Франкъ также относится къ категоріи этихъ происшествій.

Что руководитъ въ такихъ случаяхъ людьми? Инстинктивное чувство или же велѣнія судьбы, подготовляющей и наталкивающей людей на смерть или же на избѣжаніе ея!

Появленіе одинадцати дюймовыхъ мортирныхъ снарядовъ привело однако артурцевъ въ ужасъ. Къ счастью, изъ нихъ немногіе разрывались, иначе городъ былъ бы превращенъ въ развалины за одну недѣлю. Снаряды этихъ орудій длиною болѣе аршина, шириною (діаметръ) почтп пол.-аршина (11″), вѣсомъ же отъ 18—25 пудовъ. Первый изъ такихъ снарядовъ 19 сентября попалъ въ блиндажъ на форту III, провалилъ потолокъ его и убилъ въ блиндажѣ одного унтеръ-офицера, а двухъ тяжело ранилъ, не разорвавшись. Фугасное дѣйствіе этихъ снарядовъ было невѣроятное и своимъ разрывомъ онъ въ состояніи былъ разнести каменное зданіе. По Стрѣлковой улицѣ въ старомъ городѣ былъ французскій магазинъ, надъ которымъ возвышался довольно основательный мезонинъ; въ основаніе послѣдняго попалъ такой снарядъ, но не разорвался, пролетѣвъ дальше; тѣмъ не менѣе, онъ поднялъ вверхъ, по крайней мѣрѣ, сажня на два мезонинъ, который потомъ упалъ во внутрь магазина въ продѣланную снарядомъ страшную воронку. Одинъ такой же не разорвавшійся снарядъ попалъ въ каменную прочную ограду двора Намѣстника, разрушивъ ее до основанія на протяженіи трехъ сажень; другой не разорвавшійся упалъ вблизи того же мѣста, продѣлавъ въ каменномъ грунтѣ воронку до 2-хъ сажень глубиною.

Появленіе такихъ чудовищъ, противъ которыхъ и блиндажи пасовали, дѣйствительно наводило панику на несчастныхъ защитниковъ Артура; приходилось положиться только на Божію волю и счастливую звѣзду.

Между тѣмъ, японцы, приведенные въ ярость неудачей подъ Высокой горой, щедро сыпали по городу такими снарядами и не только въ одиночку, но и залпами; въ порту отъ нихъ болѣе всего

потерпѣла «Полтава», на которой было пробито двѣ палубы и второе дно; одинъ изъ снарядовъ попалъ въ портовую мастерскую и на мѣстѣ положилъ пятнадцать человѣкъ.

Излпвъ свою желчь бомбардировками, японцы въ ночь на 22 сентября однимъ баталіономъ атаковали горку на нашемъ правомъ флангѣ (Сигнальную) у бухты Тахе, занятую охотничьей командой, произведя одновременно и высадку одного баталіона съ шаландъ. Охотники, благодаря своей малочисленности, отступили. На другой день, послѣ артиллерійской подготовки огнемъ, наши роты выбили японцевъ и заставили ихъ отступить съ большими потерями. Эта неудача привела ихъ въ ярость и они начали бомбардировать городъ по всѣмъ направленіямъ, когда и мнѣ пришлось перенести сильныя и непріятныя ощущенія. По окончаніи Присутствія, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ съ однимъ изъ членовъ его и мирно велъ бесѣду о пріятныхъ и непріятныхъ новостяхъ, раздался страшный трескъ и грохотъ около моей канцеляріи; отворивъ дверь, я увидѣлъ мечущихся по канцеляріи писарей и клубы дыма и пыли, выходившихъ изъ нее въ Присутствіе. Предполагая несчастье съ людьми, я бросился туда. Оказалось, что снарядъ 6″-го орудія попалъ въ наружный верхній уголъ офицерской спальной комнаты рядомъ съ канцеляріей и сорвалъ его, образовавъ громадное отверстіе; рамы въ окнахъ были изломаны, желѣзныя кровати оказались свернутыми въ клубки и лежали въ какой-то безформенной кучѣ съ матрацами, одѣялами и подушками, изорванными въ куски; входная дверь въ канцелярію раздроблена на части и одной изъ нихъ ударило по поясницѣ подсудимаго, стоявшаго спиной къ двери; изъ остальныхъ же людей, которыхъ было въ канцеляріи около 6-ти человѣкъ, никто не былъ раненъ или ушибленъ. Осмотрѣвъ и успокоивъ людей, я готовился выйти въ Присутствіе, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ-трехъ шаговъ къ двери, какъ раздался вторичный не менѣе ужасный трескъ и взрывъ, отъ котораго съ свистящимъ звономъ полетѣли осколки стеколъ, отдѣлявшихъ Присутствіе отъ центральной залы, наполнивъ ее моментально ѣдкимъ дымомъ и пылью; пробираясь въ этой тьмѣ, я едва нашелъ дверь

своей комнаты. Въ послѣдней все оказалось въ порядкѣ; только черезъ щели двери она начала также наполняться дымомъ и пылью и настолько удушливыми, что я пошелъ передохнуть въ комнату секретаря С....

Впослѣдствіи оказалось, что снарядъ попалъ въ каменную боковую стѣну ея противъ моей комнаты и разорвался, образовавъ громадное отверстіе (діаметромъ аршина въ два) и произведя страшныя разрушенія на примыкавшей къ ней сценѣ любителей. Это второе отверстіе съ предыдущимъ въ куполѣ совершенно обнажило залъ и пришлось немедленно обратиться въ Инженерное Управленіе—задѣлать крышу и стѣну, что и было исправлено спустя дней 6-ть.

Вездѣ падали снаряды, вездѣ наносили поврежденія, нигдѣ не было безопаснаго мѣста и кажется должны были бы пріучить многихъ къ осторожности въ обращеніи хотя съ неразорвавшимися, но и тутъ рѣдко ее проявляли. Здѣсь не могу умолчать о слѣдующихъ очень печальныхъ случаяхъ. Еще въ маѣ на берегъ моря около Лѣотѣшана была выброшена японская мина сигаро-образной формы; нашедшій ее стрѣлокъ далъ объ этомъ знать унтеръ-офицеру, который, прихвативъ человѣкъ десять, приказалъ взять эту мину и отнести ее къ ротному. Сдѣлавъ съ миной шаговъ 10—15, они опустили ее на землю и такъ неловко, что послѣдовалъ страшный оглушительный взрывъ,—мину разорвало; въ результатѣ—отъ 12 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ не только ни одного не осталось въ живыхъ, но даже собрано было самое незначительное количество частей ихъ тѣлъ, разбросанныхъ на разстояніе 200—300 шаговъ. Второй случай. Около 10—12 сентября, три мичмана, проходя по площади города, увидѣли лежащимъ неразорвавшійся снарядъ; одинъ изъ нихъ толкнулъ его ногой, произошелъ взрывъ и всѣмъ тремъ были причинены тяжкія поврежденія. Но болѣе всего насмѣшила меня слѣдующая картинка, имѣвшая мѣсто 25 сентября на покатости Перепелочной горы. Около 10 часовъ этого числа я, вооружившись биноклемъ, наблюдалъ паденіе снарядовъ на горѣ; большинство изъ нихъ не разры-

валось. Въ это же время на скатѣ горы я замѣтилъ трехъ нижнихъ чиновъ, которые то нагибались, то поднимались; оказалось, что они подкатывали къ краю глубокой рытвины мортирный 11″ снарядъ, который вскорости и полетѣлъ стремительно внизъ, къ счастью не разорвавшись; двое изъ нихъ тоже стремительно понеслись за нимъ.

X.

25 сентября за № 36 былъ объявленъ и напечатанъ въ газетѣ «Новый Край» приказъ по войскамъ сухопутной обороны крѣпости, въ которомъ говорилось о защитѣ послѣдней «*во чтобы то ни стало*»; причемъ, какъ основаніе,—указывалось на слѣдующее: «Упорная оборона до послѣдней капли крови, безъ всякой даже мысли о возможности сдачи въ плѣнъ, вызывается, сверхъ-того, тѣмъ, что японцы, предпочитая сами смерть сдачѣ въ плѣнъ, внѣ всякаго сомнѣнія произведутъ, въ случаѣ успѣха, общее истребленіе, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Красный Крестъ, ни на раны, ни на полъ и возрастъ, какъ это и было сдѣлано въ 1895 году при взятіи Артура. Подтвержденіемъ изложеннаго можетъ служить постоянная стрѣльба ихъ по нашимъ санитарамъ и добиваніе нашихъ раненыхъ, случай котораго имѣлъ мѣсто даже 22 сентября, при временномъ занятіи Сигнальной горы».

Редакція этого приказа, какъ я указалъ выше, въ деталяхъ подлинника была нѣсколько иная и исправлена лично Комендантомъ; самый приказъ былъ написанъ ген. Кондратенко по иниціативѣ ген. Смирнова, о чемъ пор. Гриневичъ умалчиваетъ; вызванъ онъ былъ частыми побѣгами съ позицій запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Приказъ этотъ въ указанной редакціи являлся очень неудачнымъ. Многіе находили его при текущихъ обстоятельствахъ не только неумѣстнымъ, но даже опаснымъ, способнымъ искусственно раздуть и повлечь за собою «звѣрство» со стороны защитниковъ крѣпости, не оправдываемое ни обстановкой, ни фактическими данными, вызвавъ на то же и японцевъ; къ прекращенію же побѣга запасныхъ могли быть приведены и другія основанія.

Всѣмъ извѣстно, что рѣзня въ 1895 году была вызвана самими же китайцами, которые, по дорогѣ отступленія къ Артуру, разложили плѣнныхъ японцевъ, предварительно распоровъ имъ животы, на какое именно звѣрство японцы и отвѣтили рѣзней, не щадя ни пола, ни возраста; съ другой стороны, единичные случаи звѣрства на войнѣ естественны и всегда возможны, а потому и указаніе на единичный фактъ при занятіи Сигнальной горы не могъ служить основаніемъ для общаго заключенія. Что-же касается стрѣльбы по нашимъ санитарамъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ кап. Вельяминова, обоснованномъ на слѣдующемъ разсказѣ его. Наши санитары имѣютъ только бѣлую повязку на лѣвомъ рукавѣ, которая издали совершенно незамѣтна; по своей же остальной одеждѣ они положительно ничѣмъ не отличаются отъ сражающихся; видимо, японцы принимали ихъ за послѣднихъ, т. к. по тѣмъ людямъ, которые выходили для уборки убитыхъ и раненыхъ съ замѣтнымъ издали бѣлымъ флагомъ Краснаго Креста, они стрѣльбу немедленно прекращали. Японскіе же санитары рѣзко выдѣляются отъ сражающихся, т. к. одѣты во все бѣлое. Какъ только появились эти санитары и В.... прекратилъ стрѣльбу, то это вниманіе и уваженіе такъ подѣйствовало на японцевъ, что они тотчасъ прекратили огонь по всей своей линіи; когда уборка раненыхъ была окончена, то они открыли огонь не прежде того, когда онъ былъ возобновленъ нами.

Этотъ разсказъ В.... свидѣтельствовалъ о совершенно другомъ взглядѣ японцевъ на раненыхъ и санитаровъ, чѣмъ это изображено въ приказѣ. По моему мнѣнію, стрѣльба ихъ по нашимъ санитарамъ дѣйствительно обусловливалась тѣмъ, что послѣдніе ничѣмъ не отличались отъ сражающихся, а бѣлой повязки издали они могли и не замѣтить. Рисуемое приказомъ отношеніе японцевъ къ санитарамъ и раненымъ совершенно противорѣчитъ и неоднократно разсказаннымъ мнѣ случаямъ очевидцами, которые находили на полѣ битвы нашихъ раненыхъ тщательно перевязанныхъ японцами, что свидѣтельствуетъ о ихъ гуманности къ раненымъ. Если же они и предпочитаютъ смерть сдачѣ въ плѣнъ, то это обусловливалось

честью воина, а отчасти и благодаря ошибочному убѣжденію каждаго изъ нихъ, можетъ также искусственно раздутому, что русскіе плѣнныхъ разстрѣливаютъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ лично приходилось слышать отъ докторовъ и сестеръ въ госпиталяхъ, что многіе раненые японцы, узнавъ, что ихъ не будутъ разстрѣливать, а будутъ только лечить, совершенно мѣнялись, дѣлались словоохотливыми, веселыми и принимались за пищу, тогда какъ до этого морили себя голодомъ и были печальны, молчаливы и угрюмы.

Къ сожалѣнію, изъ желанія поддержать нужное намъ пастросніе солдата, мы сами подаемъ поводъ непріятелю не уважать законовъ войны, выработанныхъ международнымъ правомъ. Какъ могли бы отнестись японцы къ нашему Красному Кресту, если бы узнали (а они несомнѣнно знали объ этомъ), что представитель его и администрація состояли въ рядахъ дружины, призванной также сражаться съ врагомъ. Здѣсь не могу не разсказать о слѣдующемъ курьезномъ и весьма опасномъ случаѣ. Представителемъ и Главноуполномоченнымъ Краснаго Креста въ Квантунской Области состоялъ егермейстеръ Балашевъ, человѣкъ очень пожилой и большой оригиналъ. Съ формированіемъ дружины онъ также изъявилъ желаніе поступить въ ея ряды и вмѣстѣ съ красной повязкой на рукавѣ носилъ на фуражкѣ крестъ дружинника. Для обученія пріемамъ съ ружьемъ и поворотамъ онъ и всѣ санитары Краснаго Креста собирались на дворѣ послѣдняго и ихъ обучалъ унтеръ-офицеръ, отъ котораго Балашевъ настоятельно требовалъ обращаться къ нему въ строю, какъ къ простому рядовому.

При такихъ обстоятельствахъ избіеніе администраціи Краснаго Креста со взятіемъ Артура, по мнѣнію многихъ, должно было произойти неминуемо. Японцы получали газету «Новый Край» черезъ китайцевъ, а въ послѣдней, при описаніи праздника дружинниковъ, указывалось, что на смотру была провозглашена здравица за старѣйшаго дружинника егермейстера Балашева. Какъ высшее крѣпостное начальство не обратило на это вниманія и находило все это въ порядкѣ вещей, просто непонятно.

Противно природѣ русскаго солдата и не въ характерѣ его добивать лежачаго и безоружнаго. Мнѣ разсказывали трогательный случай, когда русскій солдатъ, поднявъ раненаго японца и быстро объяснившись съ нимъ мимически, далъ ему напиться воды и подѣлился съ нимъ имѣвшимся при немъ кусочкомъ хлѣба. Много разсказовъ мнѣ приходилось выслушивать изъ госпитальной жизни, гдѣ каждый изъ раненыхъ спѣшилъ оказать услугу раненымъ японцамъ, отдавая имъ сахаръ, молоко, даря папиросы и объясняя это тѣмъ, что онъ несчастнѣе ихъ, т. к. находится на чужой сторонѣ и въ плѣну; если же онъ и сражался противъ нихъ, то дѣлалъ это не по своей волѣ, а въ силу приказанія своего Государя, какъ это дѣлаютъ и они сами.

Этотъ разумный и гуманный взглядъ русскаго солдата ярче всего свидѣтельствуетъ о его глубокомъ пониманіи основъ международнаго права. Несомнѣнно и безконечно онъ правъ въ своемъ взглядѣ на воюющаго какъ на врага только до тѣхъ поръ, пока онъ въ силахъ драться; внѣ же этого, онъ прежде всего видитъ въ немъ человѣка, съ которымъ не откажется подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, объясняя бывшія его враждебныя предъ тѣмъ дѣйствія не его злой волей, а приказомъ Государя, воля котораго для него должна быть священна. Такой здравый взглядъ на обязанности каждаго лежитъ поддерживать и развивать, а не извращать и раздувать. Вообще, знакомясь съ солдатомъ, съ его понятіями и взглядами на многія явленія жизни, я вынесъ впечатлѣніе о его глубокомъ пониманіи правды вездѣ и во всемъ. Кстати, въ подтвержденіе сказаннаго приведу его взглядъ на награды. изъ-за которыхъ шла страшная борьба и которыя, по моему мнѣнію, являются большимъ зломъ во время самой войны.

На сколько мнѣ пришлось познакомиться со взглядомъ солдата по этому вопросу, я вынесъ такое убѣжденіе.

Онъ выдѣляетъ въ своей служебной дѣятельности исполненіе своего долга отъ того, что онъ сдѣлалъ больше, сверхъ этого долга, совершилъ какой нибудь выдающійся необыкновенный подвигъ, и цѣнитъ только ту награду, которую получилъ именно за

этотъ подвигъ. Я раньше указывалъ уже на случай съ «настоящимъ Георгіемъ» и въ этомъ «настоящій» вполнѣ вылился взглядъ солдата на награду, которая должна даваться именно за настоящее дѣло, а не за выдуманное, раздутое. Ему просто неловко и совѣстно предъ товарищами носить награду, имъ не заслуженную; ему стыдно предъ своей совѣстью сознательно носить то, чего не заслужилъ. Совершенно другой взглядъ преобладалъ между офицерами, а въ особенности штабными. Сколько интригъ, сплетень, забѣганій, не нужныхъ услугъ и лести предъ тѣми, кто можетъ наградить тѣмъ или другимъ орденомъ; сколько раздутости въ реляціяхъ и донесеніяхъ о событіи, съ цѣлью получить отличіе; кому не извѣстны налеты на театръ военныхъ дѣйствій такъ называемыхъ «фазановъ», чтобы хватить тотъ или другой орденокъ и скрыться по-добру, по-здорову. Мнѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ обстановкой этого дѣла въ Артурѣ, гдѣ зависть, интриги и прописки въ награжденіи достигли невѣроятныхъ предѣловъ и даже вызвали собою приказъ ген. Стесселя такого содержанія: «Дерутся строевые чины; къ наградному же пирогу прежде всего пристраиваются нестроевые разныхъ наименованій. Прошу помнить, что никто ни одной награды не получитъ болѣе, пока не получили строевые, напр. строевые по 2 получили всѣ, тогда и штабы и нестроевые могутъ разсчитывать получить вторую, но не ранѣе или иди во фронтъ» (28 августа № 591). Я не вхожу въ оцѣнку правильности такого взгляда, т. к. нестроевой можетъ иногда оказать болѣе услугъ войску, нежели строевой; но уже возбужденіе вопроса о наградахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что играетъ болѣе важную роль не сознаніе исполнить честно и разумно свой служебный долгъ предъ Царемъ и Отечествомъ, а получить одну, двѣ, три награды; видно стремленіе одно—побить рекордъ въ полученіи наградъ. И, къ сожалѣнію, такіе люди, увѣшавъ грудь орденами, добытыми правдами и кривдами, въ противность взглядамъ простого солдата, гордились ими, нисколько не стѣсняясь, какой цѣной они куплены и за что именно. Мнѣ казалось бы болѣе справедливымъ давать награды по окончаніи войны и разрѣшеніе

вопроса о награжденіи тѣмъ или другимъ орденомъ должно исходить отъ цѣлой коллегіи, а не единоличной власти начальника, который, какъ и въ указанномъ выше приказѣ, можетъ имѣть очень своеобразное и неправильное понятіе о награжденіи и значеніи наградъ; кромѣ того, раздачу ихъ довести до минимума и считать награжденіе за всю кампанію двумя орденами выдающимся случаемъ, благодаря чему награды пріобрѣтутъ то высокое воспитательное значеніе, какое онѣ и должны имѣть. Здѣсь я долженъ между прочимъ указать, что не смотря на отданный приказъ, штабные же щедрѣе всего и были награждены ген. Стесселемъ; какъ напр. Рейсъ, Хвостовъ, Водяго и др., ни разу не бывшіе въ бою и даже на позиціи и войску особыхъ услугъ не оказавшіе. Объясняется это тѣмъ, что на *право награждать* ген. Стессель смотрѣлъ какъ на свое личное достояніе, почему давалъ ордена не за военныя заслуги; такимъ же взглядомъ онъ руководился и въ своихъ представленіяхъ къ награжденію Георгіемъ и золотымъ оружіемъ, каковыя отличія получили многіе, даже не бывшіе въ бою; нѣкоторые получили не менѣе 5 наградъ, многіе же раненые офицеры не получили ни одной. Относительно раздачи крестовъ нижнимъ чинамъ также большая была неурядица и очень много было обиженныхъ.

Обращаясь къ приказу о попираніи японцами международныхъ правъ, я указалъ уже, что многіе вполнѣ основательно сознавали его опасность для насъ же самихъ, т. к. онъ, будучи опубликованъ въ газетахъ и попавъ въ руки японцевъ, могъ измѣнить ихъ гуманное настроеніе и привести къ той жестокости, въ которой ихъ такъ несправедливо обвиняютъ. Да очевидно и само военное начальство сознало свою ошибку и нетактичность, начавъ поспѣшно отбирать нумера выпущенной газеты съ этимъ приказомъ; къ сожалѣнію, поздно, спустя послѣ этого день—два. Потерпѣвшимъ явился въ концѣ концовъ редакторъ газеты «Новый Край» капитанъ II ранга Артемьевъ, которому въ приказѣ отъ 22 сентября за № 718 былъ объявленъ выговоръ за то, что въ № 190 ея былъ помѣщенъ приказъ по войскамъ сухопутной обороны крѣпости «безъ соблюденія правилъ цензуры». На сколько такой выговоръ

былъ правиленъ, сейчасъ объясню, какъ мнѣ было разсказано объ этомъ лично редакторомъ. Авторомъ этого приказа, какъ я указалъ выше, былъ ген. Кондратенко, который прислалъ его въ редакцію для напечатанія, увѣдомивъ редактора запиской, что ген. Стессель разрѣшилъ напечатать въ газетѣ; мало того, корректурный листъ всегда проходитъ двойную цензуру—штабовъ укрѣпленнаго раіона и морского, цензоры которыхъ также пропустили напечатаніе его. Получается загадочная картинка,—кто виноватъ? Почему-то оказался редакторъ.

Курьезовъ въ этомъ родѣ было очень много. Здѣсь приведу слѣдующій очень характерный. Въ числѣ военныхъ корреспондентовъ «Новаго Края» былъ молодой, живой, впечатлительный и энергичный баталистъ Ножинъ. Въ погонѣ за сильными ощущеніями и впечатлѣніями, онъ просилъ ген. Смирнова разрѣшить ему сопровождать его при поѣздкахъ по позиціямъ во время боя, т. к. только онъ и объѣзжалъ ихъ въ такіе моменты. Ген. Смирновъ согласился, но предупредилъ его, что онъ можетъ нажить непріятность отъ ген. Стесселя, который очень ревниво относится къ описанію въ газетѣ не его, а кого либо другого, почему совѣтовалъ ему лучше сопровождать этого генерала. На заявленіе Ножина, что поѣздки съ нимъ не интересны, т. к. во время боя онъ никогда не ѣздитъ по ведущимъ бой фортамъ и позиціямъ, а эти моменты его очень интересуютъ, ген. Смирновъ согласился и Ножинъ пристроился къ его свитѣ. Вскорѣ въ газетѣ «Новый Край» появился цѣлый рядъ статей, въ которыхъ яркими красками очерчивались бои и штурмы; причемъ указывалось, что корреспондентъ все это видѣлъ лично, сопровождая ген. Смирнова. Нужно при этомъ замѣтить, что тотъ же Ножинъ, за яркое и красивое описаніе поѣздокъ ген. Стесселя по позиціямъ до штурмовъ японцевъ подъ Артуромъ, получилъ отъ послѣдняго благодарность, выраженную собственноручно генераломъ на его визитной карточкѣ «за правдивое описаніе».

Предсказаніе ген. Смирнова, къ сожалѣнію, не замедлило сбыться; былъ предпринятъ цѣлый походъ противъ «нашей печати», и такъ жалкой по своему содержанію въ то время.

Прежде всего, приказомъ отъ 26 августа за № 579, изданіе газеты было пріостановлено на одинъ мѣсяцъ «за напечатаніе въ ней не подлежащихъ оглашенію свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ». Ничего подобнаго въ этихъ статьяхъ не было, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ ихъ; но допустимъ, что было,—спрашивается, какъ же могли пропустить эти статьи цензоры укрѣпленнаго раіона и кто является отвѣтственнымъ за это? Вновь загадочная картинка. Но всѣмъ стало ясно, что дѣло не въ статьяхъ, а въ чемъ-то другомъ и это «другое» вскорѣ обнаружилось. Приказомъ отъ 18 сентября за № 666 (звѣриное число), газетѣ «Новый Край» разрѣшалось продолжать изданіе, «но безъ права какого-бы то ни было участія корреспондента Ножина», а приказомъ отъ 20 сентября за № 677 военный корреспондентъ Ножинъ лишенъ былъ права «быть военнымъ корреспондентомъ»; свидѣтельство на это право приказано было отобрать отъ него и онъ былъ лишенъ права «посѣщать батареи, форты, позиціи».

Впослѣдствіи я увидѣлъ этого бѣднаго корреспондента чрезвычайно убитымъ и сконфуженнымъ; исчезли съ лица жизнерадостность, сознаніе пользы дѣла и наступила реакція по поводу произвола, насилія и неправды. Но борьба съ несчастнымъ корреспондентомъ на этомъ не окончилась. До слуха ген. Стесселя дошло, что Ножинъ собралъ очень большой матеріалъ по поводу обороны и думаетъ его впослѣдствіи издать. Опасаясь, вѣроятно, что это изданіе будетъ во многомъ не въ пользу его, онъ приказалъ начальнику жандармовъ произвести у Ножина обыскъ, обвиняя его въ «политической неблагонадежности», а записки его арестовать и представить ему для просмотра. Обыскъ былъ произведенъ, ничего не было найдено, но это не остановило бы отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и репрессалій, если бы Ножинъ благоразумно не бѣжалъ изъ Артура на одномъ изъ миноносцевъ, уходившихъ въ Чифу, записавшись охотникомъ-кочегаромъ. Это до того взволновало ген. Стесселя, что онъ началъ обвинять въ измѣнѣ Отечеству и Царю трехъ адмираловъ—Вирена, Лощинскаго и Григоровича, высказавъ

твердое рѣшеніе донести Государю о томъ, что они помогли измѣннику скрыться безнаказанно.

Случаи, подобно описаннымъ, при нашей монотонной безъ всякихъ впечатлѣній жизни, при угнетенномъ душевномъ состояніи подъ вліяніемъ постоянныхъ бомбардировокъ, нѣсколько разнообразили послѣднюю, пополняя ее темами, не имѣвшими отношенія къ боевой обстановкѣ, начинавшей надоѣдать таки порядочно.

Всѣ видимо притомились, устали однообразіемъ; даже солдаты какъ-то болѣе лѣниво поворачивались, болѣе лѣниво ходили и исполняли свои обязанности. Почему приходилось ловить каждый моментъ, выдѣлявшійся по своей обстановкѣ изъ общаго фона бомбардировокъ и штурмовъ. Въ изобиліи появились даже сплетни, иниціаторами которыхъ являлись по обыкновенію дамы, въ достаточномъ числѣ оставшіяся въ Артурѣ на время осады подъ различными предлогами помощи, но въ сущности не пожелавшія разстаться съ своими мужьями, которымъ они порядочно таки мѣшали. Впутываясь невольно въ ихъ служебныя дѣла, онѣ вліяли на раздачу наградъ, если мужья ихъ имѣли право на представленіе къ нимъ.

Одна изъ знакомыхъ мнѣ дамъ увѣряла, что она осталась не безъ пользы, т. к. только и поддерживала энергію своего мужа «Санди» (Александръ), иначе онъ совершенно упалъ бы духомъ. Въ этой увѣренности, она не оставляла его даже во время ночныхъ дежурствъ на батареѣ, куда ей выносили плетеный диванъ, на которомъ она, закутавшись въ бурку, и спала, но до полнаго сна не отпускала отъ себя бѣднаго «Санди», требуя со стороны его услугъ по-минутно —то укутать ноги, то поправить бурку, то положить иначе подушку; дѣло окончилось тѣмъ, что будучи беременной, она родила на седьмомъ мѣсяцѣ, послѣ чего «Санди» проводилъ все время уже дома, но не на батареѣ. Другая изъ дамъ, высокопоставленная, при выѣздѣ своего мужа для осмотра позицій, конечно не во время боя, давала предписанія, гдѣ именно ему ѣздить и что осматривать; она же была его очень настойчивымъ секретаремъ въ перепискѣ, различныхъ донесеніяхъ и въ представ-

леніяхъ къ наградамъ; ея благоволеніе—знаменовало отличія, вражда—позоръ и поношеніе.

Не могу здѣсь пройти молчаніемъ одного очень курьезнаго случая. Согласно приказу по крѣпости, всѣ прибывавшія въ нее лица подъ видомъ корреспондентовъ и иностранцевъ препровождались въ штабъ крѣпости, гдѣ опрашивались, устанавливалась ихъ личность и цѣль прибытія, послѣ чего съ ними поступали сообразно данным ими объясненіямъ и представленнымъ документамъ. Въ сентябрѣ неожиданно прибыли въ портъ на лодкѣ со стороны крейсирующей японской эскадры два господина, объявившіе себя корреспондентами *), которые вмѣсто штаба крѣпости, по приказанію ген. Стесселя, ревниво относившагося ко всѣмъ вообще корреспондентамъ,—были препровождены въ штабъ укрѣпленнаго раіона. Въ тотъ же день онъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ съ шампанскимъ, угостивъ на славу; причемъ за обѣдомъ откровенно изложилъ о состояніи крѣпости и недостаткѣ снарядовъ, а послѣ обѣда разрѣшилъ имъ осмотръ позицій и верковъ; самъ же, измѣнивъ своему обычаю спать послѣ обѣда, приказалъ осѣдлать своего коня и при корреспондентахъ уѣхалъ, объяснивъ, что не терпящія дѣла требуютъ его присутствія на веркахъ. Комендантъ крѣпости, не бывшій на обѣдѣ, получивъ донесеніе, что мнимые французы-корреспонденты, плохо говорящіе по французски и лицемъ похожіе на японцевъ, разгуливаютъ по фортамъ, отправился къ ген. Стесселю и доложилъ ему о такой неумѣстной откровенности съ неизвѣстными лицами, почему просилъ о немедленномъ ихъ арестѣ и препровожденіи въ штабъ крѣпости. Такое предложеніе Коменданта встрѣтило сочувствіе въ лицѣ жены ген. Стесселя, который согласился съ доводами, но отправилъ ихъ лично только на другой день къ линіи японскихъ судовъ; въ своемъ же приказѣ отъ 16 сентября за № 663 обвинилъ во всемъ Коменданта, который будто бы «не

*) Назвались они—одинъ Марселемъ Сметомъ, а другой Эдвиномъ Эмерсономъ, корреспондентами газеты «Matin» и «Chicago News». Въ I изд. ошибочно было указано, что они б. арестованы Комендантомъ и 7 дней были выдержаны на гауптвахтѣ.

организовалъ самаго пріема въ крѣпости прибывающихъ посторонних лицъ».

Не смотря, однако, на всѣ эти развлеченія и отвлеченія у всѣхъ наболѣлъ и всѣхъ долбилъ одинъ и тотъ же вопросъ,—скоро-ли прибудетъ помощь, скоро-ли освободятъ насъ изъ невольнаго заключенія. Находились пессимисты, которые увѣряли, что Артуръ отданъ на съѣденіе японцевъ и роль его—отвлечь силы отъ Арміи ген. Куропаткина, давъ ему собраться съ силами и разрѣшить болѣе важную задачу въ Маньчжуріи; что паденіе Артура не такъ важно и что успѣхъ ген. Куропаткина, если къ тому времени не падетъ Артуръ, повліяетъ и на снятіе японцами осады. Я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и былъ глубокимъ сторонникомъ его; а что гарнизонъ Артура долженъ былъ только выполнить роль отвлеченія силъ японцевъ, основаніе видѣлъ и въ приказаніи флоту пробиться во Владивостокъ. Поэтому, понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я и подобные мнѣ ожидали извѣстій объ успѣхахъ нашей арміи. Помощи мы уже не ждали, но съ петерпѣніемъ ожидали только извѣстій объ успѣхахъ, т. к. съ этимъ связывали ослабленіе осады, которая, если можно такъ выразиться, затягивалась вокругъ шеи узломъ все туже и туже. Но ихъ-то и не было. Телеграмма ген. Куропаткина изъ Мукдена отъ 7 сентября на имя ген. Стесселя гласила: «Получилъ вашу депешу 3 сентября. Сердечно поздравляю съ новымъ успѣхомъ. Мы *усердно готовимся* къ переходу въ наступленіе. 1-й армейскій корпусъ уже прибылъ къ намъ. Богъ вамъ въ помощь; надѣйтесь на выручку. № 1140» (пр. 27 сентября № 709).

Въ ней особенно смущало всѣхъ слово «*усердно готовимся*», т. к. мы давно уже ожидаемъ этого перехода въ наступленіе и подготовка въ продолженіе семи мѣсяцевъ какъ-то не вяжется съ понятіемъ «усердно»; мы очень давно уже *надъемся на помощь и на выручку*, но всему же есть и границы, а мы несомнѣнно подходимъ къ нимъ, т. к. боевые и жизненные припасы уже на исходѣ, а многихъ и самыхъ необходимыхъ даже не хватаетъ, благодаря чему гарнизонъ таетъ не по днямъ, а по часамъ; причемъ,

больные растутъ въ прогрессіи, вслѣдствіе начавшаго развиваться тифа и дизентеріи. Такъ, по приказу отъ 12 октября за № 764, на 20 тысячъ гарнизона—тифозныхъ состояло 450 человѣкъ, дизентеріей 781, цынгой 167, а разнаго рода поносами 74; на развитіе этихъ болѣзней несомнѣнно вліяло очень дурное питаніе (безъ мяса, масла, зелени), а также страшное утомленіе и жизнь на позиціяхъ въ окопахъ.

Между тѣмъ, японцы ни одной минуты не давали отдыха и если не бомбардировали города и порта, что случалось очень рѣдко, то производили ночные штурмы, а въ ночь на 29 сентября едва не обошли нашего лѣваго фланга со стороны форта III и казачьяго плаца; къ счастью, своевременно были обнаружены и отбиты. Въ своей изобрѣтательности они доходили до виртуозности. Тотъ же кап. Вильяминовъ *), зайдя ко мнѣ 29 сентября, между прочимъ разсказалъ о слѣдующей продѣлкѣ ихъ: утромъ 28 сентября впереди японскихъ позицій нижніе чины неожиданно открыли три стога каоляна, которыхъ наканунѣ не было, почему всѣ были крайне удивлены ихъ быстрой постановкой, да еще предъ позиціями; всматриваясь обстоятельнѣе въ нихъ при помощи трубы и бинокля, онъ обнаружилъ, что это были только маты въ видѣ ширмъ, за которыми японцы устраивали батарею и ставили орудія.

Онъ же разсказалъ мнѣ и слѣдующій очень интересный случай, свидѣтельствующій о предчувствіи животныхъ. На его батареѣ былъ маленькій домикъ-баракъ, на чердакѣ котораго жила кошка съ основанія батареи, любимица нижнихъ чиновъ, т. к. постоянно была съ ними, бѣгала по веркамъ и возлѣ орудій и чрезвычайно смѣло вела себя во время бомбардировокъ, всегда присутствуя при орудіяхъ. Кажется, за это мужество больше всего и любили ее нижніе чины, которыхъ она своимъ присутствіемъ пріободривала и

*) Кап. Вильяминовъ состоялъ казеннымъ защитникомъ при судѣ. Изъявивъ желаніе, какъ бывшій крѣпостной артиллеристъ, принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ б. назначенъ командиромъ Саперной батареи, гдѣ въ одну ночь возстановилъ подбитыя орудія и на другой день встрѣтилъ такимъ убійственнымъ огнемъ японскія колонны, что онѣ разбѣжались вслѣдствіе этой неожиданности. За это Вел. и былъ награжденъ орденомъ Георгія.

отвлекала мысли отъ угрожавшей имъ опасности. Такъ какъ она была всегда спокойна и скорѣе апатична къ кипучей дѣятельности на батареѣ при стрѣльбѣ, то всѣ были очень удивлены ея неожиданно наступившимъ нервнымъ настроеніемъ и волненіемъ, а 24 сентября она и совсѣмъ сбѣжала съ батареи. Всѣ посчитали это за дурную примѣту и ожидали несчастья, которое и случилось въ ночь на 26 сентября, когда во время бомбардировки батареи японскій снарядъ попалъ въ домикъ-баракъ и разбилъ его вдребезги. Больше кошка на батарею не приходила.

Я раньше указывалъ уже, что послѣ 9 сентября, дня неудачнаго штурма для японцевъ, бомбардировки города и порта принимаютъ болѣе серьезный почти эпидемическій характеръ, а 18 сентября ими впервые была открыта стрѣльба даже 11″ дюймовыми мортирами и вначалѣ по фортамъ II и III, а потомъ и по городу. Къ нашему счастью, большинство этихъ снарядовъ не разрывалось, иначе дѣйствительно отъ города остались бы одни камни и пыль. Неразрывъ ихъ объясняли тѣмъ, что эти снаряды были предназначены для дѣйствія противъ судовой брони и трубки ихъ были снабжены ударниками очень тугого дѣйствія, дабы, пробивъ броню, они тогда только могли разрываться; почему, при дѣйствіяхъ ихъ о камень, дерево и землю ударникъ не срывался съ мѣста и снаряды свободно зарывались въ грунтъ. Попаданіе такого снаряда въ домъ и вѣроятная возможность этого—сильно разстраивала нервы; ни за одну минуту нельзя было поручиться, что такое чудовище не огрѣетъ васъ съ затылка, оставивъ только одно кровавое пятно; каждый часъ, каждую ночь, каждый день приходилось жить опасностью этого и такъ продолжалось цѣлые мѣсяцы; пытка эта была невыносима и прямо-таки могла довести до сумасшествія; ложась спать, приходилось засыпать съ этой мыслью, прощаясь съ «бѣлымъ свѣтомъ», а вставъ,—благодарить судьбу за дарованіе жизни. Къ концу сентября бомбардировки усилились, а съ 1 октября начали практиковаться систематически ежедневно съ перерывомъ отъ 12—1 часу дня и отъ 6 до 8 или 9 часовъ вечера; ночью прекращались въ 12 или часъ, а возобновлялись иногда съ 4 часовъ утра.

Зная, что у православныхъ 1 октября большой праздникъ, они по времени приблизительно къ срединѣ богослуженія дали по отрядной церкви залпъ изъ орудій большого и малаго калибровъ; къ счастью, въ этой церкви тогда богослуженія уже не было, т. к. она за недѣлю до этого была повреждена снарядами, изъ которыхъ одинъ попалъ въ центральный столбъ въ церкви и разбилъ кіотъ Николая Чудотворца; образъ же остался совершенно не поврежденнымъ. Особенно сильная бомбардировка была въ ночь на 13 октября. Сидя за работой, около половины 12 ночи, я вздрогнулъ невольно отъ страшнаго взрыва, раздавшагося въ городѣ, произведеннаго залпомъ непріятельскихъ снарядовъ; открывъ занавѣску, я увидѣлъ около Набережной въ началѣ маленькое зарево, которое мало-по-малу начало разростаться, охвативъ громадную площадь. Первоначально мнѣ показалось, что горитъ «Паллада», которая стояла въ томъ мѣстѣ у Набережной, но когда пожаръ обнялъ собою громадную площадь и освѣтилъ дальніе предметы, то я успокоился, т. к. горѣли только строенія на Набережной. Погода была очень тихая и ночь лунная; громадный столбъ чернаго дыма, въ видѣ гигантской колонны, упирался въ небесный сводъ, а снизу поднимались длинные языки пламени, лизавшіе столбъ съ разныхъ сторонъ. Съ началомъ пожара, японцы сразу прекратили огонь и это повторялось всегда такъ; тѣмъ не менѣе, пожара не тушили изъ боязни, что огонь можетъ быть открытъ ежеминутно. Горѣли склады купца Гинзбурга и жертвой огня сдѣлалось около тысячи пудовъ сахару; въ послѣднемъ чувствовался уже недостатокъ, но о запасѣ его въ складѣ никто не зналъ, т. к. Гинзбургъ отказалъ войскамъ въ выдачѣ его именно на томъ основаніи, что сахару у него нѣтъ. Послѣ этого случая приказано было осмотрѣть всѣ склады и такіе запасы забрать въ Интендантство путемъ реквизиціи. Еврей и здѣсь сказался, не смотря на увѣренія въ своей дружбѣ къ русскимъ и на оказанное ему довѣріе правительствомъ, а въ особенности Намѣстникомъ.

Пожаръ ночью даже въ обыкновенное мирное время производитъ тяжелое душевное состояніе и разстраиваетъ нервы, а при

нашей обстановкѣ, т. к. въ это время шла орудійная стрѣльба на фортахъ, дѣлало душевное состояніе невыносимымъ. Продолжался онъ цѣлую ночь, а 13 октября, благодаря сильному порывистому вѣтру, раздулся еще сильнѣе и прекратился только утромъ 14 октября.

Въ ночь на это число японцы предприняли также наступленіе на фортъ II и укрѣпленіе III, но съ успѣхомъ были отбиты. Канонада началась около часу ночи и до того разразилась какимъ-то страшнымъ грохотомъ и ревомъ, что я, не смотря на крѣпкій сонъ, неожиданно проснулся и съ тревогой началъ одѣваться, предположивъ, что японцы прорвались въ Артуръ.

Разозленные ночной неудачей, японцы съ злобой начали бомбардировать городъ и портъ 15 октября также залпами, произведя пожаръ въ порту: горѣли мастерскія. Пожаръ также былъ грандіозный и продолжался почти всю ночь; но бомбардировка не прекращалась и я проснулся подъ выстрѣлами. До чего японцы идеально пристрѣлпвались, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ восточномъ бассейнѣ стояла канонерская лодка «Забіяка», на которой помѣщался штабъ начальника отряда миноносокъ; перекидной стрѣльбой черезъ горы «Забіяка» на 3-мъ выстрѣлѣ пошелъ ко дну. Транспортъ «Ангара», стоявшій въ западномъ бассейнѣ, былъ обращенъ въ лазаретъ и въ немъ помѣщалось около 200 раненыхъ, переведенныхъ въ трюмъ, съ цѣлью предохранить ихъ отъ снарядовъ. На второмъ выстрѣлѣ 11″ снарядъ попалъ въ «Ангару» и пробилъ дно, почему она начала тонуть; при этомъ получилась удручающая и поучительная картина спасанія раненыхъ: между ними нѣкоторые были безрукіе, другіе безногіе; такъ какъ прислуги оказалось недостаточно, то кто въ силахъ былъ двигаться,—самъ ползъ на палубу, безногіе же обвивали шеи безрукимъ и они выносили ихъ на своихъ плечахъ, не смотря на испытываемыя страданія отъ не зажившихъ еще ранъ. Тутъ-то вполнѣ сказалась любовь человѣка къ человѣку. Все обошлось благополучно, всѣ спаслись, а «Ангара» вскорѣ кормой затонула, приставъ къ берегу. Въ томъ же бассейнѣ погибъ и

пароходъ минной роты «Новикъ», къ которому пристрѣлялись также почти съ третьяго выстрѣла.

Наступившіе дни, однако, не предвѣщали ничего хорошаго, т. к. по свѣдѣніямъ китайцевъ и плѣнныхъ японцевъ къ 21-му октября, дню рожденія Микадо, предписано было *во чтобы то ни стало взять Артуръ*. Это извѣстіе пріобрѣло характеръ дѣйсвительности. 16 октября была открыта адская бомбардировка по городу, которая продолжалась цѣлый день и ночь на 17 октября, а съ 10-ти часовъ этого дня она пріобрѣла характеръ канонады не столько по городу, сколько по всему сѣверо-восточному фронту нашихъ позицій, въ особенности же по фортамъ II и III и укрѣпленію III; все указывало на новый близкій штурмъ, который и наступилъ около 3-хъ часовъ почти въ первый разъ днемъ. Это былъ второй штурмъ за обладаніе П.-Артуромъ и вызванъ исключительно желаніемъ порадовать своего Императора подаркомъ ко дню его рожденія, судя по безпланности и неподготовленности къ дѣйствіямъ.

Открытая имп въ началѣ страшная артиллерійская канонада побудила защитниковъ укрыться въ блиндажи и сберечь себя для рѣшительнаго удара. Огонь массировался преимущественно противъ форта II и укрѣпленія III; они буквально были закрыты дымомъ отъ разрывавшихся снарядовъ. Предполагая, что защитники достаточно деморализованы артил. огнемъ, непріятель около часу дня пошелъ въ атаку противъ всѣхъ позицій этого фронта. Но японцы ошиблись: наша мужественная артиллерія и герои стрѣлки, вышедшіе изъ своихъ закрытій, открыли по нимъ такой убійственный огонь, что они дрогнули и не успѣли даже развернуться, какъ десятки и сотни ихъ сметались дѣйствительностью нашего мѣткаго огня.

Лишившись временныхъ прикрытій, наши стрѣлки засѣдали въ ямы, вырытыя снарядами, откуда и производили ружейную стрѣльбу по наступающимъ; увидѣвъ же водруженнымъ японскій флагъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ атакуемыхъ укрѣпленій, они, какъ по мановенію, кидались въ штыки и опрокидывали японцевъ съ

крутостей фортовъ, бросали пироксилиновыя шашки, бомбочки и камни. Разсказываютъ, что это былъ одинъ моментъ, пронесшійся ураганомъ и въ воздухѣ мелькали только руки и ноги опрокидываемыхъ японцевъ. Одному приходилось драться противъ десяти; однимъ ударомъ штыка пронизывалось по 2—3 человѣка, которые и скатывались внизъ, образуя холмы человѣческихъ тѣлъ. Эти удары были просто таки невѣроятны по своей силѣ и стремительности.

Форты остались въ нашихъ рукахъ, окруженные грудами тѣлъ и японцы были съ большимъ для нихъ уронамъ отбиты на всѣхъ пунктахъ. Потери наши превышали тысячу человѣкъ; отъ морской роты въ 200 чел. осталось три. Но потери японцевъ далеко превышали наши: отъ четырехъ японскихъ ротъ, атаковавшихъ фортъ II,—не осталось ни одного человѣка; изъ остальныхъ же ротъ уцѣлѣли немногіе и убѣжали; резервы ихъ, двигавшіеся на помощь, но опоздавшіе, были встрѣчены такимъ страшнымъ губительнымъ огнемъ, что разбѣжались раньше прибытія на помощь. Здѣсь я между прочимъ долженъ констатировать очень важный фактъ: японцы дрались хотя и мужественно, шли въ атаку беззавѣтно, но воодушевленіе ихъ было далеко не то, какимъ они обладали въ августовскій штурмъ.

Однако, смѣлый и рѣшительный натискъ японцевъ многихъ заставлялъ призадуматься серьезно, т. к. успѣхъ нашъ обусловливался только опозданіемъ прибытія ихъ резерва.

Не менѣе опаснымъ являлось также и овладѣніе со стороны японцевъ отлогостями нашего форта II и даже частью его рва. Борьба сосредоточивалась болѣе всего у этого форта, о которой я болѣе подробно скажу впослѣдствіи.

Какъ и всегда послѣ такихъ неудачныхъ штурмовъ, японцы озлились, съ утра 18 октября открыли адскую бомбардировку города залпами и вновь зажгли участокъ его по сосѣдству съ только что прекратившимся пожаромъ; разгораясь, огонь захватилъ громадную площадь города и вновь поднялся къ небу гигантскій столбъ чернаго дыма, прорѣзываемый снизу языками пламени.

Въ тотъ же день ген. Стессель отдалъ такой приказъ за № 776: «По свѣдѣніямъ, мною полученнымъ, армія генерала Куропаткина двигается съ успѣхами, причемъ одинъ японскій старшій генералъ взятъ въ плѣнъ; а здѣсь 13 или 14 числа сего мѣсяца тоже одинъ старшій японскій генералъ лишилъ себя жизни. Взятый въ плѣнъ японскій солдатъ при опросѣ почти *не отвѣчалъ*, но *все таки показалъ*, (?) что они *потому торопятся, чтобы взять форты* къ 21 числу, ко дню рожденія Микадо; намъ же извѣстно, что 21 числа сего мѣсяца день Восшествія на престолъ Нашего Великаго Царя. Я васъ знаю и не сомнѣваюсь чья возьметъ; осталось два дня».

Напряженное состояніе еще болѣе усилилось. Эти «два дня» представлялись чѣмъ-то страшнымъ, роковымъ въ нашей страдальческой жизни. День 19 октября прошелъ въ усиленной бомбардировкѣ города и порта; казалось, снаряды летали еще съ большимъ свистомъ и злостью, ломая и ниспровергая все на своемъ пути; одинъ изъ нихъ попалъ въ пожарище и разорвался, поднявъ сажень на 30 вверхъ куски обгорѣвшаго дерева и камней.

Наступило 20 число; всѣ ожидали еще болѣе жестокой бомбардировки, но несчастье пришло къ намъ съ другой стороны. По сосѣдству съ моей квартирой было зданіе минной роты, въ мастерской которой приготовлялись взрывчатыя вещества и находилась масса минъ, динамита и пироксилина. Около 10 часовъ утра раздался страшный оглушительный взрывъ, отъ котораго съ трескомъ разлетѣлись стекла въ моей и сосѣднихъ квартирахъ и задрожали каменныя зданія. Предположивъ взрывъ какого-либо изъ нашихъ фортовъ, я моментально выскочилъ изъ квартиры, но увидѣвъ зданіе минной роты въ пламени, сейчасъ же догадался о несчастьи.

Вскорѣ послѣ этого раздался второй еще болѣе страшный взрывъ, а потомъ послѣдовали третій и четвертый. Оказалось, что благодаря неосторожности, произошелъ первоначально разрывъ мины, а затѣмъ послѣдовательно взрывался динамитъ и пироксилинъ; погибло около 30 человѣкъ. Къ счастью, японцы молчали и видимо любовались этой интересной картиной взрывовъ. Вечеромъ того же

дня они болѣе сдержанно бомбардировали старый и новый городъ, что дало поводъ предполагать подготовку штурма или бомбардировку города 21 числа, въ день Восшествія на Престолъ Государя Императора.

Къ ночи все утихло, но и сами японцы въ эту же ночь не уберегли себя отъ несчастья. Въ послѣднее время они усиленно тралили въ бухтѣ Тахе наши, но больше свои собственныя мины, разбросанныя ими въ разныхъ мѣстахъ, для какой цѣли выходилъ всегда японскій 4 трубный миноносецъ-истребитель въ сопровожденіи 2 номерныхъ миноносцевъ; этотъ истребитель случайно наскочилъ на мину и моментально пошелъ ко дну. Что онъ погибъ отъ собственной оплошности, а не былъ взорванъ брошенной миной съ парового катера броненосца «Ретвизана» подъ командой мичм. Дмитріева, какъ о томъ сообщалось въ «Новомъ Краѣ» на другой день, я провѣрилъ опросомъ многихъ лицъ; дѣйствительно, этотъ катеръ выходилъ тогда съ охотниками въ экскурсію, но до цѣли не дошелъ.

Ночь на 21 число и утро прошли спокойно, что не мало удивило каждаго изъ насъ; но около 10—11 часовъ дня, по сосѣдству съ моей квартирой, у подошвы Перепелки раздался страшный оглушительный взрывъ, отъ котораго каменное зданіе, гдѣ я жилъ, буквально зашаталось. Взрывъ этотъ произошелъ отъ залпомъ брошенныхъ японцами и разорвавшихся снарядовъ большого калибра. Не смотря на то, что квартира моя находилась отъ мѣста разрыва не ближе 300 сажень, осколки полетѣли на крышу зданія и во дворъ. Всѣ снаряды попали въ частные склады, гдѣ хранилось около 1500 п. оливковаго масла, и немедленно же вспыхнулъ грандіознѣйшій пожаръ, еще небывалый до этого времени; пламя поднималось къ небу на высоту не менѣе 15—20 сажень, прорѣзывая громадный густой столбъ чернаго дыма, начинавшаго растилаться по всему городу и вскорости окутавшаго его густой мглой. Жутко было глядѣть на этотъ пожаръ, предоставленный самому себѣ, при невозмутимой тишинѣ въ городѣ; нигдѣ ни одной души на этой улицѣ и только изрѣдка въ боковыхъ видны были

пробѣгавшіе китайцы или солдаты, спѣшившіе на позицію. Произведя пожаръ, японцы начали обстрѣливать городъ и портъ, разбрасывая снаряды въ безпорядкѣ по различнымъ частямъ города. Продолжалась бомбардировка не менѣе 2 часовъ; пожаръ съ одинаковой силой пожиралъ имущество до вечера, но дымился еще и 22 октября.

Такимъ салютомъ японцы привѣтствовали день рожденія Микадо и день Восшествія на Престолъ Нашего Государя.

Итакъ, и на сей разъ японцамъ не удалось порадовать Микадо взятіемъ Артура; духъ же нашего гарнизона значительно возросъ.

Выдержали наши чудо-богатыри. Они выросли, окрѣпли и закалились въ этой гигантской, героической борьбѣ; въ каждомъ изъ насъ жила теперь полная надежда, что Артуръ устоитъ, не будетъ взятъ японцами, а если и возьмутъ его, то только мертвый городъ, въ которомъ ни одного живого защитника уже не останется; каждый падетъ, вѣрный своему долгу и присягѣ.

Да и какъ не устоять Артуру, когда среди его гарнизона явилась героиней даже женщина, вторая Дурова, къ сожалѣнію, убитая 3 октября; это—Харитонъ (Харитина) Короткевичъ, дочь крестьянина Евстафія Верхозина Тобольской губерніи Купанскаго уѣзда Сычевской волости дер. Пастеревой.

Исторія этой героини, какъ это было сообщено въ газету «Новый Край», такова. Выйдя замужъ за буфетчика Кит. Вост. жел. дор. на ст. Барымъ Якова Короткевича, она оказалась отличной хозяйкой и вела очень хорошо торговое дѣло мужа; когда же послѣдній, какъ запасный, былъ призванъ на службу и зачисленъ въ 13-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, расположенный въ Нангалинѣ, то, послѣ нѣкотораго раздумья, и Харитина рѣшила пріѣхать на помощь къ своему мужу. Такъ какъ изъ женщинъ никого на Квантунъ не пропускали, то Харитина отрѣзала свою косу, остригла волосы, переодѣлась въ платье желѣзнодорожнаго служащаго и явилась къ мужу въ Таліенванъ, гдѣ снова переодѣлась въ женское платье. Къ этому времени японцы уже высади-

лись въ Бидзыво и началось ихъ движеніе къ Кинчжоу, куда выступилъ и 13-й полкъ.

Не желая оставлять мужа, она также двинулась съ полкомъ, переодѣвшись въ солдатскую форму съ разрѣшенія полкового начальства и получивъ ружье съ патронами, которымъ она быстро и ловко научилась владѣть; называлась она стрѣлкомъ 7-й роты Харитонъ Короткевичъ. Вскорѣ ей пришлось участвовать въ сраженіи 3 и 13 мая, потомъ на Зеленыхъ горахъ и Куинсанѣ; несла она службу наравнѣ со всѣми солдатами и бывала въ заставахъ и секретахъ. На Угловой горѣ мужъ ея былъ раненъ 6 августа и отправленъ въ госпиталь, куда и она послѣдовала за нимъ, ухаживая за больными, какъ сидѣлка. Но боевая жизнь вновь потянула ее къ себѣ и она ушла съ ротой на Высокую гору, гдѣ помогала убирать раненыхъ. Солдаты очень любили ее за ея тихій хорошій характеръ и мелкія услуги, которыя она оказывала имъ въ видѣ стирки бѣлья, починки платья; часто она дарила имъ гостинцы, которые всегда приносила изъ города. Впослѣдствіи Командующій 2-мъ баталіономъ капитанъ Гусаковскій взялъ ее къ себѣ посыльнымъ; съ нимъ она была въ дѣлѣ 7 сентября на Водопроводномъ редутѣ, а когда онъ перешелъ на Китайскую стѣнку, то и она послѣдовала за нимъ, гдѣ и была убита 3 октября при разрывѣ 11″ бомбы, почти наканунѣ своихъ имянинъ, которыя она собиралась торжественно отпраздновать.

Но и для насъ насталъ истинный праздникъ, который мы испытали, прочитавъ телеграмму Государя отъ 14 августа на имя Командующаго Маньчжурской Арміей, объявленную въ приказѣ по крѣпости 24 октября за № 69. Я привожу ее дословно, какъ историческій памятникъ, объединяющій чувства Государя съ Арміей: «Сегодня, во время совершенія Таинства Св. Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Ея Величество и Я, въ душевномъ помышленіи о Нашихъ доблестныхъ войскахъ и морякахъ на Дальнемъ Востокѣ, въ сердцѣ молитвенно призывали ихъ быть воспріемниками Новокрещаемаго Цесаревича. Да сохранится у него на всю жизнь особая духовная связь со

всѣми тѣми дорогими для Насъ и для всей Россіи, отъ высшихъ начальниковъ до солдата и матроса, которые свою горячую любовь къ Родинѣ и Государю выразили самоотверженнымъ подвигомъ, полнымъ лишеній, страданій и смертельныхъ опасностей». «Николай».

Эта телеграмма, столь трогательная, столь душевная, сливающая во-едино Царя съ Его народомъ, произвела грандіозное впечатлѣніе на гарнизонъ. Да будетъ она завѣтомъ для потомства!.

Непреодолимая тоска, вслѣдствіе неполученія свѣдѣній о семьѣ уже 5-й мѣсяцъ, не покидала меня, да и работа утомляла ужасно, почему являлась просто-таки настоятельная необходимость развлечься, подѣлиться мыслями, узнать что-либо новое. Такимъ для меня лицемъ былъ нашъ Комендантъ, въ котораго я вѣрилъ какъ въ Бога и которому предсказывалъ постоянно побѣду надъ врагомъ и только побѣду. Дѣйствительно, только онъ своими разумными, умѣлыми распоряженіями, при содѣйствіи своего славнаго сподвижника ген. Кондратенко, держалъ и могъ держать защиту крѣпости до смерти послѣдняго защитника; только онъ, благодаря своей находчивости и разумной экономіи въ резервахъ и его распредѣленіи по позиціямъ, противопоставлялъ непріятелю достаточную силу днемъ и ночью на каждомъ пунктѣ. Въ бесѣдѣ съ нимъ какъ-то незамѣтно летѣло время и часто приходилось засиживаться у него далеко за полночь. 24 октября, около 6 часовъ вечера, я и отправился къ нему разбить свою грусть. По обыкновенію, я засталъ генерала въ его неизмѣнной тужуркѣ за письменнымъ столомъ, окруженнаго бумагами, картами, донесеніями, телеграммами. Видимо, онъ чрезвычайно обрадовался моему приходу, т. к. очень радушно привѣтствовалъ и какъ бы съ упрекомъ, что давно уже навѣщалъ его. Правда, я не былъ у него около трехъ недѣль, благодаря сильно одолѣвшей меня модной болѣзни—дизентеріи, отъ которой и въ моментъ прихода не успѣлъ еще оправиться. Такъ какъ работы были покончены и столъ былъ уже накрытъ для обѣда, то онъ любезно пригласилъ меня совмѣстно съ нимъ раздѣлить комендантскій обѣдъ. Я съ радостью принялъ это предложеніе, т. к., признаюсь чистосердечно, за время болѣзни, сидя на одномъ бульенѣ, сильно

отощалъ и проголодался, да и утолить голодъ почти нечѣмъ было. Хотя мнѣ и отпускали ежедневно, какъ генералу, три фунта баранины, (но все таки не конины, которой я не могъ ѣсть по состоянію своего желудка), но это буквально были однѣ только кости отощавшаго животнаго, отъ которыхъ поваръ собиралъ мяса едва на одну котлетку, да и та выходила въ видѣ сухаря, приготовленная на отвратительномъ бобовомъ маслѣ за недостаткомъ коровьяго. Поэтому, комендантскій обѣдъ манилъ и разжигалъ аппетитъ и дѣйствительно я не ошибся: обѣдъ, не смотря на истощеніе запасовъ, былъ близокъ къ хорошему мирному времени. Прежде всего на закуску были приготовлены консервированные грибки на самомъ свѣжемъ по тому времени сливочномъ маслѣ, котораго и за золото въ то время нельзя было достать въ Артурѣ; затѣмъ супъ съ консервированной зеленью и баранье мясо съ чеснокомъ были также приготовлены чрезвычайно вкусно; все это заключилось аппетитнымъ кофе со сливками, чуднымъ краснымъ виномъ и выдержаннымъ 20-ти лѣтнимъ коньякомъ, который можно было пить какъ вино *). Я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; но, не смотря на это, К. Н. подкладывалъ мнѣ кусочекъ за кусочкомъ, подливая въ рюмки вина, похваливая баранину и умѣнье повара приготовить такъ вкусно мясо совершенно истощеннаго животнаго.—«Но онъ и долженъ умѣть вкусно приготовить, чтобы оправдались произведенные мною расходы на него», сказалъ К. Н.; «вѣдь я вывезъ его изъ Варшавы и одинъ провозъ его сюда обошелся мнѣ до 400 рублей. Онъ былъ помощникомъ главнаго повара въ Москвѣ на Николаевскомъ вокзалѣ, и какъ москвичъ, долженъ изъ ничего приготовить вкусное блюдо», сказалъ онъ, смѣясь.—«Недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ самый простой обѣдъ вгоняетъ въ сумму 10—15 рублей, при самой большой его стоимости въ 1—2 рубля». Мы невольно вспомнили при этомъ дорогую намъ Россію и сердце ея Москву, гдѣ такъ вкусно и аппетитно можно

*) Здѣсь замѣчу кстати, что въ Артурѣ былъ большой запасъ самыхъ лучшихъ винъ, коньяку, шампанскаго, ликеровъ и водки. Все это цѣнилось очень дешево и доступно было даже для солдатскаго кармана.

поѣсть, но гдѣ нравы поваровъ и поваренковъ давно уже были испорчены исторически выработанной привычкой обирать своихъ господъ и цѣнить знатность ихъ по тѣмъ шальнымъ деньгамъ, которыя бросались зря.

Перейдя на тему о злобѣ дня, К. Н. ничего опредѣленнаго не могъ сказать о дѣйствіяхъ ген. Куропаткина, отъ котораго уже почти два мѣсяца не получалъ извѣстій. Хотя въ Артуръ и прилетѣли изъ Ляояна четыре почтовыхъ голубя, но безъ телеграммъ, что всѣхъ крайне удивило; приписывали это обстоятельство или небрежности задѣлки телеграммъ, которыя были ими утеряны во время полета, или—что голуби сами удрали изъ голубятни.

Настоящее положеніе К. Н. рисовалъ въ благопріятномъ смыслѣ, т. к. провизіи, собственно муки, должно было хватить до 1-го января, но мяса, овощей, консервовъ хватало только на двѣ—три недѣли. Болѣе всего его безпокоило сильное истощеніе солдатскаго организма вслѣдствіе плохого питанія, результатомъ чего было развитіе болѣзней—дизентеріи, разныхъ видовъ поносовъ, цынги и тифа, а также малый процентъ выздоравливающихъ раненыхъ, организмъ которыхъ требовалъ усиленнаго питанія, при которомъ они быстро поправились бы и возвратились въ строй.

Отсутствіе распорядительности въ заготовленіи гуртовъ скота онъ безусловно ставилъ въ вину ген. Стесселю, который, по его словамъ, подарилъ весь скотъ японцамъ, отсрочивъ реквизицію его до 15 мая. Не менѣе безпокоила его также и громадная потеря въ офицерахъ, которыхъ до конца октября выбыло изъ строя болѣе 300 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми болѣе 100. Наибольшій процентъ офицеровъ относился къ артиллеріи, которая бóльшую половину осады выносила на своихъ плечахъ. О составѣ пѣхоты К. Н. былъ не высокаго мнѣнія, приписывая это молодому составу 7-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи, сформированной только наканунѣ войны; съ другой стороны, массѣ запасныхъ, которые не такъ смѣло и энергично шли въ бой и часто поворачивали назадъ при дѣйствіи пулеметовъ. При этомъ удивленію его не было границъ, что 3-я Вост.-Сиб. стр. бригада (нынѣ дивизія), давно расквартированная въ Артурѣ

и прекрасно знакомая съ мѣстностью, была взята въ Маньчжурію на Ялу, а сюда введена новая 7-я, совершенно незнакомая съ ней. Эту ошибку онъ тоже всецѣло относилъ на счетъ ген. Стесселя.

При этомъ К. Н. разсказалъ мнѣ о трагическомъ случаѣ съ нимъ, едва не окончившемся для него печально. Узнавъ о циркулировавшихъ между солдатами на форту II слухахъ, что ведомыя японцами подъ этотъ фортъ мины имѣютъ цѣлью, путемъ закладки въ нихъ около 300 пудовъ пироксилина, взорвать этотъ фортъ, онъ счелъ своимъ долгомъ явиться туда немедленно и ободрить защитниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему необходимо было лично провѣрить и наши работы, которыя состояли въ рытьѣ контръминъ, чтобы предупредить взрывъ со стороны непріятеля; все сводилось къ тому, кто скорѣе выполнитъ эту работу.

Въ началѣ октября, прибывъ на фортъ, онъ былъ встрѣченъ начальникомъ участка ген. Горбатовскимъ и комендантомъ форта ген. Рѣзниковымъ. Ген. Горбатовскій предупредилъ его, что у него на форту *птички поютъ* безсмѣнно. Поздоровавшись съ людьми и ободривъ ихъ ласковымъ словомъ и шутками, К. Н. началъ выслушивать тутъ же докладъ по защитѣ форта и производству работъ. Такъ какъ пули продолжали сыпаться въ болѣе сильной степени (очевидно, японцы по привѣтствію узнали о прибытіи высшаго начальника), то одинъ изъ унтеръ-офицеровъ доложилъ, что безопаснѣе стать за камнемъ, на который онъ и указалъ. Расположившись на указанномъ мѣстѣ, К. Н. однако почему-то нашелъ его для себя весьма неудобнымъ, почему всталъ и вышелъ на болѣе открытое мѣсто; только что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ неожиданно разорвалась шрапнель на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ тѣмъ онъ находился и нѣсколько осколковъ ея упало почти у ногъ его. Чувствуя себя не безопаснымъ и здѣсь, онъ спустился въ ровъ, продѣланный для сообщенія по форту въ видѣ закрытой галлереи; но не успѣлъ онъ пройти и 10-ти шаговъ, какъ въ это время съ страшнымъ шумомъ и трескомъ около него ударилъ въ стѣнку рва снарядъ 11″ мортиры, который разорвался сзади его шагахъ въ двухъ, отбросивъ его силой разрыва дальше въ глубь рва и при-

валивъ камнями и землей. Въ это время раздался крикъ «убитъ»! Всѣ бросились къ нему; но крикъ этотъ относился къ солдату, слѣдовавшему за нимъ въ трехъ шагахъ сзади, которому отнесло голову.

Только Промыслъ Божій спасъ этого единственно могучаго защитника крѣпости, для чести арміи и счастія Россіи. Всѣ знали, что защита крѣпости только и держится умѣлой рукой К. Н., единственно понимавшаго крѣпостную войну и ловко парировавшаго всѣ хитрости и подвохи ехиднаго противника.

Съ цѣлью убѣдиться, на сколько ходы наши подошли близко къ непріятельскимъ и не пора-ли произвести взрывъ,—К. Н. рѣшается лично проползти въ прорытой контръ-минѣ и выслушать стуки непріятеля. Спустившись въ колодецъ, онъ пополъ подземной галлереей и, достигши конца ея, приложилъ ухо къ скалѣ, прислушиваясь къ раздававшимся стукамъ; послѣдніе указывали близость японцевъ и своевременность взрыва, чтобы разрушить всю ихъ работу.

Дабы вполнѣ обрисовать ту опасность, которой подвергался въ тотъ моментъ К. Н., я долженъ оговориться. Мины и контръ-мины ведутся подъ угломъ съ двухъ сторонъ; съ цѣлью же обмануть противника, въ одной изъ галлерей производятся стуки, а въ другой происходитъ забивка заряда, который черезъ 1—2 минуты можетъ быть взорванъ. Такое именно положеніе могло быть и въ то время, когда К. Н. прислушивался къ японскимъ стукамъ; ежесекундно могъ быть произведенъ взрывъ и генералъ былъ бы погребенъ въ контръ-минѣ.

Выйдя благополучно изъ галлереи и признавая моментъ взрыва назрѣвшимъ, К. Н. приказалъ произвести забивку заряда, послѣ чего, спустя два дня, явился на фортъ и лично соединилъ электрическіе проводы. Произошелъ страшный оглушительный подземный взрывъ и изъ непріятельскихъ колодцевъ и выходныхъ галлерей полетѣли доски, бревна, камни, тѣла японцевъ, дымъ и пыль. Эта катастрофа произвела на японцевъ удручающее впечатлѣніе и ихъ тяжелая продолжительная работа окончилась безрезультатно и пе-

чально. Впослѣдствіи я видѣлъ фотографическій снимокъ этого трагическаго момента.

Долго я засидѣлся тогда у К. Н. Прощаясь со мною, онъ предложилъ мнѣ утромъ слѣдующаго дня поѣхать съ нимъ верхомъ на форты и укрѣпленія, интересуясь въ то же время осмотрѣть и мои владѣнія—перевязочные пункты, которыхъ онъ вмѣстѣ со мною еще не посѣщалъ. Я съ удовольствіемъ согласился; благо погода стояла тогда совершенно лѣтняя, напоминавшая наши родные августовскіе теплые дни.

XI.

Со времени августовскихъ штурмовъ я на позиціяхъ сѣв.-восточнаго фронта не былъ. Какъ устроились и жили на нихъ наши герои защитники и какъ расположился въ отношеніи ихъ непріятель,—меня чрезвычайно интересовало. Почему, возвратившись домой подъ сильнымъ впечатлѣніемъ сообщеннаго и съ мыслью о предстоящей интересной поѣздкѣ, я заснулъ богатырскимъ сномъ.

Рано утромъ меня разбудилъ вѣстовой, доложивъ письмо отъ Коменданта, а также о присылкѣ лошади. Письмо было слѣдующаго содержанія: «Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Посылаю Вамъ верховую лошадь; пріѣзжайте сейчасъ ко мнѣ; мы, согласно вчерашнему уговору, поѣдемъ съ Вами на восточный фронтъ. Искренно Вамъ преданный К. Смирновъ. 27 октября, 7 ч. 40 м. утра.

Моментально одѣвшись и проглотивъ стаканъ чаю, я сѣлъ на лошадь и обливаемый теплыми лучами утренняго только что освѣтившаго землю солнца, поскакалъ къ К. Н.

Эта поѣздка навсегда останется въ моей памяти по своей обстановкѣ. Поэзія и смерть—два совершенно діаметральныхъ полюса; но сочетаніе ихъ производитъ такія ощущенія и впечатлѣнія, которыя рѣдко кому приходится наблюдать, а тѣмъ болѣе переживать въ дѣйствительности.

Войдя къ К. Н., я засталъ его уже готовымъ. Мы сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи его адъютанта пор. Гаммера и конвоя

изъ 5-ти казаковъ, поѣхали по направленію къ восточному фронту. Это была моя первая поѣздка съ К. Н. Мнѣ чрезвычайно понравилась его сердечность при встрѣчѣ съ одиночными людьми и цѣлыми командами, которыхъ онъ неизмѣнно привѣтствовалъ словами: «Здорово, молодцы»!—«Здорово, друзья»!—«Здорово, моряки»!—«Здорово, стрѣлки»! получая на свое привѣтствіе радостный и громкій отвѣтъ: «Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство»! Видимо, его очень любили солдаты. Солнце, поднимаясь все выше и выше, нагрѣвало воздухъ, чистый по своей прозрачности; дышалось такъ легко, свободно; тишина стояла необыкновенная и только быстрый ходъ лошадей производилъ движеніе воздуха. Монголъ генерала темно-гнѣдой масти шелъ весело и энергично, мотая головой и красиво подобравъ шею; мой монголъ сѣрой масти не уступалъ въ быстротѣ хода и шелъ также весело.

Выѣхавъ за ворота внутренней ограды, охранявшейся дружинниками, мы начали подниматься къ Большой горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ на восточномъ фронтѣ, гдѣ была расположена морская батарея изъ четырехъ 75 м/м. орудій. Чтобы сократить путь и избѣжать проѣзда по дорогѣ, постоянно обстрѣливаемой непріятелемъ съ вершинъ Дагушаня и Сягушаня, К. Н. направилъ своего монгола по тропинкѣ на эту гору; мы двинулись за нимъ гуськомъ. Только монгольская лошадь способна взбираться по такимъ крутизнамъ, какую пришлось намъ преодолѣть. Тропинка шла зигзагами и въ иныхъ мѣстахъ лошадь буквально становилась въ отвѣсное положеніе. Наконецъ мы добрались до вершины горы, гдѣ въ закрытомъ помѣщеніи оставили лошадей, а сами взошли на батарею; тамъ К. Н. былъ встрѣченъ командиромъ послѣдней и комендантомъ форта—лейтенантами Б. и В. Какая чудная очаровательная картина представилась моимъ глазамъ съ вершины этой горы! Впереди позиціи открывался восхитительный видъ на Волчьи горы, Шининзинскій перевалъ, горы Куинсанъ, Юпилазу, Зеленыя, Дагушань и Сягушань. Все это ярко и весело освѣщалось солнечными лучами; въ воздухѣ стояла какая-то таинственная тишина, нарушаемая только чиканьемъ пуль и изрѣдка раздававшимися вы-

стрѣлами непріятельскихъ батарей по нашимъ позиціямъ. Впереди позицій и въ городѣ жизнь какъ бы совершенно застыла и замерла; изрѣдка только по дорогамъ и тропинкамъ впереди позицій шли одиночные японцы съ вьючными лошадьми, да и то прикрываясь на своемъ пути рытвинами или холмиками. Ни малѣйшаго признака о близкомъ присутствіи непріятельскихъ позицій. Тутъ только я убѣдился, до чего искусно и мастерски укрывали японцы свои батареи. Вы слышите раздающіеся выстрѣлы, видите разрывающіеся и падающіе снаряды; но откуда они несутся, гдѣ работники,—ни за что не откроете, и можете судить о мѣсторасположеніи ихъ только по догадкамъ. Примѣненіе къ мѣстности прямо таки идеальное; видно стремленіе къ экономіи и въ людяхъ, и въ матеріалахъ. Сзади нашихъ позицій открывался еще болѣе очаровательный видъ на городъ, море, рейдъ и бухту Тахе.

Присматриваясь къ послѣдней, весело игравшей въ лучахъ солнца, я увидѣлъ торчавшія изъ воды трубы злополучнаго миноносца «Лейтенанта Буракова», обнажавшагося до половины во время отлива. Не успѣлъ я вполнѣ отдаться своимъ впечатлѣніямъ, какъ неожиданно раздался орудійный выстрѣлъ и сзади насъ послѣдовалъ разрывъ шрапнели; другой выстрѣлъ послѣдовалъ также вскорѣ за нимъ, но откуда стрѣляли,—не было видно.

— «Вотъ какая теперь война», обратился ко мнѣ К. Н. «Вы противника не видите, да и не увидите; онъ не покажется Вамъ, но будетъ Васъ поражать мѣтко и пулями, и снарядами, разъ найдетъ достойнымъ этого. Станьте за прикрытіе; японцы зорко слѣдятъ за нами въ трубы и особенно энергично охотятся на генераловъ».

Я дѣйствительно стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ, почему невольно приблизился къ щекѣ амбразуры орудія; при этомъ не могъ не назвать такую войну прямо-таки «подлой войной», «войной изъ-за угла», выразивъ свою полную симпатію къ характеру старой, гдѣ враги сходились смѣло и открыто грудь на грудь, работая въ честномъ бою ружьями и кулаками, не прибѣгая къ хитрости и подлому убійству изъ-за угла.

Во время разговора на тему о характерѣ войны,—комендантъ форта доложилъ К. Н., что «Севастополь», какъ сейчасъ сообщено по телефону, открываетъ огонь по непріятельской батареѣ, расположенной вблизи насъ, по прикрытой предгоріемъ. Въ это время дѣйствительно оглушилъ грохотъ съ бухты и надъ нами просвистѣлъ 12″ снарядъ, разорвавшійся съ грохотомъ за указаннымъ предгоріемъ; отвѣтомъ на это было нѣсколько орудійныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ по Заредутной батареѣ. Съ началомъ стрѣльбы даже одиночные люди, сновавшіе въ сторонѣ непріятеля, скрылись и природа стала совершенно мертвой.

Казалось, что выстрѣлы выходили изъ земли и не были дѣломъ человѣческихъ рукъ. Въ воздухѣ стояла такая же тишина, также тихо и привѣтливо лились лучи солнца, согрѣвая и благословляя землю и ея обитателей на мирный трудъ и любовь; но этого-то и не было,—жила одна вражда, ненависть и непремѣнное желаніе умертвить жизнь.

— «Такъ все время воюютъ японцы», добавилъ К. Н., «и вы не увидите ихъ до послѣдняго момента передъ боемъ, когда они полѣзутъ колоннами, подготовивъ сначала атаку на извѣстномъ пунктѣ артиллерійскимъ огнемъ. Хотите пройти на Опасную гору,—тутъ же, по сосѣдству? Имѣйте въ виду только, что туда прійдется идти по дорогѣ, обстрѣливаемой пулями и шрапнелью, если насъ замѣтятъ; необходимо быть другъ отъ друга на разстояніи 10—15 шаговъ. Ѣхать на лошадяхъ нельзя, т. к. обязательно начнутъ стрѣлять, а по одиночнымъ людямъ они стрѣляютъ рѣдко».

Я выразилъ полную готовность. Распростившись съ обитателями Большой, мы пошли на Опасную, спустившись по тропинкѣ въ направленіи къ Дагушаню, изъ-за котораго стрѣльба участилась. Шли, конечно, на рекомендованномъ разстояніи и невольно пробѣгала по тѣлу дрожь при мысли, что вотъ-вотъ пуля пронижетъ голову. Дойдя до памятной тропинки, по которой 5 сентября подъ градомъ пулеметныхъ пуль проходилъ съ секр. С...., я невольно разсмѣялся, вспомнивъ тѣ удивительныя «па» и «антраша», которыя продѣлывалъ С...., разсказавъ объ этомъ К. Н. Но вотъ

мы вышли на открытую дорогу, которая тянулась прямо въ направленіи къ Дагушаню и затѣмъ уже зигзагомъ поворачивала на Опасную. На ней мы совершенно открыто стояли противъ непріятеля, засѣдавшаго въ каждомъ углубленіи, за каждымъ камнемъ, почему настроеніе дѣлалось тревожнѣе и мы ускорили шаги, чтобы скорѣе пройти это разстояніе. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до зигзага, мы повернули на тропинку, которая хотя и круто поднималась къ вершинѣ Опасной, но за то прикрывалась послѣдней со стороны непріятеля. Вслѣдствіе непривычки ходить по такой крутизнѣ, я едва переводилъ духъ и вздохнулъ свободнѣе, добравшись до вершины.

Здѣсь также была расположена батарея изъ морякбвъ и насъ встрѣтилъ командиръ ея мичманъ Л...., хозяинъ двухъ орудій. Отсюда съ вершины открывался такой же очаровательный видъ, но любоваться имъ можно было только сквозь просвѣты блиндажной постройки на самой вершинѣ, благодаря близости этой горы къ Дагушаню. Мнѣ указали на двигавшіеся вьюки непріятеля, которые видны были ясно простымъ глазомъ; люди и нагруженныя лошади также спѣшили пройти открытыя пространства и прикрыться возвышенностями и оврагами; одни двигались на встрѣчу другимъ и чтобы не представлять одной сплошной кучки, обыкновенно расходились другъ отъ друга на приличное разстояніе.

Наблюдая эту картину суетливаго передвиженія, я вздрогнулъ отъ неожиданно раздавшагося страшнаго грохота на Заредутной батареѣ; выскочивъ изъ блиндажа, я увидѣлъ на ней громадный столбъ пыли и дыма, поднимавшійся къ небу и расползавшійся вѣеромъ. Всѣ мы встревожились, предположивъ взрывъ нашихъ фугасовъ или порохового погреба, а съ нимъ и невольныхъ жертвъ. Запросивъ по телефону, К. Н. узналъ, что это дѣйствительно былъ взрывъ нашего порохового погреба отъ попавшаго въ него 11″ снаряда мортиры; къ счастью, взорвался только порохъ, но снаряды не б. повреждены и ихъ засыпало землей; это было кстати, т. к. въ то время ощущался уже большой недостатокъ въ снарядахъ и по необходимости приходилось экономить; тогда уже под-

бирали не разорвавшіеся непріятельскіе снаряды, снаряжали ихъ и стрѣляли ими же по японцамъ. Хотя къ тому времени у насъ и производилась домашнимъ образомъ отливка снарядовъ изъ бронзы и чугуна, но она такъ была медленна, что поставить на всѣ батареи хотя самое незначительное количество снарядовъ было трудно; почему мы всѣ были обрадованы сообщеніемъ, что снаряды уцѣлѣли. При взрывѣ,—часовой б. убитъ, а два—три стрѣлка контужены.

Обсуждая этотъ эпизодъ, мы такъ увлеклись бесѣдой, что и не замѣтили подошедшаго къ намъ священника о. Степана Добротворскаго, который жилъ тамъ же, на Опасной. Представляясь К. Н., онъ сказалъ, что еще ни разу не видѣлъ ни Коменданта, ни ген. Стесселя, почему, узнавъ о пріѣздѣ К. Н., счелъ долгомъ представиться ему. Я былъ раньше еще знакомъ съ этимъ священникомъ. На вопросы К. Н. онъ объяснилъ, что переселился на Опасную недавно и переселеніе его было вызвано массой требъ, отправляемыхъ на фортахъ и батареяхъ; онъ тутъ же на перевязочныхъ пунктахъ напутствуетъ трудно больныхъ, причащаетъ ихъ и хоронитъ, что производитъ на нижнихъ чиновъ отрадное впечатлѣніе. Правда, мнѣ приходилось лично наблюдать, какъ сильно дѣйствуетъ на солдатъ присутствіе въ ихъ средѣ священника, который своимъ добрымъ ласковымъ словомъ ободритъ и утѣшитъ ихъ въ минуты великой опасности.

Тутъ же о. Степанъ, обратившись ко мнѣ и къ К. Н., просилъ оказать ему честь—зайти въ его убогую квартиру и позавтракать чѣмъ Богъ послалъ. Мы охотно согласились на такое любезное приглашеніе и спустились съ батареи нѣсколько ниже, гдѣ находился блиндажъ священника, поселившагося вмѣстѣ съ мичманомъ. Это была яма, вырытая подъ скалой тыломъ къ непріятелю и выходомъ къ морю; она была длиной и шириной не болѣе $1^1/_2$—2 сажень; внутри была выложена досками съ просвѣтомъ для окна; въ углу, около выходной двери, стояла небольшая желѣзная печка, а вдоль стѣнъ—двѣ кровати; свѣтъ проникалъ чрезъ маленькое застекленное окно, около котораго стояла скамейка и

столъ, покрытый бѣлой скатертью. Вскорѣ на столѣ появилась бутылка водки и двѣ бутылки краснаго вина, а также коробка рыбныхъ консервовъ, что насъ удивило, т. к. такихъ деликатесовъ въ то время уже въ крѣпости не было. Она оказалась присланной мичману изъ порта, гдѣ нѣкоторые запасы еще сохранились. Такъ какъ было уже около 11 часовъ дня, а въ поѣздкѣ мы проголодались сильно, то я и К. Н. съ большимъ аппетитомъ выпили по чаркѣ водки и закусили давно не виданной закуской; вслѣдъ затѣмъ вѣстовой поставилъ на столъ дымящуюся кострюлю съ рисовымъ супомъ, который оказался чрезвычайно вкуснымъ, послѣ чего поданъ былъ кофе и ликеръ. Этотъ не затѣйливый завтракъ, при боевой обстановкѣ, подъ звуки свистящихъ снарядовъ и на свѣжемъ воздухѣ оказался очень аппетитнымъ; завязалась веселая бесѣда, милыя воспоминанія и разсказы комичныхъ эпизодовъ; но это игривое и веселое настроеніе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ,—прыжкомъ съ потолка на полъ громадныхъ размѣровъ крысы, которая, посмотрѣвъ на всѣхъ пытливо, моментально юркнула подъ полъ и всѣ усилія о. Степана выгнать ее оттуда оказались безуспѣшны. Распростившись съ добродушными и гостепріимными хозяевами, мы спустились внизъ къ лошадямъ и поѣхали домой.

— «Ну, теперь заѣдемъ ко мнѣ завтракать», сказалъ К. Н. и не смотря на мой энергичный отказъ по случаю усталости, онъ настоялъ на своемъ. Стрѣльба по порту къ этому времени усилилась и выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, попадая большей частью въ воду и вздувая фонтаны высотою до 20—30 сажень.

— «Ну, куда же вамъ ѣхать подъ такой бомбардировкой», сказалъ онъ; «лучше ужъ сядемъ завтракать и если помирать, то вмѣстѣ веселѣе». Правда, снаряды одинъ за другимъ неслись надъ его квартирой и наполняли столовую своимъ страшнымъ жужжаніемъ. Столъ былъ уже накрытъ и вскорѣ на немъ появились на горячей сковородкѣ грибки въ маслѣ, а потомъ баранина съ чеснокомъ; все это было приготовлено такъ вкусно, что аппетитъ, несмотря на недавній завтракъ, проявился съ новой силой. Вслѣдъ

затѣмъ былъ поданъ кофе, сливки, бутылка стараго краснаго вина и выдержаннаго коньяку. Наливъ стаканы и рюмки, мы чокнулись и хотѣли выпить, но въ это время грянула 10″-ка электрическаго утеса, стѣны и стекла задрожали. Это только на минуту остановило насъ и мы, разсмѣявшись такой неожиданности, выпили залпомъ и начали поглощать вкусный кофе, разбавляя его чуднымъ коньякомъ и почти не замѣчая усилившейся канонады.—«Вотъ истинно поэтическая обстановка завтрака», сказалъ К. Н. «Кто въ Россіи повѣрилъ бы, что мы съ вами сидимъ спокойно за столомъ въ столовой и пьемъ также спокойно кофе, болтая весело въ то время, когда надъ нашей головой витаетъ смерть и мы ежесекундно рискуемъ быть раздавленными. Правда, веселая музыка услаждаетъ нашъ кофе и коньякъ»! Дѣйствительно, канонада начала пріобрѣтать болѣе интенсивный характеръ и электрическій утесъ продолжалъ ежеминутно потрясать домъ. Около 3-хъ часовъ дня, когда мы, не вставая изъ-за стола, проводили время въ милыхъ воспоминаніяхъ о дорогой Россіи, попивая дорогое красное вино, доложили о прибытіи начальника эскадры контръ-адмирала Вирена. К. Н. и я вышли къ нему въ кабинетъ, гдѣ Виренъ повѣдалъ намъ печальную новость о «Палладѣ», которую сейчасъ только пробилъ 11″ снарядъ. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ также и начальникъ береговой обороны контръ-адмиралъ Лощинскій и въ еще болѣе печальной формѣ сообщилъ, что снарядомъ насквозь пробита канонерская лодка «Отважный», погрузившаяся въ воду; снарядъ прошелъ чрезъ его каюту и истребилъ всѣ его вещи, благодаря чему онъ остался только въ томъ, что на немъ.

Вернулся я домой около 6 часовъ вечера хотя утомленный, но съ большимъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній.

Эта поѣздка доставила мнѣ большое наслажденіе и еще болѣе потому, что она была сопряжена съ личной опасностью. Невольно вновь тянуло на позиціи въ сферу смерти и страданій. Было-ли это желаніемъ сильныхъ ощущеній или же просто таки развивалась тоска вслѣдствіе однообразной жизни, но дома не сидѣлось. Желанію моему суждено было исполниться вновь и вскорѣ. Около 7

часовъ утра 30 октября я былъ разбуженъ вѣстовымъ, подавшимъ мнѣ письмо; по почерку на конвертѣ я узналъ руку К. Н. Смирнова. Вскрывъ, я прочиталъ записку слѣдующаго содержанія: «30 октября. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Посылаю Вамъ верховую лошадь. Если желаете, то поѣдемте на позиціи и въ штабъ Горбатовскаго. Только благоволите поторопиться. Искренно преданный Вамъ К. Смирновъ».

Одѣться было дѣломъ одной минуты и я, проглотивъ стаканъ горячаго чаю, сѣлъ на лошадь и черезъ 5 минутъ былъ уже у генерала, который предложилъ выпить еще чаю. Я не отказался, такъ какъ на столѣ былъ теплый хлѣбъ и аппетитно высматривало сливочное масло. Послѣ этого мы сѣли на лошадей и поѣхали по направленію къ фортамъ II и III, самымъ опаснымъ по своей обстановкѣ.

Я давно уже видѣлъ милѣйшаго ген. Владиміра Николаевича Горбатовскаго, одного изъ самыхъ симпатичныхъ генераловъ, котораго злополучный языкъ ген. Фока чуть не скомпрометировалъ обычнымъ его терминомъ для всѣхъ русскихъ «трусъ». Реабилитировалъ его только К. Н. Смирновъ, оцѣнивъ по достоинству работу Вл. Ник. на фортахъ и поручивъ ему самый отвѣтственный участокъ.

Онъ не ошибся въ этомъ генералѣ, такъ какъ только Вл. Ник., руководимый неослабно ген. Кондратенко, могъ поддерживать на этомъ участкѣ образцовый порядокъ, не покидая своего поста ни на одну минуту и съ успѣхомъ отражая непріятеля.

Погода была такая же теплая, но пасмурная и пахло дождемъ. К. Н. объявилъ мнѣ, что мы сначала заѣдемъ въ штабъ ген. Горбатовскаго, а потомъ объѣдемъ устраиваемую имъ новую 3-ю линію позицій, которую онъ заранѣе готовитъ на случай овладѣнія непріятелемъ 2-й, и что эта линія исключительно морская, т. к. защита ея будетъ поручена морякамъ, а стрѣлковыя части отойдутъ въ резервъ.

Дорога къ штабу Горбатовскаго, расположенному почти у подножія форта III, между Орлинымъ Гнѣздомъ и укрѣпленіемъ

III, проходила между горъ и почти на половину своего протяженія была открыта для непріятеля. Она еще раньше была знакома мнѣ, именно—со времени выбора мною, какъ предсѣдателемъ комиссіи организаціи перевязочныхъ пунктовъ,—послѣдняго, который я настоялъ отнести отъ кирпичнаго завода на перекрестокъ дороги между Орлинымъ Гнѣздомъ и укрѣпленіемъ III. Это оказалось впослѣдствіи очень полезнымъ, т. к. иначе раненыхъ пришлось бы нести на перевязочный пунктъ у кирпичнаго завода на разстояніи до двухъ верстъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Но какъ съ тѣхъ поръ (съ іюня м.) измѣнились здѣсь условія жизни! Тогда вся эта мѣстность была покрыта зеленой травой и только изрѣдка можно было встрѣтить проѣзжавшаго на фудутункѣ манзу; теперь же вся дорога представляла изъ себя видъ сельской ярмарки: вездѣ по дорогѣ и у подножій горъ были расположены обозы и лошади, стояли отдѣльно двуколки, горѣли костры; люди спали на землѣ у дороги, въ рытвинахъ, въ вырытыхъ ямахъ или между скалъ; нѣкоторые чинили одежду или аммуницію, другіе исправляли двуколки или возились съ лошадьми; одни, болѣе ранніе, пили у костра чай, согрѣтый въ котелкахъ, другіе только кипятили его; запоздавшіе умывались изъ протекавшаго тутъ же параллельно дорогѣ ручейка.

Чѣмъ дальше мы двигались, тѣмъ становилось опаснѣе, жужжанье пуль усиливалось и они съ трескомъ ударяли у ногъ нашихъ въ камни.—«Слышите «*поющихъ птичекъ*», сказалъ К. Н.; «вотъ онѣ постоянно тутъ хороводятся и знаете,—наносятъ намъ порядочный вредъ; отъ этихъ пулекъ ежедневно по всему фронту выбываетъ изъ строя не менѣе 60 человѣкъ ранеными и убитыми». Я вполнѣ сознавалъ опасность, но мнѣ какъ-то и жутко, и пріятно было ѣхать въ этой сферѣ огня; мысль—«ну, хватитъ въ голову»,—невольно мелькала; но тутъ же на смѣну являлась вѣра въ свою судьбу, отъ которой не уйдешь, и на душѣ дѣлалось легче.

Анализируя свои мысли и чувства, я пришелъ къ заключенію, что опасность для жизни ужасна, когда она является неожиданно, захватываетъ человѣка врасплохъ; но мы такъ давно сидѣли подъ

градомъ непріятельскихъ снарядовъ, такъ свыклись съ этой опасностью и приглядѣлись къ ней, что это состояніе обратилось для насъ въ «нормальное». Мысленно я приходилъ къ выводу, что слово «нормальное» совершенно условно и имъ опредѣляется все то, что повторяется ежедневно, стало обыкновеннымъ и вошло въ привычку; а т. к. мы, артурцы, уже четвертый мѣсяцъ спдѣли подъ ежедневными борбардировками и штурмами, то такой порядокъ являлся для насъ *нормальнымъ* и мнѣ даже какъ-то не по себѣ было бы, если бы онъ нарушился и японцы не бомбардировали города.

Наконецъ мы прибыли къ штабу ген. Горбатовскаго, причемъ послѣдніе 200—300 шаговъ проѣхали крупной рысью, т. к. пули свистѣли чаще. Издали помѣщеніе штаба показалось для меня благоустроеннымъ. Оно прикрывалось высокой горой и къ нему нужно было подняться по деревянной очень чисто устроенной лѣстницѣ. Сдавъ лошадей ѣздовымъ, мы вошли въ такъ называемый «павильонъ» (родъ шатра), покрытый палаточнымъ полотномъ и издали казавшійся очень красивымъ. Это была лѣтняя столовая, гдѣ обитатели блиндажа сходились на скудный обѣдъ и ужинъ. Изъ него былъ ходъ въ блиндажъ, въ дѣйствительности оказавшійся ямой, вырытой въ горѣ и сверху приложенной потолочными балками, присыпанными землей на два аршина. Въ этой ямѣ было три перегородки: первая маленькая коморка играла роль прихожей; второе отдѣленіе составляло спальню офицеровъ, гдѣ на трехъ квадратныхъ саженяхъ помѣщалось около семи человѣкъ; высота блиндажа была немного выше роста человѣка и потолокъ поддерживался рядомъ врытыхъ въ землю столбовъ; изъ этого помѣщенія былъ ходъ въ маленькое отдѣленіе—помѣщеніе ген. Горбатовскаго и нач. арт. Потолокъ блиндажа былъ выстланъ досками, сквозь щели которыхъ сыпалась земля. Въ каждомъ отдѣленіи было маленькое окошечко, черезъ которое и проникалъ скудный свѣтъ. Печки не было, но въ помѣщеніяхъ было тепло, благодаря многочисленности жильцевъ, которые своими собственными тѣлами согрѣвали воздухъ, пропитанный сыростью и затхлостью. Всѣ однако были бодры и веселы.

Ген. Горбатовскій объяснилъ намъ, что вечеромъ у нихъ устраиваются даже концерты, благодаря пѣвцу-офицеру, обладавшему чуднымъ голосомъ и знавшему лучшія аріи изъ всѣхъ почти оперъ; что однажды, въ самомъ патетическомъ мѣстѣ аріи изъ Фауста, предъ порогомъ блиндажа грохнулся 11″ снарядъ, который своимъ разрывомъ разнесъ стекла и рамы въ блиндажѣ, но арія не прекратилась и всѣ дослушали ее до конца. Въ павильонѣ намъ предложили чаю и краснаго вина, хотя находиться въ немъ было не безопасно, т. к. пули щелкали ежеминутно. Вскорѣ сюда пріѣхалъ ген. Кондратенко, узнавшій о пріѣздѣ въ штабъ Коменданта крѣпости; тутъ же при мнѣ началось обсужденіе вопроса о наилучшемъ устройствѣ и приспособленіи бойницъ. Я прямо таки поражался вѣрностью и практичностью взгляда К. Н., который ясно и кратко доказалъ всѣмъ, что утвержденный имъ раньше образецъ бойницы наиболѣе пригодный и практичный; тутъ же провѣренъ былъ и математическій разсчетъ направленія траэкторій, полета пуль, угловъ зрѣнія и обстрѣла и сбереженіе защитника отъ всевозможнаго рода случайностей. Всѣ согласились съ нимъ и признали утвержденный образецъ за наилучшій. Попрощавшись съ добрѣйшими хозяевами, мы уѣхали на вновь устраиваемую позицію.

Здѣсь еще немного остановлюсь на личности ген. Горбатовскаго. Вѣжливый и деликатный въ обращеніи съ подчиненными, всегда привѣтливый и жизнерадостный, чрезвычайно осторожный въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, онъ на первыхъ же порахъ моего знакомства съ нимъ пріобрѣлъ мою особенную симпатію. Отличился онъ во время августовскихъ штурмовъ, самыхъ страшныхъ по своей силѣ и стремительности, за что былъ представленъ къ награжденію орденомъ Св. Георгія 4 ст. и уже въ началѣ октября къ награжденію тѣмъ же орденомъ 3 ст. Ему прострѣлили фуражку и пальто, но онъ не былъ раненъ, хотя всегда находился въ сферѣ огня, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ.

Новая и послѣдняя линія позицій тянулась отъ подошвы горы Перепелки (со стороны Казачьяго плаца) черезъ Камеломный кряжъ (Каменоломни) до Большой и Опасной горъ, а дальше на

Крестовыя до моря. Такъ какъ этотъ послѣдній участокъ былъ устроенъ, то оставалось приспособить только къ оборонѣ части его отъ Перепелки до Большой горы.

Здѣсь, при осмотрѣ инженерныхъ работъ, заключавшихся въ устройствѣ ровиковъ, насыпи и батарей, я окончательно убѣдился, на сколько К. Н. обладалъ теоретическими и практическими знаніями по укрѣпленію позицій. Планъ окоповъ, уже тогда рывшихся на значительномъ протяженіи, а также расположеніе батарей на позиціи не оставляли ни одной лощины, ни одного переката безъ обстрѣла; мѣткій и вѣрный взглядъ его еще издали находилъ невѣрное направленіе линіи окоповъ, вслѣдствіе отступленія отъ плана; онъ сразу опредѣлялъ малый уголъ обстрѣла и мертвыя пространства и тутъ же слѣдовали его справедливыя замѣчанія сопровождавшему его строителю инженеру. Осмотръ этотъ мы совершали пѣшкомъ, почему К. Н., не удовлетворяясь общимъ взглядомъ, въ каждомъ сомнительномъ мѣстѣ присѣдалъ въ ровикахъ, практически опредѣляя видимый уголъ обстрѣла. На Каменоломной горѣ я встрѣтилъ своего милаго стараго знакомаго, бывшаго ст. оф. славнаго крейсера «Новикъ», лейт. Хоменко, съ которымъ познакомился еще во Владивостокѣ, гдѣ неоднократно пользовался гостепріимствомъ каютъ-компаніи этого крейсера и гдѣ такъ весело и чудно проводилъ время. Привыкнувъ видѣть его всегда чистенькимъ, въ безукоризненно сшитомъ платьѣ, я былъ пораженъ, увидѣвъ его теперь въ большихъ грязныхъ сапогахъ и въ такомъ же платьѣ; но въ этомъ видѣ онъ мнѣ еще больше понравился, т. к. былъ настоящимъ работникомъ. При видѣ его, меня сразу охватила масса воспоминаній и многое припомнилось изъ нашей прошлой и теперешней жизни.

Съ Каменоломной горы мы спустились въ чрезвычайно глубокую лощину, названную мной *лощиной смерти*, благодаря невѣроятному количеству лежавшихъ въ ней непріятельскихъ снарядовъ, изъ которыхъ одни были въ цѣломъ видѣ, другіе—разорвавшіеся; тутъ же я съ Хоменко нашелъ маленькій 35 м./м. снарядъ, прозванный нами «свистулькой», который давно хотѣлось пріобрѣсти

на память и который лейт. Хоменко презентовалъ мнѣ. Распростившись съ послѣднимъ, мы сѣли на ожидавшихъ насъ въ этой лощинѣ лошадей и поѣхали черезъ Новый городъ (китайскій) завтракать къ К. Н. Подъѣзжая со стороны горы къ его квартирѣ, я былъ пораженъ устройствомъ какъ разъ передъ парадными его ходомъ (но черезъ дорогу) громаднаго загона для свиней, которыя бродили въ изобильномъ количествѣ различныхъ возрастовъ отъ самаго нѣжнаго дѣтскаго до великовозрастныхъ; съ ними помѣщались также коровы, гуси, индюки. Зная приказъ Стесселя, что вблизи жилыхъ помѣщеній разводится вездѣ «грязь и свинство», я возмутился устройствомъ этого загона, да еще передъ парадными подъѣздами Коменданта крѣпости и ген. Стесселя, въ какомъ смыслѣ и выразилъ мои мысли К. Н., сказавъ, что и ген. Стессель, возложивъ на него обязанность искоренять безпощадно это «свинство», останется недоволенъ такимъ его упущеніемъ. На это К. Н., смѣясь, отвѣтилъ мнѣ: «Нѣтъ, не останется, такъ какъ это личное хозяйство и собственность ген. Стесселя».

Позавтракавъ сытно и выразивъ желаніе посѣщать Коменданта хотя разъ въ недѣлю предъ завтракомъ, чтобы окончательно не истощать, я ушелъ домой и хотѣлъ заснуть, но это не удалось по случаю усиленной бомбардировки, продолжавшейся и весь слѣдующій день.

Вечеромъ 1-го ноября я прочелъ приказъ ген. Стесселя по укрѣпленному раіону за № 816 слѣдующаго содержанія: «По полученнымъ свѣдѣніямъ, японцы занимаютъ Ляоянъ, но южнѣе Ляояна на западъ отъ Ташичао находится значительный отрядъ нашей кавалеріи, а на югъ отъ Ташичао, по направленію къ П.-Артуру, движется значительный нашъ отрядъ изъ пѣхоты и артиллеріи»....

Это сообщеніе взволновало меня сильно и я, горя нетерпѣніемъ провѣрить его, на другой же день отправился къ К. Н., въ надеждѣ получить отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія. Оказалось, что это было донесеніе нашихъ лазутчиковъ-китайцевъ, къ которымъ каждый изъ насъ давно уже потерялъ вѣру. Тутъ же К. Н. далъ

мнѣ прочитать протоколъ подробнаго опроса этихъ лазутчиковъ черезъ переводчика, откуда означенное сообщеніе и было взято цѣликомъ для приказа.

Ложность этого сообщенія вскорѣ подтвердилась. Въ приказѣ по укрѣпленному же раіону отъ 5 ноября за № 828 были объявлены копіи слѣдующихъ телеграммъ, полученныхъ въ Артурѣ черезъ одного китайца, который умудрился провезти ихъ въ двойномъ днѣ чайной коробки. Первая телеграмма. «Генералъ-адъютанту Стесселю, 16-го октября. Передавъ обязанности Главнокомандующаго генералъ-адъютанту Куропаткину и отправляясь въ Петербургъ, считаю особымъ долгомъ глубоко и сердечно благодарить доблестныхъ защитниковъ Артура, стяжавшихъ своими подвигами и самоотверженіемъ громкую боевую славу и высокую признательность Царя и Россіи. Да благословитъ и поддержитъ Всемогущій Богъ силы и здоровье Ваше, Вашихъ главныхъ сотрудниковъ и доблестнаго гарнизона на дальнѣйшую упорную и побѣдоносную защиту нашей твердыни на Дальнемъ Востокѣ. Намѣстникъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ».

Эта телеграмма произвела чрезвычайно отрадное впечатлѣніе на всѣхъ; всѣ вздохнули свободнѣе въ увѣренности, что власть теперь будетъ сосредоточена въ однѣхъ рукахъ и уничтожится та двойственность между арміей и флотомъ, которая до настоящаго времени кромѣ вреда ничего не принесла.

Другая телеграмма подтвердила это, почему значительно подняла духъ и настроеніе гарнизона. Она гласила: «Генералъ-адъютанту Стесселю. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Главнокомандующимъ арміями и флотомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Изъ войскъ на театрѣ войны и прибывающихъ корпусовъ формируются три арміи. Командующими арміями назначены: первой—Линевичъ, второй—Гриппенбергъ, третьей—Каульбарсъ. Балтійская эскадра прошла берега Испаніи. Маньчжурская армія, перейдя 22 сентября въ наступленіе, первоначально заставила противника отойти назадъ; но затѣмъ, встрѣтивъ съ его стороны сильное сопротивленіе и послѣ ряда

упорныхъ боевъ, съ 26 сентября по 4 октября остановилась на рѣкѣ Шаохе, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Всѣ три японскія арміи передъ нами, на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Главнокомандующій *надѣется* атаковать противника и двинуться впередъ, будучи увѣренъ, что геройскія войска Артура *продержатся*. Генералъ-лейтенантъ Сахаровъ. Деревня Гауньшань. 19-го октября».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой телеграммы сквозила досадная неопредѣленность, какъ напр., что же собственно произошло съ 4-го по 19-е октября, въ столь значительный промежутокъ времени, когда каждая минута была дорога; неужели все это время ушло на *надежду атаковать* непріятеля, и сколько же предполагаетъ времени Главнокомандующій продержать еще въ пыткѣ Артурскій гарнизонъ, истощенный впродолженіе шестимѣсячной осады и людьми, и провіантомъ, и боевыми припасами. Тутъ уже личная храбрость ничто, если всѣ средства по защитѣ приходятъ къ концу и дѣло дошло до того, что артиллеристы розыскивали непріятельскіе не разорвавшіеся снаряды, чтобы восполнить ихъ недостатокъ. Тѣмъ не менѣе, при чтеніи этой телеграммы каждый невольно кричалъ «ура»! Даже моряки какъ-то пріободрились и воспрянули духомъ. Причина такого радостнаго настроенія, насколько мнѣ удалось выяснить путемъ распросовъ многихъ, заключалась въ слѣдующемъ: 1) въ дѣйствующихъ войскахъ было возстановлено единство власти, столь важное на войнѣ; всѣ видѣли, знали и понимали, что строгое объединеніе власти въ сухопутныхъ и морскихъ японскихъ силахъ дало имъ и перевѣсъ, и первые невѣроятные успѣхи; 2) всякому было очевидно, что Алексѣевъ былъ полководецъ не знавшій и не понимавшій ни арміи, ни флота, ни администраціи; хотя de-facto онъ и не вмѣшивался въ распоряженія ген. Куропаткина, но уже своимъ присутствіемъ стѣснялъ его въ операціяхъ; тѣмъ болѣе, что главное руководство флотомъ сосредоточивалось все таки въ его рукахъ и онъ, мало сознавая причиняемый имъ громадный вредъ, всѣ заслуги относилъ къ флоту даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ исключительно выпадали на долю артиллеріи и сухопутныхъ

войскъ; это развивало досадливое чувство въ войскахъ, порождало не желательный между ними антагонизмъ; 3) его желаніе во чтобы то ни стало возвысить флотъ и спасти его,—приказаніемъ пробиться во Владивостокъ,—погубило окончательно эскадру и послѣ 28 іюня она совершенно перестала существовать; тогда какъ, дѣйствуя совмѣстно съ сухопутными силами, она могла оказать имъ громадныя и незамѣнимыя услуги, а тѣмъ болѣе гарнизону Артура, если-бы только она была подчинена начальнику сухопутныхъ войскъ (я раньше указывалъ уже на скорбный случай во время боя 13 мая при Кинчжоу, а также на дальнѣйшее безнаказанное движеніе японской арміи по Квантуну и совершенно свободное занятіе Дальняго, около котораго могъ бы съ успѣхомъ оперировать нашъ флотъ, мѣшать доставкѣ войскъ, припасовъ, боевыхъ матеріаловъ; между тѣмъ, онъ чинился—и чинился, и только для того, чтобы 28 іюля быть совершенно разбитымъ и уничтоженнымъ), и 4) никто не проститъ Алексѣеву, что онъ, окруживъ себя до войны людьми бездарными, настоящей мишурой,—не позаботился надлежащимъ образомъ укрѣпить Артуръ, вполнѣ обезпечить его продовольствіемъ, войсками, боевыми припасами, опытными начальниками; напротивъ, опьяненный своей громадной властью, не зная и не понимая серьёзнаго положенія, но непомѣрно бряцая оружіемъ,—онъ съ объявленіемъ войны окончательно растерялся, *струсилъ* и упустилъ много удобныхъ моментовъ для нанесенія вреда противнику; почему многіе, считая его виновникомъ войны, которую онъ могъ бы предупредить, считаютъ его и виновникомъ нашего пораженія, нашихъ первыхъ неудачъ на морѣ, которыя повлекли за собою всѣ послѣдующія несчастья; многія дѣйствія его являлись просто таки необъяснимыми, двусмысленными и явно неосновательными.

Всѣ поражались также еще однимъ обстоятельствомъ и именно слѣдующимъ: ген. Куропаткинъ въ серединѣ 1903 года былъ въ Артурѣ, видѣлъ лично его слабыя укрѣпленія, плохое вооруженіе, недостачу провіанта, боевыхъ припасовъ и зналъ немногочисленность его гарнизона (всего двѣ дивизіи противъ 100 тысячной японской арміи съ прекрасной артиллеріей и чудными пулеметами);

тѣмъ не менѣе, онъ все время утѣшалъ скорой и надежной помощью, не присылая ни войскъ, ни припасовъ, ни боевыхъ матеріаловъ (еще до осады). Въ означенной телеграммѣ онъ уже только *надѣется*, что мы *продержимся* и это уже на 9-мъ мѣсяцѣ войны, не оказавъ намъ ровно никакой поддержки и не спѣша даже принять мѣры къ нашему скорѣйшему освобожденію. Это наводило каждаго на мысль, что или ген. Куропаткинъ плохо зналъ наше положеніе, или же мы отдавались прямо таки на съѣденіе японцамъ, что въ особенности просвѣчивало изъ приказанія флоту пробиться во Владивостокъ. Этимъ спасалась честь флота, но значительно ослаблялся успѣхъ обороны.

Конечно, нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что гарнизонъ будетъ держаться и скорѣе погибнетъ весь, чѣмъ допуститъ непріятеля въ крѣпость. Но всему-же есть мѣра и границы!

Между тѣмъ, уже къ началу ноября положеніе гарнизона становилось тяжелымъ. Защитники убывали прогрессивно и къ 1-му ноября больныхъ и раненыхъ дошло до 8 тысячъ; изъ нихъ больныхъ около 2700 человѣкъ на оставшійся гарнизонъ почти въ 26 тысячъ изъ 40.

Плохое питаніе повело за собою заболѣваніе скорбутомъ, куриной слѣпотой и тифомъ, но главное—свирѣпствовала дизентерія (кровавый поносъ) и разнаго вида и формы поносы; раненые прибывали въ госпитали ежедневно, почему послѣдніе оказались на столько переполненными, что больныхъ укладывали въ корридорахъ, т. к. въ палатахъ помѣстить нельзя было уже даже сверхъ нормы. Съ цѣлью сколько нибудь очистить и освободить госпитали для вновь прибывающихъ раненыхъ, приказаніемъ по раіону отъ 4 ноября за № 72, предписывалось: 1) «воинскихъ чиновъ, лишившихся послѣ ранения одной верхней или нижней конечности и съ законченнымъ хирургическимъ леченіемъ (т. е. тотчасъ послѣ операціи), выписывать въ части, въ слабосильныя команды, оставляя въ госпиталяхъ лишившихся только обѣихъ верхнихъ или нижнихъ конечностей; 2) по случаю переполненія госпиталей, скорбутныхъ нижнихъ чиновъ пользовать при частяхъ въ околодкахъ

и только въ самыхъ *необходимыхъ случаяхъ* (?) отправлять въ госпитали.... 4) всѣхъ раненыхъ съ законченнымъ хирургическимъ леченіемъ (тоже самое) или нуждающихся въ маловажныхъ перевязкахъ,—выписать изъ госпиталей въ слабосильныя команды при частяхъ войскъ или въ околодки». Приказаніемъ отъ 8 ноября за № 75 вновь предписывалось: «1) при всѣхъ околодкахъ частей войскъ открыть слабосильныя команды; 2) содержать и пользовать въ нихъ цынготныхъ, легко раненыхъ съ законченнымъ хирургическимъ леченіемъ; 3) въ виду недостатка мѣстъ въ госпиталяхъ, пользовать въ околодкахъ нижнихъ чиновъ больныхъ поносомъ, лихорадкой, бронхитомъ».

Благодаря плохому питанію и отсутствію зелени, смертность въ госпиталяхъ отъ истощенія доходила до 25%; цѣна на продукты, въ особенности мясо, достигла невѣроятныхъ предѣловъ; такъ, корова стоила 900 руб., поросенокъ 50 р., гусь 30 р., курица 15—20 р., яйцо 1 р. 1—50 к.; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ трудно было достать и по этимъ цѣнамъ, т. к. эту живность каждый берегъ только для себя, если у кого что нибудь изъ этого остовалось еще; масла не было совсѣмъ и его замѣняли бобовымъ, молоко цѣнилось до невѣроятности дорого и маленькая бутылочка его, едва въ два стакана, благодаря только реквизиціи, обходилась въ 50 к.; нижнимъ чинамъ мясо почти не отпускалось, оставалась только истощенная безкормицей и непосильной работой конина и мулятина. Муки было достаточно и могло хватить надолго.

Наступившіе холода и жизнь на позиціяхъ въ сырыхъ неотапливаемыхъ землянкахъ или же просто подъ открытымъ небомъ въ ямахъ еще болѣе усиливала заболѣваемость бронхитами, жабами, воспаленіемъ легкихъ и тифомъ. За истощеніемъ боевыхъ средствъ, прибѣгали къ выдѣлкѣ ручныхъ бомбъ и отливкѣ снарядовъ домашними средствами, какъ я указалъ выше.

Таково было положеніе въ началѣ ноября, когда рекомендовалось простосердечно и легко изъ Арміи, обильной *медомъ и млекомъ*,—*продержаться*. Страшно было смотрѣть не только на солдатъ, но даже на офицеровъ оборванныхъ, истощенныхъ и утом-

ленныхъ постоянной работой, отсутствіемъ питанія и жизнью въ землянкахъ. Я сравнительно съ другими, какъ генералъ, жилъ при лучшей обстановкѣ, и то въ первыхъ числахъ ноября заболѣлъ цынгой и страдалъ поносомъ, къ августу перешедшимъ въ острую форму дизентеріи; наконецъ слегъ въ постель, захвативъ простуду легкихъ, которая грозила перейти въ воспаленіе.

Да, тяжелую и грустную картину представлялъ изъ себя несчастный, страдальческій гарнизонъ, выносившій уже на своихъ плечахъ десятый мѣсяцъ войны и седьмой мѣсяцъ самой ужасной изолированной осады. Чувства и впечатлѣнія притупились совершенно; жизнь стала невыносимо тяжелой и человѣкъ прямо таки озвѣрѣлъ, не реагируя уже на несчастья окружающихъ. Прежде погребальные марши трогали душу, вызывали участіе, состраданіе; теперь же это чувство на столько притупилось, что даже не замѣчали этихъ печальныхъ процессій.

День моего ангела 8 ноября прошелъ печально. Отличался онъ отъ прежнихъ дней только отслуженнымъ въ моей квартирѣ молебнемъ и маленькимъ завтракомъ, который раздѣлили со мною Комендантъ крѣпости и близкіе знакомые. Этотъ моментъ любитель фотографъ запечатлѣлъ фотографической карточкой. Да некогда было и веселиться, т. к. непріятель еще съ 7-го ноября началъ штурмы и канонады по городу и порту, зажегши 9-го ноября въ послѣднемъ масло и причинивъ грандіознѣйшій пожаръ, еще небывалый до того времени.

Эти бомбардировки продолжались непрерывно почти всю ночь и слѣдующіе дни, что предвѣщало близкій штурмъ крѣпости. Всѣ готовились къ этому ужасному моменту; каждый понималъ, что онъ будетъ на жизнь и смерть и можетъ быть послѣдній. Въ дѣйствительности это произошло 13 ноября. Я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на третьемъ, самомъ жестокомъ и послѣднемъ штурмѣ. Остальные были уже частичны и направлялись противъ отдѣльнаго укрѣпленія или батареи, а не всего фронта.

Я раньше указывалъ, что ген. Смирновъ предвидѣлъ шахматный ходъ ген. Ноги и не ошибся; онъ разгадалъ его планъ еще

передъ первымъ штурмомъ, почему заранѣе принялъ быстрыя и всѣ зависѣвшія отъ него мѣры и средства къ немедленной и дружной работѣ прежде всего артил. огня на каждомъ данномъ пунктѣ въ опасную минуту. Артиллерія вполнѣ оправдала надежду; она самоотверженно и съ чувствомъ великаго достоинства выполнила возложенную на нее задачу; она дѣйствовала выше всякой похвалы и могу смѣло утверждать, что въ первый и второй штурмы она три четверти работы приняла на себя; эти штурмы были отбиты только ея страшнымъ губительнымъ огнемъ, сметавшимъ иногда въ одну минуту цѣлыя колонны.

Объектомъ третьяго штурма былъ тотъ же, на большую глубину пропитанный человѣческой кровью, многострадальный сѣв.-восточный фронтъ, въ которомъ ген. Ноги рѣшилъ, не считая жертвъ, пробить брешь въ крѣпость «во чтобы то ни стало» и овладѣть послѣдней, такъ страстно желанной не только его арміей, но и всѣмъ японскимъ народомъ.

Увѣрившись окончательно послѣ перваго штурма въ справедливости своихъ предположеній, ген. Смирновъ сосредоточилъ все свое вниманіе на этомъ боевомъ участкѣ. Немедленно же, по его личному приказанію, изъ порта и складовъ было пополнено количество прожекторовъ и свѣтящихся ракетъ, такъ блестяще выполнившихъ впослѣдствіи свое назначеніе; была выработана и установлена сигнализація ими въ чрезвычайныхъ и опасныхъ случаяхъ, вполнѣ понятная артиллеристамъ; распредѣленъ и увеличенъ сосредоточенный огонь батарей на угрожаемыхъ пунктахъ и пополненъ ихъ боевой комплектъ на счетъ флота и имѣвшихся въ ограниченномъ количествѣ запасовъ. Герои стрѣлки и моряки были уже достаточно испытаны, проникнуты боевымъ духомъ дисциплины и закалены въ бояхъ. Можно быть смѣло увѣреннымъ, что ни одинъ изъ нихъ не дрогнетъ въ страшной рукопашной схваткѣ, не уступитъ непріятелю въ лихой храбрости и отвагѣ и не побѣжитъ постыдно съ кроваваго пира, а безповоротно и рѣшительно выполнитъ свой святой долгъ предъ Царемъ и Родиной подъ руководствомъ также закаленныхъ въ бою своихъ храбрыхъ офицеровъ. Всѣмъ

имъ хорошо были извѣстны пріемы японскихъ войскъ, въ должной мѣрѣ они изучили ихъ впродолженіе своей боевой практики. Каждый изъ нихъ былъ надѣленъ въ достаточной степени и средствами обороны въ видѣ ручныхъ бомбочекъ, пироксилиновыхъ шашекъ, пачекъ динамита и т. под. Во многихъ мѣстахъ по пути наступленія непріятеля были заложены новые фугасы, мины и исправлены проводы. Участокъ этотъ ген. Смирновъ подчинилъ неослабному надзору своего славнаго сподвижника ген. Кондратенко, любимца солдатъ не только своей дивизіи, но и другихъ полковъ, благодаря совмѣстной съ ними жизни на позиціяхъ, съ которыми онъ сроднился душей, ободрялъ и утѣшалъ ихъ, шутилъ съ ними въ опасную минуту и посылалъ ихъ въ кровавую баню уже пропитанныхъ духомъ самоотверженія и преданности. Въ качествѣ ближайшихъ руководителей при немъ состояли избранные ген. Смирновымъ и не менѣе испытанные помощники—ген. Горбатовскій и инженеръ подполк. Рашевскій (фортъ II), успѣвавшій чинить въ одну ночь то, что было разрушено за день и умѣвшій предупредить японцевъ на этомъ многострадальномъ форту.

Съ другой стороны, за послѣднее время, благодаря постояннымъ неудачамъ японцевъ, духъ защитниковъ выросъ непомѣрно. Если гарнизонъ и не былъ увѣренъ въ успѣхѣ отстоять крѣпость окончательно, то почти всѣ были убѣждены, что она будетъ долго еще держаться и японцы не скоро преподнесутъ ее въ подарокъ своему народу.

При такихъ обстоятельствахъ наступилъ третій штурмъ, выдѣлившійся изъ остальныхъ своей крайней жестокостью, упорствомъ и чудесами храбрости, проявленной съ обѣихъ сторонъ.

Только благодаря предусмотрительности ген. Смирнова и заранѣе припятымъ имъ мѣрамъ, обезпечившимъ первый успѣхъ и поднявшимъ духъ гарнизона послѣ безславнаго отступленія отъ Кинчжоу,—третій штурмъ былъ отбитъ такъ геройски славно и съ такой честью, что японцы окончательно опѣшили и надежда ихъ—вскорости овладѣть крѣпостью—отодвинулась далеко назадъ.

Въ часъ дня означеннаго числа канонада по городу постепенно была переведена на позиціи и преимущественно сосредото-

чилась на центрѣ ея, у фортовъ II, III, Куропаткинскаго люнета и укрѣпленія III; къ 2-мъ часамъ развитъ былъ адскій огонь, разрушавшій и неиспровергавшій жалкіе остатки нашихъ укрѣпленій, послѣ чего наступила ружейная и пулеметная трескотня, а затѣмъ поведена была одновременно атака на указанныя укрѣпленія. Но то, что произошло съ наступавшими колоннами на фортѣ II, превзошло ожиданія. Японцы наступали тремя колоннами, которыя двигались стройно, перебѣжками одна за другой; вотъ первая колонна достигла гласиса форта, а нѣкоторые отдѣльные отряды пробирались уже на самый фортъ; артиллерія встрѣтила ихъ страшнымъ губительнымъ огнемъ и въ это же время раздался взрывъ, былъ взорванъ фугасъ. Это было такъ неожиданно, такъ поразительно эффектно, что заднія колонны невольно попятились назадъ. Взрывомъ этимъ первая колонна была уничтожена до одного человѣка, а ворвавшіеся на фортъ отряды приняты были въ рукопашную и всѣ пали въ страшной кровавой банѣ. Опомнившись и придя въ себя, японцы еще стремительнѣе бросились на этотъ фортъ, но встрѣченные такимъ же огнемъ, наскочили на второй фугасъ, который прикончилъ и вторую колонну подобно первой. Эти неудачи однако не остановили храбрецовъ; третья колонна еще стремительнѣе пошла впередъ, но еще болѣе губительное дѣйствіе артиллеріи и взрывъ третьяго фугаса проявили тѣ же результаты. Въ какой нибудь часъ перестало существовать до 3—4 тысячъ человѣкъ. Нѣкоторымъ маленькимъ частямъ вновь удалось достигнуть брустверовъ и пропикнуть внутрь форта; уже на одномъ изъ брустверовъ былъ водруженъ японскій флагъ; но при видѣ его, защитники съ такимъ озлобленіемъ бросились на японцевъ, принявъ ихъ въ штыки и ручными бомбочками, что минутъ 10—15 спустя на фортѣ не осталось ни одного непріятеля. Они всѣ пали тамъ вѣрные своему долгу. Этотъ рукопашный бой представлялъ собою нѣчто невѣроятное. Здѣсь ревъ тысячи людей смѣшался въ общій гулъ разрывовъ и лязга оружія; въ человѣкѣ ничего не осталось человѣческаго; удары штыкомъ до того были сильны, что въ рану проникалъ даже до половины стволъ ружья. Разсказываютъ, что одному нижнему

чину осколкомъ шрапнели оторвало часть сидѣнья, но онъ не пошелъ на перевязочный пунктъ, а продолжалъ стрѣлять съ озлобленіемъ; когда же отъ потери крови упалъ въ безпамятствѣ, то его отнесли на перевязочный пунктъ; послѣ перевязки, придя въ себя, онъ отказался ѣхать въ госпиталь, а вновь отправился на фортъ, но къ тому времени бой окончился и онъ былъ отвезенъ въ госпиталь. Другому нижнему чину перебило осколкомъ шрапнели лѣвую руку и онъ потерялъ способность владѣть ею, но на пунктъ не пошелъ, а стрѣлялъ одной рукой черезъ бойницу. Словомъ, въ каждомъ защитникѣ жилъ только звѣрь-человѣкъ, требовавшій крови, крови и крови; если гдѣ и дошла природа человѣка до высшей степени звѣрскаго состоянія, то именно только въ этой кровавой схваткѣ, гдѣ все человѣческое исчезло въ немъ безслѣдно. Точно такія же картины боя повторились и на другихъ укрѣпленіяхъ. Японцы были отбиты на всѣхъ рѣшительно пунктахъ съ страшными потерями; трупы ихъ лежали холмами въ 5—6 футовъ высотою. Къ 4-мъ часамъ дня бой закончился полнѣйшимъ ихъ разгромомъ безъ уступки имъ даже малѣйшей пяди земли. Полагаютъ, что потери японцевъ были за 13 ноября до 10 тысячъ, у насъ же выбыло изъ строя убитыми и ранеными до 1200 человѣкъ. Вечеромъ того же дня со стороны японцевъ было поползновеніе прорваться въ городъ по Казачьему плацу (Сюйшуинская долина) между фортомъ III и укрѣпленіемъ III; но и тутъ имъ не повезло. Страшную картину представлялъ изъ себя одинъ изъ наступающихъ храбрыхъ баталіоновъ, въ которомъ всѣ до одного человѣка оказались перебитыми артил. огнемъ и перерѣзанными; по разсказамъ очевидцевъ, тѣла убитыхъ лежали холмами и между ними въ корчахъ мучились тяжело раненые, что производило потрясающее впечатлѣніе.

Мы привыкли уже къ тому, что послѣ такихъ неудачъ японцы изливали свою злобу и ярость бомбардировкой по городу. Всѣ съ трепетомъ ожидали этого момента, который и наступилъ въ 9 час. вечера.

Сколько мнѣ ни приходилось переносить этихъ бомбардировокъ, но той, которая была произведена въ ночь на 14 ноября,

по своей силѣ и дѣйствительности, по своей ярости и злобѣ, пришлось подвергнуться въ первый разъ за все время осады. Началась она залпами 6″ снарядовъ съ правой стороны города (считая съ западнаго бассейна) и шла влѣво по кругу, потомъ обстрѣливался центръ и наконецъ по радіусамъ. За залпами 6″ снарядовъ непрерывно слѣдовала стрѣльба 11″ снарядами, которые своимъ шипѣніемъ, ревомъ и громомъ разрывовъ буквально заглушали голоса разговаривающихъ. Въ началѣ всѣми овладѣло отчаяніе, а потомъ наступило какое-то пассивное состояніе и покорность судьбѣ; казалось, не было точки въ городѣ, которая не подвергалась бы обстрѣлу. Все время бомбардировки я оставался въ своей комнатѣ и наблюдалъ паденіе снарядовъ въ окно. Ночь была лунная. Не смотря на всѣ просьбы моего милѣйшаго секретаря В. К. перейти въ болѣе безопасное помѣщеніе, я оставался въ комнатѣ, предавшись окончательно волѣ Бога.

Наиболѣе растрогало меня въ этотъ моментъ участіе моего вѣстового Загорнюка, который нѣсколько разъ прибѣгалъ ко мнѣ съ вопросомъ,—«не нужно-ли мнѣ чего нибудь и все ли у меня благополучно», разсказывая въ то же время о сильной «пальбѣ», которая идетъ «по городу». Непреклонность моего рѣшенія—остаться въ своей комнатѣ—основывалась на понятномъ чувствѣ не показать малодушія предъ нижними чинами; съ другой же стороны, во всемъ зданіи единственная моя комната оставалась еще не поврежденной снарядами, въ чемъ я видѣлъ особую милость Божію; кромѣ того, при стрѣльбѣ 11″ снарядами не было безопасныхъ мѣстъ, не спасали иногда даже самые надежные блиндажи.

Прислушиваясь къ реву снарядовъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ анализировалъ мои чувства и мое душевное состояніе: въ началѣ, когда обстрѣливались дальніе пункты, я слѣдилъ за паденіемъ снарядовъ съ любопытствомъ, разрывы ихъ были прямо такіе ужасны; когда же они начали ложиться ближе, то сначала появилось чувство тревоги, а потомъ непонятнаго страха, тогда какъ, казалось бы, я былъ уже достаточно подготовленъ ко всякаго рода случайностямъ; объяснялось же это просто тѣмъ, что наступалъ тотъ моментъ

ожиданія, когда вотъ-вотъ снарядъ грохнетъ въ домъ и мозги разлетятся въ стороны; этотъ моментъ представлялся самымъ ужаснымъ. Вотъ со свистомъ осколки пронеслись мимо, другіе попали на желѣзную крышу и произвели непріятный, щемящій душу лязгъ; ожиданіе, что сейчасъ подойдетъ очередь, чудовище ворвется въ жилище и все размечетъ вдребезги,—довело нервы до крайне напряженнаго состоянія; но вдругъ моментально, положительно неожиданно для меня, наступило чувство полнѣйшаго притупленія нервовъ и какой-то удивительной пассивности; я какъ будто преобразился и въ душѣ водворилось спокойствіе и совершенно безразличное состояніе; я не сознавалъ въ тотъ моментъ, что живу, но вполнѣ чувствовалъ, что и не мертвъ. Изъ этого состоянія вывелъ меня страшный грохотъ вблизи, звонъ разбитыхъ стеколъ и сотрясеніе каменнаго зданія. Я невольно отскочилъ отъ окна и очутился средп комнаты. Вбѣжавшій Загорнюкъ, убѣдившись, что у меня все благополучно, объяснилъ, что сейчасъ 11″ снарядъ разорвался на заднемъ дворѣ нашего зданія, разбивъ каменную стѣну, но никого не ранивъ. Успокоившись, я началъ утѣшать себя, что такіе снаряды производятъ моментальную смерть и совсѣмъ небольно, что переходъ въ вѣчность только при такой смерти совершается безъ мученій. Думая на эту тему, я зажегъ предъ образомъ лампаду, помолился подъ грохотъ снарядовъ Богу и легъ спать, т. к. было уже около часу ночи и я чувствовалъ страшный упадокъ силъ. Обсужденіе перехода изъ бытія въ небытіе незамѣтно перешло въ дремоту, а потомъ и въ глубокій сонъ. На другой день узналъ, что стрѣльба продолжалась до 3-хъ часовъ ночи.

Всего слѣдовательно 6 часовъ страшнаго мучительнаго состоянія и ослабленія нервовъ! Достаточно часъ прожить подъ такимъ впечатлѣніемъ, чтобы пережить то, чего человѣкъ не переживаетъ и во всю свою жизнь. Результатомъ этой стрѣльбы было не мало убитыхъ и раненыхъ и много разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Къ счастью не было пожаровъ.

День 14 ноября прошелъ совершенно спокойно; даже не было обычныхъ по городу салютовъ, какими японцы встрѣчали наши

высокоторжественные дни. Но вечеромъ того же дня, около 5 часовъ, вновь загремѣли выстрѣлы и японцы повели атаку на Высокую гору. Потерявъ надежду пробиться на сѣв.-вост. фронтѣ, они очевидно рѣшили воскресить свои надежды на западномъ. Одинъ изъ ихъ баталіоновъ пошелъ такъ стремительно, что занялъ часть нашихъ окоповъ и блиндажъ; наши отступили, но какъ оказалось впослѣдствіи, умышленно, иначе были бы окружены японцами и вырѣзаны; теперь же честь эта выпала на долю японцевъ: они въ свою очередь были окружены и всѣ до одного перерѣзаны. По разсказамъ очевидцевъ, озлобленіе и ярость защитниковъ перешла предѣлы; тутъ не было пощады даже бросившимъ оружіе; побоище представляло страшную картину изрубленныхъ, исколотыхъ, перебитыхъ и вырѣзанныхъ японцевъ; самыя яркія краски были бы блѣдны при описаніи этого ужаснаго, чудовищнаго и звѣрскаго боя, гдѣ въ горячкѣ рубили и кололи даже мертвыхъ.

Ночь на 15 ноября прошла спокойно, но около 5 часовъ утра вновь загремѣли пушки, вновь начался бой за овладѣніе Высокой, который и продолжался до 5 часовъ вечера. Положеніе крѣпости становилось опаснымъ; люди постоянными боями были измучены до крайности, а замѣны не было, — однимъ и тѣмъ же частямъ приходилось драться безпрерывно; резервы всѣ изсякли и люди съ одного пункта позиціи перебѣгали на другой оказать помощь товарищамъ; полевыя орудія передвигались крупной рысью; между тѣмъ помощь японцамъ была оказана артиллерійскимъ огнемъ и съ моря, откуда также слышна была канонада.

16 ноября бой начался съ новой силой самимъ раннимъ утромъ; наступленіе велось на фортѣ III, но оно стремительно было отбито. Эта неудача не остановила японцевъ и они утромъ же 17 ноября вновь повели атаку на Высокую, которая продолжалась съ небольшими перерывами всю ночь и слѣдующій день 18 ноября.

Сгорая нетерпѣніемъ узнать наше положеніе, я около часу дня этого числа отправился къ ген. Смирнову, котораго къ счастью засталъ дома и въ веселомъ настроеніи. Съ моимъ приходомъ были получены свѣдѣнія, что «японцы наступаютъ на Высокую большими

колоннами» со стороны Голубиной бухты; вскорѣ однако обнаружилось, что это была кавалерія.

— «Ну, это не страшно», сказалъ К. Н.; «два—три залпа и она живо уйдетъ», добавилъ онъ хладнокровно и предложилъ выпить по стакану краснаго вина. Въ разговорѣ онъ передалъ мнѣ, что съ 13 по 17 ноября у насъ выбыло изъ строя 36 офицеровъ и около 4 тысячъ нижнихъ чиновъ только ранеными, не считая убитыхъ; что у него совершенно изсякли резервы; что всѣ войска въ боевой линіи и что положеніе можетъ быть критическимъ, если японцы ударятъ большими силами на какой-либо пунктъ.—«Но и они же пострадали сильно», добавилъ генералъ; «вѣдь у нихъ выбыло изъ строя по моему подсчету не менѣе 15 тысячъ, а неудачи положительно лишили ихъ самообладанія. Вы знаете, я хочу отдать имъ Высокую гору, т. к. черезъ это сократится линія нашего фронта и у меня усилится защита на другихъ пунктахъ». На мое возраженіе, что это сильно повліяетъ на духъ нашихъ войскъ, а благодаря командованію Высокой надъ Новымъ городомъ, бухтой и рейдомъ, нашъ флотъ совершенно погибнетъ, т. к. его немедленно же японцы разстрѣляютъ,—К. Н. согласился, что дѣйствительно жалкіе остатки флота совершенно будутъ уничтожены. — «Ну, будемъ пока держаться, а тамъ какъ Богъ дастъ», добавилъ онъ. Въ это время ему былъ доставленъ запечатанный пакетъ. Вскрывъ, генералъ прочиталъ приблизительно слѣдующее: «Свѣдѣнія отъ китайцевъ черезъ портъ».—«Японцы будутъ вести штурмы 17 и 18 ноября; ихъ пало уже 20 тысячъ. Гору Самсонъ и Кинчжоу взяли русскіе, которые ведутъ успленный бой и дерутся шашками, ружьями и кулаками. Они имѣютъ желтые погоны, ѣздятъ на лошадяхъ, но лица у нихъ не русскія. Контръ-адмиралъ Григоровичъ».

Отрадно и весело стало на душѣ; но когда я вспомнилъ, сколько уже разъ мы были обмануты отрадными вѣстями какъ изъ нашей арміи, такъ и китайцами, то невольно стало тяжело на душѣ. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили, что если эти свѣдѣнія вѣрны, то это должны быть забайкальскіе казаки отряда Ренненкампфа;

однако, довѣрять особенно этимъ извѣстіямъ нельзя, чтобы потомъ не разочароваться. Въ разговорѣ, ген. Смирновъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай: 13 ноября съ позиціи непріятеля показался японскій офицеръ съ флагомъ Краснаго Креста и въ сопровожденіи 10 безоружныхъ человѣкъ; стрѣльбу тотчасъ пріостановили и на встрѣчу имъ вышелъ нашъ офицеръ. Долго они другъ друга не понимали, т. к. нашъ офицеръ не зналъ ни японскаго, ни французскаго языка, но наконецъ объяснились-таки; оказалось, что японцы просятъ позволенія подобрать раненыхъ, розыскать какого-то убитаго принца и подаренную Микадо шашку, на что послѣдовало полнѣйшее согласіе; когда же начали осматривать, то оказалось, что всѣ раненые за ночь замерзли. Отобравъ нѣкоторыхъ мертвыхъ, они ушли, послѣ чего стрѣльба вновь была открыта, когда флагъ Краснаго Креста былъ спущенъ. Генералъ также не допускаетъ, чтобы японцы стрѣляли умышленно по нашимъ санитарамъ или Красному Кресту, выразивъ полную увѣренность, что они именно желаютъ быть *рыцарями*. Вскорѣ раздался звонокъ телефона и послѣдовало донесеніе адм. Лощинскаго, что японскій броненосецъ II-го класса «Саіенъ», обстрѣливавшій наши позиціи на Высокой горѣ, затонулъ, наскочивъ на поставленную нами ночью мину, по поводу чего К. Н. выразилъ большое удовольствіе, т. к. этотъ броненосецъ причинялъ намъ много непріятностей. Между прочимъ, генералъ разсказалъ мнѣ о страшной тревогѣ, поднятой ген. Стесселемъ по поводу исчезновенія изъ Артура кор. Ножина. Пригласивъ къ себѣ по этому поводу его, Стессель началъ допрашивать, въ чьихъ интересахъ было спасти Ножина, котораго онъ обвиняетъ въ государственной измѣнѣ. На это онъ отвѣтилъ уклончиво, сказавъ что ежели Ножинъ уѣхалъ на миноносцѣ, то вѣроятно было въ чьихъ либо интересахъ спасать его. При этомъ ген. Стессель выдалъ себя, сказавъ, что теперь вѣроятно Ножинъ ругаетъ его въ Россіи во всѣхъ газетахъ, а его, Смирнова, хвалитъ.— «Что можно было возразить на это»? смѣясь сказалъ К. Н.— «Видно Стессель очень боится о себѣ гласности, благодаря которой только и можетъ обнаружиться истинная правда, которую

если бы раньше знали Царь и Россія, то не видать бы ему генералъ-адъютантства»!

«Вы знаете, кого Стессель подозрѣваетъ въ качествѣ участниковъ въ побѣгѣ Ножина», продолжалъ К. Н. «Смѣшно сказать, но онъ упорно подозрѣваетъ въ интригѣ противъ него трехъ адмираловъ—Вирена, Лощинскаго и Григоровича, объ измѣнѣ которыхъ и собирается донести Государю, обвиняя ихъ въ томъ, что они умышленно выпустили измѣнника изъ крѣпости и тайно отправили его на миноносцѣ «Расторопномъ» въ Чифу. Не правда-ли эффектно! Но я ему отвѣтилъ, что доносить зря, не будучи въ этомъ увѣреннымъ, и доносить Государю—опасно. Но что всего лучше это разслѣдовать и выяснить». Разсказъ этотъ сильно подѣйствовалъ на меня; я зналъ Ножина хорошо и никогда не допущу и мысли, чтобы онъ могъ обвиняться въ измѣнѣ; съ этой стороны—это былъ совершенно невинный младенецъ. Если онъ и былъ виноватъ въ чемъ, то именно въ томъ только, что въ своихъ корреспонденціяхъ описывалъ работу по защитѣ ген. Смирнова, что было крайне непріятно Стесселю; этимъ умалялось его значеніе. Въ весьма грустномъ настроеніи я ушелъ отъ ген. Смирнова по поводу разсказаннаго имъ.

Неожиданно поразилъ меня приказъ ген. Стесселя отъ 19 ноября за № 867, который привожу дословно: «Брандмейстеръ пожарной команды Вейканенъ укрывалъ у себя бывшаго корреспондента Ножина вопреки приказа Коменданта крѣпости 1903 года за № 69; давалъ для поѣздокъ Ножина по городу пожарныхъ лошадей, за что: 1) отрѣшается отъ должности; 2) предписываю полиціймейстеру привлечь его къ суду за неисполненіе приказа и 3) за незаконное пользованіе казенными лошадьми». Но во 1-хъ, Вейканенъ служилъ брандмейстеромъ по вольному найму и могъ быть только уволенъ отъ этой должности, но не отрѣшенъ; 2) Ножинъ ни въ чемъ еще не обвинялся, жилъ на законномъ основаніи въ Артурѣ во время осады и могъ нанять себѣ квартиру и у Вейканена; единственно, что могло быть поставлено въ вину послѣднему, это дачу Ножину казенныхъ лошадей, но за это онъ подлежалъ только административному взысканію.

18 ноября японцы, какъ я уже указалъ выше, съ самаго ранняго утра начали обстрѣливать лѣвый флангъ и въ особенности Высокую; но всѣ позиціи остались за нами и непріятель ни на шагъ не продвинулся впередъ. Тѣмъ не менѣе, японцы видимо серьезно избрали объектомъ своего дѣйствія Высокую; обстрѣливаніе ея и незначительные пробные штурмы продолжались до 22 ноября, когда канонада съ самаго ранняго утра приняла грандіозный характеръ, предвѣщавшая не менѣе грандіозный штурмъ, который и наступилъ въ ночь на 23 ноября. Штурмъ былъ такъ стремителенъ и поведенъ такими большими силами, что противостоять ему—значило подвергать безполезной рѣзнѣ своихъ солдатъ; позиція была оставлена и защитники отступили на основную позицію въ порядкѣ, а японцы заняли Полуншанъ, Плоскую и Высокую горы, имѣвшія для насъ громадное значеніе. Этимъ боемъ и занятіемъ Высокой японцы съузили линію обороны и на западномъ фронтѣ, заперевъ насъ въ еще болѣе тѣсное кольцо. Такимъ образомъ участь Высокой была рѣшена впродолженіе страшнаго и упорнаго девятидневнаго боя.

Въ то же время,—съ ранняго утра открылась бомбардировка 11″ снарядами по порту. Объектомъ ея, какъ я и предсказывалъ, сдѣлались наши суда, которыя всѣ видны были съ Высокой. Первой была подбита «Полтава», отъ которой виднѣлись изъ воды только мачты; въ такомъ же положеніи очутился вскорѣ и «Ретвизанъ», затонувшій по палубу; 24 ноября была подбита «Побѣда», накренившаяся сильно на бокъ и готовая затонуть ежеминутно; оставались пока «Севастополь», «Амуръ» и «Баянъ».

Тяжело было смотрѣть на этихъ гигантовъ, безпомощно погружавшихся въ воду, сила и стоимость которыхъ не была использована въ войнѣ; невыносимо тяжело дѣлалось на душѣ, при воспоминаніи о боѣ 28 іюля, результаты котораго еще могли быть гадательны, но во всякомъ случаѣ непріятельскому флоту могъ быть нанесенъ большой уронъ, если бы нашъ флотъ вступилъ съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, не давъ преждевременнаго сигнала уходить.

Вечеромъ 23 ноября пришелъ ко мнѣ вѣстовой Загорнюкъ очень угрюмый и въ подавленномъ состояніи, разсказавъ слѣдующее: когда онъ проходилъ по мостовой Набережной, то впереди его разорвался 11″ снарядъ; онъ невольно бросился подъ каменную стѣнку и прижался; когда дымъ отъ взрыва очистился, то оказалось, что осколками снаряда были убиты три ѣхавшихъ на двуколкахъ солдата и лошади; вывалившіяся внутренности солдатъ и лошадей смѣшались; тутъ же въ сторонѣ были убиты два китайца-рикши, черепы которыхъ разлетѣлись и мозги валялись на мостовой. Видимо, это событіе произвело на него ужасное впечатлѣніе; онъ былъ пасмуренъ и весь слѣдующій день, постоянно вздыхая. 24 ноября былъ также раненъ въ голову пулей ген. Церпицкій, исполнявшій должность инспектора госпиталей, который на другой день и умеръ.

По разсказамъ офицеровъ, предъ взятіемъ Высокой японцы просили перемирія для уборки раненыхъ, что и было имъ разрѣшено. Наши и японскіе офицеры сошлись и дружно начали бесѣдовать о событіяхъ войны; тутъ же явилась закуска и фотографія. Японцы остались очень довольны угощеніемъ, но еще болѣе снимкомъ, на которомъ они были сняты совмѣстно съ нашими офицерами. При этомъ въ благодарность за такую любезность обѣщали доставить намъ письма, которыя были захвачены ими и которыхъ накопилось у нихъ много; неоднократно высказывали также одобреніе нашему гарнизону за его умѣнье драться, утверждая, что только русскіе могли до сего времени удерживать Артуръ, иначе ни одни европейскія войска не устояли бы противъ нихъ. Между прочимъ, они выразили удивленіе, что мы такъ быстро укрѣпились съ суши. «Когда предъ началомъ войны», добавили они, «мы оставляли Артуръ, то знали, что у васъ есть кое-какія батареи на берегу моря (именно «кое-какія»); теперь же мы нашли форты и полевыя укрѣпленія на сушѣ. Неужели это сдѣлано было во время осады»?

Да, во время осады и стоило это гарнизону не-человѣческихъ усилій, трудовъ и лишеній.

Такъ какъ нашихъ солдатъ-героевъ около фортовъ и позицій лежало очень много убитыми, то 23 ноября былъ возбужденъ вопросъ о ихъ уборкѣ и погребеніи. Оставленіе ихъ безъ послѣдняго вызывало справедливыя нареканія со стороны защитниковъ и деморализующе дѣйствовало на ихъ духъ. Вслѣдствіе этого 23 ноября Комендантъ поручилъ ген. Кондратенко войти съ японцами въ переговоры, какового числа и состоялась посылка съ этой цѣлью парламентера лейт. Маколинскаго; всего должно быть предано землѣ около 300 труповъ. Свое согласіе на это изъявилъ также и ген. Стессель, почему былъ назначенъ для совершенія обряда священникъ, а мѣстомъ погребенія была избрана дер. Сюйшуинъ. Японцы любезно приняли нашего парламентера и дали полнѣйшее согласіе какъ на уборку труповъ, такъ и на совершеніе церковнаго обряда. Но послѣднему не суждено было совершиться, т. к. неожиданно послѣдовалъ отказъ ген. Стесселя. Это крайне всѣхъ поразило; трупы оставлены были безъ погребенія. Мотивы этого отказа остались неизвѣстны.

Взятіе Высокой, совершенно открытое положеніе Новаго города и порта для дѣйствія японской артиллеріи, затопленіе въ бухтахъ нашихъ судовъ—ставило крѣпость въ очень опасное положеніе.

Броненосецъ «Севастополь», къ тому времени починившійся, съ цѣлью избѣжать участи остальныхъ судовъ, вышелъ въ сопровожденіи семи миноносцевъ на рейдъ къ горѣ Бѣлому Волку. Но въ ночь на 1-е декабря противъ него былъ предпринятъ цѣлый рядъ атакъ со стороны японскихъ миноносцевъ, которыми онъ былъ поврежденъ и выбросился на берегъ.

Въ это же время въ П.-Артуръ прибылъ изъ Шанхая подъ Англійскимъ флагомъ пароходъ съ мукой (50 т. пудовъ) и капустой (5 т. пудовъ). Какъ онъ пробился черезъ непроницаемую блокаду японскихъ судовъ,—осталось неизвѣстнымъ, но означенные продукты были крѣпостью пріобрѣтены.

XII.

Паденіе Высокой горы (высота 203) нисколько не измѣняло общаго плана обороны крѣпости. На случай потери ея, еще за $1^1/_2$ мѣсяца до паденія, въ общемъ планѣ были проэктированы незначительныя измѣненія, выработанныя ген. Смирновымъ совмѣстно съ ген. Кондратенко, Бѣлымъ и полк. Григоренко. Высокая была только передовымъ пунктомъ и противнику нужно было пройти сапой не менѣе $1^1/_2$ версты, чтобы достигнуть гласиса форта V. Паденіе ея имѣло большое значеніе только для нашего флота, который безнаказанно могъ разстрѣливаться во внутреннихъ бассейнахъ, а также для обитателей крѣпости, которые подвергались обстрѣлу въ любой точкѣ ея; не было уже въ ней убѣжища, куда бы можно было укрыться отъ ужасныхъ бомбардировокъ противника. Какъ командующая надъ крѣпостью,—Высокая служила отличнымъ пунктомъ корректированія стрѣльбы.

Появленіе въ сентябрѣ 11″ мортирныхъ снарядовъ хотя и смутило жителей крѣпости и ея защитниковъ, т. к. никто изъ нихъ не предвидѣлъ стрѣльбы такими чудовищами, предъ которыми наши орудія казались игрушками, но съ другой стороны, никто и мысли не допускалъ о сдачѣ крѣпости. Между нижними чинами, освоившимися съ чудовищными снарядами, наблюдался даже подъемъ духа, т. к. для всѣхъ было очевиднымъ, что настала борьба на жизнь и смерть.

Благодаря своей близости къ госпиталямъ, я знаю многихъ больныхъ и раненыхъ, которые торопились выписываться изъ нихъ и даже самовольно убѣгали на позиціи до полнаго излеченія, чтобы вновь сразиться съ непріятелемъ, помѣриться съ нимъ силами еще разъ, хотя для многихъ и въ послѣдній; хотѣлось доказать противнику, что они не пали духомъ и не особенно напуганы его «чемоданами», какимъ названіемъ, шутя, они окрестили мортирные снаряды. Мнѣ извѣстны даже случаи возвращенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ на позиціи изъ госпиталей послѣ троекратныхъ раненій.

Однако, не смотря на такое геройское поведеніе гарнизона, на такой сильный подъемъ его духа,—вопросъ о сдачѣ крѣпости былъ поднятъ совершенно неожиданно. По личному разсказу ген. Смирнова, вопросъ этотъ, хотя и съ большою осмотрительностью, впервые былъ возбужденъ ген. Стесселемъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ черезъ своего нач. штаба полк. Рейса; но предложеніе это было встрѣчено такимъ дружнымъ энергичнымъ протестомъ всѣхъ почти участниковъ совѣта, что обсужденіе его сейчасъ же было снято съ очереди; даже ген. Фокъ, рьяный сторонникъ и приверженецъ взглядовъ ген. Стесселя, высказался публично, что возбужденіе вопроса *о сдачѣ крѣпости* онъ находитъ несвоевременнымъ.

25 ноября, по приказанію ген. Стесселя, полк. Рейсъ увѣдомилъ ген. Смирнова о необходимости собрать Совѣтъ обороны, для обсужденія вопроса о дальнѣйшей защитѣ крѣпости, въ виду «измѣнившейся обстановки съ паденіемъ Высокой горы».

Полагая, что ген. Стессель имѣетъ цѣлью ознакомить съ дальнѣйшимъ ходомъ обороны находившихся не у дѣлъ лицъ, именно—ген. Фока, Никитина и полк. Рейса,—ген. Смирновъ собралъ Совѣтъ. Ген. Кондратенко, дважды вызываемый по телефону, былъ задержанъ на квартирѣ какой-то работой, прибывъ только по окончаніи Совѣта. Изложивъ подробно ранѣе выработанный планъ о дальнѣйшей защитѣ крѣпости, ген. Смирновъ обратился къ присутствующимъ внести какія-либо поправки, но никто ничего не заявилъ. Послѣ этого рѣшено было на этомъ же Совѣтѣ въ предупрежденіе развитія цынги увеличить дачу конины—до $^1/_4$ ф. въ день на здороваго человѣка и до $^1/_2$ ф. на больного. Ген. Смирновъ собирался уже закрыть засѣданіе, какъ поднялся полк. Рейсъ и объявилъ, что онъ, по приказанію начальника раіона, проситъ Совѣтъ «обсудить и рѣшить, когда должна быть закончена оборона крѣпости въ виду недостатка боевыхъ припасовъ, продовольствія, утомленія и болѣзни людей и опасенія рѣзни на улицахъ въ случаѣ затяжки обороны».

Такое предложеніе крайне поразило ген. Смирнова, который въ своей горячей рѣчи указалъ, что хотя снарядовъ и мало, но

для отбитія штурмовъ ихъ хватитъ, а ружейныхъ патроновъ болѣе чѣмъ достаточно; по израсходованіи же этихъ припасовъ, останутся штыки, а слѣдов. съ этой стороны вопросъ не подлежитъ обсужденію. Что же касается продовольствія, то отвѣтъ даетъ интендантскій листокъ, по которому мукой, сухарями, крупой, сушеной зеленью, чаемъ и сахаромъ крѣпость обезпечена болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. Въ виду чего, ранѣе новаго года возбуждать вопросъ о сдачѣ крѣпости не подобаетъ, добавивъ, что «только съ 27 декабря П.-Артуръ выравнивается въ оборонѣ съ своимъ дѣдомъ Севастополемъ».

Всѣ члены Совѣта поддержали ген. Смирнова; все сказанное имъ было занесено въ протоколъ и подписано ими, за исключеніемъ полк. Рейса, который приложилъ свое «особое мнѣніе».

Интересно, что въ надписи своей на означенный протоколъ ген. Стессель отказался въ дачѣ порученія полк. Рейсу возбудить вопросъ о сдачѣ крѣпости. Дѣлая далѣе насмѣшливыя замѣчанія по поводу рѣчи ген. Смирнова, который и до-сихъ поръ не знаетъ, что одновременно, а не порознь сражаются штыками, артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, онъ указалъ, что «самъ знаетъ, когда нужно сдать крѣпость и рѣзни на улицахъ не допуститъ»; увеличенія конины для продовольствія не утвердилъ.

По увѣренію ген. Смирнова, ему положительно извѣстно, что ген. Стессель и полк. Рейсъ наканунѣ заходили къ нѣкоторымъ членамъ Совѣта и старались настроить ихъ въ смыслѣ необходимости сдать крѣпость.

Неосновательное возбужденіе ген. Стесселемъ вопроса о сдачѣ крѣпости во многихъ возбудило подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ нему; въ другихъ же, къ счастью немногихъ, еще болѣе ослабило и безъ того слабый духъ. Нѣкоторые даже публично, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, сопоставляя предложеніе ген. Стесселя о сдачѣ крѣпости съ перемѣщеніемъ его его изъ своей квартиры въ глухую часть города, въ виду опасности отъ мортирныхъ снарядовъ,—ядовито указывали на его февральскій приказъ по крѣпости, въ которомъ онъ, называя ее своей

могилой,—ставилъ гарнизону условіемъ одно изъ двухъ—смерть или побѣду; иногда же цитировали сказанную имъ въ обществѣ офицеровъ фразу, что едва-ли въ Артурѣ найдется такой п....цъ генералъ, который подписалъ бы капитуляцію о сдачѣ крѣпости. Теперь же, придавая приказу этому видъ рекламы, какъ это доказала и исторія съ кор. Ножинымъ, большинство справедливо приходило къ заключенію, что Стессель храбръ на словахъ и только до тѣхъ поръ, пока опасность очень далека. Вообще, возбужденіемъ вопроса о сдачѣ крѣпости и переѣздомъ изъ своей квартиры ген. Стессель много повредилъ своему авторитету между подчиненными. Неудовольствіе росло еще болѣе и потому, что малодушные, признавая *разумность рѣшенія* ген. Стесселя, не желающаго яко-бы дальнѣйшаго пролитія крови, также пропагандировали безполезность сопротивленія. Къ сожалѣнію, къ этому взгляду впослѣдствіи примкнули также два—три командира полковъ, которые, поддерживая предпринятое рѣшеніе въ Стесселѣ, вліяли въ этомъ смыслѣ и на своихъ подчиненныхъ. Словомъ, возбужденіе вопроса о сдачѣ крѣпости произвело не желательный въ гарнизонѣ *расколъ* и *разъединеніе*.

Полагаю, что это обстоятельство, въ виду возможной уже рѣзни между участниками обороны, отмѣнило арестованіе ген. Стесселя, какъ это раньше предполагалось, если бы онъ вздумалъ рѣшительно сдать крѣпость. Но повторяю, что большинствомъ вопросъ о сдачѣ былъ встрѣченъ враждебно; находили, что крѣпость должна быть защищаема до послѣдней крайности. Слишкомъ много уже было пролито за нее русской крови, а еще болѣе затрачено трудовъ и силъ; да и помимо этого, совершенно справедливо признавали, что крѣпость выполняетъ цѣль отвлеченія силъ непріятеля отъ Маньчжуріи.

Не смотря на такое воодушевленіе гарнизона, на твердую рѣшимость его отстаивать крѣпость «во чтобы то ни стало», судьба сулила иначе, пославъ ему первое испытаніе въ смерти ген. Кондратенко, послѣдовавшей въ ночь на 3 декабря, и какъ громовымъ ударомъ поразившей защитниковъ крѣпости.

Убитъ онъ былъ на фортѣ II, куда пріѣхалъ въ сопровожденіи своего штаба около 10—11 часовъ ночи на означенное число. Нужно замѣтить, что частью этого форта уже владѣли японцы. 2 декабря, съ цѣлью выгнать нашихъ защитниковъ изъ остальной части,—японцы напустили въ послѣднюю вонючіе удушливые газы, которые побудили защитниковъ отойти къ концу рва; но эти же газы не позволили и японцамъ занять нашъ участокъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, ген. Смирновъ приказалъ полк. Григоренко принять всѣ мѣры къ провѣтриванію рва и галлереи, а вечеромъ, для изслѣдованія на мѣстѣ положенія вещей, б. командированъ ген. Кондратенко, который по телефону пригласилъ туда же инженера и начальниковъ ближайшихъ участковъ. Маленькое совѣщаніе состоялось въ единственно уцѣлѣвшемъ блиндажѣ, куда однажды попалъ уже 11″ снарядъ; но мѣсто это было задѣлано мѣшками съ землей, бревнами и камнями. По разсказамъ, ген. Кондратенко и его бывшій начальникъ штаба подполк. Науменко сѣли за столомъ спиной къ ранѣе поврежденному мѣсту; остальные стояли вокругъ стола. Японцы очевидно видѣли его пріѣздъ и открыли по фортѣ стрѣльбу. Вскорѣ по пріѣздѣ, одинъ изъ снарядовъ упалъ по срединѣ форта; другой вслѣдъ за нимъ попалъ въ блиндажъ, въ поврежденное уже мѣсто. Газами разорвавшагося снаряда были разрушены затылочныя кости череповъ Кондратенко и Науменко, отъ какихъ поврежденій и послѣдовала ихъ смерть. Тогда же были убиты лучшій и добросовѣстнѣйшій изъ инженеровъ подполк. Рашевскій и еще шесть офицеровъ.

По пріѣздѣ моемъ на панихиду 3 декабря утромъ въ квартиру Кондратенко, тѣло его лежало рядомъ съ тѣломъ Науменко; головы обоихъ были обвязаны бѣлыми платками, завязанными на лбу, съ цѣлью предупредить выпаданіе костей и мозга. Одноименное поврежденіе у обоихъ свидѣтельствовало, что они находились въ одномъ и томъ же положеніи—сидѣли и что одна и та же сила дѣйствовала,—именно—пороховые газы. Погребеніе всѣхъ ихъ состоялось 4 декабря.

Смерть ген. Кондратенко явилась крайне неблагопріятнымъ факторомъ для дальнѣйшей обороны крѣпости. Въ лицѣ его ген.

Смирновъ лишился самаго надежнаго помощника, своей правой руки. Относясь вполнѣ добросовѣстно къ дѣлу обороны и проявляя неутомимую энергію въ работѣ, онъ своимъ посредничествомъ сглаживалъ острыя отношенія между ген. Стесселемъ и Смирновымъ; получая отъ послѣдняго тѣ или другія указанія, онъ немедленно же шелъ къ Стесселю и знакомилъ его съ ними подъ видомъ исходящихъ отъ него личныхъ докладовъ. Совѣтами его ген. Стессель пользовался свободно, не опасаясь, что онъ отниметъ у него лавры, т. к. ген. Кондратенко вѣдалъ только частью пѣхоты и къ другимъ отдѣламъ обороны никакого отношенія не имѣлъ. Въ виду всего этого, для ген. Смирнова первой важности былъ вопросъ, въ какое отношеніе къ нему станетъ будущій нач. сухопутной обороны. Не желая однако видѣть на этомъ мѣстѣ ген. Фока, окончательно сблизившагося съ ген. Стесселемъ,—ген. Смирновъ еще на панихидѣ сообщилъ мнѣ, что къ своимъ обязанностямъ Коменданта онъ присоединяетъ и обязанности начальника сухопутной обороны, съ какой цѣлью сейчасъ же послѣ панихиды ѣдетъ переговорить къ Стесселю. Зная о нерасположеніи его къ ген. Фоку, я объяснилъ рѣшеніе ген. Смирнова принять на себя обязанности начальника сухопутной обороны нежеланіемъ назначенія на этотъ отвѣтственный постъ ген. Фока.

Въ тотъ же день, заѣхавъ ко мнѣ, К. Н. съ грустью объявилъ о своей неудачѣ, такъ какъ Стессель на его предложеніе отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, объяснивъ, что на должность начальника сухопутной обороны онъ назначилъ уже приказомъ Фока; когда же ген. Смирновъ замѣтилъ, что приказъ можно и отмѣнить, ген. Стессель рѣзко отвѣтилъ: «Своихъ приказовъ я никогда не отмѣняю», на чемъ и окончился разговоръ. Разсказывая объ этомъ, ген. Смирновъ закончилъ такъ: «Въ скоромъ времени вы будете свидѣтелемъ быстрой сдачи фортовъ ген. Фокомъ».

Къ несчастью, предсказаніе его не замедлило сбыться. Но не одинъ ген. Смирновъ боялся этого назначенія; этому не сочувствовали и лучшіе представители гарнизона, будучи увѣрены, что быстро пойдемъ отступать и уступать то, что добыто потомъ и кровью и

что удерживалось съ такимъ непосильнымъ трудомъ. Всѣмъ еще памятенъ былъ Фокъ своимъ быстрымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ отступленіемъ передъ передовыми частями японской арміи отъ Саншилипу до Кинчжоу и отсюда до фортовъ Артура; никто не оправдывалъ его въ томъ, что бой подъ Кинчжоу выдержалъ одинъ только многострадальный боевой 5-й полкъ, который не только не получилъ «спасибо» за свою службу, но не былъ впущенъ даже въ крѣпость изъ-за какихъ-то *страховъ* отъ *болтовни* солдатъ и все время оставался въ арріергардѣ, до вступленія дивизіи въ крѣпость. Я никогда не забуду того гомерическаго хохота среди офицеровъ, которымъ было встрѣчено сообщеніе, помнится, на страницахъ «Маньчжурскаго Вѣстника», прочитанное уже на пароходѣ «Австралія», при возвращеніи нашемъ въ Россію, что Фокъ былъ уведенъ съ позиціи Кинчжоу послѣднимъ и въ слезахъ. Кто написалъ такое ложное, неправдивое сообщеніе,—положительно непонятно; но если кто либо изъ сторонниковъ Фока, то онъ этимъ оказалъ ему плохую, медвѣжью услугу.

3 декабря неожиданно разнеслась по городу вѣсть, что ген. Стессель приготовляетъ свои вещи къ отправкѣ, для чего заказалъ уже ящики. Извѣстіе это, въ связи съ назначеніемъ Фока начальникомъ сухопутной обороны, усилило тревогу гарнизона, опасенія котораго вскорѣ дѣйствительно оправдались, такъ какъ 5 декабря послѣдовала сдача форта II, о чемъ не былъ увѣдомленъ даже Комендантъ крѣпости. По личному разсказу К. Н., сдача эта произошла при такихъ обстоятельствахъ. Въ 11 ч. утра на брустверѣ форта японцы произвели три взрыва, причемъ однимъ изъ нихъ была образована воронка, которую, какъ я указалъ выше, защитники не рѣшились вѣнчать; но и японцы не сдѣлали этого, благодаря страшному огню Орлинаго Гнѣзда и Заредутной батареи. Вечеромъ, съ заходомъ солнца, около воронки появился японскій флагъ и японцы начали укладывать мѣшки, а въ 11 ч. вечера фортъ былъ уже сданъ и казематы взорваны. Фортъ сдалъ новый комендантъ его шт.-кап. Кватцъ по распоряженію нач. участка подполк. Глаголева, получившаго на это приказаніе ген. Фока, не вы-

ждавъ даже прибытія на мѣсто нач. отдѣла обороны ген. Горбатовскаго. Всѣ орудія и даже пулеметы были оставлены на форту. На вопросъ Коменданта ген. Фоку, на какомъ основаніи сданъ фортъ и кто разрѣшилъ это сдѣлать, Фокъ отвѣтилъ, что на это онъ получилъ приказаніе ген. Стесселя; когда же ген. Смирновъ замѣтилъ ему, что пока еще Царскимъ велѣніемъ Комендантомъ крѣпости состоитъ онъ, которому подчиненъ и онъ, ген. Фокъ, и что онъ не долженъ былъ этого дѣлать безъ разрѣшенія Коменданта, то Фокъ отвѣтилъ, что онъ искалъ квартиру его, ген. Смирнова, по сосѣдству съ новой квартирой ген. Стесселя, но тамъ не могъ найти, почему своевременно и не доложилъ.

Впослѣдствіи, приказомъ отъ 14 декабря за № 961, ген. Стессель, измѣнивъ редакцію донесеній Глаголева и Кватца о сдачѣ форта, обратилъ все это дѣло въ подвигъ.

Тогда же К. Н. сообщилъ мнѣ, что ген. Стессель категорически воспретилъ ему дальнѣйшее устройство 2-й (морской) линіи укрѣпленій, изъ чего я положительно заключилъ, что ген. Стессель еще 3 декабря задумалъ сдать крѣпость.

7 декабря за № 1282 ген. Смирновъ послалъ Главнокомандующему шифрованную депешу, въ которой доносилъ о сдачѣ форта II безъ его вѣдома и просилъ о подтвержденіи ген. Стесселю «правъ Коменданта крѣпости, съ воспрещеніемъ его вмѣшательства» или же «о снятіи съ него, ген. Смирнова, великой отвѣтственности за послѣдующую оборону крѣпости» и о сложеніи съ него «обязанностей Коменданта».

15 декабря взятъ былъ фортъ III. Это несчастье также приписывали ген. Фоку, который, вопреки приказаніямъ ген. Смирнова, никогда не имѣлъ въ нужномъ мѣстѣ достаточнаго резерва, сберегая его для какой-то особой цѣли и своими рѣчами окончательно деморализируя гарнизонъ. Съ потерей фортовъ явилась и невѣроятная поспѣшность въ постановкѣ на очередь вопроса о сдачѣ крѣпости. Совѣтъ, по приказанію ген. Стесселя, собрался въ 6 ч. вечера 16 декабря, на которомъ онъ предложилъ каждому изъ членовъ высказать совершенно откровенно свое мнѣніе о положеніи крѣ-

пости, объявивъ, что въ концѣ засѣданія ознакомитъ членовъ съ запиской, которую при этомъ держалъ въ рукахъ. Всѣхъ членовъ было 21 *), въ томъ числѣ и ген. Стессель. Подполковники Гандуринъ, Дмитревскій и полк. Рейсъ стояли положительно за сдачу крѣпости, подполк. Покладъ и полк. Савицкій и Грязновъ высказались неопредѣленно; Рейсъ настойчиво указывалъ, что миссія Артура въ смыслѣ защиты флота кончилась, т. к. послѣдній пересталъ существовать; для арміи же, которая собралась давно уже въ большихъ силахъ, Артуръ вовсе не нуженъ. «Дальнѣйшая защита его», закончилъ онъ,—«можетъ привести только къ рѣзнѣ на улицахъ, чего не должно допускать». Ген. Фокъ уклонился отъ отвѣта. Всѣ остальные члены, въ томъ числѣ адмиралы Вирен и Лощинскій высказались безусловно за дальнѣйшую защиту. Генералъ Смирновъ въ своей горячей рѣчи изложилъ, что въ каждой крѣпости имѣется Высочайше утвержденная секретная инструкція, въ которой категорически указывается *цѣль и назначеніе крѣпости* на театрѣ войны, по которой Комендантъ и судитъ, въ какой степени крѣпость *выполнила свое назначеніе*. Одна изъ такихъ задачъ—*служить прибѣжищемъ и защитой флоту*—исчерпана; но другая—*содѣйствовать стратегическому развертыванію нашей арміи*—далеко не закончена и крѣпость безусловно должна вести оборону до полнаго истощенія силъ и средствъ, чего еще не наступило, а потому оборона обязательна. Изложивъ дальнѣйшій планъ обороны, ген. Смирновъ закончилъ такъ: «Новая позиція, благодаря своей силѣ и удобствамъ, позволитъ намъ держаться не менѣе трехъ недѣль; къ этому времени и средства наши будутъ на исходѣ, а потому и вопросъ о дальнѣйшей жизни крѣпости будетъ на очереди».

Выслушавъ все это, ген. Стессель возразилъ, что вторая позиція никакой силы не представляетъ, а затѣмъ, поблагодаривъ

---

*) Члены совѣта: генералы Смирновъ, Фокъ, Бѣлый, Надѣинъ, Никитинъ, Горбатовскій, контръ-адмиралы Вирен, Лощинскій, полк. Хвостовъ, Рейсъ, Петруша, Семеновъ, Савицкій, Грязновъ, Мехмандаровъ, Ирманъ, Григоренко, подполк. Дмитревскій, Некрашевичъ-Покладъ, Гандуринъ.

всѣхъ за рѣшимость вести дальнѣйшую защиту крѣпости, онъ спряталъ въ карманъ записку, которую обѣщалъ прочесть въ концѣ засѣданія. Послѣднее было закрыто.

Впослѣдствіи оказалось, что до созыва Совѣта ген. Стессель послалъ Государю телеграмму слѣдующаго содержанія: «Продержимся только нѣсколько дней; прійму мѣры противъ рѣзни на улицахъ».

Содержаніе ея указываетъ, что ген. Стессель рѣшилъ сдать крѣпость до созыва Совѣта. Такъ какъ рѣшеніе послѣдняго не совпало съ его желаніемъ, то онъ, какъ я полагаю, изъ боязни быть арестованнымъ, скрылъ отъ него содержаніе посланной имъ телеграммы, копію которой и держалъ въ рукахъ во время совѣщанія, съ которой хотѣлъ ознакомить Совѣтъ въ случаѣ его рѣшенія сдать крѣпость. Рѣчь Рейса совершенно совпадаетъ съ содержаніемъ телеграммы, что указываетъ на предварительное соглашеніе его со Стесселемъ. Не сомнѣваюсь, что если бы тогда Комендантъ зналъ о посланной телеграммѣ въ такомъ духѣ, совершенно не отвѣчавшей дѣйствительности, то арестовалъ бы Стесселя, т. к. вопросъ въ этомъ смыслѣ б. окончательно рѣшенъ ранѣе.

Однако, съ паденіемъ 18 числа укрѣпленія III, а 19—Орлинаго Гнѣзда, городъ оказался совершенно открытымъ для непріятеля и онъ могъ обстрѣливать любую точку его. Около полудня того же числа, безъ всякаго новаго Совѣта и вопреки рѣшенію послѣдняго 16 декабря, Стессель самостоятельно, подъ своей личной отвѣтственностью, поспѣшилъ выслать парламентера для переговоровъ о сдачѣ крѣпости, при письмѣ на имя ген. Ноги слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь! Соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я признаю дальнѣйшее сопротивленіе П.-Артура безцѣльнымъ и во избѣжаніе напрасныхъ потерь, желалъ бы войти въ переговоры относительно капитуляціи. Если Вы на это согласны, то прошу назначить лицъ, уполномоченныхъ для переговоровъ объ условіяхъ и порядкѣ сдачи и указать мѣсто, гдѣ ихъ могутъ встрѣтить назначенные мною лица. Пользуясь случаемъ.... Генералъ-адъютантъ Стессель. 1/1905 г. (19 декабря 1904 года)».

Словомъ, событія такъ слѣдовали стремительно одно за другимъ, выражаясь въ сдачѣ Фокомъ фортовъ и укрѣпленій, что гарнизонъ не успѣлъ *оглянуться*, какъ увидѣлъ себя раскрытымъ со всѣхъ сторонъ для непріятеля.

Вѣсть о сдачѣ крѣпости электрической искрой облетѣла городъ и позиціи и для многихъ была громовымъ ударомъ. Въ началѣ никто не хотѣлъ вѣрить этому, т. к. послѣднее постановленіе Совѣта отъ 16 декабря каждому было извѣстно; новаго же не собиралось.

Не допуская и мысли о томъ, чтобы посылка парламентера могла совершиться безъ вѣдома Коменданта, я, не выходившій тогда изъ квартиры по случаю тяжкой болѣзни, обратился за свѣдѣніями къ К. Н. письменно; въ скоромъ времени получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ положительно ничего не знаетъ о переговорахъ и если они ведутся о сдачѣ крѣпости, то помимо него. Въ другомъ своемъ письмѣ отъ 20 декабря онъ пишетъ мнѣ, что «по дѣламъ о сдачѣ крѣпости я ничего не знаю; теперь работаютъ субкомиссіи русско-японскія и результаты ихъ работъ не объявлены. Во всякомъ случаѣ будьте готовы къ послѣзавтрашнему дню съ багажемъ, который для генераловъ ограниченъ 5 п. 10 ф. Самъ я думаю ѣхать въ Японію въ качествѣ военноплѣннаго. У меня есть условія капитуляціи; если хотите ихъ прочесть, заѣзжайте на минутку ко мнѣ; я пришлю экипажъ, если Вы съ посыльнымъ сообщите, что желаете проѣхаться». Увѣдомивъ К. Н., что лежу въ постелѣ и не въ состояніи подняться, я просилъ его сообщить мнѣ объ условіяхъ письменно; почему, въ письмѣ своемъ отъ 21 декабря онъ пишетъ: «По заявленнымъ условіямъ, японцы оставляютъ всѣмъ офицерамъ оружіе, освобождаютъ изъ плѣна съ подпиской, что не будутъ воевать и отвозятъ на своихъ пароходахъ во Владивостокъ».

Всѣ эти данныя доказываютъ, что не только не было спрошено мнѣнія К. Н. о посылкѣ парламентера, но что до 21 декабря включительно онъ не былъ даже посвященъ въ подробныя условія сдачи крѣпости. Когда окончательно было имъ установлено, что

ген. Стессель ведетъ переговоры о сдачѣ крѣпости, онъ послалъ слѣдующую телеграмму на имя Главнокомандующаго: «Генералъ-адъютантъ Стессель вступилъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости безъ предупрежденія и вопреки моему и большинства начальниковъ заключенію. 20 ноября № 1300». Въ такомъ же положеніи, по личному разсказу К. Н., подтвержденному кон.-адм. Вирепомъ, оказался и послѣдній, экстренно пріѣхавшій 19 декабря къ К. Н., съ просьбой разъяснить поразившія его какъ громомъ обстоятельства, изложенныя въ письмѣ начальника штаба укрѣпленнаго раіона отъ 19 декабря за № 2546. Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь Робертъ Николаевичъ! Сейчасъ отправлено съ парламентеромъ письмо генерала Стесселя къ барону Ноги съ предложеніемъ начать переговоры о капитуляціи, почему только сегодняшняя ночь остается для того, чтобы сдѣлать съ кораблями то, что Вы найдете нужнымъ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. В. Рейсъ». По словамъ К. Н., онъ только изъ этого письма узналъ о рѣшеніи Стесселя самостоятельно начать переговоры о сдачѣ крѣпости. Такъ какъ онъ лично не былъ извѣщенъ о сдачѣ и ничего не зналъ, то посовѣтовалъ адмиралу переговорить по этому поводу лично же съ ген. Стесселемъ, къ которому адм. Виренъ и отправился сейчасъ же.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось прочитать подлинныхъ условій капитуляціи. Извѣстно было только, что всѣ нижніе чины будутъ обезоружены, а офицерамъ сохраняется оружіе, послѣ чего всѣ будутъ отправлены плѣнными въ Японію, за исключеніемъ тѣхъ офицеровъ, которые обяжутся подпиской не воевать и которые поэтому будутъ отпущены на родину; но какова участь семействъ военнослужащихъ, жителей крѣпости и ихъ имущества, объ этомъ ничего не было извѣстно.

Условія относительно военнослужащихъ привели многихъ въ недоумѣніе. Кто же изъ офицеровъ, а тѣмъ болѣе начальниковъ частей могъ оставить своихъ солдатъ и матросовъ, такъ честно, храбро сражавшихся,—и отправиться спокойно отдыхать въ Россію, бросивъ ихъ, терпѣливо переносившихъ всѣ ужасы осады. Для

многихъ представлялъ громадной важности вопросъ, пойдетъ-ли въ плѣнъ добровольно главный виновникъ сдачи крѣпости—ген. Стессель или также спокойно уѣдетъ въ Россію, какъ не дрогнувши подписалъ капитуляцію о сдачѣ крѣпости. Возбужденіе и первное настроеніе еще болѣе усилилось начавшими циркулировать слухами, что эвакуація гарнизона изъ крѣпости совершится *немедленно*, что указывало на стремленіе японцевъ скорѣе освободить часть своихъ войскъ для дѣйствій противъ ген. Куропаткина. На дѣлѣ, такимъ образомъ, оказывалось, что мы своей поспѣшностью какъ-бы помогали японцамъ противъ нашихъ силъ на сѣверѣ.

Стремленіе японцевъ поскорѣе занять крѣпость, эвакуировавъ наши войска, подтвердилось для меня лично 20 декабря: около полудня этого дня ген. Стессель словесно черезъ офицера спросилъ меня, не буду-ли я имѣть чего-либо противъ немедленнаго занятія японцами отведенной подъ судебныя засѣданія въ мое распоряженіе залы въ военномъ собраніи, на что, при наступившихъ обстоятельствахъ, я только и могъ отвѣтить утвердительно. Вечеромъ того же дня у меня были сосѣди,—японскіе офицеры. Въ тотъ же день японцами была занята часть войсковыхъ помѣщеній и начался пріемъ казеннаго имущества.

Вотъ какой чудный подарокъ преподнесъ Стессель ген. Ноги и всему японскому народу въ первый день нхъ новаго 1905 года! Болѣе грубой и циничной насмѣшки надъ страдальцами-защитниками, надъ всѣмъ русскимъ народомъ трудно и придумать! Вѣдь отдана цѣлая крѣпость съ громаднымъ имуществомъ, флотомъ, боевыми и продовольственными припасами, болѣе 20 т. мужественнаго гарнизона и громаднѣйшій плюсъ.... *честь Россіи!* Болѣе чѣмъ царскій подарокъ, явившійся для Ноги дѣйствительно *неожиданнымъ сюрпризомъ!* Вѣдь только нарочно можно было избрать такой день для подарка!

Въ ночь на 20 декабря, согласно извѣщенію укрѣпленнаго раіона за № 2546, приведенному выше, начались взрывы на бухтѣ.

Матросы со слезами на глазахъ и съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ—разбивали на судахъ и въ портовыхъ зданіяхъ мра-

морныя и зеркальныя вещи, топили снаряды (всего въ крѣпости оставалось ихъ большого калибра до 60 т.), провіантъ, части орудій и производили взрывы броненосцевъ и крейсеровъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ; въ туже ночь былъ подорванъ и «чудо-богатырь» русскаго флота—броненосецъ «Ретвизанъ», такъ старательно оберегавшійся долгое время. Что касается фортовъ, то они не были взорваны или хотя бы повреждены; не поврежденныхъ годныхъ орудій было сдано до 600, а въ складахъ оставалось до 4 мил. патроновъ.

На другой день, съ самаго ранняго утра, начались пожары и разграбленія магазиновъ, къ защитѣ которыхъ никѣмъ не были приняты мѣры. Прежде всего пострадали самые богатые—именно Кунста и Альберса, Чурина, Соловья, имѣвшіе найбольшій запасъ водокъ и винъ. Остановить все это не было средствъ; притомъ, нижніе чины и матросы, какъ это лично сообщили мнѣ нѣкоторые изъ офицеровъ, приняли по отношенію къ нимъ угрожающее положеніе и, по поводу замѣчаній, осыпали ихъ непристойными шутками и остротами, называя измѣнниками. Въ тотъ же день подверглись разгрому и опечатанные склады офицерскихъ чиновъ частей войскъ, ушедшихъ на Ялу. Грабили только бѣлье; остальныя же вещи ломали и разбивали, чтобы не достались японцамъ. Такое настроеніе и озлобленіе совершенно понятно; оно соотвѣтствовало цѣнности подарка.

Въ приказѣ по укрѣпленному раіону вечеромъ 21 декабря была объявлена телеграмма Государя Императора, которой желающимъ разрѣшалось возвратиться въ Россію на предложенныхъ японцами условіяхъ; не пожелавшіе же воспользоваться этимъ,—должны были раздѣлить участь гарнизона. Благодаря этой телеграммѣ, рѣшеніе многихъ уѣхать въ Россію измѣнилось на добровольный плѣнъ.

Всѣ были убѣждены, что, при наличныхъ условіяхъ, крѣпость могла держаться еще 2—3 мѣсяца; въ крайнемъ же случаѣ представлялась возможность хотя выговорить права, соотвѣтствующія чести и достоинству гарнизона, примѣромъ чему могла служить крѣ-

ность Бельфоръ, сданная въ 1870 г. французами нѣмцамъ. Но видно то и другое не играло въ глазахъ Стесселя никакой роли.

Утромъ 22 декабря былъ полученъ приказъ по тому же раіону, которымъ предписывалось гарнизону собраться къ 8 часамъ утра 23 декабря къ укрѣпленію V, около Голубиной бухты, для пріема его, откуда всѣ будутъ отправлены въ Дальній. Согласно увѣдомленію японскаго начальства, каждому предлагалось озаботиться запасомъ дневного пропитанія и разрѣшалось взять съ собою багажа—генераламъ 5 п. 20 ф., штабъ-офицерамъ 2 п. 20 ф. и оберъ-офицерамъ 1 п. 20 ф. Какъ должны были слѣдовать семьи офицеровъ, жители, а также, что они могутъ взять съ собою, въ приказѣ не указывалось; очевидно, права ихъ совершенно игнорировались, что впослѣдствіи и подтвердилось. Неизвѣстнымъ оставалось также, будутъ-ли вознаграждены несчастные защитники и жители за имущество, оставляемое въ крѣпости, вслѣдствіе невозможности взять его или же и это преподносилось въ подарокъ. Приходилось по необходимости каждому изъ чиновъ гарнизона и жителямъ ликвидировать свои имущественныя дѣла въ найкратчайшій срокъ. Въ дѣйствительности ликвидація эта состояла въ томъ, что всѣ мы, за исключеніемъ ген. Стесселя, взяли съ собою только ручной багажъ, установленный японцами, къ какой мѣркѣ приспособлялись и жители; все остальное имущество брошено было на произволъ судьбы.

Невыносимо тяжелое впечатлѣніе производила процессія движенія гарнизона утромъ 23 декабря, когда войска, управленія, учрежденія, женщины, дѣти военно-служащихъ и жители Артура потянулись къ Голубиной бухтѣ изъ стараго черезъ Новый городъ, нагруженные ручнымъ багажемъ, но большинство дѣтьми. Особенно тяжело было смотрѣть на офицеровъ, стрѣлковъ и матросовъ, этихъ беззавѣтно храбрыхъ и мужественныхъ защитниковъ крѣпости, шедшихъ угрюмо безоружными къ мѣсту позорной сдачи въ плѣнъ. Многіе изъ нихъ, а также женщины плакали, проходя мимо кучи оружія, лежавшаго въ безпорядкѣ на площади, которое наканунѣ было сдано японцамъ и теперь охранялось японскими часовыми, и

которое по слову одного человѣка незаконно было вырвано изъ ихъ рукъ. Нѣкоторые изъ складовъ съ патронами были подожжены, пылали яркимъ пламенемъ и въ нихъ раздавались взрывы.

Не менѣе тяжелый характеръ носилъ и самый пріемъ. Въ разстояніи 7—8 верстъ отъ стараго города, у укрѣпленія V, японцами была устроена рогатка, за которой разбито нѣсколько палатокъ. Съ началомъ прибытія войскъ, у входа ея появился начальникъ японской дивизіи, окруженный офицерами своего штаба, а также гвардіи и другихъ частей. Прибывшія къ рогаткѣ ранѣе меня части войскъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, остановились на полѣ въ безпорядкѣ кучами, смѣшавшись съ городскими обывателями. Распоряженій этихъ долго не получалось; казалось, японцы хотѣли первоначально усладить себя видомъ нашего позора и переживаемаго униженія.

Каждаго офицера, проходившаго черезъ рогатку узнать часъ пріема, японскіе офицеры безцеремонно осматривали и провожали усмѣшками и видимо ядовитыми замѣчаніями. Не смотря на прибытіе всѣхъ частей войскъ къ 8 часамъ утра, пріемъ начался только около 12-ти, причемъ каждый изъ нижнихъ чиновъ осматривался обстоятельно со стороны его здоровья; на принятыхъ составлялись подробные списки, а больные возвращались въ госпитали.

Узнавъ, что пріемъ не будетъ оконченъ въ этотъ день, я лично отправился въ одну изъ палатокъ, съ цѣлью узнать о времени новой явки; въ послѣдней я засталъ нашего уполномоченнаго по сдачѣ крѣпости ген. Горбатовскаго. Оказалось, что онъ также ничего опредѣленнаго не зналъ и даже приблизительно не могъ опредѣлить окончанія пріема частей войскъ; почему посовѣтовалъ мнѣ ѣхать обратно въ городъ, обѣщая увѣдомить о времени новой явки къ пріему. Тутъ же узналъ, что въ одной изъ палатокъ каждый изъ офицеровъ теперь же долженъ дать подписку о томъ, желаетъ-ли возвратиться на родину.

Зайдя въ эту палатку, я дѣйствительно увидѣлъ тамъ нашихъ офицеровъ, росписывавшихся на листѣ, въ заголовкѣ котораго стояло: «Мы, нижеподписавшіеся, даемъ клятвенное обѣщаніе не

участвовать въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ японскаго правительства» и т. далѣе. Расписавшись, я рѣшилъ возвратиться обратно въ городъ и тамъ ожидать извѣщенія о днѣ отправки въ Дальній. На обратномъ пути, вблизи рогатки, я встрѣтилъ ѣхавшаго на пріемъ ген. Смирнова, которому и разсказалъ о видѣнномъ мною. Со словами «поѣдемте обратно, я двину дѣло это скорѣе»,— онъ поѣхалъ къ рогаткѣ, я же, какъ больной, поспѣшилъ въ городъ. Не успѣлъ я отъѣхать и 100 шаговъ, пробираясь между лежавшими и стоявшими на дорогѣ солдатами и жителями крѣпости, какъ ко мнѣ подошла группа изъ 7—8 человѣкъ стрѣлковъ. Одинъ изъ нихъ, принявшій меня видимо за Коменданта и немного подвыпившій, обратился со слѣдующими словами: «Ваше Превосходительство, неужели мы сдаемъ крѣпость; неужели мы плохо защищали ее; за что же такъ обижаютъ насъ!.... Посмотрите на меня и товарищей: я дважды раненъ и дважды возвращался въ строй. Теперь я боленъ цынгой. Посмотрите на мои распухшія ноги и руки. Но я все таки остаюсь въ строю и теперь еще въ силахъ посадить на штыкъ 5—6 японцевъ. За что же все это несчастье на насъ»!

Благодаря неожиданной остановкѣ лошадей, задержанныхъ лежавшими на дорогѣ людьми, весь этотъ горькій упрекъ мнѣ пришлось выслушать до конца. На глазахъ бывшихъ со мною въ двуколкѣ священника Рождественскаго и секретаря Сергѣева показались слезы; я самъ былъ близокъ къ тому. Но что я могъ отвѣтить этой истерзанной страданіями русской душѣ! Чѣмъ могъ успокоить его съ товарищами, которые тутъ же искали основательнаго отвѣта въ выраженіи моего лица! Сказавъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ утѣшеній, я посовѣтовалъ имъ обратиться за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ ген. Стесселю, которому должны быть вполнѣ извѣстны мотивы сдачи, о которыхъ, кромѣ лично его, никто въ гарнизонѣ не зналъ.

Подъѣзжая къ Новому городу, я отъ встрѣченныхъ офицеровъ къ ужасу моему узналъ, что японцы заняли старый городъ и никого не пропускаютъ туда, за исключеніемъ служащихъ въ госпи-

таляхъ, имѣющихъ на рукавѣ знакъ Краснаго Креста. Положеніе мое дѣлалось трагическимъ, т. к. въ Новомъ городѣ были только госпитали, но ни квартиръ, ни гостинницъ не было. Оставалось одно—возвратиться къ укрѣпленію и въ полѣ около рогатки подъ открытымъ небомъ ожидать времени отправленія въ Дальній. Изъ этого состоянія вывелъ меня священникъ Р...., который, видя мои страшныя физическія и душевныя страданія, предложилъ помѣститься съ нимъ въ его миніатюрной комнаткѣ въ Новомъ городѣ. Съ горячей благодарностью я принялъ его предложеніе, пріютивъ съ собою и секретаря С.... Можно очень сильно любить ближняго; можно оказывать ему очень большія услуги, но то участіе, состраданіе и любовь, которыя свящ. о. Николай Рождественскій проявилъ въ отношеніи меня—превзошли самую высокую степень христіанскаго милосердія. Онъ не только принялъ участіе въ леченіи моей болѣзни—цынги и дизентеріи, приводя съ собою постоянно милѣйшаго врача А. Ф. Бѣлоусова, но прямо таки обратился въ моего слугу, т. к. безъ посторонней помощи я не могъ повернуться даже на постелѣ, до того распухло все мое тѣло. Никогда не забуду въ жизни того момента, съ какой радостью онъ и врачъ Б.... принесли мнѣ привезенныхъ въ госпиталь японцами для больныхъ яблокъ и грушъ и съ какой любовью и участіемъ смотрѣли на меня, когда я съ большой жадностью ихъ ѣлъ. Да и только-ли это! Онъ отъ себя отрывалъ скудный въ то время кусочекъ, чтобы съ любовью приподнести его мнѣ. Въ квартирѣ этого чуднаго по душѣ человѣка я оставался до 29 декабря, когда въ 7 часовъ утра всѣ мы, согласно приказанію, отправились на 19-ю версту къ желѣзнодорожной станціи.

До отъѣзда на послѣднюю, я узналъ, что задержка въ пріемѣ 23 декабря произошла вслѣдствіе того, что ген. Стесселемъ объявлено было къ сдачѣ 8 тысячъ нижнихъ чиновъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ явилось 23 тысячи. Какимъ образомъ могла произойти подобная грубая ошибка,—непонятно. Ген. Стессель объяснялъ это неправильными свѣдѣніями крѣпостнаго штаба, присылаемыми въ укрѣпленный раіонъ. Но это неправда, т. к. такой ошибки не

могло произойти; почти наканунѣ сдачи К. Н. лично мнѣ передавалъ, что защитниковъ у него болѣе 18 тысячъ, да еще можетъ быть прибавка отъ выздоровѣвшихъ больныхъ и раненыхъ. Другое объясненіе ген. Стесселя было такое: здоровыхъ защитниковъ на позиціяхъ числилось 8 тысячъ, остальные же состояли въ числѣ больныхъ и бѣглыхъ, которые и явились къ сдачѣ. Но гдѣ же эти бѣглые могли укрываться въ крѣпости? Очевидно и это неправда.

По мѣрѣ пріема, войска по частямъ отправлялись въ Дальній, для посадки на пароходы. Пріемъ городскихъ обывателей, женщинъ и дѣтей совершился только въ послѣдній день. Многіе изъ этихъ несчастныхъ хотѣли также возвратиться въ городъ, но не были впущены, да и квартиры ихъ были уже заняты японцами; почему, по неволѣ оказались вынужденными провести подъ открытымъ небомъ шесть дней и шесть ночей, холодныхъ и морозныхъ; въ особенности въ ужасное положеніе были поставлены женщины и дѣти, которыхъ не было возможности согрѣть хотя бы чаемъ; для предохраненія же малолѣтнихъ ночью отъ холода, приходилось взрослымъ закутывать ихъ въ свою верхнюю теплую одежду, подвергая себя холоду; запасовъ также не хватило и приходилось испытывать голодъ. Тогда же я узналъ, что ген. Стессель не выѣхалъ даже проститься съ беззавѣтно сражавшимся гарнизономъ и поблагодарить его за вѣрную, геройскую службу. Со времени посылки парламентера онъ рѣшительно нигдѣ не показывался и квартиру его охраняли парные японскіе часовые.

Ровно въ 7 часовъ утра 29 декабря, простившись со слезами на глазахъ съ милѣйшимъ о. Николаемъ, который съ госпиталями оставался еще въ Артурѣ, я выѣхалъ изъ своей, временно пріютившей меня квартирки къ мосту, соединявшему старый городъ съ Новымъ. Этотъ мостъ былъ назначенъ мѣстомъ сбора. Вскорѣ къ нему подъѣхали еще два экипажа съ дамами, одна изъ которыхъ оказалась моей знакомой. Она сообщила мнѣ, что наняла извозчика для проѣзда до 19-й версты за 75 рублей и что это еще дешево,—т. к. многіе платили по 100 руб.; другіе же не нашли и за эту цѣну, т. к. послѣдняя быстро возросла до 150 и дороже. Выѣхавъ

за околицу, я былъ пораженъ предупредительностью японцевъ, уже поставившихъ густую цѣпь солдатъ по обѣ стороны дороги до самой 19-й версты. Люди были вооружены ружьями, а у деревень по дорогѣ толпами стояли китайцы, встрѣчавшіе и провожавшіе насъ съ усмѣшками. Впослѣдствіи я узналъ, что войска были разставлены съ цѣлью предупредить уклоненіе въ сторону отдѣльныхъ лицъ, для осмотра производившихся уже работъ по укрѣпленію позицій; но по-мóему, вѣрнѣе—дать возможность не только всѣмъ японскимъ войскамъ, но и китайцамъ видѣть нашъ позоръ, наше униженіе.

Такимъ образомъ, съ этого момента мы дѣйствительно оказались военно-плѣнными и пропускались сквозь строй. По дорогѣ мнѣ пришлось обогнать массу шедшихъ пѣшкомъ офицеровъ, городскихъ обывателей, женщинъ и дѣтей. Одни несли ручной багажъ, другіе дѣтей; нѣкоторые вели подъ руки до-нельзя изнуренныхъ и уставшихъ дамъ, преимущественно офицерскихъ женъ. Совершенно справедливо посылали тогда упрекъ Стесселю, что онъ не обусловилъ права доставки на вокзалъ хотя бы женщинъ и дѣтей на нашихъ же перевозочныхъ средствахъ (обозъ частей войскъ), переданныхъ японцамъ въ большомъ количествѣ еще 23 декабря.

Тяжело было смотрѣть на встрѣчавшіяся намъ наши подводы съ японскимъ грузомъ и на защитниковъ крѣпости, идущихъ пѣшкомъ съ своими женами и дѣтьми 19 верстъ на вокзалъ.

На послѣдній я пріѣхалъ около 12-ти часовъ, страшно измученный дорогою и голодомъ. Около вокзала стояла уже густая толпа изъ прибывшихъ ранѣе меня. Тутъ же я встрѣтилъ и своего товарища по службѣ полк. Тыртова блѣднаго, продрогшаго, изнуреннаго, который передалъ мнѣ, что всѣ шесть дней и ночей онъ провелъ подъ открытымъ небомъ. Взятый имъ дневной запасъ скоро истощился и онъ два дня ничего почти не ѣлъ; только послѣ этого японцами были выданы ему консервы, спать же приходилось буквально на голой землѣ. Не смотря на морозныя ночи, согрѣться нечѣмъ было, т. к. на костры не имѣлось дровъ, а на приготовленіе чаю не было ни припасовъ, ни посуды; при этихъ условіяхъ въ особенности

трагическимъ являлось положеніе женщинъ и дѣтей. На вокзалъ партія ихъ шла двѣ ночи подъ конвоемъ японцевъ, которые положительно измучили ихъ движеніемъ то впередъ, то назадъ, для обхода укрѣпленій.

Къ 2-мъ часамъ дня на вокзалъ прибылъ съ женой и ея четырьмя маленькими воспитанницами ген. Стессель въ сопровожденіи почетнаго японскаго конвоя. Комендантъ крѣпости прибылъ на станцію около часу дня безъ всякихъ почестей. Любопытство японцевъ было всецѣло поглощено указанными дѣвочками, изъ которыхъ каждая держала на рукахъ маленькую собачку, любимицъ г-жи Стессель.

Ровно въ $2^1/_2$ часа поѣздъ отошелъ въ Дальній,—въ одномъ изъ вагоновъ котораго помѣстился Стессель съ семьей и чинами своего штаба, остальные же размѣстились по другимъ вагонамъ, гдѣ кому было удобнѣе. При остановкѣ у ст. Нангалинъ, каждому изъ насъ пришлось наблюдать массу японскихъ войскъ, двигавшихся на сѣверъ, которыхъ защитою крѣпости мы приковывали къ себѣ, а теперь идущихъ избивать нашихъ братьевъ; тутъ же стояли и нагруженныя 11″ мортирами платформы, вполнѣ готовыя къ отправкѣ на тотъ же злополучный сѣверъ. Въ Дальній поѣздъ прибылъ въ 5 часовъ вечера; причемъ, только вагонъ Стесселя былъ отправленъ прямо къ пароходной пристани; пассажиры же остальныхъ были высажены на платформѣ станціи, въ томъ числѣ и Комендантъ крѣпости, до дальнѣйшихъ распоряженій японскихъ властей.

Долго насъ держали на этой платформѣ, также въ виду массы японскихъ войскъ и китайцевъ, безцеремонно осматривавшихъ каждаго; и здѣсь имъ какъ бы давалась возможность насладиться нашимъ позоромъ. На наши вопросы,—скоро-ли укажутъ намъ квартиры, намъ или не отвѣчали, или же награждали стереотипнымъ отвѣтомъ—«скоро». Это «скоро» продолжалось однако около часа, послѣ чего было объявлено, что можемъ идти за провожатыми, взявъ предварительно свои вещи. Пока шла разборка послѣднихъ, прошло не менѣе получаса; я и другіе слабые здоровьемъ совершенно выбились изъ силъ, т. к. за неимѣніемъ сидѣній пришлось

все время стоять на ногахъ. Наконецъ, уже въ темнотѣ, мы гуськомъ двинулись въ нашъ злополучный Дальній. Первоначально насъ проводили черезъ карантинъ, гдѣ докторъ осматривалъ каждаго. Осмотра этого я очень боялся, т. к. всѣ больные оставлялись въ госпиталяхъ; почему употребилъ послѣднія усилія, чтобы казаться здоровымъ. По дорогѣ было объявлено, что для генераловъ отведенъ особый домъ, который и указали мнѣ. По прибытіи, домъ этотъ оказался переполненнымъ уже адъютантами штабовъ и управленій, жандармскими офицерами и служащими русско-китайскаго банка, прибывшими ранѣе меня. Такъ какъ свободной комнаты не было, то я и ген. Горбатовскій помѣстились съ этими офицерами и чиновниками въ маленькой комнаткѣ, гдѣ насъ оказалось 11 человѣкъ. Привиллегія наша, какъ генераловъ, выразилась въ томъ, что мы вдвоемъ только спали на кроватяхъ; остальные, за неимѣніемъ послѣднихъ, расположились на полу. Одна изъ сосѣднихъ комнатъ была занята Комендантомъ крѣпости, а другая тремя адмиралами—Вирѣномъ, Лощинскимъ и Григоровичемъ. Каждый изъ насъ страшно усталъ и готовился отдохнуть ночью; но японскій контроль изъ трехъ офицеровъ будилъ насъ черезъ каждые два часа для провѣрки, кто именно помѣщается въ комнатѣ. Утромъ я узналъ, что домъ нашъ окруженъ часовыми, которые никого не пропускали въ городъ; подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ насъ продержали два дня, до отправки на пароходъ. Впослѣдствіи оказалось, что помѣщеніе наше и размѣщеніе было однимъ изъ самыхъ завидныхъ, т. к. для остальныхъ офицеровъ были отведены холодные сараи, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщено было до 30-ти человѣкъ.

31-го декабря, въ 8 часовъ утра, всѣ были отправлены пѣшкомъ на пароходную пристань, а я какъ больной поѣхалъ на рикшѣ, но всѣ окруженные вооруженной стражей,—распростившись предварительно съ отправляющимися въ плѣнъ, которые уѣхали позже насъ. Трогательно было прощанье и тяжело было разставаться съ дорогими товарищами пережитыхъ тяжелыхъ минутъ впродолженіе такого долгаго періода времени. Здѣсь же всѣ мы простились и

съ нашимъ Комендантомъ К. Н. Смирновымъ, отправлявшимся въ плѣнъ.

По прибытіи на пристань, насъ быстро размѣстили на пароходахъ. Я и ген. Горбатовскій были помѣщены на пароходъ «Бомбей-мару», который вскорѣ снялся съ якоря и доставилъ 2 января въ Нагасаки. Здѣсь я вновь пережилъ ужасныя минуты. Всѣхъ насъ направили въ карантинъ, гдѣ каждый, для испытанія его здоровья, долженъ былъ подвергнуться пріему холодной ванны. Такъ какъ я замерзалъ въ шубѣ и это купанье грозило мнѣ прямо таки смертью, то я въ невыразимомъ страхѣ ожидалъ этого момента, не желая обнаружить свою болѣзнь и горя желаніемъ ступить скорѣе на родную землю. Уже всѣ свои вещи я сдалъ для дезинфекціи и готовился на большую жертву, какъ вдругъ неожиданно пришло на выручку спасеніе: японскій офицеръ принесъ мнѣ визитную карточку адм. Григоровича, съ изложеніемъ на ней просьбы его къ японскимъ властямъ освободить меня отъ холодной ванны, которая можетъ повредить моему здоровью. Просьба была написана на англійскомъ языкѣ, который я хотя и плохо зналъ, но понялъ все,— и возсіялъ необыкновенной радостью, когда этотъ офицеръ любезно предложилъ проводить меня прямо въ пріемную. Впослѣдствіи оказалось, что адмиралы Григоровичъ и Лощинскій, входя въ мое несчастное положеніе, рѣшили помочь моему горю и спасти мою жизнь. Моей благодарности этимъ спасителямъ не было конца. Это было послѣднее мое испытаніе.

По прибытіи въ Нагасаки, меня поразила любезность представителя этого города (городской голова), который прислалъ трехъ членовъ управленія привѣтствовать меня съ пріѣздомъ и узнать о моемъ здоровьѣ *). Впослѣдствіи оказалось, что такіе визиты были сдѣланы всѣмъ генераламъ. Я немедленно же отослалъ имъ и представителю города свои визитныя карточки.

4-го числа насъ принялъ на свой бортъ французскій пароходъ «Австралія», на которомъ, объѣхавъ Азію, мы прибыли въ Портъ-

*) Карточки были: I. Yokoyama, Mayor of Nagasaki City; K. Hivato, Deputi Mayor, Nagasaki; I. Isoda, Nagasaki City office.

Саидъ, гдѣ насъ принялъ пароходъ «Св. Николай», доставившій 7 февраля въ Ѳеодосію.

По дорогѣ въ Россію, здоровье мое начало быстро поправляться, благодаря смѣнѣ впечатлѣній, чистому воздуху и хорошей пищѣ. Я не только могъ ходить уже одинъ при помощи палочки, но даже при остановкахъ парохода осматривать города.

Не могу здѣсь не отмѣтить радушнаго пріема, устроеннаго намъ французской колоніей въ Сайгонѣ, гдѣ около 4 ч. пополудни, въ роскошномъ саду гарнизоннаго собранія, среди пальмъ и кактусовъ, былъ всѣмъ составомъ французскихъ офицеровъ привѣтствованъ въ лицѣ нашемъ храбрый артурскій гарнизонъ. Для угощенія было предложено шампанское и бисквиты, причемъ всѣ столы буквально были засыпаны цвѣтами. Въ $7^1/_2$ ч. вечера всѣ мы, генералы и адмиралы, были приглашены на обѣдъ къ Генералъ-Губернатору Индо-Китая. Около этого часа насъ въ придворныхъ экипажахъ доставили во дворецъ, гдѣ высокій хозяинъ привѣтствовалъ чрезвычайно любезно и радушно, провозгласивъ во время обѣда тостъ за героевъ-защитниковъ крѣпости. Послѣ обѣда въ саду при дворцѣ состоялся вечеръ съ благотворительной цѣлью, на которомъ дамы въ изобиліи награждали насъ цвѣтами, сигарами и фотографическими видами Сайгона.

Не менѣе радушный пріемъ былъ оказанъ также намъ русской колоніей въ Коломбо, во главѣ съ консуломъ Бурнашевымъ. Члены ея, разбивъ насъ на маленькія партіи, сначала знакомили съ городомъ, показывая его достопримѣчательности; потомъ все это закончилось чуднымъ завтракомъ, на которомъ г. Бурнашевъ провозгласилъ тостъ за мужество и храбрость славнаго артурскаго гарнизона, принятый всѣми съ большимъ энтузіазмомъ. Ген. Стессель тоже почему-то провозгласилъ тостъ за мужество гарнизона. Послѣ завтрака, въ чудномъ саду при той же гостинницѣ, факиры показывали намъ свои чудеса и тамъ же была снята фотографія.

По дорогѣ, меня не мало поражало слѣдующее обстоятельство: передъ каждой остановкой въ какомъ либо портѣ, ген. Стессель надѣвалъ на голову черную повязку и принималъ видъ чрезвы-

чайно разслабленнаго и больного; но какъ только пароходъ отчаливалъ,—онъ повязку снималъ и принималъ обыкновенный «молодецкій» видъ *). Такимъ же разслабленнымъ, больнымъ и съ черной повязкой онъ сошелъ на пристань въ Ѳеодосіи и даже снялся на карточкѣ, принявъ обыкновенный видъ только на другой день. Продѣлывать все это онъ нисколько не стѣснялся на глазахъ всѣхъ офицеровъ и кажется даже самъ лично трунилъ по поводу этого, хотя многіе были совершенно обратнаго взгляда и оправдывали такой пріемъ только продолжительнымъ пребываніемъ его среди китайцевъ.

При такихъ грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ произошла сдача крѣпости П.-Артуръ, прославившей себя геройской защитой. Такому позору и лишеніямъ были подвергнуты защитники ея, готовые ежеминутно умереть за свое дорогое Отечество.

Но извѣстны-ли хотя кому нибудь изъ защитниковъ истинные мотивы къ такой поспѣшной сдачѣ крѣпости?

Ни одинъ изъ спрошенныхъ мною не далъ мнѣ основательнаго отвѣта. Самъ же ген. Стессель при различныхъ положеніяхъ различно объяснялъ и мотивы сдачи, именно: по выѣздѣ изъ Нагасаки, онъ говорилъ, что японцы, взявши крѣпость, могли обезчестить нашихъ женщинъ; позже добавлялъ, что при взятіи крѣпости могла произойти рѣзня, какъ это было при взятіи ея у китайцевъ; въ третій, въ рѣчи своей въ Сайгонѣ—на пикникѣ, онъ сказалъ, что сдать крѣпость его побудили слѣдующія обстоятельства: у него было всего *восемь тысячъ защитниковъ* (?) на линію фронта въ 25 верстъ; т. к. при этихъ условіяхъ японцы могли прорваться въ крѣпость и овладѣть ею, то являлась опасность, что они вырѣжутъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. «Во избѣжаніе этой рѣзни», такъ закончилъ рѣчь свою генералъ, «я и рѣшился сдать крѣпость».

---

*) Былъ-ли въ дѣйствительности раненъ Стессель, чѣмъ именно и при какихъ обстоятельствахъ,—мнѣ положительно никто не могъ разсказать. Всѣмъ же стало извѣстнымъ объ этомъ со времени отдачи имъ приказа о произведенной ему перевязкѣ фельдшеромъ, которому выражена благодарность, и *о занесеніи* причиненной раны *въ его послужной списокъ*.

Съ своей стороны, я могу сказать только одно утвердительно, что крѣпость обладала всѣмъ необходимымъ, могла держаться еще болѣе мѣсяца и что сдана поспѣшно, несвоевременно и безъ достаточныхъ основаній.

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, Интендантствомъ было сдано японцамъ около 100 т. пудовъ муки, не считая крупичатой, за двѣ недѣли предъ тѣмъ купленной крѣпостью, о чемъ я говорилъ выше; кромѣ того, до 60 т. пудовъ консервовъ, 2 т. лошадей и нѣсколько штукъ рогатаго скота. Число здоровыхъ защитниковъ превышало 20 тысячъ, орудійныхъ снарядовъ было до 200 т., изъ нихъ до 60 т. большого калибра; ружейныхъ же патроновъ болѣе чѣмъ достаточно (до 7 мил.).

Свои грустныя и тяжелыя воспоминанія и впечатлѣнія закончу словами того же Норригаарда: «Осада Портъ-Артура *страшная драма*, но наиболѣе драматическій моментъ ея—*отсутствіе конца*. Однако было бы несправедливо, *только въ виду малодушныхъ заключительныхъ сценъ*, предать забвенію это великое, образцовое произведеніе, которое русскіе дали исторіи своею *семимѣсячною геройскою борьбою*».

Заключеніе.

Такъ началась, продолжалась и закончилась славная, геройская защита собственно крѣпости П.-Артуръ, но не укрѣпленнаго раіона, обнимавшаго собою мѣстность только до передовыхъ фортовъ крѣпости.

Эта защита должна составить самую блестящую страницу въ исторіи русско-японской войны. Въ этой гигантской борьбѣ вполнѣ отразились историческія свойства русскаго офицера и солдата—ихъ энергія, отвага, стойкость и храбрость. Они снискали себѣ достойную похвалу даже со стороны своего противника, выразившуюся въ словахъ: «только русскій солдатъ могъ такъ долго и упорно держаться въ крѣпости». Были случаи побѣга солдатъ съ позицій; но они были такъ незначительны, единичны, что не могли вліять на общій ходъ защиты и въ иныхъ случаяхъ вызывались крайнимъ неустройствомъ самой позиціи (Дагушань, Сягушань, Длинная, Угловая, Высокая горы и т. д.).

Безпристрастный судъ исторіи детально выяснитъ все величіе души русскаго солдата, дравшагося за честь своего Отечества на разстояніи десяти тысячъ верстъ отъ него. Я же, заканчивая мои тяжелыя впечатлѣнія, не могу не задаться вопросомъ,—гдѣ причина постигшихъ насъ страшныхъ неудачъ, не смотря на нашу храбрость и отвагу?

Оправдываться тѣмъ, что насъ застали «врасплохъ», едва-ли разумно и основательно въ наше время, въ вѣкъ систематическихъ наспльственныхъ захватовъ; къ тому же,—исторія учитъ, что захваченное насильно тогда только бываетъ прочнымъ, когда оно прочно и основательно укрѣплено и такъ же прочно, цѣлесооб-

разно организована защита. Было-ли сдѣлано это съ нашей стороны? Отвѣчаю: Нѣтъ и нѣтъ! Если бы это было сдѣлано, то потребовалось бы гораздо меньше жертвъ и «жизнями человѣческими и казной золотою».

Итакъ, первая и основная ошибка нашихъ государственныхъ дѣятелей состояла не только въ непринятіи своевременно надлежащихъ мѣръ къ защитѣ, но и въ полнѣйшемъ непониманіи той обстановки, среди которой пришлось устраиваться на новомъ мѣстѣ и дѣйствовать. Они задавались широкими культурными цѣлями на удивленіе всего свѣта вмѣсто того, чтобы лить пушки, ковать штыки, сабли и укрѣплять захваченное.

Si vis pacem—para bellum—будетъ вѣчной, непреложной истиной.

Занявъ Квантунъ и Маньчжурію, наша дипломатія успокоилась, усыпленная восточной пышностью и опіумомъ, и прозѣвавъ дѣятельныя приготовленія Японіи. Мы не знали даже численности японской арміи, считая ее въ 500—600 тысячъ, въ дѣйствительности оказавшейся болѣе милліона; мы не знали ея пѣхотнаго и артиллерійскаго вооруженія и, страшно подумать, мы защищались частью такихъ пушекъ, которыхъ, по словамъ ген. Стесселя, не жаль было и отдать непріятелю (китайскія); вслѣдствіе же недостачи послѣднихъ, разоружили даже нашъ флотъ, по приведеніи его въ негодность.

Наша высшая власть на Дальнемъ Востокѣ положительно оказалась не на высотѣ своего положенія. За все время пребыванія въ Артурѣ, Намѣстникъ Алексѣевъ не совершилъ ни одного полезнаго акта въ интересахъ Родины, и не зная ни флота, ни арміи, только сердито бряцалъ оружіемъ, вызывая искусственно на смертный бой.

Министръ Финансовъ Витте положительно не обладалъ качествами государственнаго ума. Устраивая Маньчжурскую дорогу и Дальній (скорѣе Лишній), а статсъ-секретарь Безобразовъ образуя лѣсную концессію на Ялу,—не могли не знать, что вызываютъ Японію и Англію на смертный бой съ нами; въ то же время, от-

казывая въ кредитахъ на вооруженіе Артура, на заготовленіе въ немъ боевыхъ припасовъ, укрѣпленіе фортовъ и усиленіе гарнизона,—Витте велъ Россію на пораженіе. Тѣмъ болѣе это было ужасно, что рядомъ съ этимъ не обращалось никакого вниманія на колоссальное расхищеніе казенныхъ денегъ по устройству дороги и Дальняго.

Тотъ же Витте допустилъ обнищаніе родного Уссурійскаго Края, полный упадокъ Владивостока и гибель торговыхъ русскихъ интересовъ, создавъ подъ сердцемъ крѣпости Артура г. Дальній и бухту, такъ прекрасно использованныхъ японцами во время войны.

Военный Министръ Куропаткинъ не только не оградилъ интересовъ арміи въ смыслѣ ея боевой подготовки, правильнаго комплектованія арміи и количества войскъ, своевременнаго перевооруженія арміи скорострѣльной артиллеріей, но не далъ и контингента хорошихъ дѣятельныхъ начальниковъ, выдвинувъ на видныя мѣста однѣ бездарности, рутину.

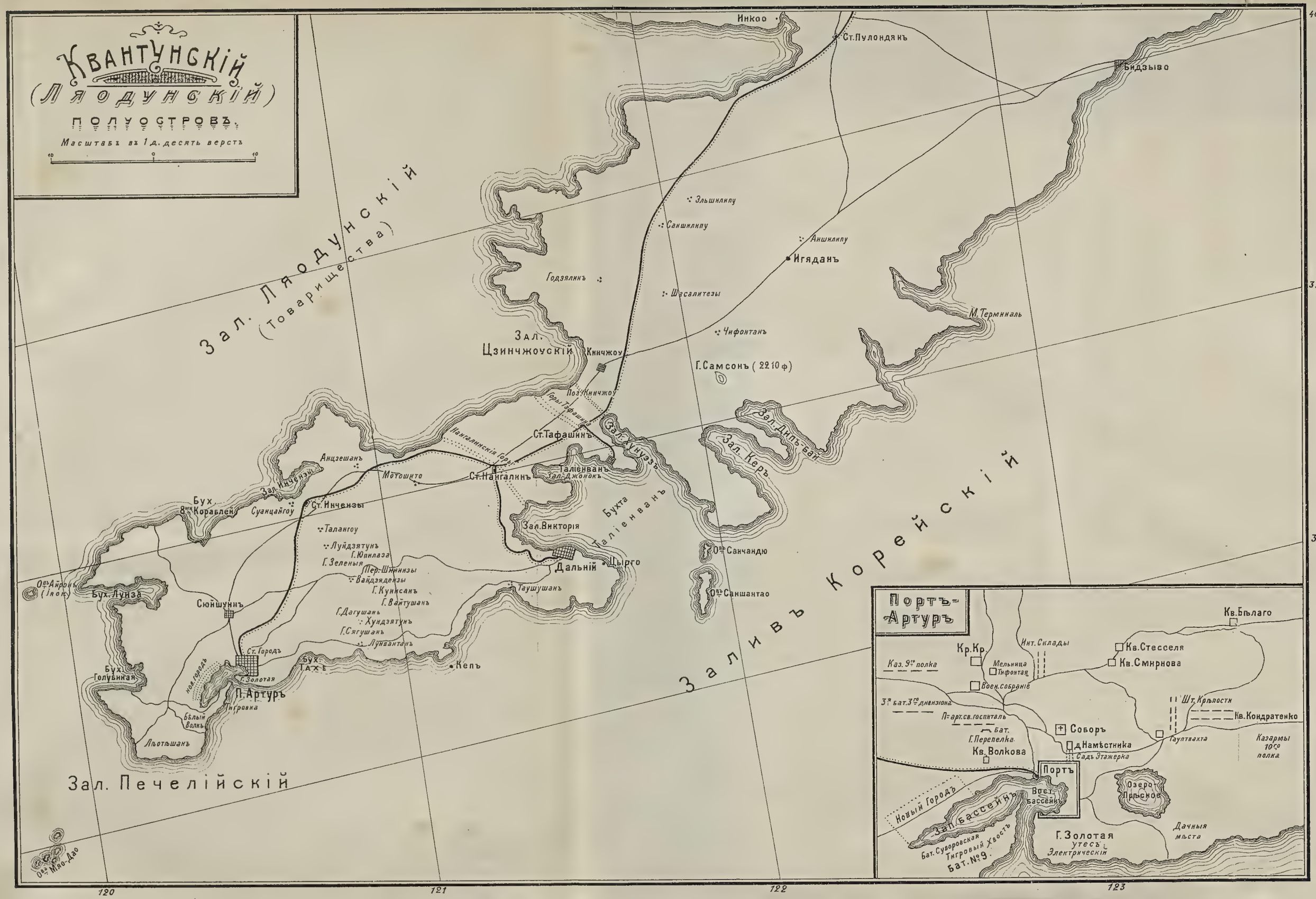
О флотѣ и говорить нечего, такъ какъ кромѣ неудовлетворительной матеріальной части его, онъ былъ совершенно лишенъ опытныхъ руководителей и начальниковъ.

Таковы были всѣ эти лица, не оправдавшія довѣрія Государя; таковы были главныя причины нашихъ неудачъ, вслѣдствіе чего, по моему, получились и плачевные результаты.

М. И. Костенко.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Прилож. 1.



Квантунскій
(Ляодунскій)
полуостровъ.
Масштабъ въ 1 д. десять верстъ
10
0
10
Зал. Ляодунскій
(Товарищества)
Зал. Печелійскій
Заливъ Корейскій
Инкоо
Ст. Пулондянъ
Бидзыво
Эльшилипу
Саншилипу
Аншилипу
Игяданъ
Годзялинъ
Шасалитезы
Чифонтанъ
М. Терминаль
Зал. Цзинчжоускій
Кинчжоу
Г. Самсонъ (2210 ф)
Поз. Кинчжоу
Горы Тафашина
Ст. Тафашинъ
Зал. Хунуэзъ
Зал. Дипъ-бай
Зал. Керъ
Нангалинскія Горы
Анцзешанъ
Мотошито
Ст. Нангалинъ
Галіенванъ
Зал. Джонокъ
Зал. Инчензы
Бух. 8мк Кораблей
Суанцайгоу
Ст. Инчензы
Бухта Галіенванъ
Зал. Викторія
Талангоу
Луйдзятунъ
Г. Юнилаза
Г. Зеленыя
Пер. Шининзы
Вайдзядензы
Г. Куинсанъ
Г. Вайтушанъ
Г. Дагушанъ
Хундзятунъ
Г. Сягушанъ
Лунвантанъ
Дальній
Цырго
Таушушанъ
Овъ Санчандю
Овъ Саншантао
Овъ Айронъ (Іяоп.)
Бух. Луиза
Сюйшуннъ
Ст. Городъ
Бух. Голубиная
Нов. городъ
Г. Золотая
П. Артуръ
Тигровка
Бѣлый Волкъ
Лѣотѣшанъ
Бух. Тахе
Кепъ
Овъ Мяо-Дао
Портъ-Артуръ
Кр. Кр.
Инт. Склады
Кв. Бѣлаго
Кв. Стесселя
Кв. Смирнова
Каз. 9го полка
Мельница Тифонтая
Воен. собраніе
3я бат. 3го дивизіона
П-арт. св. госпиталь
Шт. Крѣпости
Кв. Кондратенко
Бат. Г. Перепелка
Соборъ
д. Намѣстника
Садъ Этажерка
Гауптвахта
Казармы 10го полка
Кв. Волкова
Портъ
Вост. бассейнъ
Озеро Прѣсное
Новый Городъ
Зап. бассейнъ
Бат. Суворовская
Тигровый Хвостъ
Бат. №9.
Г. Золотая
утесъ Электрическій
Дачныя мѣста
40
39
38
120
121
122
123

H15 -126

Портъ-Артуръ
съ фортами и укрѣпленіями

(во время русско-японской войны 1904-1905 г.г.)

ПРОВЕРЕНО КОМИССИЕЙ
Июль 1934 г.